

история/география/этнография

Лики Срединного царства

Алексей Бокщанин
Олег Непомнин

Л ИКИ

Срединного царства

Занимательные и познавательные
сюжеты средневековой
истории Китая

Алексей Бокщанин
Олег Непомнин

Ломоносовъ
издательство

Алексей Бокщанин
Олег Непомнин

Лики Срединного царства

Занимательные
и познавательные сюжеты
средневековой истории
Китая

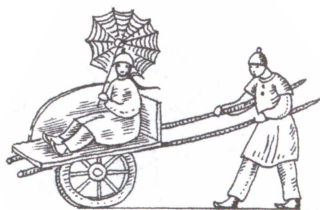
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(510)06-07
ББК 63.3(5Кит)
Б78

*San Bu
Vilantus & Kali*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-120-5

© Непомнин О. Е., 2015
© Бокшанина Ж. А., 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Н. С. Гумилев

Слово к читателю

У вас в руках сборник рассказов и очерков по средневековой истории Срединного государства, то есть Китая. Здесь нет вымышленных персонажей и выдуманных сюжетов. Все в этой книге подлинно — и ее герои, и их страсти, и события, и детали быта. Мы отобрали наиболее интересные эпизоды прошлого и попытались изложить их живо и занимательно. Эта книга для тех, кто любит историю. Кто интересуется Китаем. Кто преподает и изучает историю. Мы адресуем ее учителям школ и гимназий. Преподавателям колледжей и вузов. Студентам, аспирантам и абитуриентам. Интеллигентам — «физикам» и «лирикам», просто рядовому читателю — «человеку с улицы».

Отсюда и разнообразие жанров: очерк, живой рассказ, яркая миниатюра, психологический портрет, романизированная биография, эмоциональное повествование, — словом, мы приемлем все жанры, кроме скучного. Перед читателем разворачивается красочная панорама далеких событий, мир реальных людей, галерея ярких исторических личностей, сильных характеров.

В центре внимания — «смертные и грешные люди». Императоры, «канцлеры», временщики и министры. Полководцы и сановники. Узурпаторы трона и основатели новых династий. Мятежники, повстанческие лидеры, крестьянские вожди. В книге есть яркие эпизоды борьбы за власть — придворные интриги, противостояние дворцовых группировок, свержение правителей и расправы с побежденными. Среди наших героев и выдающиеся путешественники, в том числе европейцы — первооткрыватели Востока для Запада.

Много места уделено военной тематике. Завоевания и набеги. Войны и походы. Битвы и осады. Морские экспедиции и сражения. Героические и кровавые страницы освободительных, крестьянских и религиозных войн.

Знакомясь с бытом и нравами средневекового Китая, подробностями придворной жизни с ее церемониалом, роскошью, гаремами, кухней и костюмами, читатель сможет почувствовать специфику страны, дух того времени — его неповторимый аромат.

Мир традиционного Китая огромен и многолик, а его история XIV–XVIII веков — гигантское и яркое полотно. Мы стремились показать исторический поток в его красочном и полнокровном течении. Поэтому, говоря о фактах достоверных, прибегали к свободному построению сюжетов, старались писать образно и эмоционально.

Как писали братья Эд. и Ж. де Гонкуры: «История — это роман, бывший в действительности». Ряд сюжетов и некоторых персонажей этого «романа» мы и представляем на суд читателя. А чтобы читателю легче было мысленно перенестись в далекий Китай, мы предлагаем ему совершить «путешествие» в эту таинственную страну через всю Азию — от Срединного до Желтого моря и увидеть «по дороге» средневековый Восток во всем его многоцветии и разноголосице.

Часть первая Путешествие в страну Хань

Восток неведомый и загадочный

Ты, Азия, — родина родин!
Вместилище гор и пустынь...
Ни с чем предыдущим не сходен
Твой воздух — он огнен и синь.

А. Ахматова

Христианский Запад вплотную столкнулся с Востоком во время Крестовых походов. Неприглядной и скудной была средневековая Западная Европа. Ее терзали периодические неурожаи, высока была смертность. Кругом грязь. Блохи, вши и клопы кишели в домах горожан, даже богатых. Зачастую выгребных ям во дворах не было, а экскременты просто выбрасывались на улицы, наполняя собой сточные каналы с нечистотами. Все эти очаги заразы порождали эпидемии страшных болезней. Самой грозной из них была чума, или «черная смерть». Только в середине XIV века она унесла почти треть населения Европы.

Запад был не только беден, но и крайне ограничен в пространстве. Азия теснила тогдашнюю Европу с двух сторон — с юга и востока. Юг Иберийского полуострова занима-

ла арабская страна Аль-Андалус — государство Альмохадов. С востока подступали кочевые народы — печенеги, а затем половцы — они стояли у низовьев Дуная. В XIII веке на востоке Европу прикрывали христианские государства — Русь, Болгарское царство на Дунае и Латинская империя — государство крестоносцев. У впадения Камы в Волгу (Итиль) лежало тюркское ханство — Булгария со столицей Булгаром. К югу от Руси, от устья Дуная до Иртыша, от Крыма до Булгарии Волжско-Камской, простирались бескрайние степи и лесостепь. Именовали их Дешт-и-Кипчак, то есть Кипчакские (Половецкие) степи. Здесь одни кочевники сменяли других: хазары, затем печенеги и, наконец, половцы. На Западе половцев называли команам, а владения их ханов — Команией. Далее на восток лежала страшная неведомая страна Татария.

У тогдашней Азии было два разных лица, существовало как бы «два Востока». Первый — это древние земледельческие цивилизации с высокой культурой, развитыми городами, ремеслами, торговлей, литературой, искусством и архитектурой. Речь идет о Китае, Индии, Иране, странах Ближнего Востока, Корее, Японии, Вьетнаме. Второй — это мир степей и скотоводов, воинственных кочевников. Через всю Азию и часть Европы — от Маньчжурии до Дуная пролегла полоса бескрайних пастбищ, так называемая Великая Степь — зона кочевников. На ее восточном конце лежал Китай, на западном — Русь. С переходом к ранней государственности разрозненные кочевья и племена объединялись в орды завоевателей. Кочевник — это «степной волк» средневекового Востока. Рано или поздно соседнюю земледельческую цивилизацию поражала «болезнь» — феодальная раздробленность, внутренние междоусобицы или очередной династийно-демографический кризис. Тогда наступало торжество кочевника. Как волк на заболевшего оленя, бросался он на ослабевшую цивилизацию и рвал ей горло. Земледельческая страна становилась жертвой дикой орды. Этот «второй» Восток нес разорение «первому»: разграбление и гибель городов, уничтожение населения, угон людей в рабство, упадок земледелия, ремесла и торговли, гибель культурных ценностей. Русь была как бы границей между ними.

В XIII столетии христианская Русь являлась частью европейской земледельческой цивилизации. Уверенно развива-

ясь по западным стандартам, она вступила в неизбежную для европейской эволюции полосу феодальной раздробленности. Некогда единая Киевская Русь распалась на тринадцать самостоятельных государств — десять княжеств, две республики и Вятскую землю. В княжествах сохранялся строй вечевой демократии. Во всех крупных городах вече, то есть народное собрание, сочеталось с властью князей. Их зачастую приглашали и прогоняли по воле веча. В двух республиках — Новгороде и Пскове — все решало всевластное народное собрание.

На свою беду Русь находилась на самой далекой окраине Европы — на границе с Востоком, по соседству с Великой Степью. Когда из глубин Азии на Европу двинулись дикие полчища завоевателей во главе с Бату — внуком Чингисхана, эта близость к кочевому миру стала для русичей роковой.

В 1236 году орды Бату вторглись в Восточную Европу, дабы выполнить завет Чингисхана — покорить весь Запад и «дойти до последнего моря». Первый удар Орда обрушила на Волжско-Камскую Булгарию. Это государство тюркомусульман существовало здесь в течение пяти столетий. Булгары создали высокую цивилизацию с городами, развитыми ремеслами, металлургией, земледелием, письменностью, литературой и искусством. Булгары явились предками, а их цивилизация — основой культуры татар Поволжья. Отважные булгары героически защищали свою страну. Пять лет (1236—1241) потребовалось Орде для покорения Булгарии, четыре года (1237—1240) для ликвидации многочисленных половецких ханств в Дешт-и-Кипчак, завоевания аланов и черкесов.

Затем Бату начал поход против христианской Европы. И первой жертвой кочевых орд стала Русь. Ее сгубила феодальная раздробленность. Десять русских князей не смогли объединиться перед лицом врага, захватившего Северо-Восточную и Юго-Западную Русь. Диктат Орды не распространился на Западную Русь — Галицко-Волынское княжество, формальным оказалось и добровольное подчинение хану двух республик — Новгорода и Пскова. В боях с булгарами, русскими, половцами и другими народами Восточной Европы Орда понесла тяжелые потери. Это ослабило ее удар по странам Центральной Европы. Оставив за собой разоренные города, пожарища и груды трупов, Бату в 1241 году двинулся

на запад. В боях с поляками, чехами, словаками и венграми кочевники утратили свой наступательный порыв. Бату был вынужден уклониться от столкновения с войсками чешского короля. Силы Орды оказались недостаточными для выхода к «последнему морю». Ордынский блицкриг провалился. Под благовидным предлогом Орде пришлось убраться в половецкие степи. Своим яростным сопротивлением булгары, русские, венгры и славяне Центральной Европы спасли Запад от разорения и рабства. После неудачного похода Бату в 1243 году создал в степях свое государство со столицей в низовьях Волги.

С тех пор Орда именovala себя по-разному — то Великая, то Белая, то Синяя. Русские князья почему-то называли ее Золотой. Расположилась она на землях половцев, булгар, башкир, угро-финнов Поволжья и степняков Прииртышья. Сюда же вошли Крым и Северный Кавказ. Орда как отсталое кочевое государство, жившее во многом за счет дани и работорговли, стала паразитом на теле покоренных народов — прежде всего русских и булгар. Кочевая отсталая Азия в очередной раз — после хазар, печенегов и половцев — укоренилась на юго-востоке Европы.

Русь сохранила свою государственность и в состав Орды не вошла. Ни одно из крупных русских княжеств не исчезло с лица земли. Князья попали в зависимость от хана, а население должно было платить ему ежегодную дань — «ордынский выход». Взимание дани и увод в рабство неплательщиков и пленных разорили и обескровили Русь. Ежегодно длинные вереницы русских и других народов завоеватели гнали через степи в Крым для продажи на невольничьих рынках. Над страной опустилась страшная ночь чужеземного ига.

Покоренная дикой кочевой ордой, Русь оказалась отрезанной от западной цивилизации, подпав под власть восточного деспотизма. Чужеземное иго покончило с вечевым строем. Отныне князья получали власть не на площади — от народного собрания, а стоя на коленях в ханской юрте, ибо теперь хан давал им «ярлык» на княжение. Вечевой строй сохранился только в двух республиках — Новгороде и Пскове, а также в Вятской земле. Ордынское иго стало тормозом развития Руси и причиной ее отставания от Западной Европы. Оно

круто изменило линию русской истории, отбросив Русь назад, насадив здесь «азиатский дух» и «ханское» самодержавие — сначала князей, а затем и царей, дикость ордынских нравов. В России сложилась смешанная — полувосточная, полувосточная — цивилизация. Европейский вариант развития был пресечен. Русь перешла на «восточный путь», а само ордынское иго стало трагедией и проклятием ее истории.

Русь монголы называли Урус, а ее жителей — урусами, урусутами, олосами, алосами или улосами. Урусы служили по набору в войсках ханов Золотой Орды. Они принимали участие в военных экспедициях и походах в составе вспомогательных отрядов, поставляемых князьями по требованию хана. Иногда князья со своими дружинами добровольно нанимались к хану на службу. Тогда же русские появились и в Монголии. Одни приходили сюда по своей воле, других приводили как пленных.

Из пленных завоеватели отбирали молодых и сильных и угоняли их в Страну Великого хана — империю Юань. Здесь из них формировали особые полки гвардии хагана. В рядах лейб-гвардии первого монгольского императора Китая Хубилая (правил с 1271 по 1294 год) наряду с корпусами из монголов, китайцев, тангутов, половцев и других народностей имелся и десяти тысячный корпус копейщиков-урусотов. Командовал им суздальский князь Григорий, чью преданность и отвагу Хубилай высоко ценил.

При внуке Хубилая русская гвардия была наделена землей к северу от Ханбалыка (или Даду) — так тогда назывался Пекин. Юаньский император Тог Тэмур (правил с 1329 по 1332 год) создал в рамках столичной гвардии русский полк, получивший название «Прославившийся верностью охранный полк из урусов». Его лагерь находился к северу от Ханбалыка. Рядом возникло военное поселение с земельными угодьями. В мирное время русские занимались крестьянским трудом. Когда полк сопровождал хагана в его поездках, воины обязаны были охотиться для него в горах и лесах, а также рыбачить. Посылали урусов и на облавную охоту, и на пограничную службу. В лагерь прибывали все новые и новые партии пленных русичей, коих записывали в полк. В его рядах насчитывалось несколько тысяч воинов.

Бежать из такого плена было очень трудно, а вернуться на родину — почти невозможно. Чтобы попасть на Русь, надо было пройти через бескрайние монгольские и половецкие степи. Такая попытка обычно кончалась новым пленом или гибелью. О судьбе русского полка после 1334 года ничего не известно. Что с ним стало? Был ли он втянут в межмонгольские распри? Разгромлен ли в постоянных междоусобицах или в боях с китайскими повстанцами? Или просуществовал вплоть до изгнания монголов из Китая в 1368 году? Ушел ли он в Монголию или в Маньчжурию? Осели там русские или разбредлись по бескрайним просторам Азии? Погибли ли они в боях с китайцами или же ассимилировались местным населением? Увы, это осталось загадкой истории!

Восток — средоточие древних цивилизаций, богатых городов и оживленной торговли — неотступно манил к себе жителей тогдашней Европы. На востоке лежала и Святая земля — Палестина со священным для христиан Иерусалимом, где находился Гроб Господень. Чтобы вырвать его из рук неверных, крестоносцы двинулись в Азию. Об этой части света тогдашние европейцы имели весьма смутное представление. Там, на Востоке, якобы находится райская гора Эдем. По склонам ее текут четыре великие реки — Тигр, Евфрат, Нил и Ганг. А дальше, за «Страной татар», начинается цепь чудовищных скал, образующих «конец света». За ними живут страшные народы Гог и Магог.

Крестоносцы столкнулись с незнакомым им миром ислама, миром Корана, мечетей, минаретов и медресе, миром мусульманского богословия и истовой религиозности, непонятной и враждебной христианству. Здесь центром Земли считались Мекка и Медина, а паломничество в эти города (хадж) — высшим подвигом благочестия. Каждый мусульманин стремился совершить здесь поклонение святыне Каабе и гробу пророка Мухаммеда.

Пришельцам из бедной, грубой и раздираемой войнами Европы Восток показался сказочно-прекрасным. Их поражало все: обилие высококачественных товаров, развитие ремесел и богатство здешних правителей. Они восхищались роскошными дворцами и великолепными банями, караван-

сараями, шумными базарами. Восточные города, такие, как Исфахан, Багдад и Каир, процветающие и многолюдные, вызывали у них восторг и удивление.

Нишая Европа буквально бредила несметными сокровищами Востока, слушая рассказы арабов о том, что правитель Явы хранит гору золотых слитков в неглубоком озере, кишашем крокодилами, что один индийский владыка ходит почти голый, но сплошь обвешан драгоценными камнями и крупным жемчугом. На Западе с придыханием говорили о рубинах, сапфирах, топазах и аметистах Тапробаны (Цейлона). О невиданном по размерам легендарном рубине здешнего царя, о его изумрудах и драгоценном жемчуге. Прекрасные восточные ткани завораживали европейцев. Роскошные парчовые, шелковые, хлопчатые, алые и голубые, золотые и серебристые, они шли нарасхват за большие деньги. Особенно нравился шелк. Дело в том, что он отпугивал вшей и блох, не давая им гнездиться в складках одежды. Восток славился экзотическими пряностями — корицей, гвоздикой, кардамоном, имбирем, шафраном и мускатным орехом. Эти восточные специи, продававшиеся по баснословно высоким ценам, применяли не только в кулинарии, но и для консервирования мяса, и приготовления лекарств.

С мусульманского Востока в Европу шла драгоценная монета — золотые динары и серебряные дирхемы, знаменитый золотой безант — своего рода «доллар Средневековья». Из Багдада поступала золототканая парча, из Сирии и Египта — шелковые ткани. Тончайший шелк — муслин привозили из Мосула. Жемчуг — из Тебриза и Багдада, из Индии и Цейлона. Рубины — из Бадахшана, благовония — из Аравии, фарфор и шелк — из Китая, индиго — из Индии, ковры — из Хорасана. Сахар поступал из Египта, финики — из Ирака, изюм — из Хорезма, хлопковые ткани — из Бухары. С Востока в европейские страны везли ревеня и мускус, ладан, нард, мирру, алоэ и амбру, драгоценные сорта древесины — сандал, эбен и камедь.

В то же время европейцев пугала военная мощь Востока, где сталкивались стотысячные армии. На этом фоне войны и битвы средневековой Европы казались мелкими стычками.

Сушей и морем в Страну Великого хана

В Западной Европе с уходом полчищ Бату-хана на Волгу прошел первый страх перед грозными пришельцами из глубин Азии. Тогда было решено использовать очередных завоевателей как возможных союзников в борьбе с сарацинами — исламскими правителями стран Ближнего Востока. Европейцы верили, что в сердце Азии — в «Стране татар» существует христианское государство во главе с первосвященником Иоанном. Именно с пресвитером Иоанном, таинственным христианским государем, они связывали надежды на союз с монголами против мусульманского мира.

После монгольских завоеваний государства Чингисидов раскинулись на огромных пространствах Востока. В XIII столетии они простирались от устья Дуная до берегов Желтого и Южно-Китайского морей, от сибирской тайги до границ Индии, от Евфрата до Кореи (Гаоли).

Гигантская империя преемников Чингисхана состояла из четырех государств — улуса Великого хана со столицей в Ханбалыке, Чагатайского улуса со столицей в Самарканде, государства Хулагуидов (ильханов) со столицей в Тебризе и Великой (Синей, Белой) Орды (улус Джучи) со ставкой в Сарай-Бату. В улус Великого хана (империя Юань) входил и бывший улус Угэдэя со ставкой в Каракоруме (Хара-Хорин), столице державы Чингисхана.

Эту огромную империю пересекали безопасные торговые пути. Ими-то и воспользовались европейские купцы, чтобы добраться до Китая. В его тогдашней столице Ханбалыке были три гостиницы для европейских купцов — ломбардцев, немцев и французов. Сведения, оставленные этими путешественниками, легли в основу первых реальных знаний средневековой Европы о Центральной Азии и Дальнем Востоке.

Перед пришельцами с Запада постепенно раскрывались ворота Азии. Вставали украшенные цветными изразцами мечети с минаретами, величественные индуистские храмы и загнутые кровли буддийских пагод, напоминая, что Восток — центр всех мировых религий, а также конфуцианского учения. Идеи Мухаммеда, Будды и Конфуция служили основами ве-

ликих цивилизаций. На их заповедях строилась жизнь общества. На их заветах покоились незыблемые вековые традиции. Каждая из религий Востока несла яркие и неповторимые черты своей цивилизации.

Бескрайние просторы Азии, ее гигантское население и богатые города потрясали воображение европейцев и в Средние века, и в Новое время. Наполеон в свое время писал: «Европа — это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих империй и великих революций, как на Востоке, где живут шестьсот миллионов людей».

По суше средневековую Азию с запада на восток пересекал Великий торговый путь, который представлял собой целую сеть маршрутов. Начинались они в Восточном Средиземноморье, от стен Антиохии и Дамаска. Через Сирию они следовали в Северный Иран, а оттуда в Среднюю Азию. Этот путь существовал много столетий. До сих пор на его иранском отрезке сохранилась цепочка колодцев и водоемов для караванщиков.

По просторам мусульманского Востока одни караваны двигались на север — в Закавказье и далее — к Русскому (Черному) морю, другие на юг — к Индии, третьи на запад — к Византии. Самый северный маршрут начинался от берегов Суружского (Азовского) моря, пересекал Итиль (Волгу) и огибал с севера Абескунское, или Хвалынское, море (Каспий). Дальше караваны обходили либо с севера, либо с юга Хорезмское (Аральское) море, затем через Мавераннахр и горные перевалы прибывали в Кашгар. Маршрут, проходивший южнее Каспия и через верховья реки Джейхун (Амударья), вел в Восточный Туркестан, а оттуда — в Китай.

Дабы обезопасить себя от нападений бандитских шаек, купцы собирались в большие караваны. Иные насчитывали тысячи вьючных животных — верблюдов, мулов, ослов и яков, не одну сотню погонщиков, десятки профессиональных караванщиков. Купцов с их подручными сопровождала многочисленная вооруженная охрана. Преобладали богатые купцы и торговцы-оптовики. Они ехали на верблюдах. Двугорбые верблюды с тюками в полосатых или ковровых чехлах, связанные волосяными веревками за хвосты и ноздри, шли мерным шагом. Зачастую к караванам присоединялись

попутчики — паломники, дервиши и путешественники. Передвигались они пешком или на ослах. Неторопливый шаг верблюдов, однообразный звон подвешенных к их шеям бубенцов. Недели утомительного пути по полынным и ковыльным степям, по безводным пескам и солончакам, по такырам и каменистым пустыням. Бесконечные переходы от одного колодца к другому под неумолчный рев верблюдов и ослов, под унылые песни погонщиков и крики караван-баши. Караваны двигались на восход — к Самарканду. Тамерлан сделал этот город своей столицей, великолепно отстроил и украсил, назвав «центром Вселенной». По мере приближения к Бухаре и Самарканду караванные маршруты постепенно сливались друг с другом. От Памира до китайских городов этот путь, становясь все уже и уже, образовывал единый проход.

Средневековые арабы считали, что от Красного моря до Китая по суше двести дневных переходов. На самом же деле это путешествие растягивалось на два-три года по многим причинам. Частые войны между государствами и насилия местных правителей вынуждали купцов либо останавливаться и выжидать наступления благоприятной обстановки, либо продвигаться обходными, дальними маршрутами. Многие горные проходы на полгода и больше становились закрытыми из-за бурь и снегов.

Путников поджидали тяжелые испытания: жажда, усталость и голод, зыбучие пески, обжигающий ветер и стужа, разбойные нападения, опасность попасть в рабство. Бескрайние безлюдные пространства Азии вселяли в человека безотчетный страх перед бесконечностью и чувство незащищенности. Особый ужас вызывала пустыня с ее поющими песками. Под ногами людей и верблюдов пески гудели, пели и плакали, сбивая с пути. Путнику слышались стоны и вздохи укоризны, казалось, что это — предостережения таинственных сил о грозящей опасности, голоса злых гениев — джиннов или погребенных под песками городов. Душевная усталость и болезненная тоска охватывали путешественников, а миражи сводили их с ума.

От Бухары и Самарканда через холодные ущелья Северного Памира путники попадали в Восточный Туркестан — в Кашгар и Яркенд. Пустыню Такла-Макан караваны огибали с се-

вера и с юга. Оба эти маршрута сходились у озера Лобнор. Далее путь шел южнее монгольских степей — по южной границе пустыни Гоби. Этот отрезок Великого торгового пути был самым трудным. Здесь часто гибли путники. Затем, двигаясь южнее Великой Китайской стены к верховьям реки Хуанхэ, караваны прибывали в Срединное государство — Китай, издревле известный как «страна шелка». По тем же караванным маршрутам в обратном направлении купцы везли в Переднюю Азию тюки шелка. Поэтому этот трансконтинентальный торговый поток именуют Великим шелковым путем.

Риск здесь был велик, но зато и прибыли огромны. Так, один из мусульманских купцов по возвращении из Китая удивил современников своим богатством. Бассейн для омовения в Мекке он выложил золотыми листами. Большой торговый оборот и сказочные доходы делали эту международную артерию яблоком раздора. Из века в век правители Востока вели между собой борьбу, а то и кровавые войны за господство или же за контроль над этим источником небывалых прибылей. Овладеть этой ценнейшей торговой артерией стремились и Чингисхан, и Тамерлан.

С юга средневековый Восток опоясывал Великий морской путь. Эту сеть корабельных маршрутов еще с III–IV веков освоили персидские мореплаватели и купцы, за ними индусы, а с VII столетия здесь господствовали арабские моряки и торговцы.

От Египта по берегам Красного моря путь вел к Адenu. Отсюда корабли с попутным ветром пересекали Аравийское море и шли вдоль западного — Малабарского — побережья Индии к Цейлону, а от него — к Суматре. Затем, огибая Малайский полуостров, мореходы поворачивали на север, к берегам Кампучии, Вьетнама и Южного Китая. На земле Срединного государства морской торговый путь соединялся с Великим шелковым. Идя на север вдоль китайского побережья, мореходы и купцы достигали Кореи — Страны утренней свежести, а оттуда путь лежал в Страну восходящего солнца — Японию. Немало арабов жило в портах Китая и Кореи. Уже в VIII столетии в Гуанчжоу возникла большая колония мусульманских купцов.

С развитием этой навигации начал хиреть и приходиться в упадок Великий торговый путь по суше. С распадом огром-

ной монгольской державы Чингисхана наступил закат «золотого века» межконтинентальной торговли. Конфликты, войны и нападения на караваны, притеснения купцов местными правителями сделали свое дело. Сухопутная дорога, связанная с трудностями и риском, стала проигрывать в соревновании с морской, более быстрой, дешевой и безопасной. Вереницы тихоходных верблюдов, мулов, ослов и яков не смогли соперничать с легкокрылыми парусниками. Корабли арабских, персидских, индийских и китайских купцов и мореходов овладели Великим морским путем от Месопотамии до Кореи. Однако все это произошло позднее, а в XIII—XIV веках Великий торговый путь по суше процветал.

По нему в столицу Юаньской империи Ханбалык устремились европейские купцы — итальянцы, немцы и французы, а вместе с ними и христианские миссионеры. Одни европейцы попадали в Пекин через Орду и Чагатайский улус. Другие шли через государства Хулагуидов. Третьи прибывали в улус Великого хана, то есть Китай, морем.

Китайцы никогда не именовали свою родину Китаем, они называли ее Страна Хань, а народ — «люди Страны Хань» (ханьжэнь, ханьцзу) по названию притока Янцзы — реки Хань и династии Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.). Под Страной Хань позднее понималась огромная территория: с севера ее ограничивала Великая стена, с юга — горы и джунгли Индокитая, с востока — океан, а с запада — предгорья Тибета и верховья Янцзы и Хуанхэ. Эта территория, или «восемнадцать провинций», считается Внутренним Китаем. Земли, находящиеся к северу и западу от Великой стены, условно именуются Застойным Китаем.

По представлениям древних и средневековых китайцев Вселенная строилась как господство безграничного круглого Неба над квадратной Землей. Серединой Земли была Страна Хань. Поэтому китайцы именовали ее Срединным государством (Чжунго), Срединной Цветущей страной (Чжунхуа) и Срединной равниной (Чжунь-юань), а себя — «людьми Срединного государства» (чжунго жэнь). Срединное государство считалось центром Земли и Вселенной, а также единственным средоточием культуры и носителем цивилизации. Все земли и страны за пределами Китая назы-

вались «варварскими», их население — «варварами четырех стран света»: «восточные варвары», «северные», «западные», «южные» и «юго-западные варвары». К ним относились Русь и остальные страны Европы и Азии, в том числе Япония и Корея.

Небо для китайцев выступало олицетворением высшего божественного начала. Священное Небо распространяло свою благодать на Землю, создавая на ней все живое. Китайцы, находившиеся, как они полагали, под защитой и опекой Неба, называли свою страну Поднебесной империей, Поднебесным государством (Тянься), что имело священный смысл. У Китая было еще одно сакральное наименование — Небесная династия (Тяньчао). Перед официальным названием династии ставилось определение «Великая» (Дай, Да) — Дай Мин чао (Великая династия Мин), Да Цин чао (Великая династия Цин). Кроме того, встречаются и разного рода образные названия — Восточная Заря (Чжэньдань), Девять областей, Государство четырех морей, Страна озер и др.

О Китае в Европе узнали в I веке н. э., когда в Римскую империю оттуда стали привозить шелковые ткани. Их называли «серикум», а самих китайцев «серами», то есть «людьми шелка», «шелковыми людьми». Тогда же страна Серики появилась на европейских географических картах. Из далекой Серики в римские владения пролегли торговые маршруты. После падения Рима наследницей шелковой торговли стала Византия.

В средневековой Европе Китай именовали по-латыни Сина, по-немецки — Хина, по-французски — Шин. Считается, что эти названия происходят от китайской династии и империи Цинь (255–206 годы до н. э.). Английское наименование Чайна со временем стали связывать с китайским словом «ча», то есть чай. Чайна стала восприниматься как «Страна чая».

Слово «Китай» происходит от названия монгольских племен «кидань». В X столетии кидани создали государство Ляо («Железное») на северных землях Китая и к северу от них — от Маньчжурии до Тяньшаня. В русский язык слово «кидани» (китаи) перешло от соседних тюркских народов. Так на Руси Срединное царство стало именоваться «Китаем». Минский Китай, или империю Мин, в Московском государстве

называли Никанским царством, а Цинскую империю — Богдойской землей.

В XIII столетии Китай, как и Русь, постигла небывалая по масштабам разрушения трагедия — монголо-татарское иго. В 1271 году Хубилай — внук Чингисхана провозгласил себя императором династии Юань, а в 1279 году завершил завоевание Китая. С установлением монгольского господства Поднебесную в Европе стали именовать Страной Великого хана.

Для тогдашних европейцев Срединное государство — Страна Великого хана была особым, ни на что не похожим миром, иной культурой и цивилизацией. Китай подарил человечеству четыре великих изобретения — магнитный компас, порох, бумагу и фарфор. Оттуда на Запад поступали шелк и чай. Уже тогда Срединная империя была самой населенной страной. Здесь велись наиболее массовые и жестокие войны и создавались самые изысканные стихи. Эта страна славилась своей Великой стеной и своим Великим каналом. Ее гигантские размеры и огромное население будоражили умы. Экзотика Срединного царства, его культура и неповторимый облик восхищали европейцев.

Как европейцы пришли в Срединное государство

В 1515 году в гавани Тамао у берегов южнокитайской провинции Гуандун близ города Гуанчжоу (Кантон) бросил якорь корабль португальского капитана Жоржа Альвареша. Пришельцы повели себя решительно и, не утруждаясь сомнениями относительно принадлежности данной земли, водрузили здесь столб с португальским гербом, что можно было истолковать как претензии на подчинение этих земель португальской короне. Альвареш приплыл сюда из порта Малакка, который незадолго до этого, в 1511 году, был захвачен португальцами, став опорным пунктом для дальнейшего закрепления их позиций на Дальнем Востоке. Очевидно, Альвареш должен был лишь выяснить, какие земли лежат к востоку и северо-востоку от Малакки, и не имел заранее обдуманно-

го намерения идти именно в Китай. Как можно предположить, он не искал контактов с местными властями, поэтому его визит не отмечен в китайских летописях.

Видимо, по таким же причинам не отражено в официальных документах и прибытие годом позже корабля Рафаэля Перестрелло — итальянца на португальской службе. В 1517 году к Тамао подошла целая флотилия: пять португальских кораблей и четыре малаккских судна под командованием Фернао д'Анраде. На этот раз португальцы намеревались вступить в официальные отношения с китайскими властями, что, естественно, было зафиксировано китайскими источниками. Китайцы называли португальцев «фуланьцзи», что является транскрипцией слова «франки», которое употреблялось для обозначения европейцев задолго до описываемого времени. Однако ясного представления о том, откуда они взялись, у китайцев не было. В летописях отмечается, что португальцы обитают где-то близ Малакки, что они захватили этот город, изгнав местного властителя, и что только после прибытия кораблей д'Анраде о них стало известно в Китае.

Но португальцы не были первыми европейцами, приплывшими к берегам Китая. Связи между дальневосточной, китайской цивилизацией и средиземноморским миром имели к тому моменту более чем полуторатысячетную историю.

Самыми ранними сведениями о появлении в Китае людей из римского мира можно считать сообщение о прибытии к императорскому двору жонглеров из Ликии примерно в 100 году до н. э. Взаимный поиск непосредственных контактов был предпринят на рубеже I—II веков. В 98 году н. э. посланец китайского полководца Бань Чао, пришедшего с войском в Среднюю Азию, направился в государство Дацинь — Римскую империю. Но нарочито сбитый с пути парфянами, заинтересованными в посреднической торговле между Западом и Востоком, он дошел лишь до реки Евфрат. В свою очередь, в трудах античных географов Марина Тирского и Птолемея есть записи о купце-македонянине Месе Тациане, чьи помощники знали сухопутные дороги в Китай и поддерживали связи с китайцами, приходящими в Среднюю Азию приблизительно в 100—105 годах.

В 120 году при китайском дворе вновь появляются музыканты и циркачи-фокусники из страны Дацинь, прибывшие через Индию, Бирму и Юго-Западный Китай. Этот торговый путь также был известен в древности, но функционировал менее интенсивно, чем Шелковый, из-за труднопроходимых горных цепей. Эти люди, скорее всего, были выходцами с Ближнего Востока, являвшегося тогда частью Римской империи. Название «Дацинь» первоначально ассоциировалось в Китае именно с этим регионом, поскольку детального представления о составе и размерах Римской империи здесь еще не было. Эти знания пополнились, когда в 166 году у берегов Китая появился человек, пришедший морем через Вьетнам, имя его не сохранилось. В китайских источниках он именовался первым послом из страны Дацинь. Несомненно, это был римский гражданин, поскольку он назвал своего государя Антонином. Скорее всего, это был купец из восточных римских провинций, принятый в Китае за посла, так как в римских документах нет сведений о снаряжении посольства на Дальний Восток, а «дань», которую он, как полагалось послу, представил китайскому двору, состояла из товаров, закупленных в странах Южных морей, но не привезенных из Рима.

В 226 году, когда Китай был расколот на несколько государств, к властелину юго-восточного царства У прибыл человек из Дацинь, который также был принят как посол, хотя таковым не являлся. Государь У направил с ним в подарок римскому императору 20 карликов. Первая же римская посольская миссия посетила Китай в 284 году. Возглавляли ее некие Гаркалий и Теодор из Византии, а послана она была римским императором Пробом (правил в 276—282 годах). Есть косвенные данные, что после раскола Римской империи на Западную и Восточную (Византию) последняя не раз, хотя и не часто, направляла свои посольства в Китай. Но более точных сведений на этот счет нет ни в византийских, ни в китайских источниках.

В 636 году из византийской Сирии в Китай приезжает монах-несторианец Рубэн (или Раббан), который был благожелательно встречен при императорском дворе. Вскоре в Китае образуется исповедовавшая несторианскую версию

христианства община, просуществовавшая здесь до 845 года. В VII—IX веках, во времена империи Тан, значительно расширившей свои западные пределы, связи Китая с Восточным Средиземноморьем — Византией, арабским и христианским Ближним Востоком — становятся более интенсивными. Они развиваются как по Великому шелковому пути, так и по морю — от юго-восточных берегов Китая до Персидского залива и Красного моря. Но поскольку это были в основном частные торговые контакты, они не получили подробного описания в официальных источниках. Есть только записи о посещении Китая христианским монахом (имя не сохранилось) в 980 году.

Интерес средневековой Европы к Китаю установился в связи с возникновением в Азии обширной Монгольской империи, представлявшей серьезную угрозу для европейских стран. В середине XIII века папский престол и короли направляют в ставку Великого монгольского хана, владевшего к тому времени северной половиной Китая, ряд миссий: Плано Карпини (1246 год), Андре Лонжюмо (1249—1251 годы), Виллема Рубрука (1253—1255 годы). Но все они посещали лишь ставку хана — Каракорум в Монголии — и не ходили непосредственно в Китай. Тем не менее в оставленных ими записках есть сведения и о китайцах. В самих же китайских пределах во времена господства здесь монгольских завоевателей побывали в 1269 году венецианские купцы — братья Никколо и Маттео (Маффео) Поло. В 1271—1292 годах они вновь побывали здесь вместе с сыном Никколо — Марко, ставшим знаменитым благодаря своей книге об этом путешествии. На этот раз они прибыли в Китай как официальные лица — посланцы римского папы и были приняты при дворе Великого хана, переместившемся к тому времени в Пекин (Ханбалык). Марко Поло, выполняя служебные поручения монгольского двора, имел возможность объехать множество китайских городов и весей. Все это он подробно описал в своей «Книге», обогатив европейцев подробными и довольно точными сведениями о Китае.

Вслед за Поло в 1293 году в Китай прибыл посланец папы францисканский прелат Джованни Монтекорвино, проживший здесь до самой смерти в 1328 году. Его можно считать

первым миссионером — распространителем римско-католической веры в Китае. Вместе со своими помощниками и сподвижниками — Пьетро из Лукалонго, Арнольдом из Кельна и неким хирургом из Ломбардии — он построил христианский храм в Пекине, окрестил около 5 тысяч китайцев, в том числе и самого монгольского хана и одновременно китайского императора У-цзуна. Надо, конечно, учитывать, что при традиционном синкретизме китайцев обращение их в христианство не влекло за собой отказа от других привычных и исконных верований и обрядов. Но активная миссионерская деятельность служила сближению дальневосточной и средиземноморской культур.

В 1307 году папа назначил Монтекорвино «архиепископом всего Китая» с резиденцией в Пекине, предполагая создать семь или десять епископатов. Для этого папский престол направил в Китай группу своих представителей, но дошли сюда только трое из них. Все они последовательно занимали епископскую кафедру в единственном, помимо Пекина, епископате Цюаньчжоу (крупный портовый город того времени). Известно имя лишь одного из них — Андреа из Перуджи. Усилиями Монтекорвино в Китае в начале XIV века было основано несколько францисканских монастырей: три в Пекине и по одному в Цюаньчжоу, Ханчжоу и Янчжоу. Есть краткое упоминание о том, что Монтекорвино удавалось поддерживать связь с Италией через венецианских купцов, прибывавших в Китай через Кафу (Феодосию). Это дает возможность предположить, что земляки Марко Поло время от времени продолжали появляться в Китае.

В 20-х годах XIV века в Китае действовал еще один миссионер-францисканец — Одорико Маттиусси из Порденоне. Он, как и Марко Поло, описал свое путешествие в Китай, а также в Тибет, где побывал, очевидно, первым из европейцев. Он ссылается на «многих людей в Венеции», которые могут подтвердить истинность его рассказов. В 30-х годах в Китае пребывал некий «франк Андрей», который в 1338 году по велению Великого хана возглавил монгольское посольство к папскому двору. В ответ папа направил в Пекин миссию из 32 человек во главе с францисканцем Джованни Мариньоли, который прожил там примерно с 1342 по 1346 год и засвиде-

тельствование существование в столице великолепной епископской резиденции и множества церквей.

Впоследствии интенсивность миссионерской деятельности в Китае заметно спадает. Попытки назначить преемника Мариньоли не увенчались успехом. Последняя была предпринята в 1370 году, когда посланец папы Гильом Дюпре вместе с двадцатью спутниками пропал по пути в Пекин. Есть, правда, упоминание, что в конце XIV века архиепископский престол там занимал францисканец Шарль, француз по национальности, который много сделал для распространения христианства в Китае. Однако он не оставил преемников, и в 1384 году римский папа объявил об упразднении епископата в Пекине.

Главной причиной прекращения столь интенсивно развивавшихся связей европейские историки традиционно называют нежелание императоров династии Мин, утвердившейся в Китае в 1368 году, поддерживать контакты с далекими иноземцами. Однако дело здесь, конечно, не в нежелании китайских властей. Падение Юаньской империи окончательно сняло угрозу монгольского нашествия на Европу, чего так опасались папский престол и многие королевские дворы западных стран. Отсюда резкое падение заинтересованности самих европейских политических кругов в постоянных связях с Китаем. К тому же во второй половине XIV века на Ближнем Востоке быстро усиливается турецкая держава, которая становится непосредственной угрозой европейцам. Она перекрывает наиболее освоенный, сухопутный путь из Европы на Дальний Восток. Последним из европейцев, который посетил Китай до появления здесь португальцев, был венецианский купец Никколо Конти, путешествовавший по Востоку по своей инициативе в период между 1419 и 1444 годом и добравшийся до Нанкина.

За столетнюю паузу в западных странах вновь образовался информационный вакуум относительно Китая, а там, в свою очередь, потускнели представления о европейцах. Неудивительно, что Колумб и его спутники отправились искать за Атлантическим океаном прежде всего Индию, а не расположенный восточнее Китай. Неудивительна и та неосведомленность, которая была проявлена китайцами при появлении

у их берегов португальских кораблей. Китай как бы заново открывался европейцами. Вместе с тем эти «новые» европейцы имели совершенно иные цели, нежели их предшественники, посещавшие Китай. Это были не путешественники, не странствующие купцы, не христианские миссионеры. Это были предприимчивые искатели богатств Востока и конкистадоры, пытавшиеся закрепить там свои позиции.

Китайская официальная доктрина поддержания внешних связей предполагала неукоснительное признание всеми иноземцами априорного сюзеренитета императора над всеми прочими народами и государями. Поэтому привезенные д'Анраде дары — обычное явление в посольских отношениях того времени — интерпретировались в китайских документах и летописях как поднесение дани китайскому двору, а цели посольства трактовались как стремление испросить милостивого признания со стороны высокого престола. Последовало распоряжение: закупить по установленной цене «местные товары», доставленные португальцами, а самих их отправить обратно. Однако целью посольства д'Анраде было войти в контакт непосредственно с центральным правительством. Поэтому, как отмечено в китайских летописях, «те люди долго оставались и не уходили». Более того, сообщалось, что португальцы «грабили проезжих и даже хватали и поедали малых детей».

Португальцы действительно не спешили покидать берега Китая, подыскивая место для своей торговой фактории. С этой целью д'Анраде отправил один из своих кораблей на разведку вдоль юго-восточного побережья страны. Он также сумел договориться с властями провинции Гуандун о праве торговли в Тамао и непосредственно в главном морском порту на юге Китая — Гуанчжоу (Кантоне). Уходя, д'Анраде оставил миссию во главе с Томе Пирешем, на которого была возложена задача во что бы то ни стало попасть к верховному двору. Обстоятельства благоприятствовали этому. Император в то время предпринял путешествие в свои юго-восточные пределы. Путем подкупа Пиреш получил разрешение на прием к монарху. У посла были все шансы добиться цели, но португальцы помешали сами себе.

В 1518 году к берегам Гуандуна подошли корабли Симао д'Анраде — брата упоминавшегося Фернао. Его люди повели себя здесь как хозяева, не считаясь с местными властями. Как сообщают китайские хроники, пришельцы «стали еще больше грабить торговцев и добрый люд, строить дома и возводить укрепления, намереваясь надолго поселиться здесь». Это, естественно, рассердило китайцев. Императору напомнили, что султан Малакки, выражавший ему верноподданнические чувства, был изгнан португальцами с престола, за что они должны нести ответ перед Китаем. В результате императорским указом португальцам предписывалось возвратить Малакку законному владельцу, и посольство Пиреша было отослано от двора. Судьба посла и сопровождавших его людей не известна: по одним данным, их схватили и казнили в Гуандуне, по другим — посадили в тюрьму.

Конфликт с португальцами почти совпал по времени с обострением борьбы с так называемыми японскими пиратами у берегов Китая. Все это побудило китайские власти вновь ужесточить ограничение отношений с заморскими странами. Но местные власти, получавшие прямую выгоду от морской торговли, настаивали на смягчении запрета. К концу 20-х годов XVI века строгости были ослаблены для всех, кроме португальцев, которые своим поведением резко отличались от всех известных в Китае иностранцев. Тем не менее среди местных властей у них были и защитники. В частности, в конце 20-х годов военный губернатор южных провинций Гуандун и Гуанси Линь Фу подал пространный доклад, где доказывал преимущества легализации торговли с португальцами. Центральный двор согласился с его доводами. Как пишут китайские хроники, «с этого времени португальцам было разрешено заходить в гавань Сяншаньао (Макао) для ведения торговли, и их люди вместе с вьетнамскими купцами беспрепятственно ходили к провинции Фуцзянь и обратно». В 1535 году в городок Хаоцзин, недалеко от Макао, было переведено местное Управление торговых кораблей, которое регулировало торговлю с иностранцами. Через два года португальцам удалось получить место для «просушки товаров» в районе Макао, и, воспользовавшись этим, они возвели здесь свои склады.

После кратковременного ужесточения «морского запрета» в 1547–1549 годах португальцы, как сообщают летописи, вновь «стали своевольничать на морях без всякого опасения, а их торговцы стали даже строить здания и возводить стены в Сяншаньао и Хаоцзине, силой утверждаться на морском берегу, наподобие особого государства». В 1554 году коммодор Лионель де Суза сумел добиться официального дозволения китайских властей на доставку португальских товаров непосредственно в Гуанчжоу при условии регулярной уплаты торговых пошлин, а также на строительство поселения в районе Макао. В 1557 году португальцы с помощью подкупа закрепили за собой территорию Макао и в последующие годы возвели здесь город европейского образца с домами, дворцами, церквями, складами и крепостными стенами. Так возник первый колониальный анклав на китайской земле.

Однако китайское центральное правительство долгое время предпочитало не замечать этот факт (первые признания существующего положения появились в китайских документах лишь в 1614 году). Пошлины, которые по договоренности выплачивались португальцами, по-прежнему интерпретировались как «дань». До 1572 года эта «дань» оседала в карманах местного гуандунского начальства, но затем стала отправляться в столицу. В 1588 году был установлен ее размер — 501 лян серебром (1 лян равен 37 граммам). В начале 80-х годов XVI века португальцы, опять-таки с помощью такого хорошо отработанного средства, как взятка, добились от гуандунских властей права на организацию «самоуправления» в Макао. В городе появились градоначальник и Сенат из шести человек. Правда, при этом существовал еще пост управляющего городом от имени китайского императора, но после 1587 года его функции стали чисто формальными. Попытки же португальцев вступить в прямой контакт с императорским двором по-прежнему не удавались. Посольство 1552 года вообще не дошло до берегов Китая. Просьба разрешить миссионерскую деятельность в стране, поданная китайскому двору в 1562 году, также не имела успеха. Тогда португальцы пошли на хитрость, прислав свое посольство под видом малакканского. Однако она также была разгадана китайцами и провалилась.

Что же касается торговли, то, закрепившись в Макао, португальцы добились желаемого. В китайских летописях лаконично сообщается: «Когда иноземцы построили здесь город, то сюда стали собираться различные заморские иноземцы, которые вели здесь широкую торговлю, и число их доходило до более чем десяти тысяч человек, а местные (китайские) чиновники все были напуганы и не осмеливались ничего сказать, получая большие прибыли от их ценных товаров».

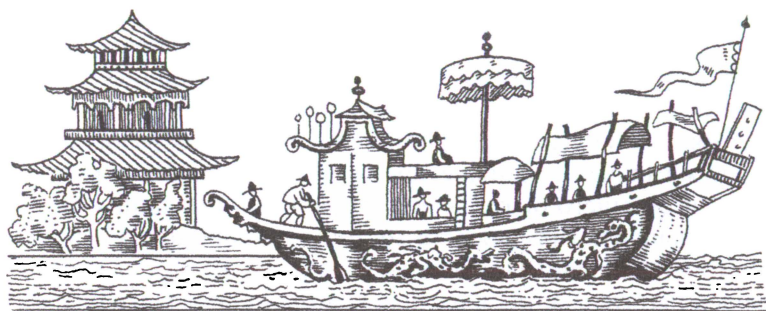
Вслед за португальцами к берегам Китая потянулись и другие европейские державы. В 1581 году в Гуанчжоу появился итальянец Маттео Риччи — иезуит, прибывший для возрождения здесь католической миссионерской деятельности. За ним на рубеже XVI—XVII веков прибывают и другие христианские проповедники. Однако европейцы шли сюда отнюдь не только с крестом, но и с мечом. В 1572 году испанцы, утвердившись на Филиппинах, пытались завязать официальные связи с Китаем как послы с острова Лусон. Перед этим они учинили на острове массовую резню китайских поселенцев — соперников Испании на Филиппинах, уничтожив 20 тысяч человек. С тех пор, как сообщают летописцы, испанцы «полностью перехватили выгоды от морской торговли из рук фуцзяньских и гуандунских купцов». В 1575 году в Китай прибыла официальная испанская посольская миссия во главе с Мартином де Радой, чтобы уладить последствия изгнания с Филиппин китайских колонистов в 1574 году. Это удалось, после чего были установлены обычные для иноземцев торговые связи с Китаем.

В 1595—1596 годах на Дальнем Востоке появились голландцы, прозванные китайцами «рыжеволосыми варварами». Они закрепились на Яве, а затем постепенно захватили остров Тайвань. Основанная в 1602 году голландская Ост-Индская компания вступила в конкурентную борьбу с португальцами за торговые выгоды и колониальные приобретения. Позже к этой борьбе подключились и англичане. Но это уже иная страница мировой и китайской истории.

Однако новое «открытие» европейцами Китая привело не только к усилению торговых и колониальных вторжений или же миссионерской деятельности, но и к расширению знаний об этой стране среди европейцев. В 1585 году испанец Хуан

Гонзалес де Мендоса опубликовал первый в Европе сводный труд о Китае под названием «История великого и могущественного Китайского королевства». В основу его легли записи более ранних португальских путешественников, торговцев и дипломатов. Именно этот труд, вместе со знаменитой «Книгой» Марко Поло, создал образ Китая у многих поколений европейцев конца XVI–XVIII века.

Часть вторая
Под властью
последней китайской династии.
Эпоха Мин

От монашеской кельи к трону —
путь Чжу Юаньчжана

21 октября 1328 года у крестьянина по фамилии Чжу и по прозвищу Пятьдесят Четвертый, из деревни Гучжуан, что примерно в пятнадцати километрах к северо-западу от современного города Фэнъян, родился третий сын. В детстве его звали Чунба, позже — Юаньчжан. Семья Чжу была небогатой. Отец арендовал участок у одного из землевладельцев, отдавая ему значительную часть урожая. Но все же удавалось сводить концы с концами. Мальчики подрастали и помогали в работе на поле. Нашлись даже средства на обучение: несколько месяцев Чунба ходил в местную частную школу, где усвоил азы грамотности, но писать по-настоящему еще не мог. Он любил играть со сверстниками, при этом явно стремясь верховодить. Шли годы, и Чунба превращался в коренного, широкоплечего юношу с запоминающейся внешностью. Сохранилось несколько его портретов. На одних, более льстивых, он изображен почтенным монархом, на других художники запечатлели черты отнюдь не благообразные. Судя

по ним и по сохранившимся описаниям, у Чжу Юаньчжана были скуластое лицо с заметно выдающейся вперед нижней челюстью, крупный нос, большие умные и в то же время злые глаза, густые брови. Незаурядная внешность по китайской традиции считалась признаком необычной судьбы, и в данном случае это вполне оправдалось.

Может быть, Юаньчжан так и прожил бы всю свою жизнь, занимаясь крестьянским трудом, если бы в 1344 году на его родные места — район реки Хуайхэ — не обрушились страшные бедствия: засуха и саранча. Начался голод, за ним — эпидемия. Народ вымирал, а оставшиеся в живых разбежались по чужим краям. Меньше чем за месяц Чунба потерял отца, мать и старшего брата. У его вдовы и двух младших братьев не нашлось даже средств достойно похоронить умерших. Чем жить дальше? По совету вдовы брата Юаньчжан отправился искать счастья в расположенный неподалеку буддийский монастырь Хуанцзюэ. Здесь его взяли убираться, выполнять подсобную работу и обслуживать своего наставника и его близких. Монастырь был небольшой, жил за счет арендаторов, возделывавших монастырскую землю, и подаяний прихожан. Нагрянувшие несчастья отразились и на его существовании. Арендная плата не поступала, и монахи отправлялись бродить по округе в поисках хоть какого-то пропитания и пожертвований. Так Чжу Юаньчжан, спустя менее двух месяцев после прихода в монастырь, превратился в странствующего монаха, шагавшего с деревянной рыбой (в которую он стучал для привлечения внимания) и плошкой для подаяния по деревням и городам Хуайси — району среднего течения Хуайхэ. В скитаниях, обогативших его представления о родине, прошло три года. Осенью 1348 года он вернулся в монастырь и жил здесь более трех лет, постигая буддийское вероучение и, что особенно важно, книжную грамотность.

Дальнейшая судьба нашего героя тесно переплетается с судьбой страны. К середине XIV века господство основанной монгольскими ханами династии Юань неотвратимо клонилось к упадку. При дворе продолжались распри, нарастала волна народных восстаний, подталкиваемая разорительным произволом властей и национальным угнетением.

Как уже не раз бывало в истории Китая, равно как и других стран в Средние века, народный протест находил идеологическое выражение в различных сектантских воззрениях. Широкое распространение здесь получило учение секты «Белого лотоса» — цветка на священном пруду в благословенной «чистой земле». Оно предрекало скорое пришествие на землю Майтрейи (Будды грядущего) и Князя света (Мин-вана), воплощавших лучезарное, доброе начало и его победу над мраком и злом. В конце мая 1351 года один из вожаков секты был объявлен Князем света и потомком прежней китайской династии Сун. Он возглавил восстание, которое, несмотря на скорую гибель предводителя, быстро распространилось в центральных районах страны южнее реки Хуанхэ. Командовал повстанцами Лю Футун, также провозглашенный потомком одного из сунских военачальников. Удальцы носили на голове красные повязки и шли в бой под красными флагами, благодаря чему их стали называть «красными войсками».

Вспыхивали и другие очаги волнений. В начале 1352 года один из мятежных отрядов занял город Хаочжоу — ближайший к родным местам Чжу Юаньчжана областной центр — и укрепился здесь. Некоторые односельчане и друзья детства Чжу Юаньчжана примкнули к восставшим и звали его последовать их примеру. Тот колебался. Принять решение помог случай: во время отлучки Чжу Юаньчжана в свою деревню правительственные войска разгромили и сожгли монастырь Хуанцзюэ, подозревая, что там «свили гнездо» сектанты-повстанцы. Это подтолкнуло Чжу Юаньчжана отправиться в Хаочжоу. Он пришел туда в конце апреля — начале мая 1352 года двадцати четырех лет от роду. С монашеством было покончено, открывался новый период в его жизни.

Сперва повстанцы приняли Чжу Юаньчжана за вражеского лазутчика и намеревались с ним расправиться. Но один из предводителей — Го Цзысин заинтересовался пришельцем, поверил ему и определил в свой отряд. Чжу Юаньчжан оказался способным солдатом и хорошо зарекомендовал себя во время вылазок. Го Цзысин перевел его в свою личную охрану и назначил десятником. Грамотного Чжу Юаньчжана постепенно стали привлекать к различным административным делам. Он и тут проявил таланты. Го Цзысин все чаще и чаще

Молитва в буддийском монастыре

советовался с ним. Расположение начальства было столь велико, что вскоре Го Цзысин отдал ему в жены свою воспитанницу — дочь погибшего товарища по фамилии Ма. После этого Чжу Юаньчжан, к которому обращались теперь «молодой господин», стал ближайшим помощником командующего.

Чжу Юаньчжан не раз водил солдат в походы на соседние городки, занимался вербовкой рекрутов. К середине 1353 года под его командой состояло уже около 20 тысяч человек. Летом того же года он взял город Чучжоу (около 100 километров к юго-востоку от Хаочжоу) и сделал его своей резиденцией. В начале 1355 года повстанцы Го Цзысина овладели Хэчжоу (ныне Хэсян, примерно в 60 километрах к юго-западу от Нанкина), и Чжу Юаньчжан был назначен туда главою. Спустя два месяца умер Го Цзысин. На какое-то время управление войсками перешло к его сыну и еще одному полководцу, делившим власть с Чжу Юаньчжаном. Но осенью того же года оба они пали в бою, и все «наследие» оказалось в руках последнего.

Вскоре войска Чжу Юаньчжана переправились через Янцзы и захватили крупный город Тайпин (в 20 километрах южнее Хэчжоу). Признавая на словах верховенство вождей «красных войск», он действовал совершенно самостоятельно. В апреле 1356 года, предварительно разбив правительственный флот на реке Янцзы, его армия взяла один из самых больших городов Юго-Восточного Китая — Цзицин (ныне Нанкин). Победитель переименовал его в Интянь и перенес туда свою ставку.

Этот город становится центром подчиненных Чжу Юаньчжану территорий, где постепенно формируется работающий на нового господина административный аппарат. Он состоял из перешедших на службу к новым властям чиновников и ученых-конфуцианцев, которые использовали традиционные, понятные и привычные народу методы управления, но без явных злоупотреблений только на первых порах. Еще раньше, в 1353—1355 годах, при Чжу Юаньчжане появляются не только военные, но и опытные гражданские советники, такие, как Ли Шаньчан, Тао Ань, Фэн Гоюн и многие другие.

Характерно в этом отношении обращение к жителям Нанкина, приписываемое его покорителю: «Я привел сю-

да войска, чтобы избавить вас от смуты. Все могут спокойно заниматься своим делом, не надо сомневаться и бояться. Благородных и образованных людей, которые захотят помочь мне в великом деле, я буду использовать по обычаю. Чиновникам запрещается чинить произвол и притеснять народ». С повстанческой вольницей было покончено, в голове бывшего крестьянина и монаха зрели мысли о «великом деле».

В первую очередь порядок наводился в организации войск, их снабжении и в основе основ традиционного Китая — регулировании земледелия и налогов. Для этой цели еще в 1356 году было учреждено Управление полями (Интяньсы).

Укреплению власти Чжу Юаньчжана и его сподвижников в районе Нанкина способствовало то, что с севера их прикрывали «красные войска», с востока и запада — другие очаги сопротивления правительственным силам. Нанкинский лидер непрестанно преумножал подчиненные ему территории, а его интересы постепенно приходили в противоречие с планами других повстанческих вождей. И они, и Чжу Юаньчжан видели друг в друге конкурентов в борьбе за расширение своей власти и влияния.

В результате ожесточенных боев с соперниками, которые велись в 1360—1367 годах, Чжу Юаньчжан утвердил свое верховенство во всем Центрально-Южном Китае.

К этому времени «красные войска» на севере были ослаблены и рассеяны. Лю Футун погиб. Хань Линьэр — глава провозглашенного «красными войсками» государства Сун — намеревался встретиться с Чжу Юаньчжаном, но по тайному приказанию последнего был утоплен во время переправы через реку. Юаньский двор, в свою очередь, был изнурен длительной борьбой с повстанцами, а также внутренними распрями.

Поэтому, не дожидаясь окончательного его падения, Чжу Юаньчжан решил на важнейшее дело своей жизни: 23 января 1368 года в Китае была торжественно провозглашена новая династия Мин, основателем которой он стал. Главной столицей страны был объявлен Интянь, отныне называвшийся Наньцзин (Южная столица). Весной того же года 200-тысячная армия под командованием односельчанина нового императора полководца Сюй Да выступила на север и, отвоевав

провинции Хэнань и Шаньдун, 14 сентября овладела столицей империи Юань — Даду (Пекином). Последний юаньский император и его двор бежали в монгольские степи.

Немалую роль в этой победе мог сыграть призыв Чжу Юаньчжана к населению северных районов выдворить иноземцев и поддержать его войска. Отдельные районы, где закрепились прежние власти, пришлось приводить к покорности еще несколько лет (провинция Юньнань была завоевана лишь в 1382 году, а Ляодун — в 1387 году). Но судьба страны была уже решена.

Еще до изгнания юаньских властей из Пекина Чжу Юаньчжан и его советники запретили носить насильственно навязанные китайцам монгольскую одежду и прически. Были восстановлены китайские имена и фамилии (часто менявшиеся государственными служащими на монгольские), традиционные обряды. Это не могло не встретить одобрение народа.

Еще до своего воцарения Чжу Юаньчжан, ища опору в образованных слоях общества, дал понять, что намерен действовать согласно сложившимся веками конфуцианским методам управления страной. Прошлое буддийского монаха не оказало решающего влияния на его мировоззрение. Разумеется, ни буддизм, ни даосизм не запрещались, но официальной государственной идеологией осталось конфуцианство.

Перед новым императором встала уйма различных забот. Монгольские правящие круги не сразу отказались от претензий на китайский престол и пытались вернуть его силой. На севере не исчезала угроза агрессии. Страна, ослабленная войнами, восстаниями и произволом монгольских властей, если и не лежала в разрухе, то пребывала отнюдь не в лучшем экономическом положении. Господство нового владетельного дома еще не окрепло. В этой ситуации началась методичная работа по наведению новых порядков — «заложению основ» империи Мин. Естественно, Чжу Юаньчжану помогали советники и сподвижники, но многое зависело именно от его воли и намерений. Поэтому активную государственную деятельность этого императора можно в какой-то мере назвать реформаторской.

С 1376 года началось преобразование административной системы. Сперва взялись за местную власть: вместо «отде-

Чжу Юаньчжан.
Реалистический портрет
XIV века

лений» центральной Правительственной Палаты в провинциях, на которые делилась страна, были созданы Провинциальные правления, где важнейшие полномочия распределялись между тремя начальниками, ведавшими соответственно общегражданскими и налоговыми, контрольно-судебными и военно-полицейскими делами. Во многие крупные города император направлял своих сыновей удельными князьями (ванами) с самыми широкими, но точно не обозначенными правами. В этом проявилось его стрем-

ление укрепить господство и законность пребывания у власти всего царствующего семейства и одновременно поставить в отдаленных районах верных ему людей. Он был склонен думать, что «в стране нет никого надежнее родных сыновей и внуков». Наконец, в 1380 году было реорганизовано центральное управление: ликвидированы Правительственная палата и посты возглавлявших ее двух канцлеров. Высшими центральными органами стали Шесть ведомств (Любу), обладавших до этого лишь исполнительной властью. Но если раньше они подчинялись Правительственной Палате, то есть канцлерам, то теперь — самому императору.

Суть всех этих мероприятий сводилась к одному — укреплению самодержавного могущества, власти монарха. И начальники местных правлений, и удельные владыки, и Ведомства подчинялись непосредственно императору. Здесь он несколько не рассчитал: в отдельные дни к нему на рассмотрение поступало более тысячи государственных бумаг. Пришлось прибегнуть к помощи специальных секретарей, которые отбирались из членов столичной конфуцианской Академии и со временем (уже после Чжу Юаньчжана) сосредоточили в своих руках фактическое управление страной.

Надо сказать, что административные реформы проводились отнюдь не безболезненно. От отдельных казней тех, кто

осмеливался протестовать против введения уделов, перешли к массовым репрессиям. Канцлера Ху Вэйюна обвинили в измене — сговоре с монголами, была «выявлена» его «клика», в результате чего погибли десятки тысяч человек, не считая высланных и разжалованных. Следствие продолжалось более десяти лет и в 1390-х годах переросло в новое «дело» — «изменника» полководца Лань Юя. Характерно, что в огне этих расправ сгорели почти все бывшие соратники Чжу Юаньчжана, некогда одаренные высокими титулами и богатством. Тысячами гибли и чиновники помельче — одни в результате развернутых кампаний по борьбе со взяточничеством, подлогом документов, другие просто из-за личной немилости императора.

С годами его параноидальная подозрительность и недоверие возрастали. Идя во дворец на положенные приемы, чиновники на всякий случай прощались с семьями навсегда. Говорили, что о намерениях тирана казнить или миловать судили по тому, затянут ли пояс на его халате или распушен. Для вылавливания «ненадежных» был создан специальный военизированный отряд — Парчовая охрана («Охрана в парчовых одеяниях»), занимавшаяся сыском и пытками. Людей хватили по доносам за неосторожные слова, казнили родичей «виновных».

Все это не мешало Чжу Юаньчжану активно заниматься законотворчеством. При нем появился новый кодекс законов, изданы «Высочайшие распоряжения» и «Заветы царственного предка», также имевшие силу законов. В 1382 году был реформирован издавна существовавший в Китае институт цензоров: теперь они в большей степени, чем прежде, подлежали личному контролю императора. Изменения коснулись и армейского руководства. Вместо одного Военного Совета, как было при монголах, учредили пять независимых друг от друга, но подчиненных непосредственно императору Военных Командований. Структура же военных сил во многом соответствовала прежним образцам: по всей стране располагались военные гарнизоны, делившиеся на тысячи и сотни. Особенно мощная их система — на северных и северо-западных рубежах — позволяла не только сдерживать натиск монголов, но и совершать победоносные походы во владения противника.

В целом же внешняя политика Чжу Юаньчжана была скорее оборонительной, нежели агрессивной. При нем не наблюдалось попыток восстановить бывшее китайское господство во Вьетнаме, а борьба с японскими пиратами сопровождалась такой пассивной мерой, как решение закрыть морские границы империи. Завоевательный поход был совершен лишь в Корею, но он не повлек полного подчинения страны. Все это можно объяснить тем, что основное внимание государь уделял внутренним проблемам, которых, как говорилось, было отнюдь не мало.

Аграрная политика основателя династии Мин не всегда отличалась последовательностью, но в ней заметна определенная тенденция. Он и его советники не стремились к глобальному переделу земли, как следовало бы ожидать от бывшего вождя крестьян-повстанцев. Но он конфисковал ее у аристократов и чиновников, сохранявших верность прежним властям. Во многом благодаря этому государственный земельный фонд несколько вырос. Из него раздавались поля новым аристократам и чиновникам, отводились участки под «военные поселения» — для самообеспечения армии, предоставлялись наделы в пользование крестьянам.

Большие усилия прилагались к упорядочению налоговой системы: по всей стране назначили «старост», ответственных за сбор налогов в своей округе и доставку их к месту хранения. Составили «желтые» реестры с перечнем податного люда и «рыбьечешуйчатые» чертежи (участки земли изображались в виде полукружий, напоминавших рыбу чешую) принадлежавших им полей. Вводились некоторые ограничения на расширение крупного частного землевладения. Но в целом аграрная политика того времени не выходила за рамки многовековых традиционных образцов.

Не отличалось особой оригинальностью и отношение к ремеслу и торговле: эти занятия по-прежнему считались второстепенными, преимущество здесь отдавалось государственному сектору, а частный явно или скрыто ущемлялся.

Безусловно, Чжу Юаньчжан стремился воплотить в своей деятельности определенный идеал. Он сводился к всемерному укреплению единодержавия, централизации и лишению какой-либо самостоятельной власти административного ап-

парата, а также к максимальному усилению государственного регулирования экономики при опоре на мелкокрестьянское хозяйство. Был ли достигнут этот идеал? Разумеется, нет. При столкновении с реальной жизнью он, как водится, претерпел значительные превращения. Раздача уделов обернулась сепаратизмом, централизация административного аппарата — террором, жесткое государственное регулирование — сохранением порядков, сдерживавших нормальное экономическое развитие страны. Своей железной рукой основатель династии Мин еще поддерживал насаждаемый им в империи порядок. Но сразу же после его смерти — 24 июня 1398 года — в Китае вспыхнула жесточайшая междоусобная война, что стало очевидным доказательством его просчетов.

И тем не менее считать Чжу Юаньчжана неудачником в политике никак нельзя. Заложенные им основы оказались сильнее центробежных тенденций. Уже в начале XV века обстановка в стране стабилизировалась, и династия Мин — его потомки — царствовала еще 246 лет.

Недалеко от Нанкина можно и сейчас увидеть обсаженную деревьями аллею с каменными изваяниями чиновников, лошадей, верблюдов, слонов, сказочных единорогов. Она ведет к башне с глубокими, как тоннель, воротами, выходящими к подножию холма. Под ним вечным сном спит человек, проживший столь необычную и бурную жизнь. Вокруг тишина, нарушаемая лишь пением птиц и голосами туристов. В вольере у холма мирно пасутся олени.

На престол силой оружия.

Деяния императора Чжу Ди

За более чем двухтысячелетнюю историю существования китайской империи в стране много раз возникали острые внутренние ситуации, приводившие к вооруженному противоборству. Хорошо известны, например, грандиозные народные восстания, неоднократно потрясавшие государственные основы и приводившие к падению правящих династий. Вместе с тем вспыхивали подчас и междоусобицы, которые вы-

ливались в длительные и жестокие военные столкновения, также отражавшиеся на судьбах страны. Одним из ярких примеров может служить война «за преодоление трудностей». Продолжавшаяся почти три года, она завершилась дворцовым переворотом, воцарением нового императора Чжу Ди, правившего Китаем с 1402 по 1424 год.

Чжу Ди — личное имя императора. Так как по традиции личные имена императоров табуировались, при жизни его имя заменялось названием (девизом) годов его правления — Юнлэ, а после смерти — храмовым (посмертным) именем — Тай-цзун. Однако спустя век с лишним после смерти потомки дали ему новое, более почетное и приближавшее его к статусу основателя династии храмовое имя Чэн-цзу. В этом отразилось признание его успехов на поприще государственных дел. Он был одним из выдающихся китайских правителей, хотя его приход к власти и некоторые поступки после воцарения отнюдь нельзя назвать благонравными.

Чжу Ди был четвертым по старшинству сыном ниспровергателя монгольского господства в Китае и основателя Минской династии Чжу Юаньчжана. Он родился в Нанкине 2 мая 1360 года, за восемь лет до воцарения отца на престоле. Официально считалось, что он является сыном главной жены (императрицы) основателя династии. Но согласно неофициальным источникам, его матерью была одна из «жен второго разряда», наложница по имени Гун. Она была корейкой и попала в гарем Чжу Юаньчжана из гарема одного из разгромленных им соперников в борьбе за власть. Более того, высказывались сомнения, был ли будущий основатель династии Мин настоящим отцом Чжу Ди. По некоторым сведениям, Гун появилась в его гареме, уже будучи беременна от прежнего мужа-хозяина. Китайские ученые еще с 20-х годов XX столетия спорили об этом. Но как бы то ни было, существенного значения это не имело, поскольку Чжу Юаньчжан официально признавал его своим сыном.

В 1370 году во имя укрепления правящего дома основатель династии роздал уделы своим многочисленным сыновьям (к концу царствования их было 25). Они получили резиденции в крупных городах, целый штат подчиненных им чиновников и воинские подразделения. Мудрые сановники указы-

вали на опасные последствия подобного шага, но император не внял их предостережениям, а наиболее упорствовавших просто казнил. Чжу Ди был пожалован Пекин с близлежащими территориями. Пекин — бывшая столица свергнутых монгольских властей — оставался крупным городом и крепостью на северо-западных рубежах империи. Одновременно Чжу Ди был дарован высокий титул Янь-вана (Янь — название царства, существовавшего здесь в древности, ван — второй после императора разряд знатности). Однако Чжу Ди был еще мал, и в фактическое владение уделом он вступил лишь в 1380 году. До этого, в 1376 году, его женили на дочери Сюй Да — друга и соратника основателя империи Мин, первого полководца новой династии.

После переезда в Пекин Чжу Ди получил в свое распоряжение 5770 солдат и командиров — часть «охранного гарнизона», положенного всем удельным властителям. Пекин находился недалеко от монгольских степей, где изгнанные из Китая монгольские ханы лелеяли мечту о возвращении в свои бывшие владения. Он являлся одной из ключевых крепостей на этом опасном для китайцев направлении, где набеги извне и ответные удары не прекращались. С 1390 года, по замыслу императора, активную роль в этом противостоянии стали играть владельцы уделов, лежавших на северных и западных рубежах страны. Чжу Ди вместе с одним из старших братьев получил приказ вести китайскую армию в Монголию. Согласно официальной версии, старший брат действовал нерешительно и подставил группировку Чжу Ди под удар, но последний, проявив полководческий талант, сумел разгромить врага и захватить в плен монгольского полководца. Так это или нет, судить трудно, ибо эта версия появилась уже после восшествия Чжу Ди на престол. Но успехов в походе 1390 года он действительно добился, за что получил в награду от императора много денег.

В следующем году Чжу Ди взял в плен еще одного монгольского военачальника, после чего ему (вместе со старшим братом) было поручено организовать оборону всех северо-западных рубежей страны. В 1395 году он разбил чжурчжэньские племена в Южной Маньчжурии, а в следующем — снова повел войска в монгольские степи. Одновременно он контро-

лировал подновление крепостных стен города Датун близ монгольской границы. Таким образом, к 1398 году, когда в Нанкине скончался основатель династии, Чжу Ди обладал немалым военным и управленческим опытом.

Смерть Чжу Юаньчжана обострила и без того непростые отношения между удельными властителями и центральным двором. Положение усугублялось тем, что еще в 1392 году умер старший сын и наследник престола. Возник вопрос, кем его заменить: сыном умершего, то есть внуком императора, или же следующим по старшинству сыном? Император колебался, при дворе появились сторонники и противники обоих вариантов решения. Уже тогда некоторые советовали пренебречь принципом старшинства и сделать наследником престола Чжу Ди, учитывая его способности и заслуги. В конце концов Чжу Юаньчжан завещал трон своему старшему внуку — Чжу Юньвэню. По воцарении последнего все удельные властители, будучи его «старшими родичами» — дядьями, стали вести себя еще более независимо, чем прежде. Центральный двор вполне резонно считал это опасным для единства страны и приступил к ликвидации уделов наиболее строптивых властителей.

Удел Янь и его повелитель Чжу Ди вызывали особую тревогу двора. В 1398 году умерли оба его старших брата и он остался старшим в роде — естественным главой вызывавших недовольство двора держателей уделов. Но ликвидировать удел Янь можно было лишь силой: Чжу Ди, осознавая опасность, готовился к отпору. Он наращивал сверх положенной нормы численность своих войск, организовал в Пекине подпольное производство оружия и доспехов, заручился поддержкой местных военачальников и сановников, придворных группировок. Осуждая политику двора, он рекламировал себя как верного продолжателя «дела отца». Конфликт быстро и неотвратимо обострялся. Наконец летом 1399 года центральный двор направил в Пекин своих эмиссаров с тайным приказом об аресте Чжу Ди. Но последний заманил их хитростью в ловушку и убил, тем самым открыто выступив против императора, на словах обвиняя во всем его ближайших советников. В стране началась междоусобная война.

6 августа 1399 года Чжу Ди обратился к своим войскам с манифестом. В нем говорилось: «Я — сын императора Тай-цзу

Гао-хуанди (Чжу Юаньчжана. — *Авт.*) и его старшей супруги императрицы Сяо-цзы, то есть ближайший родственник царствующего дома. С момента получения мною доверенного поста лишь выполняю свой долг: соблюдая законы, охраняю полученный удел. Все вы это знаете. Ныне молодой император оказывает доверие лукавым наветам, наносящим ущерб кровнородственным отношениям в императорском доме. Мой покойный отец и покойная мать наделили всех своих сыновей вассальными владениями. Эти владения должны извечно передаваться по наследству и служить защитой Поднебесной. Теперь же уничтожены и отобраны владения у пятых властителей. Очередь дошла и до меня. Небо видит все, что происходит на земле. Разве может происходящее поразить души умерших предков? Поэтому мой долг объявить смертельную вражду с коварными злодеями. Призываю в свидетели души умерших в Храме Предков императора в чистосердечии моих слов!»

В тот же день войска, принявшие клятву верности, были приведены в боевую готовность. Началась борьба, которая получила официальное название «за преодоление трудностей». Это название было заимствовано из речи основателя династии перед высшими сановниками на банкете 28 апреля 1370 года по поводу титулования его старших сыновей (в том числе Чжу Ди) удельными властителями. Под «преодолением великих трудностей» Чжу Юаньчжан подразумевал борьбу за свержение власти монгольских ханов в Китае. Избрание подобного девиза как бы ставило противников Чжу Ди на одну доску с несправедливой властью и приоткрывало его далеко идущие планы: в случае благоприятного оборота событий не только устранить «коварных злодеев», но и сменить самого правителя. Недаром он приказал заменить девиз правления нового императора на девиз правления покойного основателя династии. Это было равносильно непризнанию власти правящего государя.

6 августа 1399 года Чжу Ди направил в столицу послание, где подробнее, чем в манифесте, мотивировал свои действия. Мотивировка в целом была та же, что и прежде, но общее звучание послания было несколько иное. В нем заметны попытки самооправдаться: подчеркивалась невинность пекинского

властителя, вынужденность его действий против провокаций высших советников двора и присланных ими эмиссаров. Выражалась уверенность в непричастности самого императора к несправедливым поступкам. «Ведь это же не было Вашей волей, а поистине является деянием коварных сановников», — писал Чжу Ди, давая возможность императору избежать столкновения. В послании также содержались ссылки на волю умершего основателя династии, который завещал, чтобы в случае появления в стране «коварных» злоумышленников император отдал приказ всем удельным властителям выступить на их подавление. «Я, с почтением простираясь ниц, жду такого приказа», — заканчивал свое послание Чжу Ди.

Отправляя данное послание, восставший удельный властитель, конечно, не надеялся, что императорский двор коренным образом изменит свою политику и встанет на его сторону. Его целью было оправдать свои действия в глазах современников и потомков. Естественно, в столице никто не поверил в искренность намерений Чжу Ди. Особенно возмутила двор отмена девиза правления царствующего императора. Поэтому ответа на послание не последовало. Было приказано исключить Чжу Ди из списков императорской семьи, объявить преступником и идти на Пекин карательным походом.

Чжу Ди же, не надеясь на примирение, не терял времени зря. Он укрепил Пекин на случай возможной осады и начал наступление на правительственные войска, остававшиеся близ города и дислоцированные на севере Китая. Легенда гласит, что во время вознесения жертв в Храме Предков в связи с началом военных действий Чжу Ди было видение — человек с распущенными волосами, в доспехах и со стягом. Придворный монах и советник пекинского властителя Даоянь истолковал это как поощрение со стороны воинственного духа Севера. Оставляя этот эпизод на совести китайских летописцев, отметим, что сам Чжу Ди к описываемому моменту уже обладал немалым военным опытом. Участвуя в обороне северных рубежей страны от попыток монгольских ханов вновь утвердить свое господство в Китае, он проявил себя как способный полководец, имеющий поддержку среди военачальников. Что же касается правительственных войск, расквартированных на севере страны, то они действовали против него несогласован-

Чжу Ди,
храмовое имя Чжэ-цзу.
Изображен
в ритуальной одежде
минских императоров.
Справа надпись
«Минский Чжэ-цзу»

но и неактивно. Последнее можно объяснить неожиданно для них событий в Пекине (акция против Чжу Ди готовилась императорским двором в тайне), а также отсутствием на первых порах четких инструкций из столицы.

Сохранявшие верность центральному двору войска отошли из Пекина в двух направлениях: отряд под командованием Юй Чжэня — на северо-запад, к горному проходу Цзюйюнгауань, а под командованием Ма Сюаня — на восток, к Сучжоу. Начальник крупного военного гарнизона в городе Сюаньхуа Сун Чжун, двигавшийся со своей 30-тысячной армией к Пекину, успел дойти лишь до Цзюйюнгауаня, где нашел отступивший отряд Юй Чжэня. Сун Чжун не решился идти дальше и отвел войска в район города Хуайлай — приблизительно на полпути между Сюаньхуа и Пекином. Воспользовавшись этим, Чжу Ди послал на восток своих полководцев, которые уже 9 августа разбили отряд Ма Сюаня под Сучжоу (сам командир был схвачен и умерщвлен) и, пройдя еще дальше, овладели городом Цзуньхуа. На сторону Чжу Ди перешел гарнизон города Юнпин близ Бохайского залива.

Второй удар был нанесен на северо-западе. 12 августа Юй Чжэнь был выбит из Цзюйюнгауаня, а 17 августа произошло первое крупное сражение у Хуайлая, где повстанцам проти-

востояли войска Сун Чжуна. Силы мятежников насчитывали 8 тысяч человек, и командовал ими сам Чжу Ди. Защитников Хуайлая было больше. Очевидно, именно это обстоятельство позволило Сун Чжуну рассчитывать на успех боя в открытом поле. Выведя свои войска за стены города, он стал строить их в боевой порядок. Но Чжу Ди, не дав завершить построение, атаковал противника под гром барабанов. Бой был упорным. Описывавшие его историки отмечали героизм многих командиров правительственных войск, таких, как Сунь Тай. Врезавшись в ряды мятежной армии, он изрубил и захватил в плен немало врагов. Раненый, залитый кровью, он продолжал сражаться, пока вражеская стрела не сразила его. Стойко сражался и погиб другой военачальник — Пэн Цзюй. Но быстро-та удара обеспечила победу Чжу Ди. Войска Сун Чжуна были сломлены и стали отступать за городские стены, атакующие ворвались в город. Потеряв несколько тысяч человек, гарнизон сдался. Сун Чжуна нашли спрятавшимся в отхожем месте и вместе с Юй Чжэнем и сотней пленных офицеров, отказавшихся перейти на сторону Чжу Ди, предали казни.

Войска, двигавшиеся с запада (из города Датун) на помощь Сун Чжуну, были остановлены и отброшены назад. Победа Чжу Ди была полной. После разгрома Сун Чжуна и падения Хуайлая на сторону мятежников перешли почти все правительственные гарнизоны, стоявшие вдоль пограничных с Монголией северо-западных рубежей страны, в том числе и кавалерийские отряды монголов-урянхайцев, находившиеся на китайской службе. В распоряжении Чжу Ди всего через две недели после начала военных действий оказалось несколько десятков тысяч профессиональных солдат и офицеров и территория от северной излучины реки Хуанхэ до Бохайского залива.

Все это заставило императорский двор в полной мере осознать опасность, грозящую с севера. 25 августа 1399 года был обнародован манифест, оповещающий страну о поднятом мятеже. В нем перечислялись все провинности Чжу Ди, начиная с прежних времен, говорилось о связи его действий с «коварными планами» других удельных властителей. «Ныне он, забыв заветы предков и наперекор Небу, начал войну, навлекая беду на страну. В своих помыслах и намерениях он идет

против императора, создает угрозу государству. Небо и Земля не позволяют простить этого», — говорилось в манифесте. Вслед за тем правительство стало готовить массированный поход на Пекин.

Командовать походом было поручено опытному начальнику Гэн Бинвэню. Его 300-тысячная армия двинулась из Нанкина на север несколькими колоннами по разным дорогам. Одновременно верным правительству войскам в северных и северо-восточных районах страны предписывалось атаковать Чжу Ди с флангов. В ставке последнего решили не ждать приближения противника к Пекину и самим выступить навстречу. 11 сентября 1399 года основные силы Гэн Бинвэня достигли города Чжэньдин (в 200 с лишним километрах к юго-западу от Пекина), а 9-тысячный авангард двинулся дальше. 15 сентября он был разгромлен внезапно появившейся армией Чжу Ди, которая 24 сентября была уже под Чжэньдином. Узнав, что войска Гэн Бинвэня рассредоточены и стоят отдельными лагерями, Чжу Ди начал атаку. Силам мятежников удалось рассечь строй противника, зайти ему в тыл и взять в клещи. Правительственные войска обратились в бегство. Однако Гэн Бинвэнь сумел остановить солдат и снова построить для боя. Когда же кавалеристы полководца Чжу Нэна, сражавшегося на стороне Чжу Ди, «с громкими криками» врезались во вражеские ряды, противник был окончательно сломлен. Часть отступавших, давая друг друга в крепостных воротах Чжэньдина, бросилась искать спасения за городскими стенами, многие попытались переправиться на противоположный берег протекавшей у города реки и утонули, а три тысячи, побросав оружие и доспехи, сдались на поле сражения.

Тем не менее взять город с налета Чжу Ди не удалось. Три дня победители осаждали затворившегося в крепости Гэн Бинвэня, но так и не смогли сломить осажденных. Получив сведения об активизации правительственных войск в тылу, Чжу Ди снял осаду и отвел свою армию к Пекину. Поражение правительственной армии под Чжэньдином было страшным: она потеряла около 90 тысяч человек и 20 тысяч лошадей. Вина за это была не без основания возложена на Гэн Бинвэня. Главнокомандующий был отозван, и вместо него назначен Ли

Цзинлун, которому было поручено возглавить новое наступление на Пекин. Но для этого нужно было подтянуть резервы, что требовало определенного времени. Этой передышкой Чжу Ди воспользовался для ликвидации опасности, грозившей ему с северо-востока, где правительственные войска из Ляодуна перешли в наступление и осадили гарнизон верного ему города Юнпина.

В начале октября 1399 года армия Чжу Ди появилась под Юнпином и сняла осаду. Ляодунцы отступили к крепости Шаньхайгуань на границе с Маньчжурией. Мятежники не стали их преследовать, а предприняли поход на город Данин, где стоял крупный гарнизон, находившийся в подчинении Нин-вана — местного удельного властителя, младшего брата Чжу Ди. Несколько дней братья пировали, клянясь друг другу в братской любви, а тем временем войска Чжу Ди принудили к сдаче стоявшие поблизости правительственные войска. Теперь Нин-вану не на кого было опереться, и Чжу Ди, для большей гарантии, взял брата под стражу, а его войска явочным порядком присоединил к своим. Армия мятежников пополнилась 80 тысячами солдат, обильным военным снаряжением и распространила свой контроль на многие крепости на северо-востоке страны. Вслед за тем армия Чжу Ди была заново переформирована и разделена на пять подразделений, готовых отразить новое наступление с юга.

Однако некоторые высшие сановники двора (в том числе и Гэн Бинвэнь), напуганные поражением под Чжэньдином, попытались вступить с Чжу Ди в дипломатические переговоры. Чжу Ди было направлено предложение признать свою вину, попросить прощения у императора, прекратить военные действия и разоружить большую часть своей армии. Взамен ему гарантировалось прежнее положение удельного властителя и прекращение попыток его ущемления или же смещения. Естественно, это никак не устраивало мятежную сторону.

В ноябре 1399 года, узнав о походе Чжу Ди на Данин, Ли Цзинлун решил воспользоваться его отсутствием в Пекине и двинул туда свои войска. Они осадили город, но тот не сдавался. В начале декабря на помощь пекинцам подошла армия Чжу Ди и сняла осаду. Ли Цзинлун, оставив армию, уехал на юг, а его войска стали постепенно отступать, бросая снаряжение.

Потерпев неудачу, Ли Цзинлун продолжал готовить новое генеральное наступление на Пекин. Чжу Ди решил нанести отвлекающий удар. В январе 1400 года он атаковал и взял город Датун на севере Шаньси и двинулся на юг провинции, вынудив Ли Цзинлуна послать туда значительную часть его сил. При их подходе северяне стали отступать к Пекину, изматывая противника трудными переходами по гористой местности. Территория Шаньси была отвоевана южанами, но наступление на северную столицу сорвано. В военных действиях наступила передышка, длившаяся с февраля по апрель 1400 года. Предпринятая за это время правительством новая попытка переговоров также не дала результатов.

В мае 1400 года основные силы правительственной армии в третий раз двинулись на Пекин. Войска северян снова выступили навстречу. Противники сошлись у селения Байгоухэ на одноименной речке. Здесь 18–19 мая произошло одно из крупнейших сражений: 600 тысячам правительственных войск противостояла 100-тысячная армия Чжу Ди. 18 мая, подойдя к северному берегу реки, она начала переправу. В это время ее внезапно атаковал отряд полководца Пин Аня, заставив мятежников отступить. Схватка продолжалась до вечера, после чего обе стороны разошлись на исходные позиции. Северяне понесли большие потери и не смогли перейти реку.

На рассвете 19 мая они все же преодолели водную преграду, и главные силы обеих армий сошлись в открытом поле. И снова Пин Ань и Цюй Нэн стали теснить северян. Судьба боя висела на волоске. Чжу Ди, сражавшийся на левом фланге, не уставал разить врага. Три лошади под ним были убиты, а его меч затупился от ударов.

Его отряды на левом фланге прорвали ряды противника, но тот с тыла чуть было не захватил Чжу Ди в плен. К полудню мощная атака кавалерии северян позволила выровнять положение. Но бой продолжался, стрелы сыпались как дождь. Отряды Цюй Нэна снова перешли в наступление. Но в это время сильный порыв ветра сломал стяг над ставкой Ли Цзинлуна, вызвав замешательство среди солдат и командиров, не знавших, как понять исчезновение стяга. Пользуясь этим, кавалерия северян нанесла удар с тыла, строй дрогнул и стал рассыпаться. Цюй Нэн пал на поле сражения, Пин Ань

был принужден отступать, и вскоре все войско Ли Цзинлуна обратилось в бегство. Шум от бегущих, повествуют летописи, был словно гром небесный. Северяне преследовали и добивали отступавших. На расстоянии 50 километров все поле боя было усеяно трупами. Южане потеряли около 200 тысяч человек, 100 тысяч сдались и перешли на сторону северян. В руки Чжу Ди попали все обозы и снаряжение противника.

После этой победы правительственные солдаты, расквартированные в близлежащих районах, «стали разбегаться куда глаза глядят». Путь на юг для победителей был открыт. 8 июня 1400 года, почти не встречая сопротивления, они подошли к крепости Цзинань (в провинции Шаньдун) и осадили ее. Но гарнизон и жители города, возглавляемые местным сандунником Те Сюанем, не сдавались. Осада затянулась.

Императорский двор после поражения при Байгоухэ снова попытался договориться с Чжу Ди дипломатическим путем, обещая «прощение его вины». Понятно, что это не имело успеха. Однако среди северян появились сторонники примирения, предлагая Чжу Ди пойти на раздел страны, ограничившись претензиями лишь на ее северную часть.

Осенью 1400 года положение северян осложнилось. Цзинань по-прежнему сковывала силы Чжу Ди, а правительство подтянуло резервы. Создавалась угроза, что осаждавшие будут отрезаны от своего тыла, от Пекина. В сентябре Чжу Ди предпочел не рисковать, снял осаду и отвел армию к северной столице. Дав армии передохнуть, в ноябре того же года он начал новый поход на юг. Наступавшие вышли к Великому каналу, и здесь, около города Дунчана (приблизительно в 120 километрах западнее Цзинани), 9 января 1401 года они столкнулись с правительственной армией во главе с новым главнокомандующим Шэн Юном. Северяне были встречены залпами из дальнобойных самострелов и пушек, что охладило порыв наступающих. Тогда Чжу Ди лично повел их в атаку. Однако, врезавшись во вражеские ряды, он оказался в окружении. Спас его вовремя подоспевший полководец Чжан Юй, который сам погиб в этой схватке. Исход боя решила пришедшая на помощь южанам армия Пин Аня, которая обратила северян в бегство. На следующий день, 10 января, правительственные войска догнали отступавших и довершили

разгром. Потери северян оцениваются по-разному: от десяти до нескольких десятков тысяч человек. Однако отрезать отступавшим путь на Пекин южанам не удалось, они остановились примерно в 150 километрах от города.

Чжу Ди довольно быстро оправился от поражения и уже 18 февраля 1401 года выступил в новый поход на юг. Его расчет строился на том, чтобы разгромить поодиночке рассредоточенные и возглавляемые различными командующими армии противника. И в целом этот расчет оправдался. В бою при Ся-хэ 5–6 апреля потерпела поражение армия Шэн Юна. Сражение было упорным. Южане снова применили пушки и арбалеты, а также некие «огненные повозки», но северяне уже были готовы к этому и тоже использовали техническую новинку — длинные пики с крюками. Удача склонялась то на одну, то на другую сторону. Противники расходились и снова сходились. К концу второго дня налетел сильный ветер, поднявший тучи пыли. Воспользовавшись этим, северяне бросились на врага с криками, барабанным боем. Южане отступили, потеряв около 100 тысяч бойцов.

Затем войска Чжу Ди разгромили еще одну крупную правительственную армию под командованием У Цзе. Это произошло 22–23 апреля под Гаочэном близ Чжэньдина. Придерживаясь оборонительной тактики, южане построились в форме квадрата. Войскам Чжу Ди удалось смять один из углов этого построения и обратить противника в бегство. Южане оставили на поле боя более 60 тысяч человек, но и северяне понесли большие потери. В начале мая 1401 года, дойдя до города Дамин (на юге провинции Хэбэй), Чжу Ди остановил наступление и начал дипломатические переговоры с правительством. Императорский двор сообщил об отставке прежних советников. Чжу Ди, не без основания заподозрив, что отставка эта фиктивна, потребовал отвести с севера страны все правительственные войска. Двор, в свою очередь, настаивал на приезде Чжу Ди в Нанкин для примирения. Все эти хитрости не могли обмануть ни одну из сторон, и переговоры не дали результатов.

В июне военные действия возобновились. Они вылились в столкновения отдельных отрядов, приносившие успех то одной, то другой стороне. Генеральных сражений не проис-

ходило. Кампания закончилась в ноябре 1401 года отводом мятежных войск на север. Чжу Ди сделал вывод, что для решающего успеха надо выбрать главное направление удара и не распылять силы. Этот план и был задействован.

5 января 1402 года армия северян выступила из Пекина и стала продвигаться на юг, не отвлекаясь на осаду отдельных городов и на стычки с мелкими отрядами противника. К маю она вышла к междуречью Хуанхэ и Янцзы. Потерпев поражение у города Дадянь и на реке Сяохэ, северяне быстро оправились и в битве при Линби (в провинции Аньхуэй) 28–29 мая разгромили крупную группировку правительственных войск. В этом сражении, где обе стороны применили пушки, сторонники Чжу Ди захватили в плен сразу несколько военачальников противника и среди них наиболее прославившегося в этой войне Пин Аня. Затем северяне беспрепятственно форсировали Хуанхэ и в двадцатых числах июня появились на северном берегу Янцзы, совсем недалеко от имперской столицы Нанкина.

Положение императорского двора было отчаянным. Резервы, вызванные из южных провинций страны, запаздывали. В окружении императора царило упадническое настроение. Выслав из столицы сановников, наказания которых потребовал Чжу Ди, двор тщетно пытался помириться с ним на любых условиях. Чжу Ди, предчувствуя близость окончательной победы, не поддавался никаким уговорам. Последней попыткой двора спасти положение был призыв к «чиновникам и народу» добровольно вступать в «армию верности государю». Но это было нереально и к тому же поздно.

3 июля 1402 года корабли мятежников с поднятыми флагами, под звуки флейт и бой барабанов форсировали Янцзы. Встретившая их на противоположном берегу армия Шэн Юна не устояла. Последний бой в 30 километрах от Нанкина дали северянам войска под командованием полководца Сюй Хуэйцзу. Это несколько задержало движение Чжу Ди к столице. 9 июля к мятежному властителю прибыли посланцы двора Ли Цзинлун и начальник Военного ведомства, чтобы уговорить его поделить страну с императором. Когда же 13 июля северяне подошли к стенам Нанкина, Ли Цзинлун и один из удельных властителей открыли им крепостные ворота. Улич-

ные бои были непродолжительны, но в ходе их загорелся императорский дворец. Император исчез. По одной версии, он сгорел во время пожара, по другой — бежал за море, по третьей — укрылся в одном из буддийских монастырей, не претендуя более на престол. Есть даже хроника его жизни в монашеской рясе, закончившейся, по мнению составителей, лишь в 1440 году — много лет спустя после смерти Чжу Ди. Так или иначе, престол оказался свободным. И хотя у исчезнувшего императора был законный малолетний наследник, Чжу Ди пренебрег этим и, «сокрушаясь» о неразумности пропавшего государя, после положенных трехдневных уговоров «согласился» занять трон.

В течение трех дней шла «зачистка двора»: казнили большую часть дворцовых служащих, не пожалев ни женщин, ни евнухов. Обвиненных во всем случившемся ближайших советников Чжу Юньвэня четвертовали вместе с родичами (с одним из них уничтожили 873 человека). Однако впоследствии Чжу Ди не был склонен к патологической жестокости. Но во время его царствования продолжала сохранять свою силу служба сыска и расправы, учрежденная еще отцом-основателем. В 1420 году она пополнилась еще одним «специальным» органом, названным Дунгуан, где трудились особо преданные евнухи. В целом же перемена на престоле не породила конфликтов в измученной трехлетней междоусобицей стране, и Чжу Ди смог приступить к решению насущных задач управления страной.

В истории страны Чжу Ди остался одним из сильных и мудрых правителей. При нем было совершено несколько походов в Монголию, окончательно лишивших монгольских ханов надежды на возвращение в Китай, присоединен к империи Вьетнам.

Годы правления Чжу Ди отмечены небывалой военно-дипломатической и торговой активностью Китая на морях. По его приказу огромный флот под командованием Чжэн Хэ с 1405 по 1422 год шесть раз отправлялся в дальние плаванья в страны Южных морей и Индийского океана. Корабли Чжэн Хэ доходили до Индии, берегов Аравии, приближались к Мекке, появлялись у северо-восточного побережья Африки. Они демонстрировали в далеких краях «силу и мощь» Ки-

тая, налаживали дипломатические отношения, призванные возвеличить и укрепить положение только что вступившего на престол китайского императора, вели торговлю. Китайцы прокладывали лоции и составляли описания заморских стран и народов. В 1419 году у берегов Ляодуна было нанесено серьезное поражение так называемым японским пиратам — смешанным флотилиям японцев, корейцев и китайцев, промышлявшим у берегов Китая незаконной, с точки зрения правительства, торговлей, а также грабежами и налетами.

Главное достижение во внутренней политике Чжу Ди — это ликвидация реальной силы удельных владык, предотвратившая распад страны. Хотя в борьбе с центральным двором Чжу Ди выступал от имени держателей уделов, заняв престол, он осознал исходившую от них угрозу. Где уговорами, где угрозами, а где силой он методично урезал возможности и влияние властителей уделов, не покушаясь на удельную систему как таковую. В результате к концу его царствования их политические и военные потенции оказались радикально ослаблены.

С именем Чжу Ди связаны широкомасштабные начинания в культурной жизни. По его приказу было составлено самое грандиозное китайское энциклопедическое сочинение — «Большой свод годов правления Юнлэ». В его основу легли 7—8 тысяч более ранних трудов по философским и религиозным канонам, истории, географии, астрономии, медицине, искусству и т. д. Над его созданием работало 2169 ученых, он насчитывал 11 095 томов, оглавление включало 60 глав. К сожалению, до наших дней он дошел лишь частично.

Сделав в 1420 году Пекин столицей Китая, Чжу Ди постарался придать ему подобающий облик. Город был перепланирован, дворцовый комплекс, основные храмы и крепостные стены были построены заново. Центр города был сдвинут к юго-востоку от прежнего. При перепланировке в основу всей градообразующей схемы была положена ось юг — север. На этой оси располагались основные ансамбли государственного и культового назначения: знаменитый Храм Неба с сопутствующими сооружениями на южной оконечности оси, мощные ворота Цяньмэнь в городской оборонительной стене, ансамбль правительственных учреждений на месте современной площади Тяньаньмэнь, грандиозный и величественный

дворцовый комплекс, парковый ансамбль на горе Цзиншань, башни Барабана и Колокола, служившие для отсчета времени, и, наконец, Храм Земли на северной оконечности оси.

Город был обнесен высокими крепостными стенами, облицованными темно-серым кирпичом с зубцами наверху, с девятью воротами с надвратными башнями. Основные улицы имели вертикальное (параллельно оси юг — север) или же горизонтальное направление, за исключением тех случаев, когда природный ландшафт (водоем, пригорки и т. п.) заставлял вносить некоторые коррективы. За стенами лежали городские предместья. В южной части они органически сливались с собственно городом. В XVI веке эта южная часть была обнесена крепостной стеной и стала называться Внешним городом.

Сердцевиной столицы был ансамбль императорских дворцов — Пурпурный запретный город. Он также был обнесен высокими стенами с воротами и причудливыми башенками-павильонами по углам. По площади и числу строений он во много раз превосходил дворцовый комплекс в Нанкине. За всемирно известными воротами Тяньаньмэнь справа располагался Храм Предков императора, слева — окруженный парком Алтарь духам земли и плодородия. Далее к северу, за внутренним двором, высились грандиозные крепостные ворота Умэнь, ведущие в собственно дворцовый комплекс. Павильон-ворота Тайхэмэнь открывал вид на обширное пространство, обрамленное по краям ажурными галереями, посреди которого на белокаменном парапете возвышались три парадные дворцовые палаты. Высокие несущие колонны из цельного дерева держали черепичные, желтого цвета кровли с загнутыми краями и ажурным карнизом. Стены были украшены деревянной резьбой. В центре каждой палаты на возвышении стоял великолепный императорский трон. Внутреннее пространство палат разделялось колоннами.

Каждая главная палата имела свое предназначение. В первой устраивались самые торжественные церемонии и приемы. Во второй хранились государственные печати. В третьей проводились менее значительные приемы и банкеты, а также экзаменационные испытания, открывавшие доступ к самым высоким должностям. Небольшая внутренняя ограда отделяла три главные палаты от почти таких же, но предназна-

ченных для личных (не парадных) нужд императора. Слева от них располагались покои императора и императрицы: ряд жилых павильонов, уютных двориков, помещений для обитательниц гарема, obsługi и евнухов. Справа — покои наследника престола, его челяди, а также некоторые внутриворцовые учреждения и дворцовый театр. Наконец, северную часть запретного города занимал дворцовый парк с искусственными скалами, разной формы водоемами, беседками и павильонами, мостиками и изваяниями.

К западу от дворцового комплекса был разбит обширный парковый ансамбль вокруг трех соединяющихся озер. В западной части города был возведен Алтарь Луны, в восточной — Алтарь Солнца, что вместе с Храмом Неба на юге и Храмом Земли на севере создавало четырехчастную композицию. На месте современной площади Тяньаньмэнь находились основные правительственные учреждения: здания Шести ведомств — Церемоний, Чинов, Налогов, Военное, Судебное и Общественных работ, так называемые 144 комнаты, опоясанные изящной галереей, Управления императорских родичей, Главного военного командования, сыскного и карательного органа — «Охраны в парчовых одеяниях» и др. Здесь же было возвышение для оглашения императорских указов. Все это, обнесенное особой стеной, составляло как бы продолжение императорского дворцового комплекса. К временам Чжу Ди относится также строительство ряда других известных и почитаемых в Китае храмов, возведение близ столицы обширного и величественного храмово-погребального комплекса для грядущего вечного пристанища Чжу Ди. Позже вокруг него стали сооружаться гробницы последующих минских императоров.

Превращение Пекина в великолепный столичный город явилось результатом искусного мастерства китайских зодчих и ремесленников самых различных специальностей, результатом изнурительного труда сгоняемых на строительство крестьян, горожан, солдат, а также отбывающих наказание преступников. Облик, приданный Пекину в начале XV столетия, во времена Чжу Ди, его основная планировка сравнительно мало изменялись в последующие века.

Умер Чжу Ди как воин в очередном походе в монгольские степи 12 августа 1424 года. Его с почетом доставили в Пекин

и похоронили в заранее подготовленной гробнице близ города. Тридцать «дворцовых женщин» были умерщвлены для обслуживания духа усопшего в загробной жизни.

Волшебный свет на мачтах. Заморские экспедиции Чжэн Хэ

Неподалеку от города Цюаньчжоу, в провинции Фуцзянь, среди живописных зеленых холмов есть небольшое святилище — несколько могил мусульманских святых, относимых молвой к VIII—IX векам. В пояснительных надписях сообщается, что здесь бывал Чжэн Хэ — знаменитый китайский флотоводец начала XV века. Но какое отношение мог иметь человек с китайским именем к этому месту, почитаемому приверженцами ислама? Оказывается, имел, и самое непосредственное.

Мальчик, которого нарекли Хэ, родился в 1371 году в городе Куньян провинции Юньнань, в семье по фамилии Ма. И отец и дед его имели звание хаджи, которое дается тем, кто посетил священную для мусульман Мекку. Иначе говоря, род Ма исповедовал ислам. По предположениям, предки отца и деда Хэ были выходцами из Западного Края, как китайцы называли раньше Центральную Азию. О том, чем они занимались, точных сведений нет, но, похоже, это были люди, известные в местных кругах. Об этом свидетельствуют и возможность совершить путешествие в далекую Мекку, и достаточно пространная эпитафия на могиле отца Хэ. В семье родились четыре дочери и два сына, из которых Хэ был младшим. Ко времени его появления на свет власть в провинции Юньнань находилась в руках чиновников и полководцев, преданных недавно свергнутой монголо-китайской династии Юань. Воцарившаяся в Нанкине в 1368 году новая династия Мин постепенно подчиняла себе всю империю. В 1382 году дошла очередь и до Юньнани, которой с боями овладели минские войска. В том же году умер отец будущего флотоводца. Такое совпадение наводит на мысль, что он оставался верен прежним хозяевам и погиб. Если так, то становится ясным

дальнейший поворот в судьбе одиннадцатилетнего Хэ. Победители взяли его в плен и распорядились «трофеем» по своему усмотрению — оскостили мальчика, собираясь отправить его на службу в один из богатых и знатных домов.

Надо сказать, что евнухи в старом Китае отнюдь не всегда оказывались на положении обычных гаремных слуг. Они нередко распоряжались домашними делами своего господина, и часто именно им он давал самые рискованные или деликатные поручения. Евнухи порой приобретали немалую власть и влияние, например, становились всесильными временщиками при императорском дворе. Вот почему многие, даже богатые семьи намеренно калечили своих детей, готовя им столь «завидный» удел.

Конечно, моральный и физический ущерб, нанесенный малолетнему Хэ, был невосполним. Но на открывшемся против воли мальчика пути ему повезло. В 1385 году войска, захватившие Хэ, были переброшены на север и увезли его с собой. Здесь он попал в услужение к одному из сыновей основателя династии Мин — Чжу Ди, человеку незаурядному, славившемуся своим полководческим талантом. Император доверил ему оборону северо-западных рубежей страны от монголов. В 90-х годах XIV века Чжу Ди стал брать с собой в походы и молодого евнуха, который также оказался способным воином.

Однако после смерти императора в 1398 году разразилась междоусобная война, которая закончилась в 1402 году воцарением Чжу Ди. Хэ участвовал в борьбе на стороне своего господина, причем участвовал успешно, ибо его имя фигурирует среди тех, кто по завершении войны получил от нового императора награды. Именно в порядке поощрения ему наряду с другими отличившимися иноверцами в феврале 1404 года была пожалована фамилия Чжэн, под которой он и вошел в историю. Кроме того, он получил звание «высшего евнуха» (тайцзянь) в Управлении дворцовых евнухов. Судя по всему, заслуги Чжэн Хэ действительно были немалыми, ибо вскоре ему оказали особое доверие: приказали возглавить грандиозные, небывалые в истории страны экспедиции в заморские края.

Какие цели при этом преследовало китайское правительство? Вопрос отнюдь не простой, и дать на него однозначный

ответ трудно. В официальной «Истории династии Мин» записано: «После того как Чэн-цзу (Чжу Ди. — *Авт.*) с помощью оружия утвердился в Поднебесной, он вознамерился подчинить своему авторитету десять тысяч стран (синоним множества. — *Авт.*) и разослал послов по всем четырём сторонам света для привлечения их ко двору». Для разьяснения этой цитаты нужен краткий экскурс в историю внешних отношений Китая.

В этой стране благодаря более раннему, чем у соседей, появлению государственности издревле

сложилось представление о том, что китайские порядки единственно правильные, а китайский император — это Сын Неба, персона, волею божеств призванная повелевать всеми, кто населяет земную твердь. На деле же покорность китайскому владыке зачастую выражалась не в прямой зависимости (хотя случалось и такое), а в соблюдении необходимых ритуалов, среди которых главное место отводилось регулярному посещению китайского двора дипломатическими миссиями. Сам факт прибытия посольства считался проявлением смирения пославшего его монарха, а доставленные подарки — обычной данью. Подобная модель отношений с иноземцами отвечала и внутренним интересам, ибо служила всемерному возвышению китайского монарха у себя в стране. Поощрение притока зарубежных посланников силовыми, дипломатическими и меркантильными методами практиковалось в Китае задолго до династии Мин. Прибегнул к этому и сын ее основателя.

Чжу Ди действительно остро нуждался в упрочении своего положения, ибо пришел к власти незаконным путем, сверг-

Китайский
парусно-гребной корабль

нув своего племянника — сына умершего наследника престола. Но сводить все только к внутривнутриполитическим побуждениям тоже было бы неверно. Как сказано в уже упомянутой «Истории династии Мин», новый император, замышляя экспедиции, «стремился показать иноземным странам силу своих войск, богатство и мощь Китая». Подобное намерение объясняется во многом тем, что именно к 1405 году крайне обостряются противоречия между Поднебесной и державой Тимура, даже выступившего в поход на Китай. Поэтому некоторые ученые высказывали мнение, что Чжэн Хэ должен был найти за морем союзников для совместной борьбы против Тимура. Отсутствие документальных свидетельств не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Но совпадение упомянутых событий во времени весьма показательно, и потому вполне возможно, что дальнейшее плавание наряду с другими целями должно было и прояснить обстановку в Южной Азии.

В той же «Истории династии Мин» сказано еще об одной, несколько экстравагантной причине экспедиций: якобы Чжу Ди не был уверен в смерти низложенного им племянника, подозревая, что тот бежал за море, и намеревался его отыскать.

Наконец, надо учитывать и то, что вольно или невольно морское путешествие Чжэн Хэ должно было способствовать укреплению, развитию и расширению торговых связей Китая.

Как видим, в перечисленных, подлинных и возможных, причинах и целях морских экспедиций нет ничего особенного — они вполне отвечали традициям китайской внешней политики и вписывались в контекст отношений с заморскими странами, заметно оживившихся с первых лет воцарения Чжу Ди: только в 1403 году им было направлено четыре посольства в Сиам (Таиланд), три — на Яву, два — в государство Тямпу (южный сосед Дайвьета — Вьетнама). Скорее, необычен масштаб этих походов и то обстоятельство, что ни раньше, ни долгие годы спустя китайское правительство не предпринимало столь активных действий на море. Его интересы никогда не простирались столь далеко — до тех пределов, которых достигли корабли Чжэн Хэ. Все это делает китайские морские экспедиции начала XV века уникальным явлением. Почему выбор их руководителя пал именно на Чжэн Хэ? Это, конеч-

но, не случайность. Дело в том, что в 1404 году он уже получил предписание возглавить посольство в Японию. Очевидно, Чжэн Хэ хорошо справился с заданием и приобрел необходимый опыт флотоводца. Кроме того, он был мусульманином и почитателем буддизма — имел даже буддийское прозвище Три Драгоценности (Саньбао), что, как справедливо полагали власти, помогло бы ему в установлении более тесных контактов с правителями и населением стран, где исповедовались названные религии. Надо также учитывать, что командовал кораблями не один Чжэн Хэ. Среди командиров называют также Ван Цзинхуна, Ли Сина, Чжу Ляна, Чжоу Маня и др.

После соответствующего указа в апреле 1405 года началась подготовка к экспедициям: формирование флота, комплектование команд и т. д. Суда «посольского типа» создавались во множестве заранее, еще с 1403 года. Но сооружались и новые — на Лунцзянской верфи под Нанкином. Китайское кораблестроение достигло тогда достаточно высокого уровня. Еще в XII—XIII веках здесь умели строить большие трехмачтовые суда с многопалубной кормой, водонепроницаемыми внутренними переборками и с пропитанным особой предохранительной смазкой корпусом. А еще — широкие грузовые корабли с мелкой осадкой, малые джонки, суда самых различных типов и назначения. Они ходили под парусами, а при безветрии — на веслах. Ориентировались при помощи лодций и «югоуказующей иглы» — компаса, ночью — по звездам. Учитывалось и направление муссонов.

Флот Чжэн Хэ, формировавшийся в нижнем течении Янцзы, составляли 62 больших, длиной до 40—50 метров, корабля, число остальных в летописях не указывается. Под началом Чжэн Хэ и других «главных послов» и их «помощников» находилось около 27 800 человек: чиновники и офицеры (более 570), переводчики, писцы, счетоводы, врачи, лоцманы, купцы, солдаты и матросы, грузчики и т. д. Суда, снабженные всем необходимым за счет казны, везли много ценностей (золота, серебра, денег) и различных товаров.

Приказ о выходе в море был дан 11 июля 1405 года, после чего эскадра прошла к устью реки Минь в провинции Фуцзянь и остановилась в бухте Тайпин, заканчивая подготовку к экспедиции и дожидаясь зимних северо-восточных мус-

сонов. Отплытие в дальние края сопровождалось пышными ритуалами. Из Фуцзяни флот направился к берегам Тямпы, далее — к Восточной Яве, а оттуда — к Северо-Западной Суматре, через Малаккский пролив на Цейлон и затем, обогнув южную оконечность Индостана, к торговым городам Малабарского побережья Индии, до самого крупного из них — Каликута (Кожикоде).

Возвратились в Китай осенью 1407 года и почти сразу же были посланы в новый поход (1407—1409), а затем — в следующий (1409—1411). Маршруты их приблизительно совпадали с направлением первой экспедиции. Позже эскадра добралась до города Ормуз в Персидском заливе (1413—1415), а в 1417—1419 годах — даже до берегов Красного моря и Северо-Восточной Африки. Спускаясь вдоль нее на юг, корабли Чжэн Хэ достигли острова Килва несколько южнее Занзибара. Шестая экспедиция (1421—1422) вновь посетила Африку, а седьмая (1431—1433) — Ормуз, отдельные же суда побывали в Джидде, что рядом с Меккой.

Участники походов Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэнь оставили описания заморских государств (всего упомянуто 56 стран) и городов, сложившихся там политических порядков, климата, местных обычаев, легенд, всяких удивительных вещей, а также товаров, которые здесь имелись. Вот как, например, рассказано о Могадिशо (в современном Сомали): «К горам прилегают обширные земли, каменные и желтого цвета. Не растет там ни травы, ни деревьев. Земля бесплодная, и урожаи скудные. Дождей не бывает по несколько лет. Выдалбливают колодцы... воду хранят в мешках из бараньих шкур... Мужчины и женщины стягивают волосы в пучок, вокруг талии носят небольшие повязки из ткани. Женщины... мажут голову желтым лаком. В ушах у них висят по несколько серег. Ноги обувают в кожаные ботинки. Жители упражняются во владении оружием и стрельбе из лука. Богачи отправляются на кораблях торговать в далекие страны. Бедный люд ловит в море рыбу сетями».

Как правило, Чжэн Хэ и его спутники встречали хороший прием. Они одаривали местных властителей и знать и добивались их согласия отправить своих послов в Поднебесную. Но иногда Чжэн Хэ прибегал и к военной силе. Такие столкнове-

ния произошли в Палембанге (Восточная Суматра) в 1407 году, на Цейлоне в 1411 году и в стране Самудра (Северо-Западная Суматра) в 1415 году. Во всех случаях китайские войска побеждали. Находившиеся на борту чиновники и купцы вели торговлю, собирали образцы редкостных товаров и вещей, а очень удивившего их африканского жирафа доставили в Китай к великому удовольствию императорского двора, увидевшего в нем предзнаменование счастья.

Вскоре по возвращении из своего седьмого плавания, в 1435 году, Чжэн Хэ умер в Нанкине. Могила его не сохранилась, и этому можно найти объяснение. В 1424 году, сразу же после кончины императора Чжу Ди, в придворных кругах начались споры: нужны ли столь дорогие затеи, которые к тому же ощутимых результатов не приносили. Противникам планов почившего государя были чужды как державные устремления трона, так и коммерческие интересы китайского купечества. Угроза же со стороны Тимура давно миновала. Это-то мнение и возобладало. Попытка возродить активные связи с заморскими странами была предпринята в начале 1430-х годов, но она оказалась кратковременной и умерла вместе со знаменитым флотоводцем, чью славу не намеревались подерживать долее.

Но дело, которому Чжэн Хэ посвятил половину своей жизни, не пропало даром. Укрепилось влияние Китая в Южных морях, росли китайские переселенческие колонии, был дан толчок дальнейшему развитию частной торговли с чужеземными государствами, расширился географический кругозор китайцев, окрепли культурные связи, совершенствовалась техника мореплавания. Остались эти путешествия и в памяти потомков. Недаром в «Истории династии Мин» есть такие слова: «В летописях говорится, что походы тайцзяня Саньбао в Западные моря были самым замечательным событием в начале династии Мин». Сами же участники так оценивали результаты походов: «Страны за горизонтом от края и до края земли стали доступны, и в их числе самые западные и самые северные, как бы далеки они ни были. Все дороги к ним пройдены, и все пути сочтены». Они верили, что им покровительствует сама небесная Супруга — морская богиня: «Случалось, что, когда мы попадали в бушующие волны, вздымаемые со-

крушительным ветром, на мачтах вдруг вспыхивали огни богини. И сразу же как появлялся этот волшебный свет, умерялась опасность и не было больше причины страшиться». Это зеленое сияние, которое европейцы называли «огнями святого Эльма», дарило морякам Чжэн Хэ надежду в трудную минуту, вело к спасению, удаче и дальше через века — к бессмертию...

Пираты против Поднебесной. Политика «морского запрета»

После изгнания из Китая монгольских властителей и провозглашения империи Мин (1368 год) основным противником нового правительства оставались монгольские ханы. Отброшенные за Великую Китайскую стену, они не оставляли надежду вернуться на имперский престол. Однако и в глубокое тылу, на морских рубежах страны существовала другая опасность, угрожавшая спокойствию новой империи. Побережье от Желтого до Южно-Китайского моря все чаще стало подвергаться налетам пиратов. В официальных китайских источниках их называют «японскими». Действительно, определенную часть их, особенно в начальный период их активности, составляли выходцы из Японии. Но к моменту наибольшего обострения этой проблемы — в середине XVI века — упомянутые «японские» пираты были преимущественно китайского происхождения. Как это могло случиться? Чтобы ответить на данный вопрос, нужно вернуться к истокам этого явления.

Впервые термин «японские пираты» появляется не в китайских, а в корейских хрониках в 1223 году, когда был совершен налет на берега Кореи. Затем подобным налетам стало подвергаться и китайское побережье. Пиратские нападения были связаны не только со стремлением поживиться имуществом жителей прибрежных китайских районов, хотя это, несомненно, имело место, но в значительной степени с политикой китайского центрального правительства. Дело в том, что традиционно негативное отношение китайской политэкономической мысли к торговле и торговой прибыли дополнялось

опасением властей утратить контроль над теми, кто уходил за море, а также боязнью сосредоточения в заморских краях оппозиционных режиму сил. С конца XIII века жителям юго-восточных приморских провинций Китая стали запрещать выходить в море частным образом (то есть без цели, одобряемой властями, и специального разрешения). Тогда же начали жестче, чем прежде, ограничивать и торговлю иноземцев, прибывавших из заморских краев. Правда, после 1314 года действие запретов и ограничений было несколько ослаблено, но попытки заставить строго соблюдать их время от времени повторялись и позже.

Что же касается китайской морской торговли не только с Японией, но и с многочисленными островами вдоль китайского побережья, странами Южных морей и Индийского океана, то она издавна существовала и достигла особого развития в XI—XIII веках, принося немалую выгоду как заморским гостям, так и властям и населению приморских районов Китая. Ограничительные же меры со стороны китайского правительства, поддерживавшего казенную, через дипломатические миссии, торговлю, ставили частную фактически в нелегальное положение. Остановить же ее не могли никакие запреты, и она поневоле принимала контрабандистский характер. Отсюда — меры самозащиты со стороны торговцев, стычки с прибрежной охраной, подталкивавшие к сочетанию пиратства и торговли.

Политика «морского запрета» была воспринята и правителями империи Мин, преследовавшими определенные политические цели. Как известно, основатель новой династии Чжу Юаньчжан в своей борьбе за престол столкнулся не только с прежними монгольскими властями, но и рядом местных китайских повстанческих лидеров. Часть разгромленных им соперников ушла на кораблях в море, закрепилась на прибрежных островах и, как сообщают китайские летописи, стала искать поддержку у японских пиратов. Поэтому в 1371 году был издан указ, запрещающий частным торговцам и прочему люду выходить в море. Еще более строгие запретительные меры, которые существенно ограничивали не только частную, но и казенную заморскую торговлю, были предприняты в 1374—1375 годах. В 1381 году вновь встал вопрос об уси-

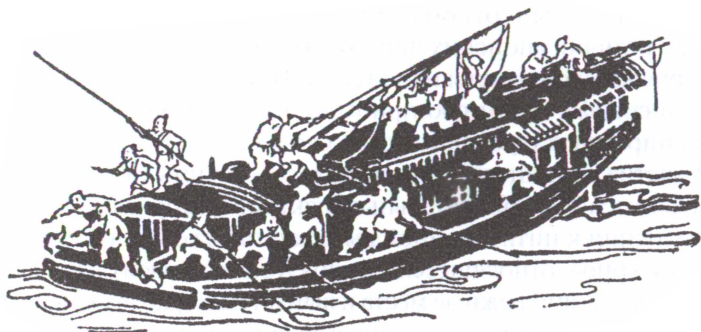
лении запрета в связи с раскрытием в Китае заговора против императора и опасением создания заморской оппозиции.

После некоторого ослабления строгости «морского запрета» в середине 80-х годов XIV века он снова усиливается в 1390 году: «Ведомству налогов следует строго запретить населению сноситься с заморскими странами. Вывоз золота, серебра, медной монеты, тканей и оружия был запрещен еще со времен правления предшествующей династии. Ныне же простолюдины из Гуандуна, Гуанси, Чжэцзяна и Фуцзяни (южные и юго-восточные провинции Китая. — *Авт.*), не соблюдая законов, часто вступают в связь с врагами и ведут с ними торговлю. Этим и обусловлен данный запрет. Военные, простолюдины и чиновники — все без исключения будут наказываться за торговлю, ведомую частным образом».

Статья «Об уходе за границу частным образом и запрете выходить в море» появилась и в заново отредактированном в 90-х годах XIV века общеимперском своде законов. Она гласила: «Всякий, кто, взяв лошадей, волов, изделия из железа, пригодные для военных целей, медные деньги, отрезы атласа, шелка, тонкого шелка, шелковую нить и хлопок, частным образом вывезет эти товары за границу для продажи или же выйдет с ними в море, получит сто ударов палками, а те, кто станет переносить эти товары с собой или грузить их на своих лошадей, будут понижены в должности на один ранг. Товары эти вместе с кораблями и повозками подлежат конфискации в казну, три десятых от общего количества конфискованного будет выплачиваться в качестве награды тому, кто донесет об этом». Эта статья помимо прочего интересна тем, что дает представление о товарах, которыми торговали частные китайские купцы.

Впоследствии запретительные меры разного — более строгого или мягкого характера подтверждались указами 1394, 1397, 1401, 1404, 1407, 1409, 1430, 1433, 1449 и 1452 годов. Сам факт периодического повторения подобных указов говорит о том, что они по-прежнему не срабатывали. Однако они оставались сильной помехой для нормального развития морской китайской торговли и способствовали процветанию пиратства.

Среди пиратов, как отмечают японские исторические сочинения, действительно были японцы. Например, есть свидетельства начала XVI века, что «некоторые воины с островов

Китайский грузопассажирский корабль

и побережья префектуры Ийю собираются в банды, пересекают океан, достигая иноземных берегов, и пиратствуют там, становясь богатыми. Их предводителем был избран Мураками Дзусо — господин [усадьбы] Носима... Пираты действуют вдоль берегов Китая, на юго-восточных островах, а также на Филиппинах, Борнео и Бали. Они продолжают свои набеги несколько лет... Иногда ронины (независимые от господ самураи. — *Авт.*), рыбаки, негодяи и прочие с островов Кюсю и Сикоку собирались в пиратские банды, и постепенно их численность выростала до 800—900 и иногда более чем тысячи человек. Вследствие этого все острова в юго-восточных морях тревожились пиратами».

Но еще больше сведений (уже в китайских исторических источниках) о том, что местные власти и население прибрежных районов Китая сами «привлекают» пиратов и, более того, под руководством местных богатых и знатных домов китайцы сами действуют как «японские» пираты, а некоторые становятся главарями японских пиратских группировок. В официальной истории династии Мин по этому поводу записано: «Известные предатели, такие, как Ван Чжи, Сюй Хай, Чэнь Дун и Ма Е, подолгу живут среди них (пиратов. — *Авт.*). Поскольку они оказались неспособны удовлетворить свои амбиции у себя на родине, они бежали на острова и стали предводителями общин японских пиратов. Последние подчиняются их руководству, а те направляют их в рейды. С этих пор из-

вестные пираты в открытом море перенимают снаряжение и знак отличия японских пиратов и разрозненными группами совершают свои налеты на материк. Нет ни одного из них, кто бы ни срывал огромную прибыль, и поэтому беды от японских пиратов усугубляются день ото дня».

Участие китайцев в пиратстве у собственных берегов подтверждается и законодательными актами. Например, одно из дополнений к цитированной выше статье из общеимперского свода законов, относящееся к концу XV века, гласит: «Каждый, кто покинет прибрежные места и выйдет на кораблях в море, не имея пронумерованного талона или приказа свыше, разрешающего выходить в море, и если он сделает это по уговору с влиятельными и сильными лукавцами, а также... тайно войдет в связь с пиратами и заодно с ними задумает набрать шайку, станет их пособником и будет грабить мирный люд, считается изменником и будет приговорен к обезглавливанию».

В середине XVI века у морского побережья Китая действовали 14 крупных пиратских формирований, возглавляемых китайцами. Центральное правительство в меру своих возможностей и необходимости боролось с пиратством, а заодно и с контрабандной, с его точки зрения, частной морской торговлей. Именно это затрудняло борьбу, делало ее непопулярной среди связанной с торговлей местной элиты и в конце концов определяло ее бесперспективность. Однако правительству удавалось добиться временных успехов. Вдоль берегов ставились гарнизоны, совершались патрульные морские рейды, а в случае надобности вводились в бой целые флоты. В частности, одно из значительных столкновений правительственных войск и пиратов произошло в 1419 году. Последние понесли поражение у берегов Ляодунского полуострова, потеряв 742 человека убитыми и 857 захваченными в плен.

Однако снижение накала противостояния у морских берегов достигалось скорее не оружием, а ослаблением политики «морского запрета». Так было в начале XVI века, когда китайское правительство смотрело сквозь пальцы на ее нарушение, передав контроль над заморской торговлей провинциальным властям, которые, как отмечалось, были весьма заинтересованы в ее развитии. Но терпимости центральной власти хватило ненадолго. Этому способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, к началу 20-х годов XVI века у берегов Китая появились первые португальские купцы и конкистадоры, пытавшиеся установить здесь свои правила игры. Во-вторых, произошел скандальный инцидент с японскими послами. В 1523 году в китайский порт Нинбо, куда обычно прибывали посольские миссии из Японии, приплыли сразу два представителя от двух различных японских магнатов — домов Хосокава и Оути. Каждый претендовал на собственное право представлять Японию. Посланник Оути — Судзэцу Гендо появился в Нинбо раньше. Но пришедший позже представитель Хосокавы Со Сокио, подкупив евнуха, занимавшего руководящий пост в Управлении торговых кораблей в Нинбо, получил дипломатическое признание и связанные с этим торговые преимущества. Тогда разгневанный Судзэцу со своими людьми напал на корабли соперника, сжег их и перебил команду и сопровождающих. Со бежал в город Шаосин. Преследовавший его отряд Судзэцу, будучи не в состоянии штурмовать стены Шаосина, отошел обратно в Нинбо, где стал жечь дома и грабить население. Японцы пленили одного из местных китайских военных чинов и ушли в море на захваченных китайских кораблях.

Произошедший инцидент вызвал возмущение в Китае. На имя императора посыпались доклады с предложениями вновь вернуться к политике «морского запрета», что и было сделано. Это вызвало новую активизацию пиратов у китайских берегов. Правительство отвечало контрмерами. Но, как отмечали современники тех событий, «частный выход в море и частноторговые связи невозможно прекратить, ибо там, где дело касается крупных прибылей, людей не остановить даже угрозой смерти».

В 40-х годах XVI века борьба с пиратами перерастает в своего рода необъявленную войну. Пираты объединяются в группировки, сильнейшими из которых были хуэйчжоуская во главе с Сюй Дуном и фуцзяньская во главе с Чэнь Сыпанем. Их соперничество приводит к выдвиганию на первый план Ван Чжи. Он имел свой флаг и контролировал действия всех более мелких группировок. Пираты создавали свои базы на китайском берегу и близлежащих островах, совершали далекие походы в глубь прибрежных провинций, осаждали и брали многие города. Их флотилия однажды появилась

даже у Южной столицы империи — Нанкина, куда они подошли по широкой и судоходной реке Янцзы. В трех провинциях — Цзянсу, Чжэцзяне и Фуцзяни, где особенно активизировались пираты в середине XVI века, ими было создано восемь постоянных баз, взято и разграблено 26 городов и 29 подвергнуто осаде.

Апогей противостояния пиратам приходится на конец 40-х годов XVI века и связан с деятельностью чиновника Чжу Ваня. В 1547 году он был назначен военным губернатором Чжэцзяна, а также начальником морской обороны Чжэцзяна и Фуцзяни с самыми широкими полномочиями в действиях против пиратов и португальцев, которые порой были тесно связаны между собою. Например, католический монах Жуан де ла Консепсион, известный под именем Чжан Лянь, был отнюдь не последним среди пиратских лидеров. Чжу Вань стал строжайшими мерами проводить в жизнь «морской запрет». По его приказанию китайский флот многократно вступал в сражения с пиратами и португальцами. К 1549 году побережье Китая оказалось наглухо блокированным от атак с моря.

Но борьба шла не только в открытую. И в прибрежных провинциях Китая, и непосредственно при императорском дворе по-прежнему было немало противников политики «морского запрета». Как отмечено в источниках, «все фуцзяньцы и чжэцзянцы ненавидели Чжу Ваня». Это, конечно, некоторая гипербола, но недовольных действительно было много. В столицу шли постоянные жалобы с обвинениями его в превышении власти и казнях невинных людей. К тому же в 1547 году произошли перемены в раскладе сил в китайской столице. Всесильного временщика Ся Яня, сторонника жесткой линии, выдвинувшего и поддерживавшего Чжу Ваня, сменил другой временщик — Янь Сун, который не стоял за чрезмерную строгость в данном вопросе. В результате из столицы был прислан цензор, чтобы разобраться с делами Чжу Ваня на месте. Цензор признал виновность последнего, и Чжу Ваню было предписано покончить с собой (чтобы избежать позора публичной казни). Многие его сподвижники были брошены в тюрьмы.

Однако смещение Чжу Ваня и его сторонников не привело сразу же к «открытию» страны и снятию преград для морской

торговли, а равно и к сворачиванию разбойных нападений пиратов, ставших для них привычными и выгодными. Их налеты продолжались в 50-х и начале 60-х годов XVI века. Лишь в 1557 году правительственному флоту и войскам удалось захватить Ван Чжи, но остальные продолжали действовать. Острота пиратской проблемы постепенно спадает лишь к середине 60-х годов, что было связано опять-таки со смягчением правил заморской торговли. По настоянию одного из военных губернаторов прибрежных провинций в 1560 году были восстановлены Управления торговых кораблей в крупных портах. Это давало возможность, хоть и под контролем властей, легализовать заморскую торговлю. А в 1567 году по предложению цензора Ду Цзэминя новый, только что взошедший на престол император согласился вообще отказаться от политики «морского запрета» в отношении всех стран, кроме Японии. Все иноземные корабли были разделены на два разряда — из Западного и Восточного океанов, и их стали допускать в Китай при условии уплаты соответствующей пошлины.

Нельзя, конечно, думать, что после этого у китайских берегов ни разу не случилось пиратских нападений. Но это были отдельные случаи, не выходявшие за рамки того, что творилось тогда на морях и океанах всего земного шара. Острота же проблемы пиратства исчезла, поскольку исчезла почва, ее порождавшая.

Корсары атакуют с моря. Нашествие «кораблей Хатимана»

Они города осаждали,
Они выжигали селенья,
И пленных они угоняли,
Народу неся разоренье.

Цай Янь (172—220)

Они вселяли ужас в открытом море и у чужих берегов. Их смертельно боялись в Китае и в Корее. Страшились одного вида их летучих кораблей. Судов с острыми носами, двумя или тремя мачтами, с прямыми парусами и высокой кормой.

Приводили в трепет их знамена, реявшие на мачтах. На стягах было начертано: «Корабль Хатимана». Так звали японского бога войны. Именно ему они рьяно служили. Именно Хатиман вел их по морям и побережьям соседних стран. Над палубами торчали пики, алебарды, протазаны и длинные луки. С бортов грозно глядели ряды заряженных аркебуз... Эти люди не знали преград. Не боялись ни штормов, ни вражеских военных эскадр. Они сами выходили в море целыми флотилиями. И горе тем, кто попадался им на пути! Вызывали ужас их двуручные самурайские мечи — длинные и изогнутые с круглой гардой. Их доспехи и шлемы. Их боевой клич. Их умение сражаться. Их меткость — а стреляли они без промаха. Каждый в бою стоил нескольких солдат. Неумех, слабаков и трусов среди них не встречалось. Сходиться в рукопашной с ними рисковали немногие. Эти люди не ведали страха и жалости, зато кипели яростью и жестокостью. Даже после сражения, когда они грабили, жгли, насиловали и убивали. Люди моря и войны — их капитаны и лоцманы знали каждый берег как свой карман. Битвы, абордажные стычки и захват городов стали для них обыденным делом, а разбой на море и на суше — любимым занятием.

Эту грозную силу именовали «японскими пиратами», хотя были среди них и китайцы, и корейцы. В Японии этих морских разбойников звали «вако», в Китае — «вокоу», а в Корее — «вэку». Со своих стоянок и баз в Стране восходящего солнца их корабли выходили в море и, как волки в стаю, сбивались в эскадры. Одни флотилии пересекали Корейский пролив и шли к берегам Страны утренней свежести. Другие направлялись к Срединному государству, где их манили богатые китайские города. Участие в набегах китайцев и корейцев, хорошо знавших местные условия, во многом обеспечивало успех нападений. Именно они подсказывали наилучшие время, объект и способ атаки, наиболее удачный маршрут.

Эта вольница формировалась в основном из социальных отбросов: пиратов, беглых матросов с казенных, в том числе военных, кораблей, солдат-дезертиров, разоренных рыбаков и ловцов жемчуга. Были среди них и контрабандисты, преступники, бродяги, авантюристы, молодежь из

обедневших семей крестьян и мелких торговцев. Те, кто бежали от справедливой или незаслуженной кары. Те, кому ничего другого не оставалось. Много было среди них ронинов — самураев, потерявших господина, а потому лишившихся своих земельных владений или жалованья (рисового пайка). Богатый военный опыт, личные качества и авторитет делали их вожаками лихих дружин и «адмиралами» пиратских эскадр. Выбирали в главари и японских крестьян. В годы феодальных распрей князя (даймё) привлекали их к военной службе, и многие становились профессиональными солдатами. Можно сказать, что именно междоусобицы питали «японское пиратство» первоклассными командирами и воинами.

На «кораблях Хатимана» находились не только боевые дружины и моряки, но и торговцы. И те и другие состояли на службе у даймё Юго-Западной Японии. Пираты Страны восходящего солнца промышляли коммерцией, в частности контрабандой, и грабежом по всему восточному побережью Китая и берегам Кореи отнюдь не самостоятельно. У них были хозяева — неофициальные, но могущественные, прежде всего князья и крупные купеческие дома. К примеру, до середины XVI века легальную торговлю с империей Мин контролировали князья Оути, а с Кореей — князья Со, владельцы островов Цусима.

Князья и купечество Юго-Западной Японии снабжали пиратов быстроходными судами и оружием, до середины XV столетия исключительно холодным, в основном мечами. Их малые суда брали на борт 30—40, а большие — 80—90 человек. С последней трети века корсары активно применяли и огнестрельное оружие — аркебузы, фитильные, заряжающиеся с дула ружья. А на их судах размещалось теперь бойцов вдвое больше. Имелся даже корабль, команда которого и десант могли составить до двух тысяч человек.

Летучие эскадры бороздили Желтое и Восточно-Китайское моря. Их часто видели в Бохайском заливе и Тайваньском проливе, в Японском море, у берегов Вьетнама и Филиппин. Выходили они на добычу и в Южно-Китайское море. Но главным объектом их «внимания» был Китай. Опустошительные набеги становились настоящим бедствием для при-

брежного населения юго-восточных провинций Срединного государства. Как писал в свое время поэт Цай Янь:

И там, где они проходили,
Поля превращались в пустыню.
И там, где они воевали,
Стонала земля от невзгод.

Перевод В. Журавлева

В первые полтора столетия правления династии Мин (1368—1644) морские разбойники еще не представляли большой опасности для китайской империи. Однако в XVI веке положение резко изменилось: начавшаяся с 1507 года более чем полувековая война между японскими княжествами позволила корсарам в очередной раз пополнить свои ряды. На палубы «кораблей Хатимана» поднимались все новые и новые тысячи оставшихся без рисовых пайков самураев, потерявших жалование солдат, разоренных крестьян... Наступает апогей «японского пиратства».

Между тем военный флот империи Мин прекратил всякие действия за пределами береговой полосы. Этим сразу же воспользовались князья Юго-Западной Японии. Пираты Страны восходящего солнца возобновили свои нападения на китайские города и селения. В 1523 году их корабли высадили в порту Нинбо крупный десант, во главе которого стоял один из прибывших в страну японских послов. Когда минская сторона не признала его полномочия, он счел себя оскорбленным и «покарал» китайцев обычным пиратским способом. Под ударами его дружины и морских разбойников Нинбо пал — богатый многолюдный торгово-ремесленный город был разграблен и сожжен. Японцы захватили множество кораблей и ушли в море. В результате этих событий император Хоуцун (1521—1566) «закрыв ворота» морской торговли. Начался разгул контрабанды, которую взяли под свою опеку те, кто был заинтересован в доходах от подпольного бизнеса: «сильные дома», знатные сановники и «уважаемые фамилии» юго-восточных провинций Китая. Один из сторонников «морского запрета» на связи с другими странами писал: «Пресечь разбой иностранцев (то есть японцев. —

Авт.) легко. Пресечь разбой китайцев трудно. Пресечь разбой на китайском побережье легко, но пресечь разбой китайской местной знати очень трудно».

Крупные купцы и феодалы Юго-Западной Японии, которых давно не удовлетворяла официальная торговля в узких рамках «даннической системы», теперь окончательно решили ее сломать. «Тараном» послужили корсары. Целые эскадры

вооруженных кораблей отплывали к берегам империи Мин, где пираты занимались контрабандой и грабежом. При этом «японские бандиты» действовали в союзе с китайскими. К середине XVI века разбой у берегов Китая достиг апогея. Вот что сообщает «История династии Мин»: «В двадцать шестом году (1547) сто кораблей японских пиратов долго стояли в Нинбо и Тайчжоу. Несколько тысяч человек высадились на берег, жгли и грабили». Многие жители этих городов были убиты корсарами. Между тем «сильные дома» и купечество Китая, гревшие руки на нелегальном промысле, добились смещения и довели до смерти сановника Чжу Ваня, пытавшегося бороться если не с самими пиратами, то хотя бы с их китайскими пособниками.

После самоубийства Чжу Ваня в 1549 году «никто и заикаться не смел о запрещении морской торговли». Береговую охрану сняли, и «японские пираты» получили возможность хозяйничать всюду, нигде не встречая сопротивления. Их набеги становились все более частыми и разрушительными. В том же, 1549 году флотилии «кораблей Хатимана» обрушились на приморские области Чжэцзяна и Фуцзяни. В «Истории династии Мин» говорится: «Услышав о нашествии японцев, все разбежались, и приморье опустело. С тех пор до конца эры правления Цзяцзин (то есть до 1566 года. — *Авт.*) не было спокойных дней». Все это привело к разрыву офици-

Китайский
военный корабль эпохи Мин

альных отношений между Китаем и Японией. В свое время поэт Най Сянь (около 1350 года) писал:

Как бурю жестокою вскоре,
Враги развязали на море
В сраженьях бесчисленных войну, —
И шли корабли чередой ко дну.

Перевод В. Кошелевского

Так в 1547—1549 годах началась «пиратская война», бушевавшая на побережье Минской империи вплоть до конца 60-х годов XVI века. Война с битвами, походами и штурмами городов. Уже в 1550 году «корабли Хатимана» вошли в реку Янцзы. Пираты разорили богатые города в ее низовьях, а затем блокировали Нанкин — Южную столицу Минской империи.

Местные правительственные войска, как огня боявшиеся корсаров, бежали с поля боя. Тогда военачальник Чжан Цзин перебросил из Гуанси и Гуандуна отряды «храбрецов» и одержал над «японскими бандитами» крупную победу в сражении у Ванцзянцзина в провинции Чжэцзян. Другой военачальник, Цао Банфу, нанес им поражение в Хушучжа (провинция Цзянсу). На помощь этим полководцам были направлены ударные части из Сычуани и Шаньдуна. Бои шли с переменным успехом.

Действиям японцев способствовал разгул китайских пиратов — местных шаек под командой прославленных атаманов Ван Чжи, Чэнь Сыпаня, Сюй Дуна и Ли Гуантоу. Свои флотилии имели У Пин, Цзин Ибэнь, Линь Даоцзянь и Линь Фэн. Самыми сильными вожаками считались Ван Чжи и Чэнь Сыпань. Вокруг них к середине XVI века сплотились все морские разбойники Китая. В итоге возникли две группировки, которые объединились под началом Ван Чжи. Без его ведома ни один пиратский корабль не выходил в море. Лишь после многочисленных и безуспешных попыток минский флот разбил основные силы Ван Чжи, заставив его перебазироваться к берегам Японии. Китайское пиратство быстро срашивалось с «японским».

В 1533 году Ван Чжи, Чэнь Дун и Сюй Хай наняли несколько сот боевых джонок, которыми командовали «японские пи-

раты», и с разных направлений вторглись в провинцию Чжэцзян. Их ватаги грабили районы и по обоим берегам Янцзы. Тревожные вести разнеслись по приморью на многие сотни километров. С тех пор начались невиданные по своим масштабам набеги на земли Минской империи.

Как ни охотились за Ван Чжи, он долго был неуловим. Однако минским военным посчастливилось, и в 1557 году разбойник попал к ним в руки. Тем не менее оставшиеся на свободе соратники Ван Чжи продолжали его дело. Китайские пираты и бродяги нередко переодевались в японское платье, поднимали японский флаг с надписью «Корабль Хатимана» и отправлялись на разбой под видом «японских пиратов».

Борьба приняла затяжной и маневренный характер. Опытные в ратном мастерстве, пираты наносили удары там, где их не ждали. И столь же умело уходили от правительственных войск, обнаруживших к тому же низкую боееспособность. Отдельные победы Чжан Цзина и Цао Банфу не могли создать перелома в ходе военных действий. Дело осложнялось и бездарным руководством операциями из столицы — Пекина. Правивший тогда Китаем временщик — секретарь Государственного совета Янь Сун нанес огромный ущерб обороне страны. Действуя заодно с дворцовыми евнухами, он свел в могилу Чжан Цзина и сослал Цао Банфу. Его ставленники оказались ни на что не годны. Лишившись со смертью Чжан Цзина своего командира, «храбрецы» из Гуанси и Гуандуна вышли из повиновения. Эта «хищная солдатня» безнаказанно чинила поджоги и грабила мирное население. Между сычуаньскими и шаньдунскими войсками началась грызня. Насилия со стороны этих горе-воjak обрушились на головы жителей приморья, коим и без того доставалось от «японских» и китайских пиратов.

Из столицы стали посылать специальных уполномоченных для уничтожения пиратов и отпора «японцам». Однако вскоре эти чрезвычайные эмиссары, особенно помощник министра Чжао Вэньхуа, прославились своим взяточничеством, пассивностью и продажностью.

А война разгоралась. Критическим стал 1555 год. Пираты заняли обширные территории в юго-восточных провинциях, опустошили богатейшие города и угрожали самой власти ди-

насти Мин. Дело зашло так далеко, что они напали на Нанкин. Их атака была отбита, но эта дерзкая вылазка еще больше усилила страх перед морскими разбойниками. В 1556 году корсары совершили успешный грабительский рейд по провинции Фуцзянь. Война захватила морское побережье пяти провинций — от Шаньдуна на севере до Гуандуна на юге. Японцы овладели рядом приморских городов. «Корабли Хатимана» по инициативе либо с согласия даймё перебрасывали в Китай все новые и новые подкрепления. Это были уже не столько пираты, сколько профессиональные воины-самураи и пехотинцы из крестьян. Сражения на китайской земле становились все крупнее и ожесточеннее.

Видя, что войска из других провинций бессильны против морских разбойников, шэньши (привилегированное «ученое» сословие) и помещики Чжэцзяна стали создавать собственные отряды самообороны. На их основе военачальники Ци Цигуан, Юй Даюй и Лю Сян формировали новые ударные части. Особой дисциплинированностью и боеспособностью отличались те, что были набраны из ополченцев Чжэцзяна и обучены Ци Цигуаном. Названные «личным войском Ци», эти соединения сумели противостоять бандитским ватагам. Однако война еще несколько лет шла с переменным успехом. Вот что китайский источник сообщает о событиях 1562 года: «Прежде японцы оставили провинцию Чжэцзян. Они покушались на Хуай, Янчжоу, У и Юэ, но безуспешно. После этого напали на провинцию Фуцзянь. Разграбили более одиннадцати городов. Захватили много богатства и детей обоего пола. Побили и изранили чиновников, солдат и жителей бесчисленное множество».

Лишь в 1560-х годах началось наступление на «японских пиратов». Минские полководцы один за другим освобождали ранее занятые бандитами города. В 1563 году Ци Цигуану удалось нанести жестокое поражение противнику в Фуцзяни и вытеснить его из этой провинции. На суше и на море развернулись яростные бои. Пиратский флот был разбит, и только в плен было взято пять тысяч человек.

Между тем империя Мин предпринимала все новые и новые усилия для разгрома «японских варваров». Все больше потрепанных в боях ватаг добиралось до своих кораблей и от-

плавало в Японию. К концу 1560-х годов удалось сбросить последние пиратские отряды в море и очистить от них побережье. «Усмирение японских бандитов» зашло так далеко, что в 1570-х годах их набеги почти совсем прекратились. Так окончилась «пиратская война» в Китае.

Эта победа стала возможной по двум причинам. Во-первых, империя Мин к этому времени существенно укрепила свою морскую оборону и повела против корсаров успешную борьбу. Во-вторых, Япония стала выходить из полосы затяжных междоусобных войн. Образовалось сильное центральное правительство во главе с Тоётоми Хидэёси, который наложил строгий запрет на морской разбой. Однако то было затишье перед бурей — перед мощным вторжением в Корею армий и флота объединителя Японии Тоётоми Хидэёси.

Сын Неба в плену у ойратов

В 1449 году, спустя восемьдесят лет после изгнания из Китая монгольских ханов, китайская армия потерпела сокрушительное поражение от монгольских войск, и страна на какой-то момент вновь оказалась перед угрозой иноземного завоевания. Чтобы понять, как это могло случиться, нужно вернуться к истории китайско-монгольских отношений.

В январе 1368 года Чжу Юаньчжан, возглавивший борьбу с монгольскими завоевателями, провозгласил в стране власть новой, чисто китайской династии Мин. Своей столицей он сделал город Нанкин. Посланные им войска под командованием полководца Сюй Да 4 октября взяли Пекин — столицу империи Юань. Монгольский хан Тогон Тэмур бежал в город Инчан (около 400 километров к северу от Пекина). Однако он не отказался от попыток восстановить монгольское владычество в Китае. Под контролем монгольских властей и верных им китайских приверженцев оставались провинции Юньнань и Ляодун, а также значительная часть территории Сычуани, Шэньси, Ганьсу. Не отказался Тогон Тэмур и от названия своего государства, по-прежнему считая себя китайским императором. Правда, в отличие от прежнего оно именовалось

Северная Юань. Изгнанный император даже начал строить столицу этого государства — город Барс-хото.

В 1370 году Тогон Тэмур скоростижно умер. Власть перешла к его сыну Аюширидаре (правил под титулом Билигтухан). Воспользовавшись перестановкой сил в правящей монгольской верхушке, китайские войска нанесли удар по ставке ханов и овладели Инчаном. Аюширидара с двором и домоладцами отошел на северо-запад, в древнюю монгольскую столицу город Хархорин (Каракорум). Окрыленные успехом, китайцы стали собирать силы для похода на монгольскую столицу. В 1372 году 150-тысячная армия под командованием Сюй Да и племянника императора Ли Вэньчжуну углубилась в монгольские степи. Но здесь она была разбита монгольской конницей под начальством полководца Кокэ Тэмуре. После этого противостояние сторон хотя и сохранялось, но столкновения происходили лишь в виде мелких стычек. К этому времени империя Мин восстановила контроль над большинством районов в Шэньси, Ганьсу и Сычуани.

В 1378 году умер Аюширидара. В начавшейся борьбе за ханский престол китайский двор поддерживал его сына, который одно время находился в китайском плену и пользовался расположением и милостями двора. Однако победил другой претендент — Тогус Тэмур, младший брат умершего хана. Отношения сторон снова резко обострились. Монгольские войска вновь овладели Инчаном. Китайская же армия во главе с воспитанником императора Му Ином, воспользовавшись концентрацией сил противника под Инчаном, в 1380 году нанесла удар по Каракоруму. Монгольская столица была взята и сожжена. Было перебито много мирных жителей, захвачена большая добыча. Несмотря на все усилия Тогус Тэмуре, военная удача перешла на китайскую сторону. В 1381 году войска империи Мин под начальством Сюй Да и Фу Юдэ отвоевали Ордос — северную часть провинции Шэньси, заселенную тогда преимущественно монголами. В 1382 году Му Ин сломил сопротивление монгольских отрядов, стоявших на южных рубежах страны — в провинции Юньнань. В 1387 году китайские войска отвоевали последний оплот монголов в Китае — Ляодун и вынудили обитавших здесь монголов-уряхайцев подчиниться минскому двору. Их глава Нагачу перешел на

китайскую службу со своей 20-тысячной армией. Наконец, в 1388 году у местечка Бойр-нора в районе Инчана китайская армия под командованием полководца Лань Юя полностью разгромила основные силы Тогус Тэмура. Сам хан, бежавший после поражения, был убит одним из своих приближенных. В плен попало около 2900 монгольских сановников, включая родичей ханского дома, а также 77 тысяч солдат и простых монголов-кочевников. Было захвачено также 150 тысяч голов скота.

Вслед за Тогус Тэмуrom государством Северная Юань правили друг за другом двое его сыновей и внук, но военные неудачи 80-х годов XIV века определили его дальнейшую судьбу. Раздираемое внутренними распрями, оно уже не могло всерьез претендовать на возвращение китайского престола. Где-то после 1402 года (точная дата не известна) временно захвативший власть нойон (монгольский титул знатности) Гуйличи, не принадлежавший, как прежние ханы, к потомкам Чингисхана, отказался от названия Северная Юань, назвав свое государство Дадань.

Внутренние распри среди монгольских правящих верхов имели очень важные последствия для будущей судьбы Монголии. В 1399 году произошел раскол дотоле политически объединенных монгольских племен на западные и восточные. Их политическая история в дальнейшем потекла по различному руслу и сопровождалась взаимным противоборством. Китайские историки сообщают, что еще во время крушения династии Юань в Китае (точная дата не указана) монгольский военачальник Мункэ Тэмур объявил себя правителем западных монголов — ойратов, обитавших на территории Джунгарии (в провинции Синьцзян в современном Китае) и западных районов современной Монголии. После его смерти ойратские владения распались на три части. Окончательный же распад связывается с гибелью монгольского хана Эльбека — младшего сына Тогус Тэмура в 1399 году. Легенда утверждает, что здесь не обошлось без роковой женщины. Некий Хутхай, служивший при дворе, обратил внимание хана на красоту невестки — жены одного из сыновей Эльбека. Хан поддался искушению: убил сына, а его жену взял себе в гарем. Та решила отомстить Хутхаю и ложно обвинила его

в попытке изнасилования. Хан повелел казнить «насильника». Но вскоре женщина созналась, что казненный не виноват. Тогда Эльбек-хан, чтобы загладить свою вину, приблизил к себе двоих сыновей Хутхая и передал им в управление четыре тумена (административно-военная единица, выставлявшая 10 тысяч ратников). Вскоре эти ойратские властители, очевидно мстя за отца, убили Эльбек-хана. Уведя свои тумыны из ставки на запад, они полностью вышли из-под власти восточномонгольских ханов.

Китайские хроники сообщают, что еще до 1399 года ойраты стремились установить мирные отношения с Китаем в противовес ханской ставке. После же отделения ойратские послы стали часто появляться при китайском дворе, где встречали благосклонный прием. Раскол среди монголов был выгоден империи Мин, которая хотела видеть в ойратах своего союзника в борьбе с восточномонгольскими ханами. Поэтому неудивительно, что в 1409 году, когда вновь вспыхнули военные действия на монгольско-китайских рубежах, императорский двор пожаловал почетные титулы трем тогдашним ойратским правителям. Ойратам же, в свою очередь, добрые отношения с Китаем давали возможность восстановить и поддерживать жизненно важные для скотоводов-кочевников торговые связи с великим земледельческим соседом.

Конфликт же между Китаем и восточными монголами имел свое продолжение. Империя Мин, воспользовавшись расколом в монгольском стане, направила в 1408 году послов к хану с повелением признать вассалитет по отношению к императору. Монголы убили этих послов. Тогда в Монголию вступила 100-тысячная китайская армия. Но противник успел хорошо подготовиться к встрече, и в 1409 году на реке Тола китайские войска были наголову разгромлены. Потери монголов тоже были немалые. К тому же в монгольской правящей верхушке снова начались распри. Поэтому в следующем году, когда новая китайская армия во главе с самим императором Чжу Ди (1402—1424) вошла в Монголию, войска хана Буния-шири потерпели поражение на реке Онон. Хан бежал к ойратам, где вскоре умер, а возможно, и был убит.

В 1414 году армия Чжу Ди снова совершила поход в Монголию и нанесла поражение монгольской коннице под коман-

дованием одного из претендентов на ханский трон. Такие же походы предпринимал император в 1422, 1423 и 1424 годах. Во время последнего Чжу Ди скончался в воинском стане в монгольских степях.

В 1423 году в летописях отмечено и столкновение китайских войск с ойратами, совершившими первый набег на китайские владения в Центральной Азии. Правда, ойраты прислали в Пекин, ставший с 1420 года китайской столицей, послов с извинениями. Есть основания полагать, что во искупление их вины китайский двор потребовал от ойратов помощи в борьбе с восточными монголами. В этот период обострилось военное противостояние между обеими ветвями монголов. В течение более двух десятилетий между ними то вспыхивали, то затихали столкновения, сопровождавшиеся многочисленными интригами, которые порой выливались в кровавую резню среди представителей правящей верхушки. К середине 30-х годов XV века фактическая власть в Монголии оказалась в руках ойратского властителя Тогона, официально занимавшего пост первого советника (тайши) при восточномонгольском Дайсун-хане. Эта власть значительно усилилась при сыне Тогона — Эсэне, в 1439 году унаследовавшем должность и положение отца. Он планомерно шел к объединению монголов, не останавливаясь перед истреблением противившейся этому знати и непокорных племен.

Поначалу Эсэн сохранял мирные дипломатические и торговые отношения с Китаем, который поддерживал ойратов в их противостоянии с восточными монголами. Но к концу 40-х годов XV века отношения обострились не столько из-за политических, сколько из-за торгово-экономических противоречий. Торговля с Китаем — обмен лошадями, скотом и производимых кочевым хозяйством товаров на китайское зерно, шелк, чай и самые разнообразные предметы ремесленной промышленности — всегда была очень важна для монголов. Китайский двор тоже был заинтересован в этой торговле, но, исходя из своих потребностей, стремился удерживать ее в определенных рамках, ограничивая число прибывавших посольских миссий и доставляемого ими товара. Монголы же систематически нарушали эти ограничения. Порой монголы пригоняли в Китай старых и больных лошадей, а китайцы

расплачивались некачественным шелком. Атмосфера накалилась, когда в 1448 году Эсэн направил в Китай посольство в составе 2 тысяч человек, которые потребовали положенного вознаграждения как для трех тысяч. Китайцы отказались вести с ними торговлю. Тогда Эсэн пошел походом на Китай.

В 1449 году, несмотря на протесты Дайсун-хана, объединенные ойратские и восточномонгольские войска под командованием Эсэна вступили в северо-западные пределы империи Мин, атаковав город Датун (на севере провинции Шаньси). Командир местного китайского гарнизона У Хао принял бой, но потерпел поражение и погиб. Навстречу монголам был послан 40-тысячный кавалерийский отряд под начальством Цзин Юаня, родственника императора по женской линии. Но и он был наголову разбит. Как сообщают летописи, ни один из его всадников не вернулся с поля сражения. Было решено бросить против противника все силы империи, поставив во главе армии самого императора.

В то время в Китае правил правнук победителя монголов Чжу Ди — Чжу Цичжэнь (храмовое имя Ин-цзун). Он вступил на престол в 1435 году восьмилетним ребенком. Пока он вырос, власть в стране прибрал к рукам евнух Ван Чжэнь. Китайская историографическая традиция приписывает ему множество пороков — самоуправство, жестокость, лихоимство и др. Именно Ван Чжэнь, вопреки мнению некоторых военачальников, настаивал на том, чтобы поход возглавил сам император. Это придало бы кампании большее значение. Фактическое же руководство войсками Ван Чжэнь оставил за собой.

К Пекину подтягивали войска, чтобы в кратчайший срок сформировать огромную армию. Из казны выделяли средства на вооружение, одежду, продовольствие и награды для солдат и офицеров. Жители северных районов страны были обложены дополнительными налогами на военные нужды. 4 августа 1449 года ведомая императором и Ван Чжэнем армия выступила из Пекина на северо-запад и 18 августа подошла к стенам Датун. Эсэн заблаговременно отвел свои войска к границе. Тем временем в императорскую ставку начали поступать сообщения о военных неудачах на других участках границы с монголами. В Ляодуне перешли в наступление

уряньхайцы и чжурчжэни. Под Янхэ (примерно в 60 километрах к северо-западу от Датуна) разрозненные колонны китайских войск из-за несогласованности действий военачальников потерпели полное поражение. Двое из них — Сун Ин и Чжу Мянъ — пали на поле сражения, третий — Го Цзин — бежал, едва спасшись от плена. В лагере главных сил под Датуном дела также обстояли неважно: налетел циклон, многие солдаты простудились и болели. Горы трупов, оставшихся со времен захвата города монголами, угнетающе действовали на них. Планы противника были не ясны. Пассивное ожидание становилось угрожающим, и Ван Чжэнь принял решение отводить армию на северо-восток от Датуна. Но тут его осенила идея — пусть императорский поезд проследует через его родные места, где он сможет принять императора в собственных владениях и тем еще больше укрепить собственный авторитет. Он дал приказ войскам вернуться с дороги, по которой они прошли уже около 25 километров, и отходить другим путем. Некоторые полководцы стали возражать, уговаривая императора не позволять этого. Возникла неразбериха. Тем временем Эсэн, узнав об отходе противника, быстро перешел в наступление. Посланный им передовой отряд Байян Тэмура настиг отходящие китайские войска. Но его натиск был отбит.

Когда же неожиданно подошли основные силы Эсэна, император, выставив заслон из своей дворцовой гвардии, поспешил уйти от преследования. Гвардейцы отважно сражались, но силы были не равны. Монголы заняли окрестные высоты и осыпали их стрелами и камнями. Ряды гвардейцев дрогнули. Напрасно командир У Кэчжун пытался повести их вперед. Он был окружен и погиб. Получив известие о поражении, император послал 30-тысячный отряд, чтобы остановить преследователей. Но он попал в устроенную монголами засаду и был разгромлен. Оба командира отряда — Чжу Юн и Се Шоу — пали в бою.

30 августа китайские войска встали лагерем у крепостцы Туму-бао (буквально: «Укрепление из земли и дерева») в 12 километрах к северо-западу от города Хуайлай. На следующий день сюда подошла армия Эсэна и отрезала дорогу на Пекин, взяв китайский лагерь в кольцо. Император и хан вступили в переговоры о мирном решении конфликта. Вос-

пользовавшись этой паузой, Ван Чжэнь 2 сентября отдал приказ передвинуть китайский лагерь ближе к протекавшей невдалеке реке — не хватало воды, и лошади китайской кавалерии томились от жажды. Во время передвижения воинские ряды смешались, началась неразбериха. Монголы, улучив момент, атаковали китайскую армию с четырех сторон, призывая противника бросать доспехи и оружие, чтобы сохранить жизнь. В результате минские войска обратились в беспорядочное бегство. Монгольские конники преследовали и добивали их.

Император был окружен в своей ставке. Он вскочил на лошадь и попытался вырваться из окружения, но не сумел. Тогда он слез с коня и сел на землю, скрестив ноги. В такой позе его и застали подросшие монгольские воины. Не зная, кто перед ними, они содрали с него доспехи и доставили в ставку Эсэна. Только там выяснилось, кого они захватили в плен.

Ван Чжэнь был обвинен в случившемся и зарублен одним из китайских военачальников. В битве погибли около 50 вельмож, сановников и полководцев, более половины китайской армии. В руки Эсэна попало 200 тысяч лошадей и мулов, большое количество оружия и снаряжения. Это была поистине катастрофа, подобной которой Китай не знал уже давно.

Отправляясь в поход, Ин-цзун оставил управление государственными делами не своему малолетнему наследнику, а брату — Чжу Циюю. Получив известие о пленении императора, он принял управление страной, а 22 сентября 1449 года объявил о своем восшествии на трон, сохранив за незадачливым братом титул «великого предыдущего императора». В первые дни после разгрома в Пекине долго думали, переносить столицу страны на юг или нет. Против этого категорически выступал полководец Юй Цянь, который замещал погибшего в походе начальника Военного ведомства. Было решено оборонять столицу, что и поручили Юй Цяню. Он действовал быстро и энергично: подтягивал войска, собирал ополчение, запаса́л оружие и продовольствие на случай осады. Помогла и передышка, которую Эсэн предоставил китайцам после своей оглушительной победы. Хан не пошел к Пекину, а отвел свои войска ближе к монгольским рубежам. Очевидно, он рассчитывал добиться своих целей, используя плененного

императора. Однако после интронизации нового китайского государя эти расчеты не оправдались.

Так или иначе, но войска Эсэна появились под стенами Пекина лишь 27 октября 1449 года, когда Юй Цянь уже сумел подготовить город к осаде и подтянуть сюда 220 тысяч солдат. Монголы привезли с собой плененного Ин-цзуна и начали переговоры о его передаче, выдвинув ряд условий. Но новый двор не пошел на это. 29 октября был предпринят первый штурм. Монголы атаковали ворота Дэшэнмэнь и Сичжимэнь (в западной части северной и северной части западной стен города). Китайская кавалерия вышла из ворот Дэшэнмэнь, смяла авангард противника и быстро отошла обратно. Приблизившиеся же к городским стенам монголы были встречены пушечной пальбой. Одновременно в их тыл зашел другой китайский отряд. В результате противник отступил. Упорный бой с переменным успехом шел у ворот Сичжимэнь. Но и здесь осаждавшим пришлось отойти.

Назавтра штурмующие нанесли удар по воротам Чжаньимэнь. После упорного боя им удалось ворваться в город. Но тут они были встречены подоспевшими резервами, а также градом черепицы и кирпичей с крыш домов и были выбиты за стены. 31 октября Эсэн предпринял ночной штурм. Однако интенсивный пушечный огонь и удар китайских войск с тыла вынудили монголов отступить, неся большие потери. Между тем в тылу Эсэна развевалось нечто вроде партизанской войны. В этих условиях хан предпочел снять осаду и 2 ноября увел войска на северо-запад. Захватывая, что попадалось, и сжигая города и селения, они отошли на монгольскую территорию. Судьба страны и династии Мин была спасена.

Что же можно сказать в заключение? В 1450 году Эсэн вступил в переговоры с Китаем. Обе стороны, обменявшись взаимными упреками, восстановили обычные торговые и дипломатические отношения. Эсэн в 1452 году убил Дайсун-хана и на некоторое время стал всемонгольским правителем. Но внутренние распри в монгольских правящих верхах продолжались. В 1453 году Эсэн потерпел поражение в междоусобной борьбе, потерял свою армию, имущество и семью. Скрываясь, он попросил убежища в одной из юрт своего бывшего соратника, которого он в свое время казнил. Жена казнен-

ного опознала его, и ее сын убил Эсэна, мстя за отца. Ойратские властители после Эсэна уже не играли значительной роли в политической истории монголов.

Что же касается плененного Ин-цзуна, то в неволе ему дали в жены монголку из простолюдинок. Убедившись, что никаких выгод его содержание в плену не принесет, Эсэн в 1450 году отпустил его домой. Здесь его стали именовать «великий предыдущий император» и поселили под охраной в Южном дворце в столице. В начале 1457 года император Дай-цзун (Чжу Циюй) заболел и слег. Группировка придворной знати воспользовалась этим и произвела переворот, возведя на трон опального Ин-цзуна. Дай-цзун умер (возможно, что в этом ему помогли), и само упоминание о его правлении было вычеркнуто из официальной истории. Восстановили его много позже. Ин-цзун царствовал еще семь лет под девизом «Небесная благосклонность» и умер своей смертью. Его прах покоится среди могильно-храмовых комплексов императоров из династии Мин недалеко от Пекина.

Подвиги героев знаменитого романа «Речные заводы»

Кто за правду стоял,
Кто богатств не копил,
Те, кто мстью пылал,
К водной шири спешил,
В Ляншаньбо путь держал.

«Шуйху чжуань»

В придорожном кабачке бражничал удалец У Сун. Влив в себя восемнадцать чашек крепчайшего вина под выразительным названием «Валит с ног за порогом», он двинулся к горному перевалу. Хозяин кабачка пытался было остановить его: «Здесь недавно появился огромный тигр. Нападает на путников, идущих через перевал ночью, и пожирает их. Так погибло уже человек тридцать! Вам лучше провести ночь у меня!» Крепко подвыпивший У Сун только рассмеялся: «Никакой тигр мне не страшен!» Солнце уже село за гору, ко-

гда удалец вышел на перевал. Под сильным воздействием выпитого У Сун решил вздремнуть. Едва он прилег, как на него набросился огромный тигр. От испуга У Сун покрылся холодным потом и мгновенно протрезвел. Обеими ручищами он схватил зверя за загривок и, прижав его голову к земле, стал колотить ногами по морде. Тигр громко рычал и с такой силой скреб лапами землю, что вырыл яму. У Сун, высвободив правую руку, начал бить его кулачищем по голове. После семидесятого удара из глаз, ноздрей и ушей полосатого хлынула кровь. Тигр обмяк и повалился, испустив последний вздох.

Это отрывок из средневекового романа Ши Найаня «Речные заводи» («Шуйху чжуань»), входящего в сокровищницу китайской литературы. Его знает в Китае каждый, даже школьник. Имя Ши Найаня окружено любовью и почетом. А между тем сам он остался почти «человеком-невидимкой». Сведения о нем крайне скудны и большей частью легендарны. Более того, долгое время его роман-эпопею приписывали другому автору. Родился Ши Найань в 1296 году в большом торговом и ремесленном городе Янчжоу на берегу Великого канала. Его второе имя Цзыань. Народная молва приписывает ему участие в восстании Чжан Шичэна (1321—1367), который сначала боролся против монгольской династии Юань, затем в союзе с ней — против основателя Минской династии Чжу Юаньчжана, но потерпел поражение. Умер Ши Найань в 1370 году в Синьхуа (округ Янчжоу).

Роман «Речные заводи» родился как результат литературно-художественной обработки устных народных сказаний о повстанческой борьбе в период Сун (960—1279). В 1120 году на территории пяти провинций (Хэнань, Шаньдун, Чжили, Цзянсу и Аньхой) началось восстание, которое возглавил мелкий служащий уездной управы Сун Цзян. Поднялись крестьяне — владельцы земли и арендаторы. К ним примкнули мелкие служащие, монахи, торговцы, выходцы из младшего офицерства, разорившиеся помещики. Среди повстанцев было много бродяг, рыбаков и речных матросов. Движение против притеснителей народа приняло широкие масштабы, охватило более 80 уездов. На борьбу с повстанцами были брошены целые армии, и осенью 1122 года восстание было потоплено в крови. Однако борьба продолжалась. Тайными убежища-

ми для повстанцев стали «речные заводы» — островки, скрытые среди озер и болот. Паролем служили слова «Все люди братья!».

Восстание Сун Цзяна стало темой многочисленных народных сказов, стихов, песен и пьес, создававшихся на протяжении XII—XIV столетий. Реальные события породили народные легенды. Те, в свою очередь, превратились в профессиональные сказы. На их основе создавались народные книги с иллюстрациями. Построенные по принципу летописи, где повествование состоит из эпизодов, они предназначались для простого читателя. За народными книгами последовали драмы. Это были полуисторические пьесы об отважных повстанцах из лагеря Ляншаньбо. Воспевая дух вольницы, удаль героев и справедливость Сун Цзяна, они побуждали храбрецов в разных концах Китая браться за оружие, чтобы противостоять чужеземной династии Юань (1271—1368). И наконец, за пьесами последовала эпопея Ши Найяня «Речные заводы», явившаяся переходной формой между фольклорно-эпическим повествованием и романом.

Рассказы об отдельных героях, по разным причинам оказавшихся в повстанческом лагере Ляншаньбо, об их бесстрашии и удали составили своего рода цикл отдельных эпических биографий, которые Ши Найянь свел в единое письменное произведение. Тем не менее «Речные заводы» остались суммой историй, происшедших с разными героями. Так, например, истории их прихода в повстанческий лагерь Ляншаньбо. Каждый герой передает эстафету действия другому, подготавливая его появление. В итоге «Речные заводы» представляют собой цепь, состоящую из отдельных звеньев. Тем самым композиция, художественная манера и основные приемы автора тесно связаны с устным народным сказом. Именно к нему восходит своеобразное деление на главы, глава здесь — однодневная «порция» (буквально: «раз») многодневного выступления сказителя. Отсюда и обязательный обрыв главы на каком-либо напряженном месте. И непременно завершающая фраза типа: «Но о том, что стало с жизнью такого-то, вы узнаете в следующей главе». Это свидетельствует о механическом использовании сказового трафарета. А глагол «послушайте» заменяется на «прочитайте». От уст-

ного сказа идет и своеобразное внутреннее деление главы на два эпизода. Держа слушателей в напряжении, сказитель был вынужден посередине повествования делать паузу. Служила она для сбора денег со слушателей и для краткой передышки.

«Речные заводы» — едва ли не первое письменное произведение о народном восстании. Разбойная вольница в романе представлена главным образом героями, несправедливо пострадавшими или избавившими общество от злодея. Поэтому они и вынуждены скрываться в озерных плавнях от преследования властей. Ши Найань подчеркивает благородство разбойников, отнимающих богатства у жадных чиновников. Они сродни «благородным разбойникам» других стран — английскому Робину Гуду, словацкому Яношику, азербайджанскому Кёр-оглы. Идея братства, пренебрежение богатством и защита простого люда объединяют героев вокруг Сун Цзяна. Вместе с тем удалыцы «Речных заводов» борются против злых и продажных сановников, окружающих императора. По конфуцианским представлениям устранение таких высокопоставленных негодяев — долг всех честных подданных по отношению к своему государю. Рисуя картину лихоимства и беззакония, царящих в чиновном мире, Ши Найань подчеркивает, что «чиновники вынуждают народ бунтовать». Однако бунт в «Речных заводах» направлен не против государя и является делом справедливым. Тем более что конфуцианство оправдывает восстание против недостойных правителей и их недостойных слуг.

В романе показано, как небольшой повстанческий отряд Сун Цзяна, пользуясь народной поддержкой, одерживает одну победу за другой. Его горный лагерь Ляншаньбо постепенно превращается в грозную неприступную силу. Ряды повстанцев растут, крепнет авторитет их вождя — мудрого и справедливого Сун Цзяна. Слава об отважных повстанцах распространяется далеко за пределы провинции Шаньдун, привлекая к восстанию все новые и новые силы. Власти не в состоянии остановить этот могучий поток.

Ши Найань не скрывает своих симпатий, описывая жизнь повстанческого горного лагеря, подвиги разбойной вольницы, мужественных и благородных соратников Сун Цзяна, сражения повстанцев с правительственными войсками, по-

единки народных героев с предводителями вражеских отрядов и военные состязания. Автор вводит в свою героическую эпопею и «прозу жизни», народный быт. Его персонажи много пьют, едят, ссорятся, иногда прелюбодействуют. В эпопее нашла свое отражение жизнь помещичьих усадеб, сел и деревень, а также богатых торгово-ремесленных городов.

С большим художественным мастерством нарисован портрет самого Сун Цзяна. Его имя является одним из наиболее популярных и почитаемых в китайском народе. О героических подвигах Сун Цзяна существовало немало преданий. На протяжении двух столетий они передавались из уст в уста. Но только под кистью Ши Найаня этот народный герой обрел столь яркий художественный облик. Его Сун Цзян спокоен и рассудителен, мудр и справедлив, дальновиден, внимателен к соратникам, заботлив по отношению к простому люду. Не менее выразительны образы других героев лагеря Ляншаньбо, таких, как Лу Да — человек богатырской силы, ловкий и отчаянный, воплощение бесстрашия и мужества, как У Сун, имя которого стало в Китае символом мужества и непобедимости. Эпизод, рассказывающий о поединке безоружного У Суна с огромным тигром-людоедом на горном перевале, входит в учебники и хрестоматии, широко используется народными сказителями, включен в репертуар мастеров художественного чтения и самодеятельных театров, передается по радио. Столь же решительно богатырь У Сун расправляется с угнетателями народа. «Я всегда борюсь с людьми безнравственными, — говорит он. — Если встречаю на пути несправедливость, тут же выхватываю меч, чтобы оказать помощь. Я не боюсь даже смерти».

Самый неистовый из героев романа Ли Куй, наделенный всеми чертами эпического богатыря, не боится обличить императора, слушающего своих корыстолюбивых сановников, разорвать в клочки императорский приказ, избить посланцев монарха. В поздних изданиях «Речных заводей» редакторы сняли бунтарскую сцену, где император видит во сне, как Ли Куй с двумя боевыми топорами в руках бросается на него, чтобы отомстить за гибель своего старшего названного брата Сун Цзяна, отравленного по монаршей воле.

Ши Найань явно любит удальцами из Ляншаньбо, их волей к жизни, мужеством и настойчивостью в достиже-

нии цели, смелостью перед лицом опасности, бескорыстием и преданностью в дружбе. Это был своего рода вызов со стороны Ши Найяня, ведь власти отрицали наличие у «разбойников» столь высоких человеческих качеств. Автора восхищает в героях Ляншаньбо все, даже их клички — Нефритовый единорог, Барсоголовый, Золотое копьё, Черный вихрь, Живой владыка ада, Парчовый барс, Владыка демонов, Восьмирукий Будда, Вышедший Из Пещеры Дракон, Железные руки. Прославляя героев прошлого, Ши Найянь стремится пробудить в читателях патриотические чувства, что было особенно злободневно во время свержения монгольского ига и династии Юань.

Власти не могли смириться со свободолобивой бунтарской направленностью романа. При династии Мин (1368—1644) эпопея Ши Найяня считалась одиозной, герои Ляншаньбо объявлялись «бандитами», а их лидер Сун Цзян — «главарем смутьянов». Сами же «Речные заводы» провозглашались «разбойничьей книгой». Всех, кто выступал против господства евнухов и реакционеров, приравнивали к Сун Цзяну и его сподвижникам. Этого было достаточно для объявления человека «преступником» и «крамольником». Эпопею Ши Найяня неоднократно запрещали, а автора предавали анафеме. В XVII веке литератор Цзинь Шэнтань подверг обработке эту уже ставшую знаменитой героическую эпопею, стараясь сгладить многие ее вольнолюбивые мотивы и усилить конфуцианские идеи. Этот вариант стал почти каноническим. Тем не менее враждебное отношение властей к этой «бандитской» книге сохранилось и в XVIII—XIX столетиях. Дело в том, что тайное антиправительственное антиманьчжурское общество «Триада» взяло за образец Великое братство «Речных заводов». Членов тайных обществ привлекало отсутствие в лагере Ляншаньбо каких-либо социальных разграничений. Он объединял выходцев из всех слоев и сословий, из бедных и состоятельных, образуя братство равных. Атмосфера равенства и единства всемерно насаждалась в «Триаде», возрождая пароль повстанцев эпохи Сун: «Все люди братья!» Здесь все считались «нареченными братьями». За этот дух мятежной вольницы и боевого братства власти называли «Речные заводы» «разбойничьим» сочинением. Однако любовь народа к нему

и его небывалый массовый успех не позволяли искоренить эту «крамолу».

Последующие поколения с восторгом читали и слушали рассказы о героях лагеря Ляншаньбо — о его лидере Сун Цзяне, о 36 его главных соратниках и о 108 повстанцах этой отважной вольницы. Необычайной популярности «Речных заводов» способствует и разговорный язык повествования с минимальной примесью письменного языка вэньянь. Текст Ши Найяня доступен людям, не знающим иероглифической письменности, слушать и понимать его мог любой неграмотный.

Роман-эпопея сначала существовал в списках и широко передавался изустно. Значительно позднее его начали печатать ксилографическим методом. Авторство «Речных заводов» долгое время приписывали Ло Гуаньчжуну (1330—1400) — создателю героической эпопеи «Троецарствие» («Саньго чжи»). Однако эта версия не нашла подтверждения, как и то, что Ло Гуаньчжун отредактировал роман. Творение Ши Найяня существует в различных вариантах. Цзинь Шэнтань, редактируя первоначальный текст, сократил его до 70 глав. Именно этот вариант впоследствии неоднократно переиздавался и переводился на восточные и европейские языки. Тем не менее ближе к подлиннику варианты, состоящие из 100 и 110 глав.

Ряд персонажей «Речных заводов» перешли в другой выдающийся китайский роман «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»). Его автор, скрывавшийся под озорным псевдонимом Ланьлинский Насмешник, сделал завязкой своего романа один из эпизодов книги Ши Найяня. Отсюда же заимствованы главный герой Симэнь Цин, его возлюбленная Пань Цзиньлянь, богатырь У Сун и другие персонажи. Сюжеты из «Речных заводов» широко использовались в эпоху Мин и более позднее время. Так, писатель Чэнь Чэнь (1590—1670), отказавшийся служить маньчжурским завоевателям, создает произведение под названием «Позднее повествование о речных заводах» («Шуйху хоучжуань»), которое явилось «продолжением» знаменитой эпопеи. Чэнь Чэнь не может смириться с поражением восстания Сун Цзяна. Его оставшиеся в живых герои вновь поднимаются на борьбу. «В речных заводах, — пишет он, — все забурлило еще сильнее, чем в прошлый раз у горы Ляншань, поскольку затевались дела, способные потрясти

небо и сдвинуть горы». В конце концов автор отправляет своих героев на морской остров. Здесь они создают свое государство, где царит справедливость. Все кончается созданием новой китайской утопии, причем чудесная земля располагается не в заброшенных горах Срединного царства, а за морем.

Победное шествие эпопеи Ши Найяня продолжалось и далее. Яркие эпизоды из «Речных заводов» становились излюбленной темой народных сказителей. Среди них особую славу в XVII веке приобретает Лю Цзинтан. Драматурги выводят его в своих пьесах. Поэты воспевают в стихах его искусство. Знаменитые литераторы составляют его жизнеописания. В XVII столетии «Речные заводы» переводятся в Корею, сюжеты романа используются в музыкальных драмах Вьетнама. Произведение Ши Найяня положило начало эпопеям XVII–XVIII веков о повстанцах и других народных героях.

«Речные заводы» относятся к лучшим творениям китайской художественной прозы и по праву занимают одно из первых мест в богатейшем культурном наследии Китая. Российский читатель может прочитать эту книгу в превосходном переводе А. П. Рогачева.

Империя Мин — царство кастратов

Многое поражало тех, кто впервые попадал в Пурпурный Запретный город — дворцовый комплекс императоров династии Мин. Восхищали и дворцы, и парки, и павильоны, и кричащая роскошь. Среди прочего поражал и вид тысяч странных, одинаково одетых людей, сновавших здесь. Раскованные в речах и манерах, они имели отталкивающую внешность. У них отсутствовали следы пола и возраста. Старые не имели бороды, а молодые выглядели как женщины, одетые по-мужски. Много встречалось толстых и рыхлых. Одни говорили девичьим голосом, другие — неприятным фальцетом, зачастую срываясь на визг. При ходьбе они слегка сгибались, наклоняясь вперед, и семенили мелкими шажками. От многих дурно пахло, как от страдающих ночным недержанием мочи. Это были дворцовые евнухи, но не «постель-

ная стража» мусульманских гаремов, а служители с самыми различными обязанностями. В отличие от Европы дворец монарха наполняли не обычные слуги, а слуги-кастраты. В традиционном Китае император, или Сын Неба, считался почти божеством. Поэтому простолюдины не только не могли его обслуживать, но и даже видеть. Пребывание во внутренних помещениях дворца, а тем более в личных покоях Сына Неба надлежало доверить особой категории лиц. Для этого и потребовался институт евнухов — людей «третьего пола», лишенных естества и ставших как бы тенью государя. Дворцовые нужды и охрана обеспечивались приказами, сплошь состоявшими из скопцов. Последние обслуживали императорскую семью и двор, снабжая их всем необходимым. Существовал особый «табель о рангах» для евнухов. Состоял он из 10 чинов, 5 рангов и 24 должностей. Имея свою внутриворцовую должность, евнухи как бы вводились в систему имперского чиновничества.

Служба при императорском дворе в Китае была престижной и выгодной. Удачная карьера дворцового евнуха давала близость к Сыну Неба, власть, почести и богатство. Стать таким «придворным» в период Мин стремились многие бедняки и люди среднего достатка. Служба евнухов была почетной. Дворцовые скопцы стояли лишь на ступеньку ниже победителей на столичных экзаменах. Для многих это был прямой путь к богатству, почету и власти. Успешная карьера кастрата могла благодетельствовать его семью и род на ряд поколений. Многие евнухи еще до кастрации имели собственных, а после оскопления — приемных детей. Чаще всего скопцы усыновляли своих племянников, передавая им все права и привилегии наследования. Быстрый рост числа кастратов в Китае начался с середины XV столетия. Причины были разные. Бедняки, спасаясь от голода и лишений, нередко отдавали сыновей и внуков под нож хирурга еще в детском возрасте. Другие делали оскопление, дабы избежать государственной трудовой повинности. Третьи мечтали о чинах и богатстве. Четвертые не хотели работать в поте лица, но рассчитывали на спокойную и сытую жизнь. Иногда евнухами становились не только мальчики, юноши и молодые мужчины, но и люди в годах.

Запретный город в Пекине и летние загородные дворцы императора кишели евнухами. Скопцы обслуживали дворцы его сыновей и внуков в столице и ее окрестностях. Много кастратов состояло при дворцах и усыпальницах в двух других столицах империи — Нанкине и Фэнъяне. Евнухи сновали во дворцах удельных князей. Они управляли поместьями и иными владениями родни правящего дома Чжу. Рассеянные по стране по городам и рудникам, они выполняли специальные функции надзора и руководства. Кроме того, еще большее число кастратов не получили места на службе и владели жалкое существование. К концу правления династии Мин при дворе насчитывалось более 10 тысяч евнухов, а всего по стране — около 100 тысяч.

Между тем в начале эпохи Мин наблюдалась совсем иная картина. Скопцов было мало, политического веса они не имели, и положение их было незавидным. В Китае издавна существовало довольно настороженное отношение к евнухам. С их усилением и деятельностью связывали падение династий Поздняя Хань (I—III века) и Тан (VII—X века). На это, в частности, указывал в своих поучениях потомкам и сам основатель династии Мин Чжу Юаньчжан (1368—1398), который недоброжелательно относился к евнухам и считал их только слугами. «Они могут лишь подавать вино, подметать полы, передавать приказы, но им нельзя давать никаких поручений», — писал Чжу Юаньчжан. Согласно его указу, евнухи не имели права вмешиваться в политику, не могли покидать дворец и столицу. Первый минский император, стремившийся «держать евнухов в узде», распорядился на воротах дворца укрепить медную доску с надписью: «Евнухам запрещается участвовать в государственных делах. Нарушивший это правило будет обезглавлен». Стоило скопцу заговорить о делах правления, как его выгоняли со службы при дворе. Евнухам запрещалось изучать конфуцианские каноны. Они должны были постоянно жить в Запретном городе. Для выхода из него требовалось специальное письменное разрешение. Чжу Юаньчжан советовал будущим правителям и провинциальным чиновникам не слишком доверять евнухам, ибо среди них преобладают порочные люди. Он заставил скопцов подчиниться жестким общеимперским правилам и стремился понижать ранг должностей евнухов.

После раскрытия заговора канцлера Ху Вэйюна в 1380 году Чжу Юаньчжан упразднил кабинет министров и посты канцлеров. Всю военную и политическую власть он сосредоточил в своих руках. Себе в помощь он создал Императорскую канцелярию (Нэйгэ), а ее секретарям отвел лишь роль советников. При его преемниках все важные государственные дела должны были решать сами императоры. После упразднения постов канцлеров, верховного главнокомандующего и ликвидации Центрального правительственного совета (Чжуншу) между императором и более низкими уровнями исполнительной власти возник вакуум. Последний заполнялся при преемниках Чжу Юаньчжана по-разному, в том числе путем допущения евнухов к дворцовым делам управления.

Уже при третьем минском государе Чжу Ди (1402—1424) скопцы резко пошли в гору. Сей император совершил государственный переворот, опираясь на евнухов. Не доверяя старым сановникам своего деда, новый государь развязал скопцам руки. В его царствование евнухи добились права осуществлять дипломатическое представительство, решать вопросы войны и мира, инспектировать армию и командовать войсками на местах. Чжу Ди выдвигал евнухов в противовес штатской бюрократии и военным, рассчитывая обрести в них верную опору своего самодержавия. Именно при Чжу Ди начался быстрый количественный рост этой касты. Евнухов стали посылать военными наместниками в пограничные провинции. Им даровали одеяния князей низших степеней (гун, хоу) и ставили выше военачальников. При Чжу Ди началось широкое использование дворцовых евнухов на «внедворцовой» службе. Их назначали специальными уполномоченными на местах, дипломатическими представителями и инспекторами войск. Скопцы стали контролировать столичную гвардию, внешнюю морскую торговлю, заниматься политическим сыском и выполнять функции цензоров-контролеров. В итоге практическое решение многих вопросов после смерти Чжу Ди перешло к евнухам. Абсолютная власть Сына Неба стала плавно «перетекать» в их руки. Само собой разумеется, что политическим влиянием и властью пользовались главные евнухи, в том числе руководители дворцовых учреждений.

Чжу Юаньчжан строил госаппарат империи Мин так, чтобы в военной, бюрократической и дворцовой системах не мог появиться лидер. В начале XV века этот принцип был отброшен. Ведущая роль при дворе перешла к Управлению церемоний, то есть органу, находившемуся в руках евнухов. Его начальник стал главой придворных кастратов. Ему были подвластны воинские подразделения евнухов, тайная полиция и дворцовая охрана.

Если Чжу Юаньчжан запретил давать кастратам классическое конфуцианское образование, то один из его преемников открыл специально для этого Придворную школу евнухов. Более того, их допустили к государственным экзаменам на получение ученых степеней. После этого их стали назначать на руководящие административные посты наравне с представителями шэньши. Если основатель династии Мин запретил перемещение евнухов по стране, то его наследники, забыв этот наказ, распространили их власть и за пределы столицы. Так, они ведали охраной Нанкина, делами провинции Хугуан и канцеляриями военных наместников. Вскоре евнухи сами стали наместниками. Свыше ста лет (1425—1529) они занимали должности военных наместников во всех провинциях страны. Правда, позднее с этой практикой было покончено. Если Чжу Юаньчжан назначил контролеров над евнухами, то при его преемниках кастраты сами захватили функцию надзора за чиновниками. В 1420 году была создана пресловутая «Восточная ограда» (Дунгуан) — орган секретной и сыскной службы евнухов. Его начальник, один из самых влиятельных среди главных евнухов, даже получил право на личную охрану. «Восточная ограда» занималась исключительно борьбой с заговорами, изменой и «коварными речами». Здесь арестованных допрашивали, пытали и держали за решеткой.

Так уже ближайшие преемники основателя династии Мин пренебрегли его предостережениями в отношении скопцов. С начала XV века евнухи «вышли» за пределы чисто внутриворцовых дел и «вторглись» в гражданское управление, военное дело и надзор. Введение принципа единоначалия в системе внутриворцовых учреждений позволило евнухам обрести значительную самостоятельность по отношению к власти Сына Неба. А это, в свою очередь, открыло дорогу

к бесконтрольному росту числа придворных кастратов. Чжу Юаньчжан считал пребывание свыше тысячи скопцов при дворе одной из возможных причин ослабления и падения династий. После его смерти этот численный предел был превзойден многократно.

В отличие от Чжу Юаньчжана его преемники возлюбили кастратов. Императоры крайне ценили личную преданность своих скопцов. Сыны Неба питали пристрастие к кастратам по ряду причин. Во-первых, скопцы не были обременены семейными заботами. Во-вторых, не являлись ставленниками знати. В-третьих, целиком зависели от монарха и не могли ему противостоять. В-четвертых, всегда находились при государе и лучше всего подходили для выполнения срочных и специфических поручений. В-пятых, императоры долгое время считали евнухов всего лишь послушными проводниками своей воли и не предполагали, что именно они фактически узурпируют власть монарха.

При дворе евнухи держали в своих руках двенадцать «управлений», четыре «отдела» и восемь «отделений». Всего же в ведении скопцов находилось пятьдесят четыре учреждения. Из них самые обширные полномочия имело Управление церемоний. Стоявшие во главе его евнухи от имени императора накладывали резолюции на доклады сановников и чиновников, объявляли указы от имени Сына Неба, практически подменяя монарха и явочным порядком узурпируя его власть. Многие резолюции и указы просто не проводились через Императорскую канцелярию. Последняя оказалась полностью безвластным органом. Без согласия евнухов ее секретари ничего не предпринимали, боясь за свою карьеру. Впрочем, и инициатива секретарей, если бы она имела место, была бы похоронена скопцами. Поэтому члены Императорской канцелярии смотрели в рот главным евнухам. А те по своему усмотрению вершили все дела, толковали законы в свою пользу и творили произвол. При последних императорах династии Мин евнухи обсуждали секретные дела, выносили приговоры, миловали приговоренных к смерти, вели столичной тюрьмой. Все это они делали самостоятельно, без участия придворных сановников. Получив право карать и миловать, скопцы резко усилили свою реальную власть над

госаппаратом. Именно они готовили проекты императорских указов, ведали государственными печатями, оглашали резолюции Сына Неба. Именно к ним поступали прошения с мест и из столичных учреждений. К ним перешел контроль за чиновными назначениями и пожалованиями, за государственными монополиями на соль и чай, за особыми судебными делами. Евнухи держали в своих руках императорскую сокровищницу и казну, ведали усыпальницами императорской семьи, казенными шелкоткацкими мануфактурами Нанкина, Сучжоу и Ханчжоу, морскими таможами и соляными промыслами.

Кастраты командовали столичным гарнизоном, охранявшим Запретный город и самого императора. Здесь скопцы оттеснили на второй план Парчовую охрану, то есть лейб-гвардию. Сына Неба оберегали уже не «одетые в парчу», а подменившие их евнухи-телохранители. Сама лейб-гвардия попала под начало кастратов. Офицеры Парчовой охраны по приказу евнухов производили аресты, содержали под стражей подозреваемых в темных замыслах чиновников, в том числе нелояльных по отношению к евнухам. Скопцы занимались вопросами снабжения армии — производством и складированием оружия, снаряжения и боеприпасов. Евнухов назначали главами дипломатических миссий, главнокомандующими и адмиралами. Таковым, как мы помним, был знаменитый Чжэн Хэ — мореплаватель и дипломат, руководивший семью экспедициями в страны Южных морей. Кастраты командовали крупными военными соединениями, сражавшимися против маньчжуров, возглавляли войска нескольких провинций. Они выступали военными и штатскими инспекторами, закупали товары для дворцовых нужд, собирали внутренние таможенные пошлины, продовольственные и рудничные налоги. На все крупные инспекторские должности назначались евнухи. Среди них были рудничные, налоговые, соляные инспекторы и инспекторы по жемчугу.

Получая все новые и новые назначения, евнухи тем самым сужали сферы деятельности штатской бюрократии, военных, цензоров, придворной стражи и даже фрейлин. Евнухи при династии Мин стали, по сути, третьей особой категорией имперской бюрократии (наряду со штатскими чиновни-

ками и военными). Причем это была наиболее привилегированная часть госаппарата, его элита, воспринимаемая самими монархами как особо доверенная и максимально преданная династии Мин.

Установлению господства евнухов способствовали личные качества императоров, сидевших на «драконовом троне» после Чжу Ди. Это была вереница тупых посредственностей, жестоких самодуров, безмолвных ничтожеств, самовлюбленных жуиров. Всех их объединяли лень и отвращение к государственным делам. Думая лишь о развлечениях и наслаждениях, эти, по сути, номинальные государи отдали управление страной на откуп придворным кастратам. Свое безделье Сыны Неба — преемники Чжу Юаньчжана и Чжу Ди считали высочайшей привилегией, стараясь не слушать и не говорить о делах. Так, император Цзяньшэнь (1464—1487) за 23 года своего царствования лишь один раз принял сановника, да и то с чисто ритуальным визитом. Хоучжао за шестнадцать лет правления (1505—1521) ни разу не принимал своих сановников. Хоуцун (1521—1566) и Ицзюнь (1572—1620) по двадцать с лишним лет не прикасались к государственным делам. Их августейшее время было слишком «драгоценно», а их дух — слишком «возвышенным», чтобы заниматься низменными и скучными административными вопросами. Зато на свои прихоти Сыны Неба не жалели ни времени, ни денег. Один из императоров держал в Западном парке Пекина леопарда. Ухаживать за ним он приставил 240 человек. Под загон хищника отвели свыше 60 гектаров земли. На прокорм зверя и этих служителей ежегодно тратилось почти 170 тонн продовольствия. Расточительство принимало поразительные масштабы. Так, один из монархов на свое бракосочетание израсходовал свыше 33 миллионов лянов, или более 1235 тонн серебра. Небывалый размах приобрела погоня за редкими драгоценностями.

Гаремные утехы, изысканные трапезы, обильные возлияния и пышные церемонии занимали их почти целиком. В остальное время один император увлекался охотой, другой — столярным делом, третий азартно играл в ножной мяч — прообраз футбола. Этим всемерно пользовались евнухи. Кастраты «освобождали» столь «занятых» Сынов Неба

от «утомительных» повседневных забот правления и решали все дела за государей. По такому молчаливому и добровольному «соглашению» реальная власть «перетекла» от императоров и семейства Чжу к особой касте кастратов. Во главе империи Мин оказался «третий пол», реализовавший монархическую власть. Сложилась ситуация, когда «свита правит королем» и «хвост вертит собакой». Так из обслуживающего персонала в стенах дворца эта каста превратилась во властную структуру и руководящую силу в масштабах всего Китая. При чем господство евнухов зачастую не отделялось современниками от прерогатив Сына Неба. Тем самым кастраты как бы драпировались в одежды императорской власти. А это была власть азиатской деспотии со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Черета ничтожеств, занимавшая «драконовый трон», не отказывала себе в удовольствии карать подданных и давать волю своим капризам, самодурству и жестокости.

Отношения между государем и сановниками в Китае приравнивались к отношениям господина и рабов. На аудиенции у Сына Неба сановники и министры должны были докладывать, стоя на коленях. Император мог по своему усмотрению казнить их или подвергнуть телесным наказаниям, то есть бить палками, которые именовались «придворными батогами». По приказу монарха сановника могли арестовать. В этом случае человека передавали в руки «Парчовой охраны». Этот придворный гвардейский отряд помимо охраны Сына Неба занимался тайным сыском, арестами и следствием над подозреваемыми. Иногда расправа над сановниками приобретала массовый характер. Так, Хоучжао пришел в ярость, когда 107 придворных пытались отговорить его от увеселительной поездки на юг. Всех их он приговорил к пяти суткам стояния на коленях перед воротами дворца, а затем к 30 палочным ударам. Кто и после этого остался при своем мнении, получил еще по 40—50 палок. Всего было наказано «придворными батогами» 146 человек, 11 из них умерли. В другой раз придворные вздумали отговорить Хоуцзуну от какого-то решения. Тогда император арестовал 134 сановника, а более 180 человек получили «придворные батоги»; при этом 19 «упрямцев» скончались. Такого рода репрессии вселяли в сановников страх. И этот страх использовали в своих целях евнухи. Наса-

жая среди придворной, столичной и провинциальной бюрократии раболепное послушание, они укрепляли свою власть над госаппаратом. Евнухи умело сковывали усилия прогрессивных политиков — сановников, чиновников и ученых, прежде всего цензоров-контролеров и членов придворной Академии Ханьлинь («Лес кистей»), и сводили на нет предлагаемые ими реформы.

Власть скопцов достигала своего апогея, когда кто-то из них становился могущественным временщиком. На протяжении полутора веков такие фавориты вместе с кликами своих сподвижников по крайней мере трижды становились полновластными правителями Китая. В конце XV века руководство империей перешло в руки евнуха Ли Гуана. Однако в 1498 году его принудили покончить с собой. Позже его место занял всесильный Лю Цзинь, который тоже плохо кончил. В 1510 году его разрубили на куски, а несметные богатства конфисковали. В 1620—1627 годах фактическим правителем империи Мин стал Вэй Чжунсянь. Но в 1628 году его заставили покончить самоубийством. Согласно китайской традиции, такая смерть считалась почетной, поэтому новый император приказал казнить его труп. Но так карали немногих слишком зарвавшихся и одиозных лидеров. В целом же мощь касты евнухов, ее позиции при дворе и в империи оставались величинами более или менее постоянными. Императоры все чаще становились марионетками в борьбе придворных группировок, действуя по указке могущественных евнухов.

Зачастую и родня императора — удельные князья были игрушкой в руках евнухов, управлявших их дворцами, поместьями и владениями. Власть евнухов была им на руку. Дело в том, что она ослабляла контроль штатской бюрократии за произволом, творимым в уделах. Терпели власть скопцов сановники и чиновники, ибо в этих условиях возрастала их бесконтрольность и прекращалась борьба цензоров с самоуправством, коррупцией и казнокрадством. И минская аристократия, и столичные сановники стремились к союзу с верхушкой евнухов. Их поддержки искали лидеры различных придворных группировок и клик. В содействии скопцов нуждались те силы, которые стремились добиться своих целей

в обход официальной бюрократической системы. Специфические условия эпохи Мин делали главных евнухов прямыми и влиятельнейшими представителями интересов таких сил. Именно они становились лоббистами этих неформальных, чаще всего региональных группировок. При Хоуцуне все дела в государстве вершили Ся Янь и Янь Сун — секретари Императорской канцелярии и временщики, действовавшие в тесном союзе с евнухами. Низкопоклонство перед всемогущими кастратами становилось чуть ли не нормой. А в разрастающейся борьбе придворных и региональных группировок, в вязкой трясине интриг скопцы демонстрировали особое искусство закулисных комбинаций.

В условиях минского Китая императорские фавориты чаще всего выдвигались именно из среды придворных евнухов, наиболее приближенных к «священной особе» Сына Неба. Многие из них были столь влиятельными, что пользовались всей полнотой власти. Наиболее яркими среди них были Лю Цзинь и Вэй Чжунсянь. Первый фактически правил страной за императора Хоучжао, а второй — за Юцзяо. К императору в Китае обращались с пожеланием «Десять тысяч лет жизни!». Евнухи же приветствовали Вэй Чжунсяня словами «Девять тысяч лет жизни!». Тем самым они ставили его почти вровень с императором. А потерявшие стыд министры и сановники восклицали: «Девять тысяч девятьсот лет!» Подобострастные провинциальные чиновники соперничали друг с другом в сооружении жертвенных храмов, посвященных Вэй Чжунсяню. Сам же он пожаловал себе титул «верховный князь». Император целыми днями занимался столярным делом, а управление государством целиком передал Вэй Чжунсяню.

Пользуясь своей властью и безнаказанностью, евнухи сколачивали при дворе различные группировки и измывались над придворными. Скопцы вымогали у сановников и провинциальной бюрократии колоссальные взятки. Они захватывали казенные и частные земли, убивали простолюдинов и захватывали их имущество, накапливая огромные богатства. У Лю Цзиня в подвалах хранилось более 92 тонн золота и около 2 тысяч тонн серебра, грома драгоценных камней, 500 золотых сосудов и прочие богатства. После смерти глав-

ного евнуха Ван Чжэня в его помещениях обнаружили более 60 кладовых, набитых золотом и серебром. Евнухи присваивали значительную часть собранных налогов, из-за чего образовалась огромная задолженность в выплате жалованья воинским частям. Они захватывали казенные земли или отбирали поля у частных владельцев, становясь земельными магнатами. Так, евнух Ван Чжи присвоил более 20 тысяч цингов целины (1 цин равен 6 гектарам), Гу Даюн — 10 тысяч цингов, а Вэй Чжунсянь — около 10 тысяч цингов частных земель. Не только сами евнухи, но зачастую их родня владела огромными поместьями. Лю Цзинь, захватывая казенные земли в черте столицы, снес без малого 4 тысячи казенных и частных строений. При этом он приказал срыть около 3 тысяч могил простолудинов, что являлось, по тогдашним понятиям, святотатством. Правитель Ляодуна евнух Лю Гун прибрал к рукам большой клин казенной земли и принудил тысячу солдат обрабатывать ее.

С властью евнухов связаны многие трагические страницы в истории империи Мин. Особенно жестоким было самовластное правление Вэй Чжунсяня. Вокруг него сложилась мощная клика евнухов. Именно она разгромила движение реформаторов Дунлинь. Свора кастратов сотнями выгоняла со службы и казнила непокорных сановников и чиновников. Ограбление и угнетение народа достигло наивысшего предела. Деспотизм Вэй Чжунсяня и его клики привел к обострению кризиса в империи и ускорил гибель династии Мин.

Когда крестьянская армия 26 апреля 1644 года вступила в Пекин, десять тысяч евнухов бежали из Запретного города. С императором Юцзянем остался лишь один кастрат. Символично, что вдвоем они и повесились на кривом стволе ясеня, сделав из своих поясов петли. Правящая клика скопцов перебралась в Нанкин — Южную столицу и создала здесь свое правительство во главе с главным евнухом Ма Шиином. Завоевая Китай, маньчжурская армия 22 июня 1645 года подошла к Нанкину, и Ма Шиин со своим окружением бежал на юг. Так рухнула империя Мин — царство евнухов.

Империя в лапах Тигра

Баснословная тварь маньянь
В этой области развелась.
Ягуаров, единорогов,
Носорогов и рысей власть.

Сыма Сянжу
(179–118 годы до н. э.)

Тогда в Китае царили Восемь Тигров. Именно они верховили в Пурпурном Запретном городе. Так именовался дворцовый квартал Пекина, обнесенный крепостной стеной. В начале XVI столетия Тигров страшно боялись. Особенно одного — Главного. Именно он пять лет — с года Коровы до года Лошади (1505—1510) — правил огромной страной. Великой державой Востока. Процветающим государством Средневековья, простиравшимся от маньчжурских лесов до вьетнамских гор, от океана до Тибета. В империи Мин насчитывалось два миллиона солдат, до полутора тысяч городов и около 200 миллионов жителей. Со всех ее концов в столицу стекались богатства. И Тигры хватали все что можно: серебро, золото, самоцветы и антикварные ценности. Львиную долю «по праву» забирал себе Главный Тигр. За пять лет в его «лапах» скопились несметные сокровища. Когда он наконец попался в капкан, даже выдавшие виды «охотники» остолбенели. В кладовых этого человека хранилось более двух тысяч тонн серебра и золота в слитках, не считая великого множества драгоценных камней и золотых изделий.

Кто же он такой? Император? Его брат? Князь из правящего рода Чжу? Нет. Он был всего лишь евнухом — одним из дворцовых скопцов. Его звали Лю Цзинь. Начинал он во дворце Хоучжао — наследника престола. Сделался его главным евнухом, любимцем и доверенным лицом. Вскоре господин взшел на трон под девизом правления Чжэндэ (1505–1521, посмертное имя У-цзун). Вот тогда-то и начался стремительный взлет карьеры Лю Цзиня.

Новый император Хоучжао тяготился государственными делами, и «сердобольный» фаворит «освободил» своего господина от этих скучных забот. Сын Неба предавался развле-

чениям и удовольствиям, а за него все в стране вершил «верный раб». Причем временщик пользовался полным доверием властелина. Лю Цзинь стал как бы «теневым императором» — фактически хозяином Китая. А еще — крайне необходимым для государя человеком. Если он хотя бы день не появлялся пред очами Сына Неба, тот посылал за ним. И вскоре фаворит уже ежедневно с утра до ночи проводил время в покоях монарха. Все государственные дела проходили через руки Лю Цзиня. Более того, свое исключительное право на доступ к императору он превратил в источник баснословных доходов. За возможность быть представленным Сыну Неба он брал с чиновников, как правило, тысячу золотых ляновых слитков, с сановников — четыре-пять тысяч, а с крупных провинциальных бюрократов — даже 20 тысяч драгоценных слитков. Вокруг него сложилась мощная клика собратьев-евнухов — любителей власти и богатства. Ма Юнчэн, Гао Фэн и Гу Даюн — их да еще пятерых скопцов во главе с самим Лю Цзином современники и окрестили Восемью Тиграми. Тигры и остальные приспешники Лю Цзиня, прежде всего его родственники, лихорадочно набивали карманы.

Главный Тигр был крайне резок, злопамятен, подозрителен и скор на расправу. С теми, кого считал своими скрытыми недоброжелателями, — очень жесток. Опасаясь мести Лю Цзиня, провинциальные чиновники предпочитали попросту откупаться от него. Практика вызова местной номенклатуры ко двору, по сути, стала механизмом перекачки части наворованных ею денег в подвалы главного императорского евнуха. «Не сосчитать взяток, полученных им отовсюду!» — сообщает источник. Между тем даже свою невероятную продажность Главный Тигр превратил в средство избавления от тех, в ком не был уверен, а заодно придания себе ореола неподкупного слуги государства. Подношения сомнительных лиц становились для них западней. С попавшимися в этот капкан Лю Цзинь был беспощаден — арестовывал, бросал в тюрьму, доводил до смерти, а ценности передавал в казначейство. Пусть все видят: Лю Цзинь бескорыстен и честен! За крупную мзду Главный Тигр присваивал аристократические титулы, отнимая их у «упрямцев», отказывавшихся приносить ему богатые дары. Никаких норм и правил для него не существовало.

Лю Цзиня окружала беспардонная лесть. Жаждавшие преуспеть или удержаться на своих постах должны были его всячески восхвалять. При дворе и по службе быстро продвигались лишь те, кто пресмыкался перед фаворитом. А потому процветали подхалимы, приспособленцы, лицемеры, беспринципные карьеристы, бездари и ловкие царедворцы.

Главного Тигра боялись. Стоило кому-то его разгневать, и неосторожному — будь он даже крупным сановником — грозила опасность. Почуя ее, старались сразу же уйти в отставку и уехать на родину. Подальше от столицы! Можно было попасть в немилость из-за собственного бескорыстия. Честность подозрительна! В период господства Восьми Тигров императорские указы нередко издавались без ведома самого Сына Неба. Лю Цзинь спокойно фабриковал подложные эдикты, частенько устраняя с их помощью своих врагов, строптивых и добросовестных чиновников. Этих последних, особенно провинциалов, Лю Цзинь терпеть не мог.

Обретя власть, которая росла с каждым месяцем, Главный Тигр стал выживать со службы порядочных людей. Делал им гадости. Запугивал. Посылал анонимные письма с требованием убираться подобру-поздорову. Столь «тонкий» намек чаще всего действовал безотказно, и предупрежденный отбывал восвояси. Если упрямец не понимал проявленной о нем «заботы», события принимали иной оборот. Страшна была расправа с тем, кто резко и открыто выступал против наглого выскочки. Кто обличал грязные дела Восьми Тигров и их окружения. Для начала на таких нестигаемых низвергали потоки клеветы. За обвинением следовали разбирательство, арест и допросы. Причем непокорных не просто отправляли в отставку, но при этом еще «исключали из списков», что означало изгнание из благородного сословия в простолюдины. Мало того, таким правдолюбцам надевали на шею позорную и тяжелую деревянную колодку — кангу и с таким «украшением» заставляли целыми днями стоять у ворот их ведомств. Затем «виновных» выдворяли со службы и навсегда лишали права занимать чиновные должности. Плохо приходилось и тем «гордецам» и «недоумкам», которые, получив посты, не преподнесли временщику «положенных подарков». Тяжела была участь тех, кто не желал уча-

ствовать в махинациях Лю Цзиня и его клики. Кто не брал взяток. Кто не плясал под дудку фаворита. Как правило, их по подложным императорским указам бросали за решетку, увольняли со службы, направляли на границу — в ссылку, лишали имущества.

Первыми, кто бросил вызов Лю Цзиню, были ученые. Члены императорской Академии Ханьлинь не захотели становиться на колени перед фаворитом. Тот оплатил лютой ненавистью. Временщик то обвинял их в том, что ученые не знают жизни, то обходил с положенным повышением в чине, а то и вовсе удалял из столицы и отправлял в Нанкин. Из-за того что члены Ханьлинь с самого начала пренебрежительно отнеслись к Лю Цзиню, он одно время даже намеревался перевести академию в провинцию, то есть изгнать академиков из Пекина, удалить от императора. Борьба ученых и евнухов за власть резко обострилась в 1507—1508 годах. Против господства кастратов в правительстве выступили многие видные сановники. Большинство жителей Пекина ненавидели зарвавшихся дворцовых прислужников и поддерживали их противников. Ханьлиньцы и оппозиционные сановники в письменных докладах императору и устно клеймили засилье Восьми Тигров. Лю Цзинь решил нанести упреждающий удар и только ждал повода. Вскоре он появился. Однажды, когда Сын Неба выезжал из дворца, ему подбросили жалобу на евнухов. Этот малозначительный инцидент был раздут до уровня бунта или заговора. Собрали придворных чиновников. Заставили их пасть на колени. Доверенные временщика и прочих Тигров ходили меж ними и отбирали наиболее откровенных противников клики. Таких оказалось триста человек. Их увели в дворцовую темницу. Начались допросы и пытки. От тяжелых тюремных условий и истязаний многие из арестованных умерли. Теперь Лю Цзинь видел перед собой только склоненные головы.

В борьбе против своих тайных и явных противников Лю Цзинь не останавливался даже перед массовыми расправами. Так, в декабре года Дракона (1508) были разжалованы в простолудины и сосланы в войска 675 чиновников. Среди них находились и главы ряда ведомств. Всего за пять лет своего правления Главный Тигр арестовал 899 сановников и чинов-

Наказание преступника деревянной колодкой

ников. На многих из них наложил крупные штрафы. Любимец императора стал объектом всеобщей ненависти, источником бед и страха, язвой на теле государства. В конце концов всемогущий фаворит решил, что для него ничего невозможного нет. Вот тогда-то и вознамерился он стать наследником не имевшего сыновей императора, а после и совсем убрать его с дороги.

Однако самому превратиться в Сына Неба — значит основать новую династию, то есть отнять власть у старой династии Мин. А это гигантски разросшийся клан царствующего дома Чжу, где было тридцать удельных князей, до трех тысяч титулованных и около четырех тысяч нетитулованных особ. У подавляющего большинства из них имелись свои телохранители, стражи и слуги. Без боя эта орава престол узурпатору отдавать не хотела! Значит, исход дела должны были решить мечи! А потому надо вооружаться! И Лю Цзинь начал тайно готовиться к схватке, накапливая в своих кладовых оружие и доспехи.

Главный Тигр любил оружие. Не расставался с зимним круглым веером, украшенным мехом бобра. В этом опахале имелись два скрытых ножа, а в каждом — по тонкому кинжалу. С таким снаряжением Главный Тигр ежедневно приходил в личные покои императора. Зачем? Опасался покушения на себя? Намеревался убить Хоучжао?

В годы Змеи и Лошади (1509—1510) ситуация в стране обострилась. Режим, установленный Восемью Тиграми, действовал на пределе своих возможностей. И вот тут-то и произошли три события, ослабившие и расшатавшие власть Главного Тигра. Во-первых, сорвалось устранение одного из главных евнухов — Чжан Юна, коего Лю Цзинь считал ненадежным. После этой неудачи Главный Тигр обрел в лице Чжан Юна сильного и ловкого врага. Во-вторых, в год Лошади вспыхнул вооруженный мятеж в Нинся, семена которого посеял сам фаворит.

В свое время Лю Цзинь наложил лапу на пограничные районы и расположенные там военные поселения. Приказал перемерить их земли и собрать недоимки по налогам. Желая выслужиться, его посланцы завысили данные о площади таких земель, а затем стали взимать налог с несуществующих полей.

«Жить людям стало невозможно... Люди негодовали, и начались смуты», — свидетельствует источник. Творимый произвол ослабил оборону государства от «варваров». Во главе недовольных встали князь Аньхуа (Чжу Фан) и военачальник Хэ Дин. Подняв вооруженное восстание в войсках, находившихся в Нинся, князь выпустил воззвание и распространил его по всей стране. В этом манифесте он перечислял преступления Лю Цзиня и призывал всех выступить против незаконного и продажного временщика.

На подавление волнений Главный Тигр двинул армию. Дабы удалить своего врага из пределов императорского дворца, Лю Цзинь добился назначения Чжан Юна на должность командующего войсками в Нинся. Расчет был прост. Если борьба с мятежниками затянется или будет неудачной, карьера соперника окажется под ударом. Тогда его ждет наказание. Если же новоиспеченному военачальнику улыбнется удача и он подавит бунт, то это пойдет только на пользу Главному Тигру. Чжан Юн обезвредит врагов Лю Цзиня и тем самым вызовет на себя гнев всех недовольных фаворитом, поссорится с оппозицией. По тем же соображениям вместе с Чжан Юном в Нинся послали недавно уволенного и только что восстановленного в должности столичного инспектора, талантливого и авторитетного чиновника Ян Ицина. Собратья по несчастью вдаль от осведомителей евнуха быстро нашли общий язык и решили свергнуть врага любой ценой. Заговорщикам повезло. Мятеж в Нинся захлебнулся. Часть военачальников и сановников в тех местах не примкнула к восстанию и сумела оказать сопротивление. Через восемнадцать дней после начала выступления князь Аньхуа был разбит, схвачен и казнен. В плен попали многие из его родственников, сторонников и подчиненных.

Победитель Чжан Юн приближался к столице. Ему готовилась торжественная встреча. Триумфатор становился крайне опасным соперником. И вот тут-то очень некстати умер старший брат временщика. Это был третий удар для Главного Тигра. Назначенные на пятнадцатый день восьмого месяца года Лошади похороны с их жестким, неукоснительно соблюдаемым ритуалом по рукам и ногам связали Лю Цзиня. Понимая, что в день погребения он будет предельно уязвим,

фаворит просил императора отложить появление победителя в Пекине на два дня. К этому сроку он надеялся либо захватить власть в столице, либо успеть парализовать силы, находящиеся в распоряжении Чжан Юна. Траурная церемония проходила в крайне напряженной обстановке. Накануне Лю Цзинь выставил мощную охрану и стянул в Пекин все верные ему воинские части.

Однако, разгадав план противника, Чжан Юн вступил в город именно пятнадцатого числа и потому смог опередить своего врага. Император встретил процессию у ворот Дунхоумэнь и дал в честь триумфатора парадный обед, который продолжался допоздна. В эту ночь Лю Цзинь ушел к себе раньше обычного. Главный Тигр был спокоен и уверен в себе. Ему и в голову не приходило, что на него будет поставлен смертельный капкан. В полночь Чжан Юн достал обличительный доклад и стал говорить о том, что именно Лю Цзинь — виновник драматических событий в Нинся. Подвыпивший и не в меру развеселившийся Сын Неба поначалу пытался уйти от острой темы, но вскоре понял, в чем дело. Речь шла о его свержении или о превращении в марионетку фаворита. Посерьезнев и поразмыслив, повелитель согласился с Чжан Юном. Новые союзники решили действовать быстро.

Дворцовой страже было приказано арестовать Лю Цзиня. Водяные часы показывали третью стражу — наступил «час тигра», или время с трех до пяти часов ночи. Главный Тигр крепко спал. Солдаты, выломав двери, ворвались в резиденцию евнуха. Испуганный Лю Цзинь поспешно выбежал во двор, но был схвачен. Его отвели во дворцовую тюрьму. Словно об этом писал великий поэт Средневековья Ду Фу (712—770):

Свирепый тигр
 Страшит не только слабых,
 А все же попадает в тенета.
 Уже зажаты
 в крепких путах лапы —
 Напрасно
 Угрожает и ревет он.

Перевод А. Гитовича

Вначале Сын Неба не намеревался казнить Лю Цзиня. Однако монарх переменял свое решение, как только узнал, что именно нашли в его подвалах. А нашли там несметные богатства! Одни только драгоценные камни едва умещались в емкостях, равных двадцати литрам! Сверх того было конфисковано пятьсот золотых сосудов для супа, два комплекта золотых лат, три тысячи золотых крючков-застежек для халатов, свыше четырех тысяч яшмовых поясов! Здесь же обнаружили вещи сугубо императорского достоинства. Четыре золотых дракона — эмблемы власти Сына Неба и восемь императорских парадных одеяний! Временщик основательно готовился к своему восшествию на престол! А тут еще оказалось, что кладовые набиты оружием и боевым снаряжением. Хранились здесь и пятьсот специальных пластинок — пропусков во дворец и особые дощечки для нанесения на них императорских указов. Такого рода запасы подтвердили самые худшие подозрения о замыслах их хозяина.

Император впал в ярость. В страшном гневе он завопил: «Лю Цзинь действительно изменник!» Хоучжао приказал бросить в темницу не только своего бывшего любимца, но и остальных семерых Тигров.

Лю Цзиня обвинили более чем в тридцати преступлениях. После допроса император повелел больше не докладывать о бывшем наперснике. В том же августе года Лошади Лю Цзинь взошел на плаху. Его четвертовали на городском рынке. «Тигриную» голову выставили на всеобщее обозрение — в клетки на столбе. По окончании следствия обвинения выдвинули против шести евнухов. Их, а также пятнадцать родственников фаворита приговорили к отсечению головы. Семь крупных сановников «исключили из списков» и разжаловали в простолудины. Остальные члены клики Лю Цзиня вышли сухими из воды.

Теплая и ясная осень оказалась богатой на расправы. Вслед за Лю Цзинем шесть Тигров один за другим понуро взошли на эшафот. Седьмой Тигр — правая рука временщика Чжан Цай умер в тюрьме и был четвертован посмертно. Двадцать три раза собирались пекинцы на рыночной площади. Тридцать один раз поднимал здоровенный палач тяжелый двуручный меч на потеху толпе...

После казни Лю Цзиня любители поэзии декламировали стихи Ду Фу:

Он мертвой шкурой
Ляжет на кровати,
И не ожить
Зрачкам его стеклянным.
С людьми бывает
И похуже, кстати.
Да будет это
Ведомо тиранам!

Подвиги разбойной вольницы.
Атаманы Лю Шестой и Лю Седьмой

Конь боевой мой
С седлом не расстанется! Нет!
В панцирь надежный
Я круглые сутки одет!

Цао Цао (155—220)

Бешеный топот копыт возник будто внезапно. Стремительно нарастая, он заложил уши. Шедшие в город люди в страхе бросились кто куда, роняя то, что несли из окрестных деревень на рынок. А по дороге, пригнувшись к гривам, молча нахлестывая лошадей плетью, неслись к городским воротам всадники. У подножия надвратной башни уже заметалась в испуге стража, пытаясь опустить тяжелую деревянную решетку. Не успели! Быстрые стрелы пронзили четырех солдат в спину и двух в грудь — остальные бросились бежать. Взяв яростным рывком ворота и сбивая зазевавшихся горожан, грозный отряд вихрем ворвался на рыночную площадь и, опрокидывая лотки, корзины, навесы, ринулся к входу в ямь — уездную управу. Когда последний всадник исчез за ее стенами, с колен поднялся старый крестьянин и, позабыв о своих рассыпавшихся по земле овощах и зелени, поднял вверх руки. Лицо его, худое, загорелое, морщинистое, осветилось злорадством и безграничным торжеством, а из ощерившегося, почти беззубого рта вырвался истошный крик восторга: «Братья Лю! Братья Лю! Молодцы! Удалыцы Лю! Храбрые ребята!»

Да, те два вожака, что неслись впереди ватаги, оба крупные, с непокрытыми головами, в чешуйчатых железных нагрудниках и с луками в руках, были знаменитые братья Лю Шестой и Лю Седьмой. Кто же не слышал об этих страшных разбойниках?! Кто не дивился их лихим делам и дерзким набегам?! Кто же не знал: за головы атаманов обещана гряда серебра, а за пособничество им — тюрьма и каторга?! Тогда о них судачили все. Да и как иначе, ведь братья действовали почти в окрестностях Пекина — столицы Минской империи! О братьях Лю говорили по-разному. Одни — со злобой и ужасом, другие — с одобрением и даже восторгом, третьи качали в сомнении головой: чем все это кончится?

В ту пору в Китае властвовал тупой и жестокий император Хоучжао (1505—1521), а все дела в государстве вершил временщик — главный дворцовый евнух Лю Цзинь. Нарастал произвол чиновников. Сбор налогов превращался в открытый грабеж. У крестьян отбирали все «лишнее», так что «нигде не оставалось ни петуха, ни собаки». Деревню терзали и стихийные бедствия, особенно засухи. Население глухо волновалось. Крайне напряженным было положение в столичной провинции. Здесь, к югу от Пекина, император и его фаворит надумали превратить частные земли в казенные, обрекая тем самым свободных владельцев на полукрепостную зависимость.

Крестьянские земли отбирались под императорские поместья. Но раз здесь замешан сам Сын Неба, то жаловаться некому. Значит, надо браться за оружие! Как всегда в таких случаях, первой поднялась деревенская молодежь. А куда ей идти? Конечно, к «разбойникам»! Так власти именовали тех, кто сеял «смуту», — и шайки воров, и отряды повстанцев, и разбойную вольницу, и крестьянское войско с его вождями. Таких осенью года Змеи (1509) на юге столичной области появилось особенно много. Именно здесь, по свидетельству источника, «жители стали крайне дерзкими. Они любили скакать на конях и стрелять из лука, часто грабили на дорогах. Их называли конными разбойниками. К этому времени они собрали очень много сообщников».

Среди атаманов особенно выделялись братья Лю. Старшего, Шестого, звали Лю Чун, а младшего, Седьмого, Лю Чжэнь. Были они уроженцами уезда Вэньань близ Пекина.

Отчаянные храбрецы, они к тому же превосходно стреляли из лука, виртуозно владели мечом и слыли отличными наездниками. Их удаль и слава притягивали в отряд все новых и новых повстанцев. К ним шли местные удалыцы и беднота, даже многие солдаты правительственных войск переходили на их сторону. В год Змеи братья Лю объединились с известным атаманом Ци Яньмином и начали в окрестностях Пекина настоящую войну против чиновников и богачей. У них были самые крупные конные ватаги, прочие возглавляли Син по прозвищу Старый Тигр, Ян Тигр и Лю Третий. Особым авторитетом пользовался атаман Чжан Мао, к которому примкнули такие вожаки разбойной вольницы, как Ли Лун и Ян Ху.

Всесильный Лю Цзинь в гневе потребовал немедленно уничтожить «бандитов». Однако облеченные высочайшим доверием три инспектора отнеслись к поручению с прохладцей. Один взял с собой в поход семью. Другой на пару с начальником местного гарнизона ударился в разгул; в окружении певичек и танцовщиц оба «героя» под музыку и пение неутомимо вливали в себя вино. Злой завистник донес об этих невинных забавах в столицу. Временщик пришел в ярость. Веселого инспектора разжаловали, послав простым стрелком из лука в один из гарнизонов.

После кары, постигшей собрата, два уцелевших чиновника взялись за ум и стали спешно арестовывать «разбойников». Причем не столько самих удалыцов, сколько их сторонников, сочувствующих, а то и вовсе ни в чем не повинных людей. Не было дня, чтобы не хватали таких «преступников» и под конвоем, в шейных колодках не приводили в управы. Солдаты, шедшие впереди, трубили в рог и били в барабаны. Трубный рев и бой барабанов не прекращались часами. За такое рвение оба инспектора получили повышение по службе.

Казалось, вольница поутихла. Многие атаманы со своими ватагами возвестили о своей покорности, однако с повинной не явились, а оружие и коней не сдали. Лю Цзинь и послушный ему император требовали от чиновников и военачальников искоренить «разбойников». А они тем временем нашли общий язык с теми из дворцовых евнухов, кто были уроженцами уезда Вэньань, откуда происходили, как уже упоминалось, братья Лю и некоторые другие лихие атаманы. Как из-

давна повелось в Китае, земляки очень дружили и старались помогать друг другу в трудную минуту. Вскоре между «разбойничьими» главарями и дворцовыми кастратами установились тесные связи. А добытое атаманами серебро, перетекавшее в карманы евнухов, надежно скрепило это «родство душ». Неким подобием штаба «смутьянов» служило жилище почитаемого ими Чжан Мао — большой двухэтажный дом с прочными двойными стенами и глубоким погребом. Здесь вожаки собирались, обсуждали дальнейшие планы и пировали. Чжан Мао приходился соседом семье одного из главных евнухов по прозвищу Северная Могила. Эти два достойных человека побратались. Затем Чжан Мао с помощью Северной Могилы сумел подкупить еще нескольких евнухов. Один из них — Гу Даюн — был близок с самим императором.

Такого рода взаимоотношения резко расширили возможности Чжан Мао. С помощью евнухов и их слуг этот удалец частенько проникал в императорский дворец в Пекине, куда простой смертный и не надеялся попасть. Однажды атаман даже вошел в зал Баофан и видел, как Сын Неба играет в мяч.

После этого случая Чжан Мао стал еще более дерзким. Ватаги его собратьев тогда терпели поражения от солдат одного из военачальников, и Чжан Мао обратился за помощью к Северной Могиле. Тот устроил в своем доме пир, пригласил военачальника и Чжан Мао, посадил их друг против друга и, подняв чашу, ласково сказал отважному воеводе: «Он действительно мой брат, с ним нужно ладить, и не нужно его преследовать». После чего, наполнив чашу еще раз, Северная Могила повернулся к Чжан Мао и строго произнес: «Главкомандующий (хозяин дома щедро повысил своего гостя сразу на два-три звания. — *Авт.*) с тобой в хороших отношениях, и ты отныне не приноси ему беспокойства!» Полководец боялся Северную Могилу и не осмелился возразить ему. Остальные военные, видя, как осторожен их сослуживец, также избегали активных действий. Так на время евнухи и атаманы парализовали усилия правительственных войск.

Инспектор Нин Гао узнал о причинах странного затишья и решил покончить с «разбойничьим гнездом». По его приказу один смельчак из чиновников полицейско-сыскного ведомства проник в дом Чжан Мао под видом музыканта,

играющего на лютне. Ублажая слух пирующих, лазутчик подробно изучил расположение комнат, входы и выходы. Скоро «лютник» стал вхож в «логово разбойников». Именно он и открыл дверь подобравшимся к дому солдатам. Ворвались они внезапно, но встретили яростное сопротивление. В завязавшейся стычке ударом боевой секиры солдаты сломали ногу Чжан Мао. Раненый был схвачен и доставлен в Пекин — на допрос, суд и расправу. Его друзья-атаманы решили любой ценой выволить своего собрата. Тайно пробравшись в столицу, они связались с Северной Могилой, который вместе еще с одним евнухом якобы просил за Чжан Мао императора, что весьма сомнительно. Скорее всего, скопцы пали в ноги своему патрону — всемогущему Лю Цзиню. Тогда «сверху» последовал «милостивый» ответ: «Пусть поднесут в подарок двадцать тысяч лянов серебра, и тогда возможно помилование». А тайный посредник предполагаемой сделки — слуга временщика сверх того потребовал себе десять тысяч лянов.

Дабы раздобыть нужную сумму, Лю Шестой, Лю Седьмой и Ян Тигр решили ограбить, причем тайно и тихо, одно из областных казначейств. Однако то ли случайно, то ли вынужденно Ян Тигр поджег одно из казенных зданий. В ямэне подняли тревогу. Поняв, что дело сорвалось, Лю Шестой и Лю Седьмой благоразумно бежали. Чжан Мао был казнен, а братья оказались в тяжелом положении. Зная это, местные чиновники предложили им действовать сообща против других «разбойников». Делать нечего — лихая парочка перешла в лагерь недавних преследователей и весьма успешно противостояла своим вчерашним товарищам, получая за это разного рода награды.

Вскоре в правительственном лагере сочли, что «разбойники» в столичной области стоят на краю гибели, а наиболее ретивые служаки даже советовали начальству уничтожить «корень зла», то есть Лю Шестого и Лю Седьмого. Прознав об этом, оба удалыца скрылись. Тогда их объявили в розыск. Нарисовали и разослали портреты братьев, арестовали их жен и сыновей, заодно совершенно разорив их дома. Храбрецы не сдались и вступили в войну с властями, попутно грабя богачей и купцов.

В конце года Лошади (1510) был казнен всемогущий Лю Цзинь и императорским указом обещана амнистия «разбой-

никам», явившимся с повинной. Оба Лю решили рискнуть и вскоре вместе с 34 соратниками пришли в областной центр. Об их капитуляции доложили самому государю. Братьев помиловали, но приказали им схватить других «разбойников», дабы тем самым искупить свою вину. Лю искушать судьбу не захотели. Тайно уйдя из правительственного лагеря, они примкнули к лихому атаману Бай Юню, а вскоре стали действовать самостоятельно.

Новая ватага быстро росла и вскоре превратилась в мощный боевой отряд, который в январе года Овцы (1511) ринулся на уездный центр, где в темнице томился вожак Ци Яньмин. Налет удался — еще один атаман обрел свободу. В итоге под командованием воинственной троицы через десять дней собрались несколько тысяч человек. «Шалости» разудалой вольницы перерастали в народное восстание, участников которого власти именovali теперь не только разбойниками, но и мятежниками. Весной того же года к ним присоединился будущий знаменитый атаман Чжао Суй. Этот студент-книжник обладал необыкновенной силой и отвагой и часто заступался за обиженных. Когда отряд Лю Шестого и Лю Седьмого взял его родной город, он, защищаясь, вошел в воду вместе с женой и детьми. Разбойники схватили его жену и собирались обесчестить ее. Тогда Чжао Суй в гневе бросился на них и ранил двух человек. Однако братьям Лю удалось скрутить смельчака. Оценив его мощь и смелость, они стали уговаривать Чжао Суя примкнуть к их отряду. В конце концов тот согласился, был отпущен домой, а вслед за тем вместе с двумя своими братьями собрал отряд в пятьсот человек и присоединился к повстанцам. Их силы окрепли, а зона налетов значительно расширилась — вплоть до границ Шаньдуна. И вот тогда во дворце забили тревогу.

Против повстанцев, помимо местных частей, бросили тысячу отборных солдат из столицы. Поскольку у правительственных войск конница была слабой, император разрешил забирать лошадей у населения. Но это только подлило масла в огонь, и борьба разгорелась еще сильнее. В марте года Овцы мятежники, численность которых превысила сто тысяч человек, уже хозяйничали более чем в пяти округах и пяти уездах, захватив десять городов. Так возникло самое крупное воору-

женное крестьянское восстание в средний период правления династии Мин. Храбрецы обычно нападали внезапно, врасплох, в тех местах, где правительственных войск было мало, а потому достойного сопротивления не встречали. Главкомандующий неприятельскими частями Чжан Вэй был избалован, труслив и воевать не умел, а посему ему требовался умный, смелый и деятельный помощник. Таковым стал Ма Чжунси — штатский чиновник и ученый. После чего все эти воеводы «отправились походом на разбойников».

А между тем восстание разрасталось. Как только чиновники слышали о приближении «разбойников», они впадали в панику. Жители сами открывали ворота городов и впускали мятежников. По этой причине, сообщает современник, «между Севером и Югом прервалась всякая связь. Народ волновался и шумел». Из Пекина на места послали приказ — восстановить городские стены, очистить рвы и пополнить войска, причем надлежало набрать «смельчаков из народа», дабы «разбойникам» не удалось привлечь их к себе. В городах и деревнях спешно формировали отряды самообороны и возводили укрепления. Власти расположили войска вдоль Желтой реки — Хуанхэ, чтобы предупредить прорыв «бандитов» в горы Тайхан, где, как опасались, они могли создать свою опорную базу. Весной того же года усилились народные волнения на юге провинции Цзянси, а летом отряды Чжао Суя, Сина Старого Тигра, Лю Третьего и Яна Тигра ушли в Хэнань, а также действовали в Шаньси. Затем они вернулись в столичную провинцию и через Шаньдун отправились на юго-запад — вверх по реке Янцзы. Повстанческое войско, ведомое Лю Шестым, Лю Седьмым и Ци Яньмином, вторглось в Шаньдун и Хэнань, а затем, пройдя не одну тысячу километров, вступило в богатые рисом и пшеницей провинции Хубэй и Хунань.

Здесь с 1507 года бушевало крупное восстание крестьян, которым удалось занять обширную территорию и овладеть рядом городов. Испуганные власти собрали значительные силы на границах этих провинций, стараясь не пропустить мятежников в соседние области. Войско братьев Лю вплотную приблизилось к Учану, однако на штурм этого крупного города не решилось и двинулось вниз по реке Янцзы — в Цзян-

си. После стремительного рейда на север отряды Лю Шестого, Лю Седьмого и Ци Яньмина достигли Чжэньцзяна. Казалось, они перережут Великий канал и прервут сообщение между Севером и Югом. Повстанцы угрожали Нанкину — Южной столице Минской империи. Всего за один год Овцы они победоносно прошли по семи провинциям, трижды подступая на севере к Пекину. Так начиналась обычная для средневекового Китая маневренная крестьянская война против прогнившей бюрократии.

Видя, что подавить мятежников не удастся, за дело взялся помощник главнокомандующего Ма Чжунси. Честный, умный и смелый человек, он решил переманить повстанцев на свою сторону, умиротворить их и отпустить по домам. При этом Ма Чжунси делал ставку на свою незапятнанную репутацию и усталость атаманов от кочевой жизни и опасностей. Ма широко распространял объявления. В них говорилось, что если Лю Шестой и другие повстанцы появятся в родных местах, то разрешается не задерживать их и давать им продовольствие. А ежели кто из «разбойников» надумает сложить оружие, то таковых не предавать смерти. Услышав об этом, атаманы прекратили набеги и стали выжидать. Никто не знал, верить написанному или нет. Тогда Ма Чжунси, взяв с собой нескольких солдат, поехал в стан противника и стал уговаривать храбрецов бросить свое опасное занятие и сдаться на милость императора. Лю Шестой и другие атаманы, в свою очередь, посетили этого уважаемого человека в его военном лагере. То, что он, окруженный своими офицерами и солдатами, мог легко арестовать вожakov и не сделал этого, укрепило их доверие к нему. Вот тут среди атаманов и начался разброд. Лю Шестой имел намерение покориться, а Лю Седьмой, напротив, считал заманчивое предложение ловушкой. Как можно верить?! Государственные дела находятся в руках евнухов, и Ма Чжунси не сможет выполнить своего обещания! Тогда их ждет плаха!

Желая разузнать обо всем подробнее, атаманы послали в столицу надежного человека, но ответ он принес неопределенный. Тогда захваченные в Шаньдуне серебро и золото доставили в Пекин и раздали влиятельным евнухам и сановникам, прося взамен подтвердить сведения о помилова-

нии. Золото и серебро охотно взяли, а вот ни помилования, ни гарантий не предоставили. Убедившись, что деньги и время потрачены впустую, братья Лю и их товарищи с особой силой и яростью возобновили набеги. Это послужило сигналом к резкому подъему повстанческой борьбы, собравшей под свои знамена десятки тысяч бойцов. Правительственные войска ничего не могли поделать с летучими кавалерийскими отрядами «бандитов». Как всегда в таких случаях, стали искать козла отпущения. Им, естественно, оказался Ма Чжунси. Против него использовали слухи, клевету и доносы. Не вел с разбойниками борьбы! Держал вверенные ему войска только для собственной охраны! Был в сговоре с атаманами! Ведь запретили же они своим людям разграбить и сжечь дом Ма Чжунси! Это ли не доказательство?! Заодно приплели к делу сибарита и труса Чжан Вэя. Обоих арестовали, бросили за решетку и приговорили к казни. Ма Чжунси умер в тюрьме, а его начальник вышел на волю, потеряв лишь титул и должность.

В августе 1511 года Лю Шестой, Лю Седьмой, Ци Яньмин и Ян Тигр объединили свои отряды в мощное кавалерийское соединение численностью в две тысячи всадников. Эта конная лавина наводила ужас на богачей и власть имущих. Повстанцы убивали всех чиновников. Страх, особенно на местах, еще более усилился после расправы с одним из уездных начальников. Во главе карательных войск срочно поставили первого евнуха Гу Даюна. На подавление «разбойников» мобилизовали лучших военных и штатских чиновников, перебросили отборные войска с северной границы. Было объявлено: сдавшие свой город власти отныне карались отсечением головы.

Меж тем боевые действия приближались к самому Пекину и Тяньцзиню. В столице ввели военное положение. Повстанцы наступали. Ситуация стала критической. Испуганный император Хоучжао вызвал к себе влиятельнейших сановников и устроил им разнос. «Разбойники на востоке, а войска отправились на запад! — кричал он. — Из-за своей медлительности они не смогут выполнить задачи!» Был дан приказ о новой переброске войск, и правительственная армия получила явный перевес. В двух последующих сражениях повстанцы понесли потери и отступили на юг. Угроза Пекину была снята.

Наступил год Обезьяны (1512) — время крайнего ожесточения борьбы. Время решительной схватки. Против «бандитов» были посланы новые карательные войска. Император грозил казнями, однако ни запугать, ни расколоть мятежников не удалось. Подавить же движение силой долго не представлялось возможным. Стремительные отряды «бандитов» всякий раз уходили от лобового удара.

Только ценой огромного напряжения власти смогли переломить ситуацию в свою пользу. Не выдержав мощного напора, после ряда поражений повстанческие армии рассыпались на отдельные отряды.

Когда кольцо вражеских войск стало сжиматься, братья Лю повели свою колонну на запад. Они рассчитывали пробиться в горы Тайхан и уйти в провинцию Шаньси. Однако под Синтаем им пришлось принять бой. Последний бой. В самом его начале пал отважный Ци Яньмин. Крестьянская пехота не выстояла под ударом превосходящих сил противника и обратилась в бегство. И тогда наперерез ей во главе трехсот всадников ринулся Лю Шестой. Поднявшись в стремени, он бешено кричал: «Стойте! Заячьи души! Назад! Труссы!» Но вражеская стрела пронзила ему горло. Лавина бегущих смяла, а затем вражеская конница опрокинула его отряд. Как погиб Лю Седьмой, никто не знает. Видели только, как он в окружении верных друзей ринулся в гущу сражающихся. Из этой сечи вырвался только его буланый конь под алым седлом поверх леопардовой шкуры. Так ушли в мир теней легендарные атаманы, не ведавшие страха. Но еще многие годы люди вспоминали дерзкие набеги лихих всадников и не верили в их гибель.

Как укрепить слабеющую империю?

Чжан Цзюйчжэн и его реформы

Чжан Цзюйчжэн (1525—1582) — один из видных китайских сановников, пытавшихся провести реформы в административно-управленческой и социально-экономической сфере страны. Уже с конца XV века и особенно с начала XVI ве-

ка в могучей с виду китайской империи Мин наблюдается подспудное развитие кризисных явлений. Постепенно нарастает характерная для традиционного Китая дифференциация земельной собственности. С одной стороны, все больше земельных площадей правдами и неправдами попадает во владение самого императора, многочисленных его родичей, высших сановников и царедворцев, широкого учено-служилого слоя (чиновников и претендентов на чин и звание), богатых купцов и землевладельцев, юридически не имевших сословных привилегий, но эксплуатировавших наемный труд. С другой — все больше обедневших крестьян вынуждены брать землю в аренду у хозяев, попадая в зависимость от них. Растут налоги. Наметившееся к середине XVI века развитие ремесленной промышленности, торговли, особенно внешней, и городской жизни всячески тормозится традиционной идеологической доктриной, считавшей торговлю и ремесло «второстепенными», не достойными уважения занятиями. Падает боеспособность армии, построенной на принудительной службе людей, приписанных к военному сословию, и на обращении в солдат преступников. Разлагается правящая верхушка. Императоры все чаще отстраняются от государственных дел, передоверяя их временщикам, использующим свое положение для безудержного обогащения. Мздоимство закрепляется как определенная норма жизни, поразив сверху донизу громоздкий чиновно-бюрократический аппарат империи. Двор ведет роскошный образ жизни — празднества, банкеты, увеселительные поездки, охота, развлечения, а в казне не хватает средств на выплату жалованья войскам.

Растет социальная напряженность. Все чаще вспыхивают народные восстания. Они особенно интенсивны в 1508–1518 годах и в 50-х годах XVI века. Правда, они еще не приняли слишком широкого размаха, и властям удается справляться с ними. Однако наиболее дальновидные представители правящей элиты понимали, что империя движется к явному кризису. В докладах на имя императора они ратовали за наведение порядка в государственном администрировании, устранение от власти наиболее одиозных фигур, высказывали свои соображения и предложения по поводу упорядочения налогов, укрепления армии и т.д. Таким об-

разом, появление на исторической арене такого деятеля, как Чжан Цзюйчжэн, отнюдь не было случайностью.

Он родился в 1525 году в уезде Цзянлин провинции Хубэй. Как отмечают его биографы, Чжан Цзюйчжэн был высок ростом, строен и красив, да к тому же был умен и талантлив. В 15 лет поступил на учебу, открывавшую путь к чиновной карьере. Был замечен местным военным губернатором, увидевшим в нем «человека с государственными способностями». Вскоре он прошел экзаменационный отбор на волостном уровне, а в 1547 году, выдержав экзаменационные испытания при императорском дворе, получил высшее ученое звание «выдающийся муж». Однако путь наверх ему проложили не только личные совершенства, но и покровительство высших сановников, оценивших его таланты, а также благоприятное стечение обстоятельств.

В 1566 году умер император Ши-цзун. Прежние фавориты лишились опоры, выдвигались новые. При покровительстве новой императрицы Чжан Цзюйчжэну посчастливилось попасть в их число: в 1567 году он занял высокую должность в Ведомстве чинов (то есть в центральном правительственном аппарате) и одновременно стал членом Дворцового секретариата, фактически являвшегося высшим правительственным органом. В 1572 году Чжан Цзюйчжэн возглавил этот секретариат, получив почти неограниченные властные полномочия. Положение «главного помощника» императора и реальную власть он сохранял в течение десяти лет вплоть до своей смерти в 1582 году.

Всецело оставаясь царедворцем, привыкшим к соответствующему образу жизни, Чжан Цзюйчжэн, в отличие от многих дворцовых фаворитов и временщиков, заботился не только о своем благополучии, но и об укреплении страны. Здравое оценивая сложившееся положение, он писал: «Когда дела в Поднебесной доходят до крайности, то требуются перемены». Тех, кто не понимал этого, называл «педантами, не постигшими своевременности перемен». Методы же, которыми он собирался оздоровить обстановку в империи, не выходили за рамки традиционных, а его цели вполне совпадали с формулой предшествующих реформаторов: «Обогатить государство, усилить армию». Чжан Цзюйчжэн не стремил-

ся коренным образом перестроить существующие порядки, а намеревался лишь усовершенствовать, исправить, упорядочить их, придав им большую, чем прежде, эффективность. Его кредо хорошо отражено в его словах: «Каждое дело должно осуществляться, а не заменяться пустыми разглагольствованиями... Ведь при всяком деле в Поднебесной не трудно установить законы, а трудно их претворить, не трудно говорить о чем-либо, а трудно добиться результативности этих слов».

В политико-административной области Чжан Цзюйчжэн попытался усовершенствовать систему отбора и выдвижения управленческих кадров — чиновников, составлявших основу государственной машины в традиционном Китае. Сложная система экзаменационных испытаний претендентов на государственную службу, выработанная еще в начале VII века, стала давать сбой. Ее разъедали протектирование, клановые и семейные связи, привилегии, подкуп, различный обман и т. п. Чтобы покончить с этим, Чжан Цзюйчжэн в 1573 году ввел «Порядок аттестации чиновников». Этот документ предусматривал введение более строгих критериев для экзаменуемых, приближение знаний к практическим нуждам управления, проверку полезности экзаменационных сочинений и проектов на самом высоком уровне. В 1575 году была упорядочена система местных школ в областях, округах и уездах, где начинали готовить чиновные кадры. Чтобы освободиться от «балласта», в этих школах было велено ежегодно проводить экзаменационные испытания.

В социально-экономической области самым значительным мероприятием Чжан Цзюйчжэна было введение в 1581 году «единого налога» и распространение этой системы на всю страну. Суть нового порядка сводилась к следующему: 1) все трудовые повинности (принудительный труд по предписанию властей) заменялись суммой выплат, исчислявшихся в серебре, эта сумма определялась количеством работников в доме и размером имеющейся в хозяйстве земли (соотношение доли выплат с работников и с земли в разных районах страны могло быть различным); 2) поземельный налог также исчислялся в серебре, это давало возможность определить единую сумму налога и повинностей; 3) устанавливалась общая сумма налогов и повинностей для каждой отдельной об-

ласти и каждого уезда, и эти выплаты нельзя было занижать; 4) налоговые платежи надлежало вносить непосредственно местному чиновному начальству, а не различным старостам, учетчикам, перевозчикам и т. п., что упрощало механизм поступления налогов в казну.

Перед тем как ввести «единый налог», Чжан Цзюйчжэн организовал всеобщий обмер и регистрацию пахотных земель в стране. Это не было чем-то новым для Китая. Подобные реестры составлялись начиная с древних времен. В результате этого обмера, успешно проведенного в 1578–1581 годах, были выявлены утаиваемые от обложения земли, закреплены границы частных земельных владений, замедлен процесс «поглощения» богатыми и знатными земель простых крестьян и бедняков, а количество учтенной и облагаемой земли возросло примерно на $\frac{1}{4}$ по сравнению с данными начала XVI века.

Чжан Цзюйчжэн стремился ограничить расходы императорского двора и высоких сановников. Поощрял местные власти к увеличению государственных доходов и созданию необходимых запасов на экстренные случаи (неурожай, стихийные бедствия, война и т. д.). Все это не выходило за рамки традиционного китайского представления о добродетельном управлении и вряд ли может быть названо реформами.

То же самое можно сказать и о его подходе к внешнеполитическим и военным проблемам. Он не проводил реформ в армии, но уделял пристальное внимание поддержанию эффективной обороны границ, как на сухопутных северо-западных и северных рубежах империи, так и на ее морском побережье.

В целом усилиями Чжан Цзюйчжэна и его помощников надвигавшийся кризис был на какое-то время отодвинут. Всестороннее упорядочение, особенно в экономической сфере, не могло не сказаться положительно на положении в стране. Однако, как отмечалось, коренных перемен в жизни китайского общества его деятельность не принесла. Основы отбора чиновных кадров, дававшие неписанные преимущества выходцам из привилегированных сословий, остались прежними, распространение «единого налога» шло не так быстро, и его нормативы оставались разными в различных районах страны, перевод налогов на денежную основу подчас создавал новые трудности для крестьян, которые производили лишь нату-

ральный продукт. Неудивительно, что довольно скоро после смерти реформатора положительные результаты его деятельности практически сошли на нет.

Этому способствовали и его высокопоставленные противники. Еще недавно они возносили молитвы о здравии заболевшего Чжан Цзюйчжэна, а через девять месяцев после его смерти (в 1582 году) уговорили императора обвинить его в злоупотреблении властью, отобрать посмертно титулы, описать и конфисковать имущество его семьи. Освободившийся от сдерживающего влияния реформатора молодой император Шэнь-цзун, по-прежнему не занимавшийся государственными делами, окунулся в роскошную жизнь, без счета транжиря средства на развлечения. Империя снова покатилась к кризису, приведшему ее через шестьдесят лет к гибели.

Ланьлинский Насмешник о пьянстве,
стяжательстве и блуде.

«Цветы сливы в золотой вазе»

В самом конце XVI века и в первые годы XVII столетия образованная публика Великой Империи Мин, а именно так официально именовался тогда Китай, зачитывалась новым и необычным романом. Расходился он в списках и за большие деньги. Называлось это произведение «Цзинь, Пин, Мэй» — «Цветы сливы в золотой вазе». Однако данные иероглифы имеют и другие значения — «богатство», «бутылка», «сифилис». Культурный китаец, воспитанный на символических иероглифов, понимал «закодированное» наименование книги как «Стяжательство. Пьянство. Блуд». Роман читался вздохом и весело. К веселью побуждал и псевдоним автора — Насмешник из Ланьлина. Это — уезд в восточной провинции Шандун, славившийся своим вином, как Бургундия или Шампань во Франции. Для любого китайца ланьлинец — прежде всего веселый пьянчужка, остро слов, дерзкий во хмелю насмешник. Подвыпивший ланьлинец мог безнаказанно произносить крамольные речи, клеймить пороки власть имущих, высмеивать корыстолюбие и жадность чиновников.

А что взять с веселого балагура, завсегдатая сборищ хмельной братии?! Только посмеяться да махнуть рукой! В старом Китае вольнодумцы часто маскировались под бражников, так было легче уйти от неусыпной цензуры. Подвыпивший мог безопасно для себя порицать власти, нравы и злоупотребления. Захмелевшему могли простить и обличения социальных язв, и вольнолюбивые мысли.

Появление романа стало для современников сенсацией. «Цзинь, Пин, Мэй» и его анонимный создатель сразу обросли разного рода слухами и легендами. Все стремились докопаться до правды — кто же скрылся под озорным, явно вымышленным прозвищем? Имя автора романа нам до сих пор не известно. Есть лишь псевдоним, но и его окутывают легенды. Вот одна из них. Некто принес превосходную рукопись издателю. Тот потребовал указать фамилию и имя автора. Однако писатель в ответ только молчал и улыбался. «Вы лишь смеетесь и ничего не отвечаете!» — начал сердиться издатель. Тогда незнакомец взял кисть и написал на титульном листе «Насмешник». Его собеседник не унимался: «Припишите хотя бы — откуда вы родом!» Автор глянул в окно, увидел вывеску гадальщика из Ланьлина и, не долго думая, поставил название этого уезда перед псевдонимом. Так родился великий и таинственный Ланьлинский Насмешник. Одно из предисловий к ксилографическому изданию романа 1617 года подписано сходным псевдонимом «Весельчак». Скорее всего, «Весельчак» и «Ланьлинский Насмешник» — одно и то же лицо.

Некоторые современники считали, что книга написана неким удалившимся от мира ученым мужем. В своем романе, высмеивая могущественных царедворцев XVI века Янь Суна и его сына Янь Шифаня, он показал разложение императорского двора, глубину морального падения правящего класса. Согласно другой легенде, ученый муж, живший на положении гостя-приживала в доме богача «из Стольного града», описал нравы этой городской усадьбы. Отсюда и обличительная направленность этой «энциклопедии быта». Сейчас уже ясно, что автора романа надо искать среди наиболее передовых литераторов конца XVI века. Современники утверждали, что роман написан «известным мастером пера», точнее, кисти (в тогдашнем Китае писали специальной кистью).

Само название книги таинственно и трактуется по-разному. Одни видят в нем своеобразный натюрморт: в золотой (цзинь) вазе (пин) красуется веточка сливы (мэй). Цветущая ветка зимней сливы служит в Китае традиционным украшением дома в Новый год по лунному календарю. Это обычный символ праздника, как у нас верба — вестница весны. Другие находят в названии аббревиатуру имен трех героинь — Цзинь-лянь, Пин-эр, Чунь-мэй. Третьи усматривают анаграмму с эротическими намеками — соединение мужского и женского начал. Четвертые видят обозначение трех главных искушений человека — богатства (цзинь), вина (пин) и сладострастия (мэй). У каждой из этих версий — весьма прочное основание.

Рождение романа также овеяно легендами. Вот одна из них. Крупный минский сановник загубил честного, ни в чем не повинного военачальника. Сын погибшего, желая отомстить за отца, решил отравить вельможу. Зная о его пристрастии к чтению, он обещал сановнику принести увлекательнейший роман в рукописи. Когда тот поинтересовался его названием, мститель, глядя на стоящую рядом золотую вазу с цветущей веткой дикой сливы, ответил: «Цзинь, Пин, Мэй». Придя домой, безутешный сын срочно сел за сочинение романа. Закончив рукопись, автор пропитал ее страницы ядом: его заклятый враг имел привычку слюнить пальцы, листая книгу. Получив роман, сановник не мог от него оторваться. Забыв обо всем на свете, он читал день и ночь. С каждой перевернутой страницей увлеченный читатель отправлял в рот крохотную дозу мышьяка. К утру роман был дочитан до конца. И вот тут вельможа почувствовал странное — его язык одеревенел! Схватив зеркало, он увидел, что язык почернел! Несчастный все понял, но было уже поздно! Когда сановник умер, проститься с покойным пришел одетый во все белое (цвет траура в Китае) незнакомец. Упав на труп, пришелец долго и безутешно рыдал. После его ухода обнаружилось, что у покойника исчезла одна рука. Это означало, что на том свете сановник будет презренным калекой! Тут все поняли, что приходил автор отравленного романа, решивший ко всему прочему надругаться над трупом своего врага. Поистине страшная месть! Такова одна из легенд о рождении этого шедевра мировой литературы. По

другой версии, мститель подкупил цирюльника, холившего ногти вельможи. Увлеченный чтением романа, сановник не заметил, как мастер втер ему в маленькую царапину зелье. С тех пор вельможа стал болеть, и на этом кончилась его блистательная придворная карьера. Хотя ученые-исследователи отмечают эти версии, тем не менее легенды следуют за романом, как светящийся хвост за кометой.

«Цзинь, Пин, Мэй» — один из самых знаменитых и скандальных романов средневекового Китая. Посвящен он любовным похождениям молодого богача распутника Симэнь Цина. Книга овеяна не только самой скандальной славой, но и множеством загадок. До сих пор не установлено, кто же был автором этой «энциклопедии нравов» минского Китая. До сих пор не найдена сколько-нибудь близкая к автографу рукопись романа. Произведение это создавалось в течение нескольких лет и было завершено к 1596 году. Ряд лет роман ходил по рукам в рукописи. Им зачитывались. Обменивали одну часть на другую. Его переписывали. Долгое время роман распространялся в списках. Впервые он отпечатан с деревянных досок около 1610 года. Второе издание появилось после 1617 года. Именно оно донесло до нас наиболее раннюю версию романа. В Китае не одно столетие задаются вопросом, почему от первого издания сохранились всего два или три экземпляра? Легенда объясняет это так. В своем произведении автор показал в неприглядном виде своего друга, разбогатевшего чиновника, якобы бросившего на произвол судьбы семью уехавшего из дома писателя. Вернувшись на родину, романист узнал, что чиновник в его отсутствие регулярно посылал семье автора немалые деньги. Сгорая со стыда за свою ошибку и неблагодарность, писатель кинулся спешно скупать оставшиеся в книжных лавках экземпляры и сжигать их. Затем стал за двойную цену выкупать уже проданные книги у их владельцев и все скупленное бросал в огонь. Вот почему от первого издания «Цзинь, Пин, Мэй» остались считанные экземпляры. К досаде властей произведение Ланьлинского Насмешника оказалось не просто выдающимся бытовым романом, но и произведением социально-обличительным. Именно сей «опасный» жанр и определил отношение верхов Китая XVII–XIX веков к этому шедевру мировой литературы.

Властей бесило, что анонимный автор остается мистификатором во всем. Так, действие своего романа он относит к началу XII века, то есть к эпохе династии Сун, а описывает жизнь и ее реалии времен империи Мин XVII века. Ланьлинский Насмешник как бы говорит: «Помилуйте, какая сатира на современное общество?! Речь идет о прошлом!» И за каждой главой слышен язвительный голос Ланьлинского Насмешника — то озорной, то осуждающий. Этот эзоповский язык дает автору возможность клеймить современных сановников, но писать в прошедшем времени: «Да, читатель, — у власти стояли лицемерные сановники. Двор кишел клеветниками и льстецами. Преступная клика торговала постами и творила расправу. Процветало лихоимство. Назначение на должность определялось весом полученного серебра. В зависимости от ранга устанавливалась и взятка. Преуспевали ловкачи и проныры, а способные и честные томились, годами ожидая назначения. Все это привело к падению нравов». Как же притянуть к ответу этого обличителя, если он пишет о делах давно минувших дней?!

Автор не скрывает своего язвительного отношения и к служителям культов. За деньги буддийские и даосские монахи и монахини готовы на любую подлость. Все эти «благочестивые» люди — либо похотливые бабники, либо пьяницы, либо явные стяжатели, либо жуликоватые хитрецы. Как бы шутя, Ланьлинский Насмешник создает едкую сатиру на общество Китая конца династии Мин, на падение нравов и разложение правящей верхушки. «Цзинь, Пин, Мэй» — зеркало целой эпохи, отражение начавшегося кризиса. В Поднебесной падают моральные устои. Зато растет могущество денег, процветает ростовщичество. На этой волне и поднимается Симэнь Цин — новый герой тогдашнего общества, непривычный персонаж литературы. Именно обесценение морали, особенно в быту, — любимый конек Ланьлинского Насмешника.

Растленный мир китайского и маньчжурского чиновничества не мог простить Ланьлинскому Насмешнику его обличительного настроения и едкой иронии. Сразу же по выходе книги в свет власти объявили ей войну. Роман оказался под строжайшим запретом, а его тиражи уничтожались. Однако книгу тайно печатали вновь и вновь. Но издатели, решив сделать ро-

ман более приемлемым для верхов, пошли на сильное сокращение текста. Приглушили демократическую струю. Сняли обличительные характеристики отрицательных персонажей — в том числе местных чиновников, придворных сановников и самого императора. Неизвестный редактор тем самым смягчил социально-обличительную направленность романа, сделав его по преимуществу любовно-бытовым. Зато, пытаясь обхитрить власти, заботливо сохранил обилие альковных сцен и пассажей, эротических иллюстраций. Однако и «кастрированный» вариант власти сочли чересчур «развращающим нравы» и «крамольным». Издание 1636 года приказано было уничтожить. Дабы уберечь «крамольные» оригиналы, то есть первые издания, от уничтожения, китайцы увозили их в Японию. Хранить роман в его первоизданном виде было небезопасно. Так «опасный» роман еще в конце правления династии Мин попал в поле зрения «литературной инквизиции», или «письменных судилищ». Однако самые многочисленные запреты на роман посыпались со второй половины XVII века, то есть с установлением в Китае маньчжурской династии Цин, когда эту «крамольную» книгу распространяли с оглядкой, а читали с опаской. Отсюда и стойкое сокрытие автора под озорным псевдонимом.

Эта «энциклопедия нравов» сразу же встала в ряд повествовательной демократической прозы. Роман написан на разговорном, то есть почти простонародном, языке. Ретрограды, строгие моралисты и хранители политических устоев отнесли роман к «образцам крайне непристойной прозы», «низкой» и «грязной» литературы. Конфуцианские ортодоксы, люди ученой и литературной элиты третировали такую литературу как «вульгарную», «вздорную», «научающую разбою и разврату». В итоге роман, с одной стороны, черпал общественную поддержку, а с другой — вызывал волну недоброжелательности. Долгое время верхи общества культивировали подозрительное и пренебрежительное отношение к роману. А сам литературный шедевр находился на полулегальном положении, вызывая острую неприязнь литературных ретроградов. Роман пытались опорочить любыми средствами, умалить его художественные достоинства. Говорили, что роман-де страшно брать в руки! Над ним висит проклятье!

В XVII веке книга была выхолощена еще раз. В новом варианте она вышла под названием «Первая удивительная книга» («Дици шу»). «Развратный» текст романа перебивался многочисленными междустрочными комментариями, толкованиями, ссылками и сносками, дабы «обезвредить» книгу. Ту же цель выполняла целая дюжина «благонамеренных» предисловий, вступительных статей и «спасительных» трактатов. Именно в этих усеченных вариантах началось широкое хождение «Цзинь, Пин, Мэй» среди читающей публики. Казалось бы, роман введен в рамки приличия. Ан нет! Начиная с 1687 и по 1736 год «Цзинь, Пин, Мэй» особыми указами запрещался семь раз! Его нельзя было печатать, продавать и держать дома. Нарушителям грозило суровое наказание. При всем том он не раз издавался в виде «Первой удивительной книги». Тем самым как бы убивали двух зайцев. Во-первых, сбивали повышенный и «нездоровый» интерес к роману. Во-вторых, отводили читателя как можно дальше от первоначального, то есть «крамольного» и обличительного, варианта. Тем не менее власти сохраняли позу блюстителей нравственности, причисляя роман к числу «аморальных», «грязных» и «сеющих разврат» книг. Как «подрывное» произведение «Цзинь, Пин, Мэй» способствовал расшатыванию идейных устоев режима, ибо он обнажал и бичевал пороки правящего слоя. Властей страшил именно обличительный настрой Ланьлинского Насмешника, а не красочный ряд многочисленных альковных сцен.

Между тем победное шествие романа продолжалось. Книга завоевала необычайную популярность у китайской читающей публики. В XVIII столетии роман перевели на маньчжурский язык. С этого издания осуществили перевод на монгольский. В XIX веке появилась особая переработка текста для японского читателя. Позднее «Цзинь, Пин, Мэй» неоднократно переводился в Японии и Вьетнаме. Успеху романа способствовала превосходная литературная форма повествования, и в том числе его поэтический пласт. Каждая глава начинается со стихотворения, которое как бы задает тон всему дальнейшему повествованию. Да и прозаический текст изобилует поэтическими вставками. Большая часть стихов принадлежит самому Ланьлинскому Насмешнику. Иногда он переносит в свое

произведение чужие стихи. Казалось бы, настала пора примириться с этой книгой. Тем не менее литературные гонения на этот «крамольный» роман прекратились лишь в XX столетии. Публикация полного текста этого китайского «Декамерона» на его родине до сих пор запрещена. Есть лишь подпольные издания, хотя роман давно объявлен классическим произведением. Переведен на все основные языки мира. Стал гордостью мировой литературы.

Своим главным «героем» Ланьлинский Насмешник сделал Симэнь Цина. Это богатый выскочка, бездельник, мот, гуляка, завсегдатай публичных домов, бражник и домашний деспот. Полуграмотный Симэнь Цин не умеет самостоятельно написать ни одного документа. Тем не менее за солидную взятку он получает должность судейского пристава. Затем он обретает почетное звание чиновника пятого ранга. Торгаши и ростовщики становятся помощником тысяцкого императорской гвардии! Он устраивает пышные приемы для приезжих важных сановников. Слитки серебра и дорогие подарки открывают ничтожному прожигателю жизни дорогу к власти, к почестям, к славе. Как сановник, он и сам берет взятки, окупая эти затраты. Симэнь Цин ссужает деньгами под высокие проценты разного рода торговцев и подрядчиков, наживая ростовщицеством огромные богатства. Прорвавшийся в высшее общество выскочка зедет себя как мольеровский «мещанин во дворянстве». Купив себе право носить знак высшей стражи — чиновный пояс, он стремится перешеголять столичных сановников и заказывает себе восемь поясов. Для него чин очень важен! Он — источник почестей, взятки и гарантия сохранения нечестно добытого богатства.

Почти все действие романа разворачивается в доме Симэнь Цина. Это целая городская усадьба, своего рода «квартал» со множеством одноэтажных построек и внутренних дворики. Отсюда главный герой отправляется либо в храм, либо в публичный дом, либо к сводне, либо к очередной любовнице, либо просто на поиски очередного «весеннего» приключения. Симэнь Цин — бражник. Но главное для него не вино, а женщины. Погоня за плотскими наслаждениями — цель его жизни. Ему недостаточно шестерых жен и целого «букета» молодых служанок. Его второе прибежище — публичный дом.

Здесь он предается утехам с «цветочными девушками», певичками и прислужницами. Но и этого мало! «Герой» забавляется с чужими женами, молодыми вдовами и похотливыми искательницами приключений, берет к себе в дом «прелестниц» из заведений «веселого квартала». «Симэнь Цин... знал лишь наслаждения, соблазнял жен порядочных людей. Брал их к себе в дом, а как только они ему надоедали, просил сваху продать. Чуть не каждый день навевывался он к свахам, и никто не решался ему перечить». У Симэнь Цина безграничная власть над женами. Будучи не в духе, он издевается над ними. Овладевает ими в самой грубой и бесчеловечной форме. Жена для него — просто вещь, он волен поступать с ней как угодно. Своих жен Симэнь Цин избивает нещадно, как и слуганок. Доведенные до отчаяния, женщины кончают с собой. Ни одна из жен Симэнь Цина не чувствует себя счастливой в его богатой городской усадьбе.

Многие страницы романа посвящены жизни китайской женщины. И это не случайно. Женщина беззащитна — ее можно купить и продать, наказать плеткой и всячески унижить. Бедные семьи продавали дочерей в публичные дома, а мужья в целях наживы толкали жен на связь с богачами. В голодные годы бедствующая семья старалась продать дочь, но сохранить сына как продолжателя рода. Женщина служила «товаром». В романе мать продает свою дочь, а главный «герой» покупает себе наложниц.

Подробно и красочно Ланьлинский Насмешник рассказывает о любовных похождениях своего «героя». Он настолько смакует интимные подробности, что читатель не сразу понимает истинную позицию автора. А тем не менее она состоит в обличении половой разнузданности, в призыве умерить чувственные наслаждения. Описание неумной половой страсти дано в назидание и в предостережение людям, не знающим предела в плотской одержимости. Ланьлинский Насмешник осуждает Симэнь Цина за его безудержную страсть к женщинам, напоминая, что расплата за блуд неотвратима!

«Дни того, кто в распутстве погряз, сочтены. Выгорит масло — светильник угаснет, плоть истощится — умрет человек», — предупреждает автор романа людей, не знающих меры в чувственных наслаждениях. Возмездие неотвратимо!

И вот распутник и кутила умирает от полового истощения в тридцать три года. Самоубийством кончает его дочь. Насильственная смерть настигает ее мужа — блудодея. Отравившая своего первого мужа пятая жена главного героя гибнет от карающего меча. В двадцать девять лет погибает одна из ведущих героинь романа — красавица Чунмэй. После смерти Симэнь Цина его жены разбредаются кто куда. За единственным исключением все персонажи романа умирают от любовных излишеств.

Возмездие неотвратимо за все преступления, творящиеся в доме Симэнь Цина. Одна из его жен — кроткая и нежная Пиньэр родит ему сына. Это его единственный законный наследник. К несчастью, ребенок оказался нервным и слабым. Другая жена, красивая, жестокая и коварная Цзиньлянь, пылая ненавистью к своей сопернице, решает известить и ребенка, и его мать. Для этого она использует своего огромного белого кота. Цзиньлянь кормит его только сырым мясом и специально дрессирует пушистого любимца, дабы тот насмерть напугал так некстати родившегося малыша. Дьявольский замысел удастся. После сильнейшего нервного шока годовалый ребенок умирает. Убитая горем мать чахнет и в конце концов тоже сходит в могилу.

В романе проводится чисто религиозная — буддийская — идея воздаяния человеку за его грехи, торжествует буддийская мысль о мирской суете. Ибо все исчезает как утренняя роса. Все на свете — и разгул плоти, и чистая любовь, и ненависть, и счастье, и горе — все это мираж, химера! А воздаяние за грехи неотвратимо! Его не избежать! Неумная страсть доводит Симэнь Цина до преждевременной смерти. Его единственный сын становится монахом, дабы искупить грехи отца. Тем самым прекращается род Симэнь. По тогдашним понятиям, это страшная расплата, самая ужасная кара для китайца-мужчины. Здесь Ланьлинский Насмешник уже не смеется, он предупреждает тех, кто чрезмерно предавался распутству и пьянству, кто творил зло, о грядущем возмездии! А как же авторское озорное подшучивание над плотскими подвигами и половыми излишествами Симэнь Цина? В самом романе заложена некая двусмысленность. С одной стороны, сладострастное смакование сексуальных наслаждений, а с другой —

обличение плотской разнузданности с позиций конфуцианской морали. Читатель сам должен решить, в чем же пафос романа. В этой двойственности также проявляется веселое озорство автора, его тяга к розыгрышам. Разве можно проникнуть в душу таинственного Весельчака? Где же он настоящий — в ехидном лукавстве или в праведном гневe? До сих пор однозначного ответа не знает никто. Такова еще одна загадка романа.

На первый план Ланьлинский Насмешник выдвигает не мораль, а человеческие чувства и страсти. Ратуя за признание чувственного начала в человеке, он идет в ногу с веком. Именно в эпоху Мин в литературу вдруг прорвалось запретное прежде изображение страстей во всей их откровенности. В отличие от Европы, где для эпохи Возрождения было характерно прославление жизнеутверждающего начала и реабилитация плоти, в Китае гипертрофированное изображение страстей было связано с назиданием потомкам, чтобы помнили о неотвратимости сурового наказания за непомерное распутство.

«Цзинь, Пин, Мэй» — яркое свидетельство рождения в Китае особого типа романа, произведения о частной жизни человека, о нравах и быте. Ученые считают, что это «новая традиция нравописания», «зеркало эпохи», «открытие жанра бытового, сатирического романа», хотя некоторых китайских литературных критиков шокирует обилие сексуальных сцен и «непристойных» описаний.

В романе представлены различные социальные типы тогдашнего общества, более тысячи персонажей. Это целый мир — яркий, шумный, многоликий. Анонимный автор предисловия к маньчжурскому переводу романа писал: «В книге можно видеть самых обычных мужчин и женщин, монахов и монахинь, врачей и ведунов, звездочетов и физиономистов. Здесь также гадатели и музыканты, актеры и певички-гетеры — словом, самая разношерстная публика. Кто-то покупает, кто-то продает. Тут разные продукты суши и моря, там разная утварь, которой по надобности пользуются люди. Тут вы замечаете издевку, там вы слышите громкий смех. В книге не упущена ни единая мелочь, пусть самая наипустяшная, которую вы можете встретить в уголках самых захламленных. И все это описано обстоятельно и с редкою подроб-

ностью — так, будто видишь ты все своими глазами или сам участвуешь в этом действе...»

Уже современники Ланьлинского Насмешника считали его роман «неофициальной классикой». Позднейшие исследователи называли его «эпохальным» и «великим». А сам автор по праву занял почетное место в ряду таких мастеров слова, как Дж. Боккаччо, Ф. Рабле и Дж. Чосер.

«Честные» против «вероломных». Как погибли реформаторы Минской империи

Блаженствуют совы,
А фениксы злобно гонимы.
Ужели ты терпишь, о Небо?
Где право, где честь находимы?

Лю Цзи (1311—1375)

Прохладное и ясное утро занялось над Пекином. Хотя уже шел сентябрь, стояла сухая и ласковая осень — благоденственная осень года Обезьяны (1620). Недавно взошедший на престол император Чанло начал реформы. Стал устранять злоупотребления. Призвал ко двору ранее гонимых честных сановников. Вот и сейчас двое из них подошли к воротам Умэнь. Ворота эти служили южным входом в Пурпурный Запретный город — дворцовый комплекс, обнесенный крепостной стеной. Стража — вооруженные до зубов императорские гвардейцы — без звука пропустила их. Знали, что это новый глава Ведомства чинов Чжао Наньсин и его помощник Чжоу Шуньчан. Оба из группировки Дунлинь. Вот уже больше месяца, как их назначил новый Сын Неба!

Сановники явно спешили! Шли молча, на лицах тревога. Еще бы! Пятый день, как государь болен! И здоровье его все хуже и хуже. А ведь все началось с пустяков — с расстройства желудка. Дальше — больше! Куда смотрят врачи?! Второй день какая-то подозрительная возня в личных покоях императора. Это все евнухи! Шныряют — почуяли крысы беду! Надо быть настороже! А то ведь эти евнухи отравят господина! Еще вче-

ра перед сном монарху дали какую-то «красную пилюлю бес-
смертия». А если это яд?! Что тогда?! Позабыв о степенности
придворного этикета, эти двое прибавили шаг. Скорее! Ско-
рее!! Вот и дворец Ганьцин. Что такое? Ворота нараспашку.
Дежурных евнухов и охраны нет. Что-то случилось. Войдя во
двор, оба остановились как вкопанные. Человек тридцать ев-
нухов и придворных в молчании стояли на коленях. Лицом
к жилым покоям императора — спиной к воротам. И беспре-
станно кланялись до земли. Встречать вошедших кинулся мо-
лоденький евнух из тех, что на посылках. В глазах ужас, руки
трясутся. Звенящим шепотом выпалил: «Сын Неба вознес-
ся на драконе! Государь стал гостем Неба! Надо умили-
вить дух Высокого господина! Соблаговолите пасть на коле-
ни!» Вошедшие окаменели. И вдруг тишину разорвал хриплый
и яростный крик: «Красная пилюля! Отравили! Мерзавцы! Бе-
да государству! Всему конец!» Это кричал Чжао Наньсин. Кри-
чал, зная, что рядом с телом ушедшего в «мир теней» Сыном
Неба это — явное святотатство. Кричал, потеряв над собой
контроль. Потом плашмя упал на каменные плиты двора, по-
няв, что в это утро рухнули все планы группировки Дунлинь.
Столько лет борьбы — впустую! Зло и беды теперь неминуемо
восторжествуют в Поднебесной! Всеми делами в стране вновь
будет вершить гаремная свора — наложницы, евнухи, корми-
лицы и прочие! Люди во дворе старались не оборачиваться на
Чжао Наньсина. Только Чжоу Шуньчан смотрел на него...

Что же случилось в то ясное октябрьское утро года Обезья-
ны? Что это за группировка Дунлинь? Как она возникла? Ка-
кова ее дальнейшая судьба?

Век XVI был на исходе. Внешне Великая Империя Мин,
как тогда официально именовался Китай, казалась грозной
и процветающей. Между тем за помпезным фасадом стре-
мительно нарастали слабость и гниль. В империи царство-
вал четырнадцатый государь из рода Чжу, то есть Минской
династии. Это был Ицзюнь, правивший под девизом Ваньли
(1572–1620, посмертное имя Шэнь-цзун). Чиновный мир то-
гдашнего Китая состоял из евнухов, дворцовых чинов, чинов-
ников-ученых, то есть «книжников» (шушэн), военных, обыч-
ной китайской номенклатуры, удельной бюрократии. Евнухи
и придворные терпеть не могли «книжников». Те платили им

Чиновники эпохи Мин

той же монетой. Штатские свысока взирали на военных. Провинциальные группировки боролись за власть со столичными кругами. Коррумпированная бюрократия вытесняла честных служаков — приверженцев конфуцианской морали.

Всем заправляли дворцовые евнухи. Именно они толковали законы и творили произвол. Без их согласия сановники, чиновники и военные боялись что-либо предпринимать. Придворные кастраты открыто творили мерзкие дела и беззакония. Сколачивали группировки. Измывались над придворными и сановниками. Выносили смертные приговоры. Грабили имущество осужденных. Захватывали частные земли. Вымогали взятки. Накапливали несметные богатства. Расправлялись с честными чиновниками и учеными. Войны 90-х годов — с японцами в Корее и с монголами в Нинся — опустошали казну. В поисках средств казна отменила запрет

на частную разработку руд, но на каждый рудник посадила сборщика налога, как правило, евнуха. Эти жадные чиновники-кастраты стали давить непомерными налогами все — торговлю, транспорт, промыслы, недвижимость. Окружили себя подручными и шпионами из числа подонков. Те шныряли повсюду, заглядывали даже в корзины и горшки. Пошли доносы, разорение хозяев и предпринимателей. «Народ не видел спокойных дней», а страна стала подобна «кипящему котлу». Собранные суммы в значительной степени разворовывались самими же евнухами.

От скойцов старалась не отставать и чиновная бюрократия. Добивалась больше денег, земель и дальнейшей карьеры. «Торговала» влиянием и протекцией. Брала взятки. Расхищала казенные суммы. Всячески обхаживала евнухов. Ради сохранения своих постов пускалась на всякие подлости и низости. Между тем государственная машина напоминала полупустой дом. В столице и на местах много чиновных мест подолгу оставались вакантными. Высшие сановники по своему усмотрению оставляли должность и уезжали домой. Во многих провинциях не были заняты посты наместников, губернаторов и иных лиц. Во многих ведомствах отсутствовали ответственные лица. Из-за этого тысячи человек ожидали назначения на штатские и военные должности. Они не могли получить направления и отправиться к месту службы. Подолгу мыкались в Пекине. Останавливая паланкин секретаря Государственного совета, обращались к нему со слезными и бесполезными просьбами. По-своему «развлекались» удельные князья — отпрыски правящего рода Чжу. Эти аристократы были хозяевами в своих уделах. Притесняли простолюдинов. Отбирали у них землю и имущество. Силой уводили их дочерей, а пресытившись, принуждали родителей выкупать этих обесчещенных женщин. Строгая конфуцианская этика размывалась. Моральные устои и традиции служили словесным прикрытием явного разложения верхушки общества. Элементарная честность и порядочность стали обременительными путями. Строгая нравственность отживала свой век. Процветали подхалимство и лицемерие, раболепство и лесть. Особенно омерзительным выглядело низкопоклонство чиновников перед высшими евнухами. Взятничество

считалось признаком хорошего тона и процветало открыто. Коррупция достигла своего апогея. Ввиду чрезмерно большого числа дававших взятки Ведомство чинов прибегало к аттестации на должность по жребию. Одно время этот способ называли «самым справедливым».

Стихийные бедствия, внешние войны, земельная теснота, высокие налоги и произвол казны разоряли низы общества. Минская империя погружалась в острейший кризис. А верхи, словно в ослеплении, справляли «пир во время чумы». Роскошная жизнь. Безудержное расточительство. Погоня за редкими драгоценностями, за богатством и наслаждениями. Захват крестьянских земель. Накопление сокровищ. Кутежи и разврат. Ощущение вседозволенности. Упрение властью и богатством. Насилие над слабыми. Унижение честных. Ограбление тружеников. Культ собственного превосходства и своей исключительности. Разложение верхов на фоне ужасающей нищеты низов.

Придворные погрязли в интригах. Различные дворцовые группировки ожесточенно боролись между собой. За власть. За контроль над императором. За возможность грабить казну. За гарантию сохранности уже награбленного. Главное — приблизиться к Сыну Неба. Завладеть его благосклонностью. Превратить ее в свою монополию. Отбросить соперников и расправиться с ними. В 90-х годах XVI века, когда возник спор о престолонаследии, одни сановники считали: наследником «драконового трона» может быть только один из сыновей монарха. Его следует утвердить заранее. Им должен стать царевич Чанло. Другие вельможи возражали: титулом наследника следует пожаловать трех царевичей. А там видно будет! Эта группировка надеялась возвести на трон царевича Чансюня — третьего сына императора. Сам же Ицзюнь желал передать власть своему младшему, то есть седьмому, сыну Чаньину.

Старший сын императора — Чанло перенял у своих преподавателей и наставников прогрессивные взгляды. Сторонники реформ возлагали на Чанло все свои надежды. Именно его они выдвигали в качестве наследника престола, рассчитывая с его воцарением осуществить свои планы преобразований.

В 1595—1598 годах несколько видных сановников и чиновников попали в опалу за свои «крамольные» взгляды. Когда их

выслали из столицы, они собрались в городе Уси (провинция Цзянсу). Здесь они занялись преподаванием, распространяя тем самым свои реформаторские идеи. Опальные чиновники, изгнанные из столицы за вольнодумство, обладали высоким авторитетом и моральным престижем на периферии. Именно они и создали политическое течение реформаторов. Здесь, в Уси, в центре экономически развитого района, обличительные речи находили благожелательный отклик. «Те, кто подвергались изгнанию, уходили со службы, а слава их еще более возрастала. Так начинается история группировки Дунлинь», — писал их историограф. Это течение возглавлял выдающийся ученый, бывший сановник Гу Сяньчэн. В Пекине он потерпел неудачу. Был отстранен от должности. Возвратился к себе на родину — в город Уси и стал преподавать в академии Дунлинь (что означает «Восточный лес кистей»). После приезда Гу Сяньчэна в Уси в академии собралась яркая плеяда ученых и преподавателей. Авторитет Дунлинь резко возрос. Сюда на учебу приезжали люди со всего Китая. Деятельность Гу Сяньчэна в стенах Дунлинь приобрела всекитайское признание. По словам одного из авторов, «Гу Сяньчэн читал лекции, а Поднебесная тянулась к нему», а согласно доносам, читая лекции, он «управляет империей и приковывает всеобщее внимание». Даже находясь в отставке, Гу Сяньчэн продолжал оказывать влияние на дела в государстве и критиковать правительство.

Так сложилась группировка Дунлинь, оппозиционная столичным силам — евнухам и реакционерам, а также особое течение в неоконфуцианстве — «Дунлиньская школа». Кроме отставных и опальных чиновников в нее вошли ученые, преподаватели и учащиеся академии Дунлинь, члены академии Ханьлинь, академии в Гуаньчжуне и многих учебных заведений в других городах. Группировка Дунлинь состояла из «честных чиновников» (Ли Сань-Цай, Ян Лянь) и передовых «ученых мужей» (Гу Сяньчэн и Чжао Наньсин). Как писал позднее один из авторов, «Дунлинь являлась средоточием талантов Поднебесной. Те, которых они поддерживали, в основном были люди честные и прямые. Возможно, они предъявляли к другим слишком строгие требования. Все они ставили перед собой высокие цели. Возможно, мнение их трудно было понять. Их можно было бы считать необычными

людьми. Однако нельзя называть их нечестными». Дунлиньцы так и получили название «партии честных» (чжэн пай), а их противники — евнухи, придворные, реакционеры именовались «партией вероломных» (се пай).

У движения не было своей организации. Не было устава, членства, руководства и дисциплины. Просто политическая солидарность единомышленников. И ничего больше. Группировка Дунлинь всячески старалась влиять на политику двора. Добивалась назначения на высокие посты прогрессивных, честных и деятельных кандидатов. Дунлиньцы писали политические трактаты и доклады императору. «Честные» сочиняли вольнодумные памфлеты и высказывали «крамольные» мысли. В академии открыто критиковали либо, наоборот, поддерживали тех или иных государственных деятелей.

Эта группа, упорно боровшаяся за назначение наследником престола Чанло, именovala себя «группой ультимативных требований» (чжэн гобэнь). На протяжении многих лет дунлиньцы поднимали этот вопрос вновь и вновь. Подавали доклад за докладом, просили, настаивали. Им сочувствовали, их поддерживали честные чиновники по всему Китаю. Это была настоящая политическая кампания. И в конце концов Ицзюнь сдался. В год Коровы (1601) Чанло был провозглашен наследником «драконового трона». С этим энергичным, справедливым и добродетельным государем дунлиньцы связывали свои надежды. Вот он-то с их помощью «упорядочит» Поднебесную. Искоренит накопившиеся злоупотребления. Возродит мораль и порядок седой древности. Именно в этом спасение Минской империи!

Основные политические требования движения Дунлинь сводились к следующему. Император должен сам заниматься делами государства. Внимательно относиться к докладам и петициям. Вернуть на службу чиновников, уволенных за переставшие взгляды. Не допускать своеволия временщиков. Бороться против семейственности и коррупции в госаппарате. Против протекции. Против своеволия императорской родни в уделах. Отстранить евнухов от власти, лишить их чиновных должностей. Изменить систему замещения служебных вакансий. Отменить публичное наказание сановников «придворными батогамы». Дунлиньцы выступали против группов-

Шелкоткацкие мастерские эпохи Мин

щины и образования клик. По их мнению, борьба клик губительна для государства. Поэтому «честные» иногда себя называли «противниками группировок», отдавая себе отчет в том, что сила «вероломных» именно в создании клик. Образование группировок всегда осуждалось конфуцианской традицией. Историк, спустя столетие писавший о Дунлинь, так объяснял вред, приносимый кликами: «Образование группировок начинается от честолюбия, а завершается ненавистью к инакомыслящим. Когда человек достигает большой славы, у него много сторонников. Если сторонников много, то необязательно, что все они мудры. А приближает он к себе тех, которым нравится то же, что и ему. Когда слава велика, врагов тоже немало. И не обязательно, что враги глупы. Но их осуждают и изгоняют, ибо не нравится, что они придерживаются другого мнения. Вследствие расхождения взглядов между единомышленниками и инакомыслящими, между сторонниками и противниками идет бесконечная борьба. Поэтому чем больше увеличиваются группировки, тем больше это приводит к усилению бедствий». Сторонники группы Дунлинь в своих докладах извещали императора, что чиновники, обладающие властью, незаконно используют ее, а их прихвостни выслуживаются перед ними. Инспекторский и судебный надзор ухудшился, крупные тяжбы разрастаются. Государственные дела находятся в беспорядке. Порядок и неразбериха в стране зависят от того, исходят ли чиновники из личных или общественных интересов.

Дунлиньцы имели своего рода экономическую программу. Вот их основные требования. Ликвидация монополии казны на разработку недр. Отмена налогов с рудников. Отзыв всех евнухов — сборщиков рудничного налога. Упразднение таможенных пошлин внутри страны. Передача казенных фарфоровых и ткацких мануфактур в частные руки. Ликвидация государственного контроля над ремеслом и торговлей. Стимулирование частного предпринимательства. Выход из кризиса «честные» видели в свободном развитии неземледельческой сферы экономики. Реформаторы ратовали за поощрение частных шахт, рудников, мануфактур и мастерских. За свободное развитие ремесла, торговли и транспорта. По сути, они выступали в защиту рыночной экономики. В расширении рынка «честные» искали источник оздоровления Минской

империи, способ укрепления государства. При всем том дунлиньцы меньше всего думали о ростках капитализма в Китае. Просто они искали выход из кризиса. Стремилась возродить традиционную систему. Вернуть силу ослабевшему государству. С той же целью «честные» предлагали ограничить земле- владение крупных магнатов. Прекратить захват ими крестьян- ских земель. Ввести справедливое налогообложение. Снизить налоги. Поощрять земледелие. Дунлиньцы резко выступали против реакционного средневекового учения школы Чжу Си (неоконфуцианство), критикуя его с позиций древнего кон- фуцианства. Были противниками догматизма и схоластики. Предлагали различные изменения в сфере просвещения.

Обострение кризисной ситуации в стране вынуждало всех мыслящих — ученых, интеллигентов и чиновников — все бо- лее и более прислушиваться к требованиям «честных». К кон- цу правления старого императора Ицзюня влияние группы Дунлинь на умы и сердца образованных людей значитель- но возросло. Все больше становилось сторонников реформ. Многие высшие сановники перешли на позиции «честных». В русло этого общественного движения втянулось большин- ство кандидатов на замещение вакантных должностей. Од- ни из них являлись сторонниками Дунлинь, другие отдавали дань моде того времени. Третьи исходили из практических со- ображений. Думали они так: «Старый император скоро умрет. А новый — явный сторонник реформ. Значит, для быстрой карьеры надо стать дунлиньцем!» И становились. Приток этих сил в ряды «честных» не на шутку всполошил «вероломных». Евнухи забили тревогу. Пришли в движение консервативные придворные клики. Эти силы ударили в набат. Опасность! Дунлинь наступает! Ее надо остановить! Иначе ее сторонни- ки заполонят собой весь госаппарат! Надо срочно положить конец притоку новых кадров в чиновную среду. Прекратить назначения на должности! Не заполнять вакансии! На импе- ратора Ицзюня было оказано давление, и новые назначения прекратились. Между тем в Пекине собралось несколько ты- сяч кандидатов на замещение вакансий. Они потратили мас- су времени, сил и средств на учебу, на сдачу экзаменов и на получение ученых званий и степеней. Теперь эти соискатели чиновной карьеры оказались на мели. Жизнь в столице отли-

чалась дороговизной. Несостоявшиеся чиновники, не успев добраться до жалованья, до казенных сумм и взяток, познали бедность и голод. Евнухи радовались: «Поделом вам! Не будете поддерживать Дунлинь!» — и пытались обратить недовольство этих обиженных против «честных».

Как только движение «честных» стало реальной силой, «вероломные» также объединились. Возникли различные клики. Наиболее сильными из них стали Сюаньгуньская, Цискай (Шаньдунская), Чуская (Хугуанская) и Чжэцзянская. При дворе они пользовались большим влиянием. Почти все управление Минской империей находилось в их руках. Назначение и увольнение чиновников зависели от лидеров «вероломных». Обострилась и ситуация в самом Запретном городе — дворцовом комплексе Пекина. Все ждали скорой смерти старого императора Ицзюня. В конце его правления особую активность в борьбе за власть проявила его фаворитка наложница Чжэн. Она стремилась сделать наследником престола своего сына Чансюня (князя Фу-вана). Когда же наследником престола стал принц Чанло, сочувствовавший идеям реформаторов, наложница Чжэн подслала «людей с палками», чтобы убить счастливого соперника. Однако покушение сорвалось, а сам инцидент получил название «избиение палками».

В июне года Обезьяны (1620) на сорок седьмом году правления умер пятидесятивосьмилетний император Ицзюнь (Шэнь-цзун). Ему наследовал его старший сын Чанло, или Гуан-цзун (девиз правления Тайчан). С его воцарением со многих дунлиньцев сняли опалу. Вновь призвали их ко двору. Назначили на видные должности. Самым высокопоставленным и наиболее влиятельным дунлиньцем при дворе был императорский секретарь (дасюэши) Е Сянгао. Главой ключевого тогда Ведомства чинов стал Чжао Наньсин, а его заместителем Чжоу Шуньчан. По сути, ведомство перешло в руки реформаторов. Они получили возможность влиять на назначения и увольнения чиновников. Многие реформаторы получили места цензоров (инспекторов). Среди них Ян Лянь, генеральный цензор Цзоу Юань-бао и его заместитель Фэн Цунью, Хуан Цзунсу — отец выдающегося ученого и идеолога Хуан Цзунси. Видными сановниками стали дунлиньцы Цзо Гуандоу и Вэй Дачжун. Как отмечает источник, «честные

были повсюду». Чанло правил всего два месяца — с июля по сентябрь года Обезьяны. Тем не менее за это время изменилось многое. К власти пришли реформаторы. На ранее пустовавшие должности и высокие посты назначались их сторонники. Из тюрем вышли опальные чиновники. Отменялись особые налоги на добычу руд. Со всех рудников, мануфактур и промыслов отзывались все евнухи-смотрители. Значительные средства выделялись на укрепление обороны границ. Реформаторские указы публиковались один за другим. Дунлиньцы были полны решимости реализовать все свои замыслы. В эти два месяца «вероломные» вынуждены были отойти в тень. Главари этих клик уступили «честным» свои посты и свое влияние при дворе. Одних уволили, другие сами подали в отставку. Группировки евнухов присмирели. Затаились и ждали своего часа. Знали, что он придет. Так оно и случилось. Торжество реформаторов оказалось кратковременным. Ранее разрозненные придворные клики в новом монархе и дунлиньцах увидели смертельную угрозу для себя. Перед лицом этой общей опасности все клики «вероломных» объединились для решительной борьбы с «крамольниками».

Год Обезьяны выдался бурным. Деятельность Чанло в роли императора, усиление дунлиньцев и сами реформы вызвали панику в стане реакционеров. Было решено устранить слишком опасного и ретивого Сына Неба. Одно за другим последовало несколько покушений. «Внезапно» монарх заболел дизентерией. Евнухи кинулись «лечить» господина. И вот тут кто-то подсунул ему отравленную «красную пилюлю». Болезнь обострилась, и император умер. Потому эти события получили название «отравление красной пилюлей». Тем самым «вероломные» доказали, что именно они правят бал. На смену умершему на престол возвели под девизом Тяньци его сына Юцзя (Си-цзун). Это был тихий, боязливый человек. Целыми днями он забавлялся столярными работами. От управления страной сразу же устранился. В государственные дела вмешиваться не смел. За ним сохранилось лишь право подписывать бумаги, которые ему подсовывали. Когда наложница покойного государя Ли Сюаньши захотела прибрать к рукам нового императора, евнухи и придворные заставили прыткую интриганку переселиться в другое место. Этот эпи-

зод известен как «выселение из дворца». Безвольный Юцзяо сразу же попал в руки своего гаремного окружения. Евнухи, кормилицы, проныры-придворные — вот кто вертел Сыном Неба. Во главе этой шайки случайных людей встал начальник императорской секретной службы главный евнух Вэй Чжунсянь и быстро превратился в сильного временщика. Все враги «честных» объединились вокруг него, создав мощную «клику евнухов» (яньдан). В нее вошли большинство сторонников других группировок — Шаньдунской, Хугуанской и Чжэцзянской. Эту мощную силу иногда именовали «партией кастратов» (цзяньдан). Среди ее лидеров помимо Вэй Чжунсяня выделялся императорский наставник и глава Чжэцзянской группировки Шэнь Игуан — лютый враг «честных».

Укрепив свои позиции, Вэй Чжунсянь повел методичное наступление на позиции реформаторов. Начались их перемещения. Затем увольнения. В ответ на это реформаторы в 1622 году основали в Пекине академию Шоушань. Это учебное заведение дунлиньского толка должно было стать «кузницей» реформаторских кадров. Его создание послужило поводом к первому открытому столкновению «честных» с «вероломными». Над дунлиньцами нависла угроза ликвидации. Дабы ни один из «честных» и их единомышленников не ушел от «справедливой расплаты», евнухи Вэй Чжунсяня составили «Список выдающихся личностей Дунлинь», который должен был помочь «выловить» всех «честных» сразу — «за один заброс сети». В качестве предлога для атаки на реформаторов клика евнухов использовала пресловутые три события: «избиение палками», «отравление красной пилюлей» и «выселение из дворца». Она поспешила обвинить группировку Дунлинь в этих и всех прочих мыслимых и немыслимых грехах. За громкими обвинениями последовала полоса отставок. Как «добровольных», так и вынужденных. Со службы ушли или были изгнаны сразу же около 30 неугодных сановников и чиновников. «Вероломные» действовали решительно и сплоченно. «Кто был заодно с ними, остались на службе. Те же, кто выступал против, изгонялись», — сообщает источник.

Наступил год Свиньи (1623). Умирает предводитель «честных» Ли Саньцай, после чего лидерство среди них перешло к столичному инспектору Ян Ляню. Летом года Мыши (1624)

Ян Лянь подал императору доклад, где обвинил Вэй Чжунсяня в 24 тяжелых преступлениях. Как показали дальнейшие события, это был запоздалый, неверный шаг, развязавший руки врагам дунлиньцев. Доклад послужил сигналом и предлогом для открытой травли реформаторов. Началось с лавины доносов, обвинений, требований расправы. Дело в том, что движение Дунлинь с самого начала было крайне уязвимо. Согласно конфуцианской традиции, всякое объединение единомышленников само по себе считалось антигосударственным деянием. Не просто предосудительным, а «преступным»! Обвинить его участников в зловредных замыслах не стоило труда. Раз есть объединение, то его члены — «заговорщики», «смутьяны», «разбойники»! Клика евнухов объявила Дунлинь незаконной, еретической и преступной организацией. В том же году Мыши начался судебный процесс над 108 «честными». Каждый из них приравнялся к Сунь Цзяну — герою романа «Речные заводи», вождю повстанческого движения XII столетия. Все реформаторы и те, кто им сочувствовал, были признаны «разбойниками». Все эти «преступники» сначала извлекли аресты и жестокие пытки. Затем их казнили, их родню отправляли в ссылку, а имущество отбирали в казну.

Началась массовая чистка госаппарата. Списки дунлиньцев были разосланы по провинциям. В них попали и те отставные чиновники, коих ранее выслали на родину. Теперь их свозили в Пекин для суда и наказания. Тех, кто укрывался в подполье, объявляли в розыск. Не желая попасть в лапы палачей, многие талантливые и озабоченные судьбой своей родины кончали жизнь самоубийством, топились в озерах и реках. «Вероломные» уничтожали лучших из лучших, ослабляя интеллектуальную элиту Китая. Репрессии затронули и военных. В числе прочих был взят под стражу и казнен командующий войсками в Ляодуне талантливый полководец Юань Чунхуань.

В начале 1625 года было выдвинуто ложное обвинение против шестерых лидеров движения Дунлинь. В том числе против Ян Ляня, Цзо Гуандоу и Вэй Дачжуна. Всех их бросили в дворцовую тюрьму и жестоко пытали. С особым сладострастием Вэй Чжунсянь расправился с ненавистным ему Ян Лянем, который якобы получал невиданные по размерам «подношения». Не выдержав мучений, Ян Лянь умер в застенке.

Остальных продолжали зверски пытаться. Никто из шести дунлиньцев живым из тюрьмы не вышел. На следующий год (1626) настала очередь еще семерых лидеров дунлиньцев, в том числе и Хуан Цзуньсу. Семеро благородных мужей погибли в застенке от зверских пыток.

Годы Мыши, Коровы, Тигра (1624—1626) — страшное время для империи. Доносы и аресты. Тюрьмы и разбирательства. Пытки и оговоры под пыткой. Смерти в застенках и самоубийства в камерах. Казни, ссылки, увольнения со службы, травля. По всей стране «вероломные» арестовывали и карали «крамольников». Ученых и учащихся оппозиционных академий и школ преследовали особенно жестоко. «Вероломные» громили главные очаги «вольнодумства». Закрыли большинство учебных академий. Провели тотальную чистку Палаты инспекторов и академии Ханьлинь. В год Коровы покончили с академией Дунлинь. Ее запретили, а здания разрушили. Затем «вероломные» разогнали академии в Гуаньчжуне, Цзянью и Хуэйчжоу. Руководителей академий и их помощников лишили ученых степеней и званий. Перевели из привилегированного сословия в простолюдины. Преследовали и преподавателей. Одних уволили и сослали в деревню. Другие бежали, чтобы избежать ареста. Пострадали и учащиеся.

Гнев обрушился на тех, кто просто противился власти Вэй Чжунсяня. Кто порицал власть клики евнухов. Их сразу же привлекали по «делу Дунлинь». Многим выдающимся людям того времени: ученым, литераторам и сановникам — пришлось расплачиваться за знакомства, дружбу и деловые контакты с «разбойниками» из «шайки Дунлинь». К концу года Тигра движение «честных» было полностью разгромлено. Реформаторы же и не думали обороняться. Прибегнуть к оружию или призвать народ на свою защиту не позволяли им верноподданнические чувства правоверных конфуцианцев. Даже в условиях жесточайшего террора дунлиньцы не рискнули обратиться к простому народу. Они были ярыми противниками всякой «смуты». Боялись крестьянских и городских движений, а тем более восстаний. Да и сам народ не выступил на защиту гибнувших реформаторов. Только арест весной 1626 года одного из уважаемых дунлиньцев — Чжоу Шуньча — вызвал волнения простого люда в городе Сучжоу. Взбун-

товавшие горожане рассеяли прибывший сюда из Пекина отряд императорских гвардейцев.

Дунлиньцы исчезли с политической арены Китая. Одних истребили. Другие бежали в сельскую местность. Третьи прятались в горах. Наступило время «большого страха». Люди боялись говорить о дунлиньцах. Боялись откровенно высказывать свои мысли. Интеллектуальная элита Китая понесла тяжелые потери. Невосполнимый урон.

Осенью 1627 года умер император Юцзяо и на трон взошел новый монарх Юцзянь (правил с 1627 по 1644 год). А на следующий год был свергнут и принужден к самоубийству кровавый Вэй Чжунсянь. Правящая клика была разгромлена. Большинство приспешников Вэй Чжунсяня разжаловали и сослали, а некоторых казнили. Всех пострадавших от репрессий реформаторов реабилитировали. Погибшим лидерам движения Дунлинь новый Сын Неба возвратил их ученые звания и даровал посмертные почетные титулы. Но возродить «партию» реформаторов было уже нельзя. Активные дунлиньцы были истреблены, а их пассивные сторонники держались подальше от Пекина. В живых их осталось так мало и они были так запуганы, что уже не могли оказать поддержку новому императору. Реальная власть попала в руки его родни и реакционных сановников, а за ними в гору снова пошли евнухи. В итоге кризис империи Мин вступил в свою очередную фазу.

Судьба таланта.

Почему сломалась карьера Ли Саньцая

Увы, глупец прославлен ныне,
Бесчестный властью наделен.
Вступивший в бой со злом и ложью,
Мудрец на гибель обречен.

Цзя И (201–169 до н. э.)

В то промозглое мартовское утро года Мыши (1612) год Фэнъян проснулся раньше обычного. Люди спешили к резиденции губернатора. Сегодня он уезжает. Строгий, справедливый и заботливый. Оплот порядка, защитник сла-

бых, настоящий честный чиновник. А это большая редкость! Вот уже тринадцать лет он правил краем Хуайфу по обоим берегам Хуайхэ. За это время сделал многое. В голодный год помог бедствующим. Снизил подати. Расправился со сборщиками налогов — грабителями. Одних выгнал, других наказал, третьих согнул в бараний рог. Очистил край от разбойников. Предотвратил смуту. Дал людям возможность спокойно трудиться и торговать, а значит, и жить получше. Выдворил лихоимцев и взяточников. Вместо них подобрал чиновников по своему образу и подобию. Но вот он уезжает! Император вызывает его в Пекин. Там, в столице, его ждет большое повышение по службе. Сын Неба даст ему новое назначение.

Растворились ворота, раздались громкие удары медного гонга. Впереди шли четверо служителей с хлыстами и цепями — прокладывать путь. Двое несли гонг и били в него. За ними показался огромный зонт с написанным на нем титулом губернатора. Проплыли красные лопатообразные знаки власти с черными иероглифами. Прошествовали телохранители с кривыми мечами на плече. Четверо солдат пронесли на коромыслах большой красный сундук, затем ряд за рядом прошел военный эскорт. И наконец показался обтянутый зеленой материей паланкин губернатора.

Он сидел неподвижно. Гордо поднятая голова. На лице — маска бесстрастности. Взгляд строгий. Руки вцепились в подлокотники. Таким и должен сановник предстать перед простонародьем! А что в душе? Волнение, смятение, печаль. Ведь он в последний раз видит этих людей! Много знакомых лиц. Тринадцать лет — это не шутка! Склонили головы. Молчат. Застыли в почтительной позе. В глазах — грусть и тревога. Он любил их по-своему. Как взыскательный и заботливый начальник любит послушных подчиненных. Кorteж продвигается к пристани. Там его ждут речные паромы. За рекой — дорога в столицу. Что ждет его там?

Необыкновенный человек покидал Фэнъян. В лицо или понаслышке его знал весь Китай — чиновники, ученые и интеллигенты. Его уважали. И те, кто любил. И те, кто ненавидел. Он был прирожденным лидером. Как никто умел влиять на умы и чувства. Одних привлекал личным обаянием. Других подчинял силой убеждения. Временами был слишком напо-

рист и несколько деспотичен. Обожал ученые споры, интеллектуальные дискуссии. Это была его страсть! Безумно любил друзей и единомышленников. Общение с ними становилось для него праздником. Радовался дружескому застолью с утонченной беседой. Денег на угощение не жалел! Да серебро и не задерживалось у него. За это враги прозвали его «расточителем». Образец честного чиновника, строгий ревнитель конфуцианской морали, он был порядочен до щепетильности. Горд до крайности. Не боялся за свою карьеру. Всю жизнь говорил только правду — и начальству, и подчиненным. Не изменял своим идеалам. Имел дар предвидения. По сути, предсказал Крестьянскую войну 1628–1646 годов, маньчжурское завоевание Китая и гибель империи Мин. Пытался все это предотвратить. Был поэтом и создал несколько стихотворных сборников. Жил и умер как «благородный муж» (цзюньцзы) — человек духовной элиты. Читатель скажет: «Полноте! Такие герои встречаются только в романах. Слишком уж идеален. Да и кто это? Как его звали?»

Его фамилия Ли. Имя — Саньцай. Родом он был из столичной провинции. Сын военного. Отлично сдал экзамены и получил высшую ученую степень — цзиньши. Пострадал по службе, защищая друга. Вместе с единомышленниками искал выход из поразившего империю Мин кризиса. Приобрел популярность среди честных чиновников и ученых мужей. Прекрасно справлялся со всеми данными ему правительственными поручениями. Сделал блестящую карьеру. Тринадцать лет (1599–1612) был губернатором края Хуайфу, то есть ряда областей провинции Цзяннань. Говорил государю правду, постоянно рискуя своим сановным положением. Вызывал к себе лютую злобу придворных клик, особенно дворцовых евнухов. Их ненависть сделала его фигурой всекитайского масштаба. Обрел множество сподвижников, стал лидером одного из политических течений — «группировки Хуайфу». Сблизился с дунлиньцами и их лидером Гу Сяньчэном.

Имена обоих были на устах всех порядочных чиновников и истинных ученых. Гу Сяньчэн — преподаватель академии Дунлинь, «мудрец из Уси» — воплощение совести Поднебесной. Ли Саньцай, неумный губернатор из Фэнъяна, — олицетворение смелости. Дунлиньцы и наперебой

просят императора о переводе Ли Саньцая в столицу. К ним присоединяются влиятельные цензоры-инспекторы. Дела в стране идут все хуже и хуже. Нужен способный и волевой человек, чтобы их поправить! И наконец император Ицзюнь сдается. Дерзкого правдолюбца и ретивого служаку вызывают ко двору.

Ли Саньцая назначают главой Ведомства налогов. Этот пост по европейским меркам близок к положению главы правительства. Но вскоре Сын Неба уже жалеет, что подписал перевод Ли Саньцая в столицу. Ведь его сюда прислали для штопанья дыр и латания заплат, а он желает перекроить платье! Все стремится изменить. И подталкивает к этому самого Ицзюня. Понимая, что близится война с маньчжурами из-за Ляодуна, Ли Саньцай усиленно обращает внимание государя на предстоящие трудности. Считает, что левый берег реки Ляохэ в опасности и удержать его будет трудно. Как в воду глядел. Между тем Сын Неба даже не прислушался к предостережению.

В это время освобождаются места в Императорском секретариате. Евнухи и дворцовые чины считают, что назначать на них следует только придворных. Однако первым называют Ли Саньцая. Именно его прочат на вакантную должность столичного инспектора-цензора. Но как только его имя официально произносится в числе кандидатов, среди придворных поднимается страшный шум, ведь у Ли Саньцая уже много врагов — завистников и недоброжелателей. Обильно льется клевета. Он-де «крупный преступник, хотя и кажется подданным императора». Он-де «большой обманщик, хотя и похож на честного». Его обвиняют в корыстолюбии, лицемерии, коварстве и самоуправстве. Ли Саньцай решительно отвергает все наветы и просит об отставке. Ряд пекинских и нанкинских чиновников выступают в его защиту. Развертывается острая борьба. На самом деле спор идет не столько о личности, сколько о выборе курса страны. Ли Саньцай просит у императора расследовать доносы с обвинением его во взяточничестве. Однако Сын Неба и не помышлял об установлении истины. Оскорбленный сановник вновь просит отставки. Вопрос стоит так: либо вводить Ли Саньцая в Императорский секретариат, либо согласиться на его уход на покой. Монарх не хочет ни того, ни другого. В итоге спор затягивается на долгие месяцы.

Дабы окончательно выбить правдолюбца из седла, ему наносят страшный удар. Обвиняют по трем пунктам. В краже императорского леса. В сооружении из этих бревен и досок дома у себя на родине в Тунчжоу — к востоку от столицы. В присвоении 220 тысяч лянов казенного серебра и использовании их на постройку. Императора, по сути, принуждают к отставке Ли Саньцая. Обстановка в Пекине обостряется. На сторонников реформ сыплются доносы. Дунлиньцы их опровергают. За Ли Саньца вступается Гу Сяньчэн. Предлагает во всем объективно разобраться. Это только подливает масла в огонь.

В тот же год Мыши умирает Гу Сяньчэн, и Ли Саньцай фактически становится лидером «честных». Все дунлиньцы теперь смотрят на него как на своего вождя, но это лишь усиливает ненависть придворной клики к главе Ведомства налогов. Его обвиняют в «десяти пороках и пяти видах вероломства». Ли Саньцай опять и еще настойчивее просит отставки. Но высочайшего разрешения все нет и нет. Противостояние затягивается.

Наступает год Дракона (1616). Ли Саньцай поливают грязью. Клеветают на него. Требуют расправы. Император же делает вид, что ничего не происходит. Тогда Ли Саньцай самовольно покидает службу. Ицзюнь отставку принимает. Точнее, заявляет, что «не посчитал это (то есть самовольный уход. — *Авт.*) за преступление». Ли Саньцай сдает дела и уезжает к себе на родину. Для всех честных чиновников, для сторонников реформ, для прогрессивной интеллигенции это тяжелый удар.

Казалось бы, Ли Саньцай перестал быть опасен. Но враги боятся, что рано или поздно он вновь вернется на службу. Дабы предотвратить возвращение, ему наносится очередной удар. Ли Саньцаю ставят в вину его огромный авторитет. У себя на родине он, мол, управляет всеми и всем! Подобно начальнику уезда! Его обвиняют в захвате казенных мастерских — на их месте он якобы разбил свой парк. Доклады императору сыплются один за другим. Ли Саньцай опровергает глупые вымыслы. Он просит прислать одного из дворцовых евнухов для проверки нелепых обвинений. Просит конфисковать его дом. Хочет приехать в Пекин, пусть император

лично допросит его. Все напрасно. Очернение, а не восстановление истины — вот цель его врагов.

Время в отставке тянется медленно. Идут годы. Целых четыре года. Наступает год Обезьяны (1620). В дом Ли Саньцай приходит весть — старый император Ицзюнь отошел в «мир теней». На «драконовый трон» вступил его старший сын Чанло — надежда реформаторов и всех честных чиновников. На ответственные посты один за другим назначают люди «группировки Дунлинь». Ли Саньцай с нетерпением ждет вызова в Пекин.

Минует месяц, настает второй. Как гром среди ясного неба раздается страшная новость — государь умер! Отравлен! Все надежды рухнули. Очередного императора — безвольного Юцзяо (1620—1627) полностью прибирает к рукам придворная клика под руководством главного евнуха Вэй Чжунсяня. Они постепенно вытесняют с ответственных постов дунлинцев. Ли Саньцай пытается защитить реформаторов и пишет доклад императору, заключая его словами: «Судьба государства зависит от того, будут ли чиновники честными или нечестными. Ваше Величество, обратите на это внимание».

Но все тщетно. Начинается разгром движения Дунлинь. Правящая группировка во главе с «наставником императора» Шэнь Игуаном и Вэй Чжунсянем спешит расправиться с побежденными реформаторами и изгоняет их со службы. После доклада императору ненависть придворных к Ли Саньцаю резко возрастает. Они грудью встают на защиту «императорского наставника». Их доверенные лица бросаются в Тунчжоу — «проверять факты», указанные в доносах на Ли Саньцай, и, естественно, не находят им никаких подтверждений. Тем не менее после отчета о поездке, полного очернительства, император переводит неугодного ему строптивца в простолюдины. Изгоняет из благородного сословия. Отныне, казалось бы, чиновная карьера для него закрыта.

Но положение в стране резко ухудшается. Столичные цензоры-инспекторы просят Юцзяо вернуть Ли Саньцай в Пекин. И в год Свиньи, то есть в 1623 году, его спешно восстанавливают в «ученом сословии» и в должности главы Ведомства налогов. Но не в Пекине, а в Нанкине! Правящая клика его видеть не может. И не хочет. Пусть сидит себе там,

в Южной столице! Подальше от Сына Неба. Что делать опальному сановнику в таком случае? Честный чиновник должен откликнуться на призыв государя! Ли Саньцай рассчитывает хоть что-то исправить. А еще приостановить разгром «группировки Дунлинь». Уберечь от избиения своих последователей в Хуайфу.

Весной он выезжает к новому месту службы. Путь неблизкий. В дороге его подстерегает болезнь, и в марте он умирает, так и не добравшись до Нанкина. Преданная и безумно любившая Ли Саньцай наложница Ма, не желая расставаться с ним, добровольно обрекает себя на голодную смерть и через одиннадцать дней отправляется в «мир теней» вслед за своим господином. Все честные чиновники, ученые и интеллектуалы Китая — в трауре.

Зато радость его врагов безмерна. Но даже мертвый он им страшен. Придворная клика настойчиво требует указа о посмертной дискредитации покойного и добивается исключения Ли Саньцай из списка чиновников. Однако и на этом борьба вокруг его имени не прекращается. Наступает год Дракона (1627). На трон восходит новый Сын Неба — император Юцзянь. Власть Вэй Чжунсяня и его клики рушится. Ли Саньцай опять восстанавливают во всех его чинах, должностях и заслугах и пытаются следовать его заветам. Но уже поздно, время упущено. Китай стоит на пороге крестьянской войны и вторжения маньчжуров. Все, чего боялся Ли Саньцай, все, что хотел предотвратить, становится неодолимым. Вскоре эти два потока сметут Минскую империю. А мирный покой его могилы на семейном кладбище будет нарушен. Сначала топотом маньчжурской конницы хана Абахая и его князей. А затем песнями повстанцев из армии крестьянского императора Ли Цзычэна.

Часть третья
Смутное время.
Крестьянская война
и маньчжурское завоевание

Кровавый след Желтого Тигра.
Триумф и гибель крестьянского
царя Чжан Сяньчжуна

То глажу сталь рукой,
А то пылинки сдую:
Люблю мой меч нежней,
Чем деву молодую!

«Песни Северных династий»

Все началось с осла. Серого и ушастого. Он исправно таскает на своей многострадальной спине мешки и корзины с финиками. Возит их по дорогам и деревням, городам и базарам. Хозяев, бродячих торговцев, у него двое — старый Чжан и молодой Чжан. Отец и сын, лет пятнадцати. Но вот однажды в одном из городков осла неосмотрительно привязывают к местной достопримечательности — мемориальной арке, поставленной в честь здешнего богача и аристократа. Местные жители, увидев свежий ослиный навоз на столь священном месте, поднимают невероятный скандал. Сбегаются ревнители порядка и строгой морали. Старшего Чжана начинают

избивать. Тот прикрывает руками голову — чтобы не убили. Палками и ногами бьют осла. Младший Чжан бросается на помощь отцу, но тоже получает свое. Его отшвыривают в сторону. Избитого отца заставляют руками убирать навоз, унижают на глазах у сына. Парнишка стоит, окаменев, до боли сжав кулаки. Не мигая смотрит он, как отец грязными от навоза руками утирает кровь, текущую из угла рта и из носа. Ему бы в руки меч «гусиное перо» или стальную плеть! Он бы расправился с этой сворой холуев! Однако время его еще не пришло. Но оно придет, и о нем заговорит весь Китай.

Чжан Сяньчжун! О его храбрости и силе народ слагает легенды. О его жестокости враги пишут небылицы. Они боятся и ненавидят этого высоченного громилу с пудовыми кулаками. Он может убить одним ударом. У него желтое лицо в мелких рябинках с «тигриным» подбородком. Суровый лик. Он хитер и лукав. Вспыльчив и азартен. Беспощаден в ненависти. Грозен в гневе. Недаром в свои двадцать пять лет получает прозвище Желтый Тигр. Первоклассный наездник. Отважный воин. Лихой кавалерийский командир. Официальные истории приписывают ему патологическую страсть к убийствам: «Если один день не убьет ни одного человека, становится унылым и печальным». Он «в высшей степени бесчеловечен и кровожаден». В его войсках степень заслуг командиров определяется якобы по числу убитых ими людей.

После смерти Желтого Тигра минские биографы создали образ законченного злодея. Что только ему не приписывают! И стремление уничтожить всех богачей. И попытку истребить всех «ученых мужей», то есть вырезать все привилегированное сословие. И массовые казни «ученых». И поголовную резню населения города Учан на реке Янцзы, когда «гнилое человеческое мясо плыло, покрывая всю реку». Дабы убедить людей, что он не человек, а исчадие ада, приводят пример совершенного им святотатства. В Китае высшее божественное начало — Небо, а гром — «голос Неба»! Гром без грозы — особое предостережение свыше! Грозное и дурное предзнаменование! В тот день, когда Чжан Сяньчжун, заняв Чунцин, казнил тамошнего удельного князя, «при безоблачном небе гремел гром. Многие среди разбойников перепугались. Сяньчжун в гневе стрелял из большой пушки, целясь в Небо». Ну раз-

ве не ясно, что перед нами выродок, который не внимает предупреждению свыше, пренебрегает указанием судьбы? Мало того. Он смеет стрелять в само Небо! А это кошунство вдвойне! И еще. Готовясь к переправе через озеро Дунтин, он отправился погадать в храм. Гадание оказалось неблагоприятным. Тогда Желтый Тигр отбросил гадательный сосуд, выругался и велел начинать переправу. Одним словом — нечестивец!

Однако есть и другие свидетельства. Вот что говорит современник и очевидец событий: «Я слышал, что Чжан Сяньчжун, прибыв в Хэнчжоу (город в Хунани. — *Авт.*), не тронул ни одного человека. Когда я спросил об этом Лоу Дэгуна, он подтвердил, что это действительно так». Это свидетельство сохранилось по недосмотру. Ибо цензоры вычеркивали правду об этом человеке. Сохранились сведения, что он общался с миссионерами-иезуитами. Уважал их как «чужестранцев и ученых». Хвалил их учение. И даже обещал в случае победы воздвигнуть христианский храм. Как сообщают иезуиты, находившиеся тогда в Чэнду, в столице созданного им государства в провинции Сычуань, «он начал свое правление с такой терпимостью, справедливостью и великодушием, что завоевал все сердца. И действительно, по природе своей он был наделен такими добродетелями, что не было милосердия, которое он бы ни совершил». Кажется, что это сказано о совсем другом человеке! Так где же правда? Известно, что Чжан Сяньчжун пробовал писать стихи. Заставлял профессиональных рассказчиков пересказывать ему романы — «Троецарствие» и «Речные заводи». И якобы из них «заимствовал сокрытые и внезапные удары по врагу». В занятых им городах проводил экзамены на соискание ученых степеней. Он раздавал золото, чтобы помочь бедствующему населению, стремился привлечь к себе народ и ставил перед собой высокие цели. У Чжан Сяньчжуна был политический советник из среды шэньши — Ван Чжаолин. Сотрудничал Желтый Тигр и с другими минскими шэньши и чиновниками.

К сокровищам и богатству он относится с глубоким презрением. Если они попадают к нему в руки, предпочитает их уничтожать. Почему? Да потому, что боится разложения в среде своих сподвижников. Считает, что богатство разрушает и разъединяет, а не сплачивает. Однажды повстанцы

по его приказу «отвели воды реки Цзиньцзян. Вырыли в русле яму в несколько чжанов глубины (1 чжан — более 3 метров. — *Авт.*). И закопали в ней бесчисленное множество золота и драгоценностей. Затем открыли плотину и пустили воду. Они называли это “водной кладовой” и говорили: “После нас никто этим владеть не будет!”»

Впрочем, что правда, то правда: во всех занятых им «столицах» удельных князей он беспощадно уничтожает минских властителей: топит в реке, отдает на растерзание своим соратникам. Расправляется он и с членами княжеских семей, и с их сановниками. Но продовольствие из их складов раздает народу. Выделяет деньги на помощь голодающим. Обещает отменить налоги. Так кто же он?! Примитивный бандит или идейный борец? И откуда он?

Его родина — провинция Шэньси на северо-западе Минской империи. Здесь много гор и оврагов. Много лошадей и овечьих стад. Здесь проходит граница с Монголией. Это край крепостей, воинов и всадников. Здесь война всегда у порога. Здесь ценят отважных и сильных, лихих и бесшабашных. О жителях этого края современник событий пишет так: «Тамошний народ обладает большой физической силой. Они бесстрашные удалыцы и любят драку».

Чжан Сяньчжун появился на свет в 1606 году. Это год Лошади. Но это еще и год Кометы! Над Китаем повисает хвостатая «Звезда-метла». Вся Поднебесная по ночам смотрит на это грозное чудо. Народ в страхе, ибо «небесное помело» — дурное предзнаменование! В свое время поэт Лю Цзи писал:

Не радуга в небе —
Там страшная встала комета.
Как грозное
Предупреждение богов!

Перевод А. Арго

Издавна считалось: «Небо кометой, как метлой, смывает грязь». С грешной земли. С лица государства, где правящая династия утратила праведный путь. Но кто же будет «сметать» прогнившую династию Мин с лица земли? Тот, кто родится в год Кометы.

Двум мальчикам, родившимся в тот год в Китае — Ли Цзычэну и Чжан Сяньчжуну, — суждено было повести за собой грозные армии. Один из них — Ли Цзычэн взойдет на престол сначала в Сиани, а затем в Пекине. И станет императором династии Да Шунь. Другой — Чжан Сяньчжун воздвигнет трон в Чэнду. Создаст в Сычуани Великое Западное государство. Станет его царем (ваном). Но пока он всего лишь мальчишка, сын простолюдина, родившийся в год Лошади. А она для него больше чем символ. Самим рождением ему как бы уготовлены конь, седло, топот копыт и свист ветра в лошадиной гриве. Удадь «конного разбойника» и слава лихого атамана. Вот что сообщает источник: «С молодых лет он обладал удивительной силой, не терпел спокойствия. Вначале он поступил в частную школу. С учеником, который жил с ним в одной комнате, затеял ссору и ударом кулака убил его. У его семьи [за это] взяли под залог имущество... Отец сильно разгневался и прогнал его». Юноша становится бродягой. Вынужден скитаться в чужих краях. Одна состоятельная семья усыновляет его. Приглашает для него учителя. Но он вновь затевает драку, убивает двух своих соучеников и бежит из приютившей его семьи.

Затем он поступает в солдаты. Но воинская дисциплина не для него. Нарушает порядок и совершает нечто такое, за что приговаривается к казни. Однако командир, безмерно ценивший его необычайную физическую силу, добивается для него помилования. Но солдатская служба Чжан Сяньчжуну в тягость. И он дезертирует. Его неумолимо тянет к разбойной вольнице. Время стоит особое — начинается крестьянская война. Разбойничьи шайки, в которые поначалу приходят «взбунтовавшиеся и беглые солдаты, курьеры почтовых станций, голодающий люд, конокрады и бродяги», разрастаются в повстанческие отряды.

Летом года Лошади (1630) двадцатичетырехлетний Чжан Сяньчжун присоединяется к одной из шаек, затем переходит в отряд, состоящий из дунган, то есть китайцев-мусульман. Отрядом руководит известный атаман Ма Шоуин по прозвищу Старый Мусульманин, который дает новичку прозвище Желтый Тигр. Наблюдая за Чжан Сяньчжуном в деле, вожак видит, что не ошибся. Но как быть с религией? Вполне возможно, что бойцы, и прежде всего атаман, пытаются обра-

тить новичка в ислам. Если это так, то его последующий уход от Старого Мусульманина отчасти объясняется нежеланием принимать учение пророка Мохаммеда. Буйной и разнузданной натуре Желтого Тигра противопоказан ислам с его ограничениями. Одного лишь запрета на вино, не говоря уже об обязательных регулярных молитвах, вполне достаточно, чтобы отвадить лихого разбойника от религиозной дисциплины этого отряда.

Обретя боевую славу, он отделяется от Старого Мусульманина. Вскоре собирает и возглавляет собственный отряд в тысячу удалцов, хотя ему немногим более двадцати пяти лет! Его отряд совершает несколько успешных рейдов. Захватывает восемнадцать небольших крепостей на севере Шэньси. Имя его становится известным. Чжан Сяньчжун присваивает себе титул князя. Отныне он «Восьмой Великий князь». До него уже семь атаманов присвоили себе княжеское достоинство: Чуанский князь; Князь Утрамбованной Земли; Князь, Упорядочивающий Мир; Князь, Рушащий Небо; Князь Смутного Времени; Далянский Князь и кто-то еще седьмой. Могучее племя атаманов множится. Появляются все новые славные имена: Тигр, Перепрыгивающий Горы, Большой Красный Волк, Рассвет Высокого Неба, Золотой Мост, Син — Красный Волк, Заполняющая Небо Звезда, и Цао Цао, принявший имя «величайшего злодея-цареубийцы» древности. Итак, Чжан Сяньчжун теперь один из этой славной когорты разбойничьих вожakov.

Новоиспеченный князь успешно ведет свой отряд по родной провинции — сквозь огонь крестьянской войны. Между тем зона боев переполняется правительственными войсками. Те методично громят разрозненные силы повстанцев. Атамань в тревоге! Им нужна координация действий и новое смелое решение. И вот тогда инициативу берет на себя самый авторитетный тогда лидер Ван Цзыюн — Золотой Мост. В июле года Овцы (1631) он созывает совещание атаманов, на которое собираются 36 вожakov. Под их началом более 200 тысяч бойцов. В основном конница. Одним из первых приезжает Чжан Сяньчжун. За ним его бывший начальник и «крестный отец» — Старый Мусульманин, Цао Цао, Син — Красный Волк и три «князя» — Упорядочивающий мир, Рушащий Не-

бо и Смутного Времени. Здесь же и Чуанский князь Гао Инсян со своими полководцами, среди которых Ли Цзычэн, носивший кличку Звезда, Разящая Войска. Это первая встреча двух атаманов, родившихся в год Кометы — «Звезды-метлы».

Атаманы признают верховенство Золотого Моста. Вырабатывают общий план действий. И со своими отрядами одновременно начинают пробиваться на восток. Форсируют Желтую реку — Хуанхэ. Одним из первых через ее бурные воды на левый берег переправляется Восьмой Великий Князь со своими удалцами. Здесь в южной части Шаньси он взаимодействует с отрядом Золотого Моста. Вместе они прорывают полукольцо правительственных войск, пытающихся их окружить. Пробиваются в Хэнань. В год Курицы (1633) они вторгаются на юг столичной области и движутся на Пекин. Дабы их остановить, минские власти стягивают сюда войска из четырех провинций. Из столичных лагерей прибывает императорская гвардия. Эти элитные части оснащены аркебузами и мушкетами. Вооруженные лишь холодным оружием, повстанцы впервые сталкиваются с прицельным огнем на поле боя. Завязываются тяжелые кровопролитные бои. Наступающие несут большие потери. В одной из битв гибнет Золотой Мост. Атаманы прекращают наступление и отходят. Их преследуют и оттесняют к северному берегу реки Хуанхэ.

Великая река Китая — осенью многоводная и бурная — преграждает повстанцам путь. Переправиться невозможно! Минские военачальники от радости потирали руки, уверенные в том, что «разбойники» сейчас начнут сдаваться. Но те тянут время, хотя и ведут переговоры о капитуляции. Чего-то ждут. А ждут морозов, и они пришли! В декабре река замерзает. Первый лед тонок, он трещит и ломается, однако ночью повстанцы все-таки переходят на южный берег. Наутро в минском лагере изумление — бандиты внезапно исчезли! Но последовать их примеру императорские войска не решаются.

Повстанцы снова вырываются на оперативный простор. Их общим вождем становится Чуанский князь Гао Инсян. Он ведет их на юг. С боями они переходят из одной провинции в другую. Однако исчезла цементирующая цель, и нет общего плана. Слабеет связь между отрядами, растет разобщенность атаманов. Единый поток дробится. Одним из первых

в «свободное плавание» отправляется Чжан Сяньчжун. В его отряде несколько тысяч человек. Образуются как бы два центра притяжения. Первый и более сильный — Чуанский князь и его «чуанские полководцы» — Ли Цзычэн и Ли Го. Второй — Восьмой Великий Князь, вокруг которого группируются мелкие отряды. С ним взаимодействуют, когда им это выгодно, такие прославленные и опытные вожаки, как Цао Цао и Старый Мусульманин.

Ни вражды, ни явного противостояния у Чжан Сяньчжуна с Чуанским князем нет. В феврале года Свиньи (1635) Гао Инсян собирает в Хэнани совещание атаманов. Желтый Тигр едет в Инъян. Подчиняется общим решениям. Принимает единый план действий, предложенный Ли Цзычэном. Его примеру следуют другие атаманы. Хотя все они, за исключением «чуанских полководцев», не хотят полной зависимости от одного военачальника и объединения своих войск в единую армию не желают. Им не нужен верховный главнокомандующий! Их цель — самим решать свою судьбу. Более, чем кто-либо, этим духом заражен Чжан Сяньчжун. Натура буйная, волевая, сильная, свободолюбивая. Но пока, следуя плану, принятому на совещании, они вместе идут на восток, в области, лежащие к северу от великой реки Янцзы. Колонна Чжан Сяньчжуна наступает в авангарде. За ней следуют чуанские войска. Им сопутствует успех. Они с ходу овладевают Фэнъяном — Средней столицей Минской империи. Здесь в руки атаманов помимо прочих богатств попадают сокровища императорского мавзолея. Это сооружение венчает собой кладбище предков основателя Минской династии Чжу Юаньчжана. Сам мавзолей повстанцы предают огню. Узнав об этом кошунстве, император Юцзянь облачается в белые траурные одежды и безутешно рыдает. Атаманы же вместе с «народом веселятся и пируют».

Вот тут-то и происходит ссора между Ли Цзычэном и Чжан Сяньчжуном. Казалось бы, из-за пустяка. Как сообщает источник, «Цзычэн требовал у Сяньчжуна маленького евнуха из императорского мавзолея, который искусно бил в барабан. Сяньчжун не дал. Цзычэн разгневался». Два полководца конфликтуют из-за музыканта? Вряд ли. Это лишь повод, предлог к разрыву. А главное — столкновение двух противополож-

ных позиций, соперничество, борьба за авторитет, за престиж, за верховенство. Видимо, для Желтого Тигра отдать барабанщика означало признать свое подчиненное положение. Поставить себя ниже «чуанского полководца». На такое не мог пойти Восьмой Великий Князь, сознавая, что за первой уступкой может последовать реальное подчинение чужой воле. Как бы там ни было, ссорятся одноклассники, рожденные под знаком Кометы, то есть «Звезды-метлы». Именно им предназначено Небом «выместить» из Китая старую прогнившую династию и основать новую. Ссорятся соратники по борьбе. И этот разлад в будущем грозит трагедией и для всей страны, и для каждого из них. Именно здесь, на пирах в Фэнъяне, зарождаются семена фатального раскола, который приведет к краху великое начинание.

В год Мыши (1636) Восьмой Великий Князь навсегда прерывает с Чуанским князем и его полководцами. Отныне Желтый Тигр охотится самостоятельно. Ему всего тридцать лет, но слава о нем гремит по всему Китаю. Осенью этого года на плахе в Пекине погибает Гао Инсян. Его титул — Чуанский князь переходит к Ли Цзычэну. И теперь личная неприязнь между «детьми года Кометы» сливается с противостоянием «чуанского» и «тигриного» центров. После гибели Гао Инсяна первый явно слабеет. Второй же, напротив, набирает силу. Многие повстанческие полководцы признают Восьмого Великого Князя своим верховным вождем. Враги характеризуют его как «наиболее хитрого, отважного и сильного среди атаманов». Его влияние и роль возрастают. На время он славой и авторитетом затмевает своего главного соперника — нового Чуанского князя Ли Цзычэна.

Осенью того же года Мыши он вместе со Старым Мусульманином начинает новое мощное наступление в долину Янцзы. Их силы составляют до 200 тысяч бойцов. Соединившись с отрядом Цао Цао, они выходят в район Великого канала. Здесь к ним присоединяются Кожанный Глаз и другие атаманы. Два месяца они осаждают город Аньцин, а затем две недели яростно штурмуют его стены. Тем временем сами осаждающие оказались блокированы со всех сторон подошедшими сюда минскими войсками. Атаманы снимают осаду и с кровопролитными боями прорываются сквозь вражеское

кольцо, оставляя на полях сражений тысячи трупов. Правительственные войска упорно преследуют повстанцев. Дабы избежать гибели, атаманы расходятся по разным направлениям. Им кажется, что их игра проиграна. В одной из битв Желтый Тигр тяжело ранен. И только верный конь спасает ему жизнь. Ряды его бойцов тают, связь с другими атаманами прерывается. Его главная задача — спасти то, что осталось от его войска. Что делать? Сдаться на милость победителей?

В мае года Тигра (1638) Желтый Тигр обращается к врагам с выражением покорности. Для династии Мин это большая удача! Его смирение оценено. Отныне грозный атаман со своим воинством числится на службе у правительства. «Главарь бандитов» получает должность начальника гарнизона в одном из городов провинции Хубэй. От властей он просит продовольствие для 100 тысяч своих воинов. Власти, боясь конфликтовать с ним, выполняют эту просьбу. Вслед за Желтым Тигром на тех же условиях прекращают борьбу Князь, Рушащий Небо, Старый Мусульманин, Цао Цао и еще десять видных вождей. В следующем году Зайца (1639) на государственную службу переходят Стрелок, Поражающий Небо, Князь Широкого Неба, Летящая По Небу Звезда и еще 15 атаманов. В Пекине бурное ликование: смуте пришел конец, династия Мин вне опасности!

Но Небо, видно, не хочет окончания смуты. Оно шлет на Китай новые испытания — стихийные бедствия, засухи, нашествия саранчи, неурожай, голод, эпидемии, мор. А с севера на территорию Минской империи вторгаются маньчжуры. Разгораются новые бунты. В деревнях, горах и лесах скапливаются массы обездоленных, и начинаются новые бунты.

Летом года Зайца (1639) Желтый Тигр неожиданно выступает против династии. Больше года он сидел смирно, пополнив, перевооружив и хорошо одев свое воинство. Теперь пора! За ним поднимают свои отряды Цао Цао, Старый Мусульманин и еще одиннадцать атаманов.

Сначала Желтому Тигру сопутствует успех. Но вскоре минские власти бросают против него огромные воинские силы. После нескольких поражений он отступает, уводя людей в горы. Здесь в горных укрытиях противник яростно атакует его потрепанное и поредевшее воинство. Тигр терпит жестокое

поражение, в плен попадают его жена и наложницы. У него остается чуть больше тысячи конных и пеших бойцов. Но с помощью горцев Чжан Сяньчжун приводит свой отряд в порядок, пополняет его и тихо, со свернутыми знаменами и без барабанного боя, ведет бойцов на запад, на соединение с отрядами Цао Цао и Летящей По Небу Звезды. Их совместные действия служат сигналом к массовому восстанию. Оно охватывает громадную территорию в долине Янцзы. Военное счастье возвращается к Желтому Тигру. В феврале года Змеи (1641) он яростно громит минское войско под Хуанлином (провинция Хубэй), затем совершает дальний и дерзкий кавалерийский рейд на крепость Сяньян на реке Хань — ставку минского главнокомандующего, центр удельного княжества с резиденцией двух князей императорской крови. Повстанцы захватывают обоих принцев, их сановников и всех князят.

С осени года Змеи для Желтого Тигра снова начинается полоса неудач. От него отделяются атаманы Цао Цао и Кожаный Глаз и со своими войсками уходят в лагерь Ли Цзычэна. К войску Чуанского князя присоединяются и Старый Мусульманин, и Князь Левого Золота, и новые молодые вожаки — Крошка Юань и другие. Ясно, что в борьбе за лидерство побеждает Ли Цзычэн. Но почему же атаманы покидают его? Уходят к более сильному и удачливому? Считают, что у Чжан Сяньчжуна меньше шансов стать императором в Пекине? Или может быть, атаманам не нравится его презрение к богатству?

Чжан Сяньчжун остается в одиночестве. Это жесточайший удар по его самолюбию и замыслам. Теперь он скорее Одинокий Тигр. И охотиться ему отныне приходится в одиночку. А это сразу же сказывается на его военных операциях. В сентябре года Змеи (1641) Чжан Сяньчжун терпит крупное поражение. Несколько десятков тысяч его бойцов взяты в плен. Сам он, раненный, пользуясь ночной темнотой, бежит с поля боя. От погони его спасает непогода.

Желтый Тигр собирает уцелевших воинов, пополняет их ряды новобранцами и через месяц яростно бросается в новую сечу. Но его ждет полный разгром. Лишившись войска, он спешит в лагерь Ли Цзычэна просить помощи у своего удачливого соперника. Явное унижение! Но иного выхода нет. Однако Чуанский князь не хочет принять беглеца в свою ар-

мию. Более того, он размышляет, не убить ли Желтого Тигра, но прежде созывает совещание атаманов. Цао Цао советует не губить соперника, а помочь в создании нового войска. С его помощью можно отвлечь от армии Чуанского князя крупные силы противника к югу от реки Хань. Это решает судьбу Чжан Сяньчжуна. Ему дают 500 всадников, заключают договор о разделе «сфер влияния». Все земли к югу и западу от реки Хань становятся зоной действий будущей армии Чжан Сяньчжуна. И через короткое время эта армия появляется словно из-под земли. Он снова в седле! Но до конца своих дней не простит Ли Цзычэну унижения. Он сразу же нарушает заключенное соглашение, демонстративно действуя в зоне Чуанского князя, и лишь под давлением превосходящих минских сил уходит на запад.

Он внимательно следит за действиями Чуанского князя. А тот весной года Лошади (1642) взял город Сяньян на реке Хань и приступил к созданию там своего государства. Это заставляет Желтого Тигра задуматься. Годы идут. Больше десяти лет он не выпускает из рук оружия, а по сути, все еще разбойный атаман! Восьмой Великий Князь, а своего княжества до сих пор не имеет! Пора создавать свое государство, свою династию! Не желая уступать своему сопернику, Чжан Сяньчжун овладевает крупным городом Учан на реке Янцзы, топит в ее волнах местного удельного князя, казнит членов его семьи и затем, по примеру Чуанского князя, приступает к созданию своего правительства. Делает Учан своей столицей и переименовывает его в Небесный Дар. Принимает титул «Великого Западного Князя». Использует печать утопленного им удельного властителя с надписью «Западный князь». Назначает начальников ведомств, наместников, губернаторов и других чиновников. Создает новые административные единицы. Возобновляет государственные экзамены на получение ученых степеней. Отпускает крупные суммы денег на помощь голодающим и проводит мобилизацию мужчин в армию.

Однако Желтому Тигру не суждено закрепиться в Учане. Во-первых, Учан слишком близок от Сяньяна — столицы создаваемого Ли Цзычэном государства. И тот требует, чтобы соперник покинул его «сферу влияния», ушел на запад. Во-вторых, к Учану двинулась мощная минская армия.

Желтый Тигр оставляет свою «столицу» и уходит на юг. Теперь главная его цель — найти спокойный край для создания своей династии и своего государства — и подальше от Чуанского князя, чтобы больше никогда не иметь с ним дела! Одно время он думает основать свое царство в Хунани со столицей в Чанша. Но угроза со стороны минских войск заставляет отказаться от этой идеи. Тогда он выбирает богатую и густонаселенную Сычуань. Она удалена от центров господства династии Мин. Правительственных войск здесь мало. Край еще не разорен войной. Хотя и здесь действует разбойная вольница — отряды атаманов Яо и Хуана.

Весной года Обезьяны (1644) армия Чжан Сяньчжуна, идя вдоль северного берега Янцзы, вступает в Сычуань. В июле после нескольких дней осады штурмом берет город Чунцин. Желтый Тигр учиняет жестокую расправу над здешней верхушкой — минской бюрократией, удельным князем, его окружением и всеми, кто оказывал сопротивление. В начале сентября он подступает к Чэнду — столице Сычуани. И уже 9 сентября, на третий день штурма, вступает в город. Не дожидаясь неминуемой расправы, местный удельный князь с супругой и приближенными кончают самоубийством. Многие бросаются в колодцы. Но здесь Желтый Тигр старается не лить много крови. Его будущая столица должна быть чиста от нее. Горожане и окрестные крестьяне к нему доброжелательны. Он обещает отменить тяжелые минские налоги. Устанавливает каменную стелу с приказом о порядке поведения его бойцов. Смысл сего документа, дошедшего до нас, таков: грабежей и насилий быть не должно!

Вскоре почти вся Сычуань оказывается в руках Чжан Сяньчжуна. Почти, но не вся. На юге окопались минские войска. В горах — на северо-востоке и востоке — отряды Яо и Хуана. Здесь же действуют отряды повстанцев, подчиняющихся Ли Цзычэну. Пограничные горные районы на западе и юге населены неханьскими народностями. Вожди аборигенов не признают власть пришельцев с востока. Таким образом, Желтый Тигр владеет центральной, равнинной, то есть самой важной, частью Сычуани, именуемой Красным бассейном. Здесь он создает свое патриархальное, народное, крестьянское государство с крестьянским царем во главе.

Роскошную резиденцию покончившего с собой местного удельного князя Чжан Сяньчжун превращает в свой дворец. Здесь 14 декабря года Обезьяны происходит пышная церемония — восхождение нового монарха на трон Великого Западного государства. Так отныне называется царство Желтого Тигра. Но он не решается провозгласить себя императором (хуанди) и Сыном Неба (тяньцзы). Он становится ваном (царем) Великого Западного государства. Итак, на царский престол восходит простолудин. Человек из низов. Бывший бродяга и дезертир. Разбойник и атаман. Повстанческий вождь и самозванный князь. Отважный воин и народный мститель. Вокруг него боевые соратники: полководцы, командиры и телохранители. Рядом с ними те, кто рискнул примкнуть к новой власти, — прежние минские чиновники и «ученые мужи». Те, кто надеется сделать из грозного «разбойника» смиренного конфуцианского правителя, который будет плясать под их дудку. Девизом своего правления он избирает Великое Послушание (Да Шунь). Чэнду отныне именуется Сицзин (Западная столица). 14 декабря обо всем этом торжественно объявляют войскам и населению.

Но Желтому Тигру нужна надежная опора. В одном из храмов Западной столицы на глазах у командиров своего войска новый государь проводит торжественный обряд усыновления четырех наиболее видных и преданных ему военачальников. Они становятся приемными сыновьями монарха, получают его царственную фамилию Чжан. Это Сунь Кэван, Ай Нэнци, Лю Вэньсю и Ли Динго. Им он присваивает титул знатности цзянцзюнь — полководец. «Сыновья» должны быть мощным противовесом гражданским сановникам. Последних он набирает из бывшей минской администрации и «ученых мужей» Сычуани. Из этой среды назначает двух канцлеров и начальников шести традиционных ведомств. Кроме того, создает пять «военных управлений». Однако реальной власти эти сановники и бюрократы не имеют. Он им просто не доверяет. Вся власть сосредоточивается в руках пяти человек — самого монарха и его приемных сыновей. По сути, это узкий военный совет повстанческих лидеров. Штатская бюрократия всего лишь декорация. Вся власть в руках царя Великого Западного государства. Фактически все дела он решает еди-

нолично. А усыновленные им четверо «полководцев» выполняют волю «отца».

Лихой разбойный атаман пробует стать мирным праведником. Повстанческий полководец пытается быть справедливым, беспристрастным и мудрым государем. Народный мститель старается примириться со своими врагами. Дикий тигр намерен превратиться в домашнего буйвола. Он пытается играть роль обычного конфуцианского правителя. Даже обзаводится политическим советником из числа «ученых мужей». Пытается сотрудничать, во всяком случае, ладить с минскими чиновниками и помещиками, то есть с теми, против кого всю жизнь воевал. Пытается, но плохо получается! Ибо даже на троне он — все еще повстанческий вождь, сохраняющий взгляды и обычаи боевой молодости. По сути, вместо конфуцианского монарха, послушного сановникам и «ученым мужам», на троне самодержавный правитель, который проводит прокрестьянскую политику. Конфискует земли крупных помещиков и распределяет их между крестьянами. Жестоко расправляется с теми чиновниками и «учеными мужами», которые этому сопротивляются. Сычуанская знать в ярости. Для нее он не государь, а враг! Как был разбойником, так разбойником и остался!

Казалось бы, в своем противостоянии с местной верхушкой Желтый Тигр должен был искать поддержку у Ли Цзычэна. Сам бог велел им быть союзниками! Но нет! Его вражда к сопернику неистребима. Он и не думает посылать к нему послов для переговоров. На севере Сычуани продолжают мелкие стычки его отрядов с атаманами бывшего Чуанского князя. А тот в год Обезьяны (1644) терпит поражение за поражением, теряет Пекин, который успел к тому времени захватить, и отступает на запад. Чжан Сяньчжун видит, что дела Ли Цзычэна становятся все хуже и хуже. Однако монарх Великого Западного государства пальцем не шевелит, чтобы помочь своему брату-атаману и встать с ним плечом к плечу против общих врагов. Вражда и обида выше разума и общих интересов! Попав в тяжелое положение, преследуемый армией завоевателей-маньчжуров и их пособников, Ли Цзычэн пытается начать переговоры с Чжан Сяньчжуном и посылает к нему своих послов. По сути, это плохо замаскиро-

ванная просьба о помощи. А также напоминание — сегодня уничтожат меня, а завтра — тебя! Но новоиспеченный монарх послов прогоняет. Злоба, мстительность и злорадство затмевают его разум.

Тем временем к персоне нового периферийного властителя проявляют повышенный интерес завоеватели-маньчжуры. Заняв Пекин, они сажают на трон Китая малолетнего богдохана — Фулиня. Дабы не проливать свою кровь при завоевании Сычуани, новая династия Цин предпринимает несколько попыток привлечь Чжан Сяньчжуна на свою сторону. Ему предлагают на почетных условиях перейти в подданство Цинской империи. Желтый Тигр отвечает отказом. Он не намерен служить «северным варварам». И даже то, что к югу от Янцзы сосредоточиваются вооруженные силы сторонников династии Мин, а на территории самого Великого Западного государства то здесь, то там поднимают голову остатки минских войск, не пугает его. Но вскоре Желтый Тигр начинает терять одну позицию за другой, и к весне года Курицы (1645) его столица оказывается в кольце врагов. Под властью Великого Западного государства остается лишь часть центральной равнины. Сюда не только с юга, но и с севера напирают минские войска. А за их спиной к северным границам Сычуани приближается маньчжурская конница князя Хаогэ и китайская пехота перешедшего на службу к маньчжурам У Саньгуя.

В начале года Собаки (1646) Желтому Тигру приходится оставить свою столицу и отойти на север. Он созывает своих командиров на большой совет и представляет план похода на север — в Шэньси, на свою родину. Перед этим на случай смерти объявляет свое завешание: «Перейти на сторону династии Мин!», что не мешает ему вскоре громить минские войска. Затем он двигается навстречу войскам своего соперника, уже покойного Ли Цзычэна. Теперь они на стороне династии Мин, и ими командует Ли Го. Впрочем, не дойдя до них, Желтый Тигр поворачивает обратно! Он мечется. Вдруг происходит что-то непонятное — он идет в направлении преследующей его маньчжурской армии. Зачем? Чтобы разбить ее? Но тут на сторону завоевателей перебегаёт один из его ведущих военачальников Ли Цзиньчжун. Изменник наводит лег-

кую маньчжурскую конницу на лагерь Желтого Тигра, расположенный среди красноватых холмов Фэнхуан близ Сичуна. Здесь 12 января 1647 года разворачивается грандиозная битва. Почти полумиллионная армия Чжан Сяньчжуна бьется с превосходящими силами Хаогэ и У Саньгуя.

В то холодное январское утро его разбудил начальник телохранителей: «Вставайте, государь! Варвары напали врасплох! Их конница в нашем лагере! Вставайте, государь!» Схватив меч и плеть, Желтый Тигр кинулся вон из палатки, одним рывком оказался в седле и вылетел на ближайший холм. Увиденное заставило его окаменеть. Боевых порядков не было. До полудня он упорно и яростно пытался навести порядок в хаотичной массе сражающихся и надеялся, что не подойдет пехота врага и удастся продержаться до темноты. Но отряды У Саньгуя все-таки появились и с марша бросились в сечу. Тогда во главе своих всадников Желтый Тигр ринулся в контратаку.

Но счастье, видимо, окончательно ему изменило. Вместе с несколькими телохранителями он слишком глубоко врубился во вражеские ряды и опомнился, когда его стали осыпая стрелами. С близкого расстояния, прицельно, почти в упор. Стрелы застучали в его панцирь. Одна глубоко вонзилась ему в левый бок, и он упал под копыта коня. Враги поспешили отрубить ему голову — ведь за нее была обещана гряда серебра!

Эту несчастную голову водрузили на пику и поставили у входа в палатку князя Хаогэ. Застывшими навек глазами Желтый Тигр смотрел на почти неразличимое в наступавшей ночи поле битвы, где навсегда пресекался его путь воина и полководца и где полегло и было взято в плен более 200 тысяч его воинов. Где-то вдали приемные сыновья-полководцы собирали, чтобы увести на юг уцелевших воинов. Впереди их ждали еще многие походы, сражения, осады и отступления. Для него же, Желтого Тигра, все закончилось. И лишь посмертная маска ужаса — его страшный лик — напоминала о том, как он был грозен при жизни.

Звезда, Разящая Войска.
Боевой путь Ли Цзычэна

Все было тихо у границ —
На речках и в горах, —
Как буря, все смешал набег
Ватаги на конях.

Гао Ши (702—765)

Ли Цзычэн родился в северо-западной провинции Шэньси в крестьянской семье среднего достатка. Отец часто ходил на гору Хуашань и молил Небо о ниспослании второго сына. Однажды во сне Дух возвестил ему: «Дам тебе в сыновья Звезду, Разящую Войска!» После этого и родился Ли Цзычэн. В один и тот же год Лошади (1606) умирает его старший больной брат и появляется на свет племянник — Ли Го. Дядя и племянник, однолетки, вместе растут, воспитываются, со страстью упражняются в военных искусствах: фехтовании, беге, стрельбе из лука. Не чужаются и вина. Своим сверстникам говорят: «Мы должны развивать в себе таланты бойца! А учение нам ни к чему!» Среди своих товарищей Ли Цзычэн резко выделяется ростом и необычайной физической силой.

Тем временем отец беднеет. Земли мало, и подросток вынужден искать заработка на стороне. Пасет овец у местных богачей — знатной помещичьей семьи Ай. Бросив надоевшее занятие, уходит в город — учиться военному делу. Становится первоклассным наездником, метким стрелком из лука, мастером боевых единоборств. Он и его дружки наводят страх на всю округу. Но вот «буян» женится и поступает конным курьером на почтовую станцию. Вот уж дело как раз для него! Однако вскоре умирает отец и оставляет хозяйство в полном расстройстве. Ли Цзычэн осваивает навыки кузнеца. Неплохо зарабатывает. И тут происходит нечто из ряда вон выходящее.

За измену он убивает жену. Его арестовывают и доставляют в уездный центр. Тюрьма. Скорый суд. И страшный приговор. Ночью он скрывается из камеры смертников. И спешит, но куда? Обратно — к себе домой! Сводить счета. Поквитаться с помещичьим сыном из семьи Ай. Он отправляет к праотцам барчука и снова бежит. На этот раз на запад, в чужие края,

в Ганьсу, и нанимается солдатом в местные войска. Но вскоре оставляет гарнизон и уходит к «конным бандитам».

Под небом Китая в 30-е годы XVII века множатся вооруженные отряды и конные лавины. Их ведут в бой атаманы, чьи имена звучат как набат. Вот Ван Цзыюн по прозвищу Мост Красного Золота — он пользуется огромным уважением. Именно он первым хотя бы на время объединяет предводителей. Это случилось в Шэньси в год Овцы (1631). Здесь собираются 36 отрядов — всего более 200 тысяч бойцов. Под руку Ван Цзыюна переходит «цвет» разбойной вольницы — Ло Жуцай по прозвищу Цао Цао, Летящая По Небу Звезда, Стрелок, Поражающий Небо, Князь Левого Золота, Кожаный Глаз (выбитый стрелой глаз скрыт повязкой), Князь, Изменяющий Мир, Девять Драконов, Князь Умиротворенного Неба, Князь Широкого Неба, Восемь Будд, Князь, Облетающий Землю, Яркая Звезда, Син — Красный Волк, Скорпион, Шило, Протыкающее Броню, Дракон, Взвившийся в Небо, Князь, Взбаламутивший Мир...

Ли Цзычэн оказывается в отряде Чуанского князя — знаменитого атамана Гао Инсяна, признанного лидера повстанцев. Новичок сразу показывает себя отважным воином, а затем и умелым командиром. Гао делает Ли своим побратимом, присваивает ему звание Чуанский полководец, выдает за него замуж свою сестру. В новых набегах, походах и битвах растет авторитет Ли Цзычэна. Его имя становится известно всему Китаю. Во время осады Кайфэна ему стрелой выбило глаз. Но он радуется, ибо предсказано, что императором станет одноклазый.

Враги не жалеют для Ли черной краски: у него-де нос скорпиона и голос, как у шакала, он «характера подозрительного и жестокого. Ежедневно убивает людей. Отрубает ноги. Вырезает сердца, считая это развлечением». Что только ему не приписывают — коварство, хитрость, непочтение к родителям, необузданную свирепость. Якобы он впадает в дурное настроение, если не прикончит кого-нибудь за день. Но в то же время вырисовываются иные черты. Он верен товарищам. Питает почти братскую любовь к своему племяннику Ли Го. Предан своему начальнику и побратиму Гао Инсяну. Постоянно заботится о соратниках, делит с ними и радость и го-

ре. Справедлив к подчиненным. Умеет прощать врагов. Так, он принимает одного из них, ранившего его из лука, и в знак примирения ломает стрелу.

С года Мыши (1636) зовет себя князем, но ведет суровую жизнь, полную лишений. Не терпит роскоши. Ест только просо и рис, то есть самую простую пищу. Одевается скромно. Не любит вина и женщин. Дабы угодить ему, один из перебежчиков дарит атаману похищенную красавицу. Ли Цзычэн приходит в ярость. Приказывает казнить подхалима и вора, а женщину вернуть в семью. Словом, полная противоположность Ло Жуцаю по прозвищу Цао Цао. Этот разгульный весельчак и бражник «имел несколько десятков жен и наложниц, которые одевались в белые и цветные шелка. В его лагере было несколько групп певичек, и жил он на широкую ногу». Зато в деле два вождя удачно дополняли друг друга: «Ли Цзычэн виртуозно вел атаки. Ло Жуцай искусно сражался. Они оба были нужны друг другу как левая и правая рука».

Ли прежде всего — воин и полководец. В боях и походах он наравне со всеми: не бежит от смерти и безжалостен к врагам. Он и мститель за страдания народа, и справедливый чиновник. При всякой возможности раздает бедноте захваченную добычу — деньги и зерно. поголовно уничтожает императорскую родню — удельных князей. Истребляет их подручных.

Год Мыши (1636) был несчастлив для повстанцев! Сначала с Чуанскими полководцами окончательно порывает Чжан Сяньчжун. Затем в неравном бою терпит полный разгром Гао Инсян. Сам Чуанский князь попадает в плен. Драгоценный трофей под сильной охраной отвозят в Пекин. Там после чудовищных пыток «старого вождя» четвертуют на рыночной площади. Теперь Ли Цзычэн — главный вождь чуанских войск. И они провозглашают его новым Чуанским князем. Так вчерашний пастух становится сиятельным полководцем.

Летом года Коровы (1637) крестьянское движение идет на спад. Большие соединения повстанцев рассеиваются. Одни вожаки гибнут. Другие сдаются в плен, третьи переходят на службу к династии Мин. Кажется, все планы рушатся, все усилия потрачены впустую, все жертвы напрасны. Ли Цзычэн решает увести свои отряды в провинцию Хэнань — на зимовку. Но прежде надо с боями пробиться через горный проход Тун-

гуань. В жестоком бою Ли Цзычэн терпит поражение. Теряет все свое войско. Из окружения он прорывается всего лишь с восемнадцатью всадниками; они укрываются в горах, как загнанные звери. Холод. Голод. Ли Цзычэн в отчаянии, даже хочет повеситься. И лишь воспитанник останавливает его. Верные сподвижники уговаривают прибегнуть к помощи тайных сил. На пороге кумирни Ли Цзычэн просит своего друга Лю Цзунминя: «В случае неблагоприятного предсказания отруби мне голову и сдавайся». Входит в храм. Первое гадание пророчит ему блестящую судьбу! Второе — полную победу! Третье — сулит верховную власть в стране! Ли Цзычэн потрясен: «Я овладею Поднебесной! Непременно стану императором». Возвращается к своим. Все воспряли духом. Лю Цзунминь убил двух своих жен, чтобы они не попали в руки к врагам и не мешали при прорыве из окружения. Обращаясь к Ли Цзычэну, он восклицает: «До самой смерти буду следовать за Вами, Государь!» Многие дают ту же клятву. И они пробились из каменного мешка. А затем через горы ушли в Хэнань.

Год Свиньи (1643) принес коренной перелом в крестьянской войне. Минские войска уже не могут остановить Ли Цзычэна. Теперь он — великая сила. За его спиной огромная, почти миллионная армия.

Основную ее массу составляет конница. «Пересекая высокие горные хребты и крутые косогоры, скакали напрямик. Из рек опасались только Хуанхэ. Что касается таких рек, как Хуай, Се, Цзин и Вэй, то воины... вставали на спины лошадей или же, хватаясь за их гривы и хвосты, быстрее ветра переплывали на другую сторону. Копыта перегораживали реку и останавливали течение» — это явное преувеличение должно, по мысли пишущего, показать численность и мощь конной лавины.

Ли Цзычэн вводит в своей армии строгую дисциплину и порядок. Принимает титул Великого Полководца, Следующего Велениям Неба и Возрождающего Справедливость. Создает себе в помощь особый орган — собрание военачальников.

Однако не все атаманы согласны подчиниться единому главнокомандующему. Они не желают расставаться с нравами разбойной вольницы. Хотят «свободно разгуливать по Поднебесной!». Первый из недовольных — все тот же знаменитый Цао Цао — Ло Жуцай. Его отряд и особенно лич-

ный обоз — настоящий склад сокровищ и предметов роскоши, место частых увеселений. Кроме многочисленных наложниц атамана, певичек, танцовщиц и музыкантов, там толчется множество «веселых женщин». Беспрестанные пиры, танцы, гульбище. Все это разлагающе действует на солдат. Ли Цзычэн уговаривает Цао Цао остепениться. Все впустую! Цао Цао, Кожаный Глаз, Князь Левого Золота, Крошка Юань и другие сколачивают свою группировку. Не слушают Ли Цзычэна и военный совет. Цао Цао отказывается выполнить боевой приказ. Тогда Ли прибегает к силе. По решению военного совета убиты предводители непокорных. Принцип единоначалия в армии побеждает.

В бою у Жучжоу в провинции Шэньси Ли Цзычэн наносит сокрушительное поражение огромной правительственной армии. Легко овладевает мощной крепостью Тунгуань и после трехдневной осады входит в Сиань — главный город Шэньси. Здесь повстанцы создают свою государственность. 8 февраля года Обезьяны (1644) Чуанского князя торжественно провозглашают императором. Теперь он Сын Неба и Отец Народа. Новая династия получает наименование Да Шунь (Великое Послушание). Девизом своего правления он избирает Юнчан (Вечное Изобилие). 1644 год объявляется первым годом эры Юнчан. Повелитель учреждает «новые» аристократические титулы — хоу, бо, цзы, нань и награждает ими без малого 170 своих соратников. Формируются шесть традиционных для Китая ведомств — чинов, налогов, обрядов, военных дел, наказаний и работ. Укрепляется военный совет из 25 первейших полководцев. Сиань переименовывается в Западную столицу (Сицзин). Появляются должности канцлеров-секретарей Государственного совета. Отливается новая монета. Вводятся экзамены на соискание ученых степеней.

Весной года Обезьяны Ли Цзычэн начинает поход на Пекин. С ним идет 400 тысяч человек пехоты и 600 тысяч конницы. Города и крепости либо сдаются сразу, либо капитулируют, не выдерживая штурмов. Впереди войск нового императора летит добрая молва. Его солдаты не причиняют вреда простым людям, раздают бедноте деньги и зерно богачей, освобождают от налогов. Мальчишки распевают повстанческие песни:

Живей ворота открой и дверь!
 Чуанского князя встречай у порога!
 С приходом князя — поверь —
 Не надо будет платить налога!

*Перевод Л. Симоновской
 в обработке О. Непомнина*

А раз это поют дети, значит, такова воля Неба! Торжественно шествует армия Ли Цзычэна. Все удельные князья и императорская родня истребляются. На милость победителя сдаются командующие войсками и губернаторы. Минские солдаты, офицеры, чиновники и «ученые мужи» переходят на сторону наступающих. В страхе перед ними разбегается войско, спешно собранное правительством. Путь на столицу открыт!

23 апреля года Обезьяны крестьянские колонны уже у стен Пекина. На следующее утро начинается штурм. Но солдаты на стенах не желают сражаться. Уже к вечеру одни за другими открываются трое ворот в башнях Внешнего города. И повстанцы, не встречая сопротивления, входят во Внутренний город.

Невероятная паника охватила чиновников, богачей и купцов. Еще большее смятение в Пурпурном Запретном городе — дворцовом комплексе. Прячут наследника престола. Всем женщинам приказано покончить с собой. Императрица вешается. Наложницы государя бросаются в пруды и колодцы. Монарх пытается зарубить мечом свою дочь. Утром 25 апреля на зов императора Юцзяня не является ни один сановник, и к концу дня император в отчаянии удавился на шелковом поясе. Рядом повесился единственный оставшийся ему верным евнух. Власть династии Мин в Северном Китае пала!

В полдень 25 апреля Ли Цзычэн верхом подъезжает к городским воротам. Здесь он останавливается и приказывает объявить войскам: «Кто из солдат посмеет причинить вред хоть одному человеку, будет убит без пощады!» После этого вступает в столицу. За ним следуют его соратники. Кавалькада в молчании движется по улицам. У открытых дверей домов, у ворот, вдоль стен стоят горожане. В руках — зажженные свечи. С приближением процессии падают ниц. На лица

наклеены бумажные кружки с двумя знаками: «Покорный народ». Крупные надписи на воротах — «Первый год эры Юнчан». Кое-где иероглифами выведено: «Десять тысяч лет жизни Шуньтяньскому князю!» — такой титул дал ему простой люд. Сотни минских чиновников выражают новому монарху свои верноподданнические чувства. Ли Цзычэн торжественно следует в Пурпурный Запретный город. Входит в тронный зал, поднимается на возвышение и садится на «драконовый трон». Теперь он настоящий Сын Неба. Сбылось предсказание: императором стал одноглазый.

Его ближайшие сподвижники празднуют победу. Пьют вино. Поют. Смеются. Делят меж собой императорских наложниц, фрейлин и служанок, развлекаются с ними. Ли Цзычэн понимает, что подобные действия могут деморализовать войска и озлобить горожан, и вне дворца принимает жесткие меры. Двух бойцов, разграбивших лавку шелков, по его распоряжению тут же казнят. Других виновных в грабежах рубят на куски. В войсках вводится строжайшая дисциплина, в Пекине воцаряются мир и тишина. Новый государь собирает во дворце старейшин кварталов, расспрашивает о нуждах жителей столицы. Ему необходима поддержка простолюдинов, и он ее всячески добивается.

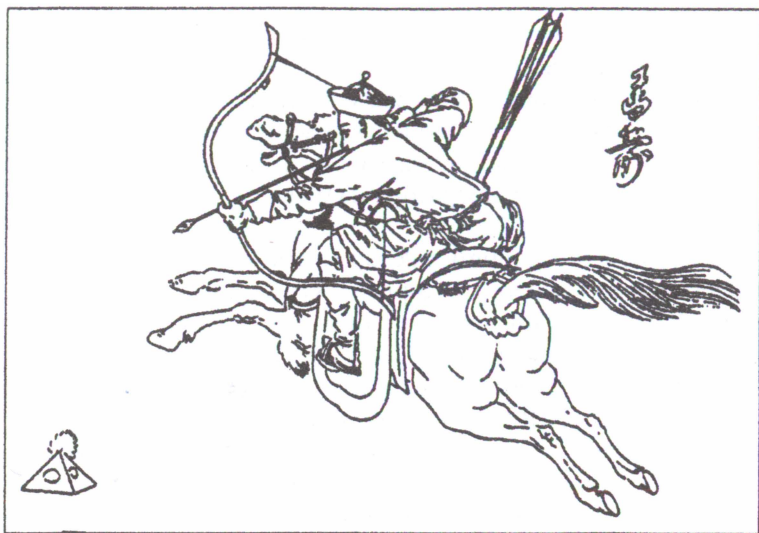
Но как быть с остатками минских властей? Трех пленных сыновей повесившегося императора он окружает заботой — на них нет вины. Но вот кровопийцы-сановники и стяжатели-чиновники?! Как быть с ними? 28 апреля всем им велено явиться во дворец. Из 1300 пришедших 500 сразу казнены. Остальные подвергаются оскорблениям и избиениям. Большинство арестовывают, требуют с них награбленное золото и серебро. Пытают и калечат несчастных, а все их богатства конфискуют. Начинаются облавы и охота на тех, кто прячется. Настоящий террор против чиновничества, знати и минской императорской гвардии. Арестовывают 500 личных телохранителей Юцзяня, выводят за городские ворота и рубят всем головы.

После нескольких дней полного порядка в столице разражается вакханалия бесчинств, вымогательств, убийств. Не только богатые, но и среднего достатка дворы идут на разграбление. У торговцев отнимают сначала золото и серебро,

потом — шелк и атлас, вслед за тем — все, что приглянулось. Тех, кто пытается протестовать, вешают. Мздоимство и грабеж идут рука об руку с массовым насилием над женщинами. Проститутками или дамами из уважаемых семей — все равно. Армия разлагается, возвращается к нравам разбойной вольницы. Праведного императора из бывшего атамана не получилось.

А за Великой стеной уже ждет грозная конница маньчжурского князя-регента Доргоня. От Китая ее отделяет крепость Шаньхайгуань — база мощной минской армии во главе с опытным полководцем У Саньгум. Как только не пытается Ли Цзычэн склонить его на свою сторону, но все напрасно. Недалеко от Шаньхайгуани У Саньгуй наголову громит двадцатитысячное войско повстанцев. Тогда крестьянский император с частью своих сил — до 400 тысяч бойцов — выступает на север и идет к Шаньхайгуани. Поняв, что дело его плохо, У Саньгуй мчится в лагерь маньчжуров, приносит им позорную клятву верности и переходит на службу к врагам Китая. Но основатель династии Да Шунь не знает об этом даже в день генерального сражения. Не знает, что за спиной солдат У Саньгуя стоит и ждет своего часа мощная панцирная кавалерия Доргоня. Почти 140 тысяч отборных, закаленных в боях и походах всадников.

Решающий бой начинается утром 27 мая у Шаньхайгуани. Доргонь приказывает У Саньгую бросить в сечу все его силы, дабы измотать крестьянскую армию. Ли Цзычэн со своим штабом наблюдает с холма за ходом битвы и отдает распоряжения. Первые часы схватки сулят ему успех. Противник несет большие потери и постепенно отходит. Смятые ряды бывших минских войск колеблются. Но в самый разгар сражения, огибая правый фланг армии У Саньгуя, появляется маньчжурская конница и наносит жесточайший удар по левому флангу и в тыл войскам Ли Цзычэна. Измотанные бойцы после короткого сопротивления отступают, а вскоре обращаются в бегство, устилая поле множеством убитых и раненых. Преследуемый У Саньгум, Ли Цзычэн с остатками войска спешит к Пекину. Он не решается оборонять этот огромный город, где население настроено враждебно и запасов продовольствия нет. Впрочем, он успевает 3 июня торжественно

Маньчжурский всадник

взойти на трон, а утром следующего дня крестьянская армия покидает Пекин.

Ли Цзычэн едет верхом в своей обычной скромной одежде, только золотой знак императорского достоинства выделяет его среди соратников. Он ведет свое войско на юго-запад. Около Чжэдина крестьянский государь дает неприятелю новое сражение. Ожесточенный бой длится два дня. Обе стороны несут большие потери. Ранен сам Ли Цзычэн. Его враги охотно идут на союз с завоевателями-маньчжурами и присягают новой династии Цин, чей представитель Доргонь обосновался в Пекине. Поражения и отступления приводят к раздорам в крестьянском войске. Начинается грызня между сподвижниками Ли Цзычэна. Он останавливается в Сиани, делает ее своим оплотом и укрепляет войско. Безуспешно пытается договориться о взаимодействии с Чжан Сяньчжуном, который основал в Сычуани свое Великое Западное государство.

Между тем враги наступают. В марте года Курицы (1645) около крепости Тунгуань происходит грандиозное сражение. Армия Ли Цзычэна разбита, многие его соратники пали.

Оставив без боя Сиань, повстанцы отступают на юг — в долину реки Хань. Распри между полководцами усиливаются, распадается военный совет. Бойцы Ли Цзычэна приближаются к Янцзы, форсируют ее и на короткое время овладевают Учаном. Здесь их ждет новый враг — войска южноминского правительства, созданного в Нанкине. Уклоняясь от новых крупных битв, измученная долгими переходами и стычками, сильно поредевшая армия Ли Цзычэна уходит на юг провинции Хубэй.

Здесь, в горах Цзюгун, закатывается Звезда, Разящая Войска. В октябре года Курицы след крестьянского императора теряется. Его исчезновение окружено легендами. Предание гласит: прославленный атаман добровольно оставил греховный мир. Постригся в монахи и уединился в буддийском монастыре. Знающие люди говорят иное. Грозный воитель заболел и скончался от недуга. Его вдова Гаоши, племянник Ли Го, приемные сыновья и друзья тайно похоронили вождя, воздав ему воинские императорские почести. Дабы враги не осквернили могилу, она была тщательно замаскирована.

Между тем очень многие верили в то, что Ли Цзычэн жив. Люди по-прежнему надеялись: настанет день и он снова бросится на защиту бедноты! Так атаман обрел бессмертие. В народной памяти началась вторая жизнь пастуха, ставшего императором.

Несмываемое клеймо измены У Саньгуя

Подкралась к Великой стене непогожая осень.
Давно улетели озябшие гуси в Хэньян.
Под звуки рожка в городке закрывают ворота.
Вечернее солнце садится в багровый туман.

Фань Чжунъянь (989—1052)

Багровый закат освещал Великую Китайскую стену. Вечерняя пора вступала в свои права и в крепости Шаньхайгуань. На верху Барабанной башни пробили начало двенадцатой стражи, или «часа свиньи». Так называлось время от девяти до одиннадцати часов вечера. Откликаясь на рев боль-

шого барабана, по всей крепости ударили в перевернутые пустые котлы, из которых прежде солдатам раздали рисовую кашу со свиной. Заиграли отбой военные рожки, а когда их звуки затихли, командующий Восточной армией Минской империи У Саньгуй в сопровождении четырех телохранителей поднялся по внутренней лестнице на Барабанную башню. Он повернулся на запад. По тянущимся вдаль горам Яньшань причудливо вилась и уходила за горизонт Великая стена со своими укреплениями, заставами и сигнальными вышками. Много ближе, там, где кончаются горы, и далее, вплоть до побережья Ляодунского залива Желтого моря, лежит узкая равнина, перегороженная Великой стеной. К ней и пристроена знаменитая Шаньхайгуань — «Застава между горами и морем». Отсюда, с башни, она видна как на ладони — мощная твердыня с двойным кольцом стен.

У Саньгуй обернулся на восток. С этой стороны Шаньхайгуань прикрывает небольшая крепость Застава Южной реки, или Ворота Восточного потока. Стык Великой стены и залива охраняет крепость Город Спокойного моря со своей высокой Башней Прозрачного моря. Тем самым промежуток между хребтом Яньшань и Ляодунским заливом превращен в мощный укрепленный район. Отсюда — прямая дорога на Пекин. Здесь везде лагерь, палатки, склады, коновязи. Помимо 40 тысяч отборных бойцов, опытных и хорошо обученных, под началом У Саньгуя от 70 до 80 тысяч военных поселенцев. Все они не раз сражались против «варваров» — маньчжуров. Сверх того Восточная армия располагает конницей и отрядами наемников. Однако сейчас, в конце апреля года Обезьяны (1644), ее положение просто критическое. С севера грозной тучей надвигается 140-тысячная панцирная конница маньчжурского князя-регента Доргоня. А с юго-запада неукротимой лавиной идут полчища восставших крестьян во главе с самозванным императором Ли Цзычэном.

До нынешнего года его военная карьера складывалась отнюдь не блистательно. У Саньгую тридцать два года, а он всего лишь военачальник (цзунбин). Правда, в его руках самая многочисленная и боеспособная армия Минской империи. Но именно поэтому У Саньгуя в любой момент могли отстранить от командования. Даже одержать победу над врагом и то опасно. Сановники, евнухи и особенно временщики тут же

строчат доносы на полководца, который якобы замышляет захватить власть в Поднебесной! На такие наветы охотно клевали и слабовольный Юцзяо, и нынешний государь Юцзянь. Подозрительный и истеричный, он загубил многих. Боясь страшной участи, сторону врага принимали те, над кем нависала угроза казни. Так поступил талантливый воитель Хун Чэнчоу. Но измена командующего бросает тень на его подчиненных, и, чтобы сохранить себе жизнь, в лагерь противника вслед за ним перешел дядя У Саньгуя — видный военачальник Цзу Дашоу. После этого подозрения в адрес У Саньгуя усиливаются, его понижают в должности, и он лишь чудом избегает куда более страшной кары. Напуганный и обиженный, честолюбивый полководец затаивается и ждет своего часа.

Ситуация сложная. Ему в любой момент могут поставить в вину «тайные» переговоры с Доргоном. Дело в том, что он действительно их ведет. Причем ведет с полуофициального разрешения тех придворных кругов, которые желают мира с маньчжурами. Положение правящей династии критическое: империя Мин вынуждена вести войну на два фронта — отражать натиск маньчжурского государства на северо-востоке и одновременно бороться с восставшими крестьянами на западе. Между Доргоном и У Саньгуйем разворачивается своего рода военно-дипломатическая «дуэль». В чем-то они схожи. Ровесники и почти земляки. Оба профессиональные и потомственные военные. Но то, что их разделяет, намного сильнее. Доргонь — ближайшая родня покойного и нынешнего богдохана. Приверженец шаманизма. Кавалерийский командир. Мастер крупных наступательных операций. Глава государства — над ним нет верховной власти. У Саньгуй — военный из «ученых мужей», шэньши. Конфуцианец. Прежде всего начальник пехоты. До сего времени вел лишь ограниченные оборонительные бои. Целиком зависит от императорского двора и интриг вокруг трона. Однако и Доргонь, и У Саньгуй заинтересованы в сотрудничестве. Но ситуация быстро меняется, причем для династии Мин в худшую сторону.

Весной начинается стремительное наступление повстанцев на столицу Минской империи. В страхе перед войском Ли Цзычэна разбегается правительственная армия. У Саньгуй и его Восточная армия — это последняя надежда династии Мин. Поняв наконец, что обиженное семейство надо спеш-

но задобрить, император Юцзянь выдает ему крупный аванс. С отца снимают опалу и демонстративно назначают начальником императорской гвардии. Ни больше ни меньше! Затем сыну ни с того ни с сего присваивают аристократический титул бо — нечто вроде графа. И практически сразу же отдают приказ срочно выступить на помощь столице!

Однако У Саньгуй и не думает спасать бездарного и злого монарха. Его заставляют принять бой с войском Ли Цзычэна?! Но у последнего — почти миллион солдат, а у У Саньгуя — не более 140 тысяч. В худшем случае его ждет полный разгром. В лучшем — от Восточной армии-победительницы останутся ошметки. Словом, идти к Пекину — значит потерять и армию, и свою голову! У Саньгуй медлит, а вскоре приходит о падении столицы. Полчища Ли Цзычэна заняли Пекин. Император повесился.

С захватом Северной столицы крестьянская армия приближается не только к войскам У Саньгуя, но и к коннице Доргона. Столкновение этих трех сил неизбежно! Вопрос лишь в том, с кем пойдет У Саньгуй?

Его отец У Сян не бежит из Пекина и вместе со своими близкими становится заложником повстанцев. Во время казней минских сановников его не трогают. Но требуют склонить сына на сторону новой династии Да Шунь. Наконец в Шаньхайгуань приходит дурная весть. Правая рука самозванного императора, бывший кузнец Лю Цзунминь арестовывает У Сяна и уводит к себе любимую наложницу У Саньгуя. Услышав об этом, У Саньгуй приходит в ярость. Срочно набирает в свою армию семь тысяч новых солдат. Громит передовой отряд повстанцев, подошедший к границе. Из 20 тысяч «разбойников» спасаются всего тридцать два — остальные погибли на поле боя. Тяжело раненному «бандитскому» военачальнику еле удастся избежать плена.

Узнав об этом, Ли Цзычэн направляет против У Саньгуя два корпуса солдат во главе с Тан Туном и Бай Гуаньэнем. Но, поостыв, придает этой экспедиции скорее дипломатический характер. Тан Туну велено переманить минского полководца на сторону повстанцев, ради чего У Сяна заставляют написать письмо сыну. Кроме того, У Саньгую передают личное послание Ли Цзычэна.

Прибыв в ставку У Саньгуя, Тан Тун вручает ему письмо отца и уговаривает присягнуть династии Да Шунь. У Саньгуй хитрит, тянет время. Что делать? С севера подходит конница Доргоня, с юга наступают войска Ли Цзычэна. Узнав о приближении главных сил новоиспеченного императора, У Саньгуй спешно набирает новых солдат и обращается к маньчжурам с просьбой о союзе. Доргонь отвечает уклончиво. Оба прекрасно понимают, что порознь им не одолеть Ли Цзычэна. Тогда почему князь-регент всякий раз ни с чем отсылает назад посланца из Шаньхайгуани? Проницательный Доргонь видит У Саньгуя насквозь и догадывается о его тайных замыслах. Тот надеется при поддержке маньчжуров уничтожить «бандитов» и занять Пекин. Затем посадить наследника минского императора Цилана на престол, сделать из него марионетку и самому править Поднебесной.

Князь-регент предлагает У Саньгую иной вариант. Минский полководец вместе со своей Восточной армией должен стать подданным династии Цин, другими словами, подвластным ему, Доргоню! А за это получить цинский титул князя первой степени. Доргонь знает, что у У Саньгуя выбора нет — либо перейти под его начало, либо быть разбитым Ли Цзычэном. Следовательно, рано или поздно он смиренно приползет в маньчжурский лагерь.

У Саньгуй колеблется. Не хочет изменять родине. Не хочет жертвовать жизнью отца-заложника и остальной родни. Китайцу трудно нарушить принцип сыновней почтительности (сяо). И он решает последовать совету отца и согласиться на предложение императора династии Да Шунь. Выступает с войском на запад и оставляет крепость Шаньхайгуань, которую срочно занимает Тан Тун. А к Великой стене спешат еще 20 тысяч бойцов Ли Цзычэна. Тем самым в тылу У Саньгуя образуется военный кулак. У Саньгуй решает, что новоявленный император хочет взять его в клещи, и немедленно поворачивает свою армию назад. Громя силы Тан Туна и второй авангард Ли Цзычэна, он берет восемь тысяч пленных, торопится к Шаньхайгуани. Все мысли о переходе на сторону династии Да Шунь отброшены! Теперь у него с Ли Цзычэном война не на жизнь, а на смерть! Остается одно — при содействии «северных варваров» установить

свою власть в Китае под прикрытием имени минского наследника.

Но и Доргонь не прочь разыграть ту же карту. Заручившись обещанием Доргоня прислать конницу, У Саньгуй направляет Ли Цычэну ультиматум: «Я должен получить сына императора, а потом остановлю войска!» Своему отцу он пишет письмо с отказом перейти на сторону династии Да Шунь. И тем самым обрекает У Сяна на гибель, поскольку письмо попадает в руки Ли Цычэна. Придя в ярость, он казнит всю семью и род У Сяна — более тридцати человек. А когда узнает о разгроме Тан Туна и ультиматуме, с 400-тысячным войском выступает из Пекина к Шаньхайгуани. У Саньгуй обнародует прокламацию, полную брани в адрес повстанцев и их вождя. С севера к крепости подходит, как и обещано, конница Доргоня. Правда, не слишком близко.

Почему же Доргонь оставляет своего нового союзника незащищенным? Да потому, что У Саньгуй все еще не перешел в подданство Цинской империи! Не дал клятвы верности богдохану Фулиню. А Ли Цычэн уже подступает к крепости вплотную. И тут нервы У Саньгуя сдают.

Восемь раз ездит его посол из Шаньхайгуани в ставку князя-регента. Восемь раз возит богатые дары маньчжурским князьям. Те твердят одно — нужна присяга династии Цин! Тогда двинем войска! Положение У Саньгуя — хуже некуда.

Когда Восточная армия оказывается в кольце осады, У Саньгуй понимает, что дальнейший торг с маньчжурами для него губителен. Лучше уступить Доргоню, нежели попасть в лапы Ли Цычэна! С 20 тысячами своих солдат он идет на прорыв. И вот У Саньгуй — в маньчжурском лагере. Явившись перед Доргонем, он смиренно объявляет себя подчиненным князя-регента. Затем начинается процедура перехода в цинское подданство. У Саньгуй выполняет древний ритуал. Своим мечом он закалывает белого коня и приносит его в дар Небу. Тем же оружием убивает черного быка и посвящает его в жертву Земле. Тем самым он входит в связь с высшими силами Вселенной. Окровавленным клинком отрезает полу своей одежды, уничтожая свой прежний статус полководца, по сути, совершает ритуальное самоубийство. Преломляет стрелу — символ императорского повеления и тем самым освобождается от клятвы верности павшей династии Мин. Затем маньчжуры заставля-

ют У Саньгуя принести традиционную в таких случаях клятву преданности. Сам ее текст и особый обряд они унаследовали от предков-чжурчженей. С точки зрения китайца-конфуцианца, такая присяга до крайности унижительна и означает «потерю лица», то есть публичный позор. Человеку сбривают со лба волосы, а остальные заплетают в косу, спускающуюся на спину: мужской шиньон — традиционную китайскую прическу тем самым заменяют на маньчжурскую. Лишь после этого Доргонь решает, что У Саньгуй сжег за собой все мосты.

Вслед за тем союзники подступают к Шаньхайгуани и общими усилиями прорывают кольцо осады. У Саньгуй возвращается в свою крепость, все население которой по его приказу сооружает себе маньчжурскую прическу. Когда в конце мая Доргонь с остальным войском подходит к Шаньхайгуани, У Саньгуй открывает перед ним ворота цитадели и встречает князя-регента с великим почетом.

У Саньгую необходимо срочно ввести маньчжурскую прическу во всей Восточной армии. Но для этого не хватает ни цирюльников, ни времени. Тогда как же маньчжурам отличить в бою воинов У Саньгуя от «разбойников»? На этот случай солдатам приказано разорвать белые полотнища на длинные полосы и обмотать себя так, чтобы получились три белые полосы поверх одежды. Символика такова: слово «три» (сань) входит в имя У Саньгуя. А белый цвет — цвет траура в Китае — должен означать скорбь по покойному императору династии Мин. Иным солдатам из-за нехватки ткани пришлось пожертвовать своими портянками. Вот теперь союзники готовы к генеральному сражению! Всего у них около 280 тысяч профессиональных опытных воинов против почти 400 тысяч бойцов крестьянской армии. Отныне их шансы на победу резко возрастают. Хитрый князь-регент бережет «драгоценную» кровь маньчжуров, но зато намерен щедро лить кровь китайскую.

И вот 26 мая года Обезьяны в районе Ипяньши, к югу от Великой стены и к западу от Шаньхайгуани начинается грандиозное сражение. Со стороны союзников бьется лишь одна Восточная армия. Конница Доргоня в дело пока не вступает. Китайцы — солдаты У Саньгуя и Ли Цзычэна целый день упорно убивают друг друга. И только ночь разводит бойцов по лагерям. С рассветом битва возобновляется.

У Саньгуй вводит в бой все свои силы. В сопровождении нескольких десятков всадников и наследника престола Ли Цзычэн поднимается на холм Мяоган. Отсюда крестьянский император наблюдает за ходом боя и отдает приказы. Наступает полдень — самый разгар сражения. Ли Цзычэн почти уверен в успехе. Противник несет огромные потери, смятые ряды Восточной армии прогибаются. Но и пехота Ли Цзычэна измотана длительным рукопашным боем. И вдруг на поле появляется маньчжурская конница. Эта грозная лавина с ходу врзается в боевые порядки повстанцев. Неожиданный и сильнейший напор свежих сил сминает крестьянскую армию. После короткой схватки с маньчжурами она обращается в бегство, устилая землю телами. «Трупы лежали поперек более чем на 80 ли (то есть примерно на протяжении 40 километров. — *Авт.*). Лошадям некуда было поставить копыта. Войска бросили столько обозов, что невозможно сосчитать», — сообщает современник этих событий.

Потерпев жестокое поражение, Ли Цзычэн снова пытается договориться с У Саньгуйем, которому выгодно сохранить войско повстанцев в противовес маньчжурам. Крестьянский вождь даже обещает отдать ему наследника, но только в обмен на прекращение военных действий. У Саньгуй соглашается, и вскоре к нему в лагерь доставляют Цилана. Так между минским полководцем и вождем «разбойников» заключается союз. У Саньгуй останавливает Восточную армию и не двигается с места — значит, повстанческое войско может спокойно вернуться в Пекин. Видя, что вчерашние враги сговариваются у него за спиной, Доргонь в гневе велит У Саньгую преследовать отступающих «разбойников». Боясь удара в тыл, У Саньгуй начинает действовать как бы по приказу Доргоня и вместе с Циланом направляется к столице. Уже на марше он издает одну за другой прокламации с обращениями к народу, где объявляет о скором прибытии наследника престола и вступлении в Пекин «Войска справедливости», то есть Восточной армии. Кроме того, в них содержится брань в адрес Ли Цзычэна и его бойцов и призыв к борьбе против «разбойников». А те с утра 4 июня начинают покидать столицу.

Идя в авангарде союзных войск, У Саньгуй надеется прийти в Пекин первым. Маньчжурская конница нарочито держится сзади. Наступает 5 июня. В городе распространяется

манифест для чиновников и народа: всем надлежит соблюдать полный порядок и выйти за крепостные стены — встречать наследника престола! До захвата власти У Саньгуем остаются считанные часы! Однако в самый последний момент в его ставку летит строгий приказ Доргоня — к Пекину не приближаться, в столицу не входить, преследовать отступающих «разбойников». Между тем солдаты и офицеры Восточной армии еще не знают об этом приказе. Воинам, всю жизнь проводившим в пограничных крепостях и отдаленных гарнизонах, не терпится увидеть столицу Поднебесной!

Для У Саньгуя настает ночь тяжелых раздумий. Ночь, когда снова надо решать судьбу — и свою собственную, и своей армии, и Северного Китая. До рассвета в его походном шатре горит огонек светильника. Глядя на крохотное пламя, У Саньгуй взвешивает все «за» и «против» и понимает: шансов на успех у него нет! Схватка за власть над Пекином и Северным Китаем проиграна! Отныне он — всего лишь верноподданный маньчжурской династии Цин. Наутро по его приказу Восточная армия, огибая столицу, уходит на юго-запад, преследуя войско «разбойников». Только после этого маньчжуры начинают доверять ему.

Пока Пекин ожидает прибытия наследника престола, У Саньгуя и его армии, Доргонь 6 июня с малыми силами быстро и тихо проникает во Внутренний город и вскоре обосновывается в Запретном Пурпурном городе. Так утверждается новая власть. Население еще несколько дней не может понять, что же происходит там, «наверху». Доргонь требует выдать наследника минского престола. И сам Цилан, и его брат Цыхуан бесследно исчезают в дворцовой темнице. Позже их без лишнего шума лишают жизни. Тем самым из рук У Саньгуя выбивают последнее, уже не нужное ему оружие. Затем Доргонь возвещает, что господство династии Мин в Китае сменяется правлением маньчжурской династии Цин. Пять месяцев спустя — 19 октября года Обезьяны — Доргонь привозит из Мукдена в Пекин цинского богдохана Фулиня. Этого мальчика провозглашают императором всего Китая, а Пекин объявляется столицей Цинской империи. В ходе коронационных торжеств от имени нового Сына Неба У Саньгую даруется титул Князя — Усмирителя Запада (Пинси ван) и статус князя-данника (фаньван).

Наш рассказ о тех драматических и знаменательных для Китая днях окончен. Осталось лишь сказать несколько слов о дальнейшей судьбе героя. Долгие восемнадцать лет (1644—1662) У Саньгуй бьется сначала с крестьянскими войсками, а затем с полками Южной Мин, завоевывает для династии Цин западные провинции. За многие победы его удостоивают титула князя первой степени (цинван). Именно он в 1662 году казнит последнего минского правителя, а перед этим получает в свое владение провинцию Юньнань и сопредельные ей земли на юго-западе, где маньчжуры позволяют ему создать свое «данническое княжество». Когда же они решают отобрать у него и власть, и войско, он поднимает мятеж. Почти пять лет (1673—1678) старый полководец в союзе с двумя такими же князьями-данниками сражается против Цинской династии. В 1678 году У Саньгуй провозглашает себя императором и вскоре, на шестьдесят седьмом году жизни, умирает от кровоизлияния в мозг. А через три года рушится его государство.

С начала войны «трех князей» маньчжуры усиленно льют на У Саньгуя ушаты грязи, стараясь превратить его в злодея. Он-де сгусток хитрости и лицемерия, коварства и измены! Он — воплощение безнравственности, корысти и властолюбия! Бросил на произвол судьбы последнего минского императора! Погубил собственного отца! А такой выродок способен на любую подлость! Что он и доказал, подняв оружие против «благодетельной и милостивой» династии Цин. С легкой руки цинской пропаганды У Саньгуй становится для потомков профессиональным предателем, а его имя — символом измены родине...

Мудрый князь

становится посмертным императором.

Жизнь и дела регента Доргоня

Без единого выстрела этот человек овладел столицей Китая, а затем залил морем крови его центральные и южные провинции, оставив там сожженные города и горы трупов. Трижды ему предлагали трон, но он трижды от него отказался.

Оставшись князем, он, по сути, стал полновластным правителем Цинского государства. Императорский титул ему присвоили посмертно, объявив его Сыном Неба. Это был единственный случай в истории Цинской империи. Ее границы он раздвинул от Великой стены до берегов Южно-Китайского моря. Между тем для европейского, в том числе для российского, читателя его имя и дела остаются почти неизвестными.

Айсинь Гиоро Доргонь (Доргунь) — четырнадцатый сын основателя Маньчжурского государства — хана Нурхаци (1559–1626, правил с 1616 по 1626 год). Его мать — ханша Сяолэ была третьей женой этого грозного властителя. Доргонь был слабого телосложения и не отличался особым здоровьем. Зато сила духа и ум выделяли его среди сверстников. Лисья хитрость сочеталась в нем с волчьей хваткой, а физические недостатки восполнялись энергией и талантом. Тогда реальный вес того или иного члена правящего Золотого рода (Айсинь Гиоро) определялся числом подчиненных ему армейских «знамен», то есть маньчжурских кавалерийских корпусов. Поэтому все три сына — Сяолэ-Аджигэ, Доргонь и Додо — сызмальства предназначались отцом в командующие маньчжурских «знамен». Так, Доргоню было определено «Белое знамя». Еще при жизни отца он получил титул князя третьей степени (бэйлэ) и пятнадцать рот (ниру) самого почетного маньчжурского «Желтого знамени».

После смерти Нурхаци в 1626 году и воцарения его сына Абахая (1592–1643, правил с 1626 по 1636 год) началась блистательная карьера Доргоня. Новый государь присвоил ему высший тогда княжеский титул (хошо бэйлэ), утвердив его командующим «Белым знаменем». Абахай покровительствовал своему младшему брату, а тот платил монарху своей верностью. С годами Доргонь обрел военный опыт, постоянно участвуя в походах. Особенно он отличился в 1628 году в войне против южномонгольского Чахарского ханства. За отвагу Доргонь получил почетный монгольский титул Мэргэнь дайчин (Мудрый воитель). Воздавая дань его уму, деловитости, рассудительности и административному дару, Абахай активно использовал его и на гражданском поприще. С созданием в 1631 году системы «шести ведомств» (министерств) Доргонь получил пост начальника Ведомства чинов (Либу),

то есть стал вторым после Абахая лицом в государстве. Сانونную должность «министра» он успешно совмещал с карьерой полководца. Весной и летом 1635 года Доргонь вместе с князьями Юэто (Иото) и Хаогэ руководил покорением Чахарского ханства. Конница под его командованием захватила врасплох остатки чахарских войск и вынудила их сдаться. При этом в руки Доргоня попали последний правитель Чахарского ханства — малолетний Эджэ и его мать. Именно Доргонь завершил завоевание Южной Монголии и присоединение ее к маньчжурским владениям.

В том же году Доргонь руководил походом против империи Мин. Пройдя через Великую стену, его конница ворвалась в Северный Китай и razорила провинцию Шаньси. Маньчжуры захватили четыре города, все их население и 76 тысяч голов скота они увели на свою территорию. К этому времени Доргонь имел репутацию не только отважного воина, искусного полководца, но и рассудительного политика и опытного администратора. Именно ум и управленческие способности выделяли его из общей массы князей, большинство из которых блистало лишь воинскими доблестями. Когда хан Абахай в 1636 году провозгласил себя императором государства Цин, он сразу же присвоил Доргоню титул князя первой степени. С тех пор он именовался Мудрый князь (Жуй циньван, Жуйван). А через два года ему было присвоено звание «Великий военачальник, получающий приказы» от самого императора.

В ноябре 1638 года Доргонь и Юэто повели двумя потоками маньчжурскую кавалерию в очередной поход на Китай. В этом победоносном набеге на империю Мин Доргонь совершенно затмил своего напарника. В битве при Инлу он наголову разбил армию минского императора. Прорвавшись далеко на юг от Пекина, конница Доргоня прошла через три провинции — Чжили, Шаньдун и Шаньси. Маньчжуры захватили и разграбили 58 городов, среди них такие крупные, как Тяньцзинь и Цзинань. В руках победителей оказались богатые трофеи и огромное количество пленных, в том числе ближайший родственник минского императора удельный князь Дэ-ван. На обратном пути войско Доргоня с колоссальным обозом беспрепятственно переправилось у Тяньцзиня через Великий канал и в начале 1639 года благополучно возвра-

тилось в Маньчжурию. Этот рейд окончательно закрепил за Доргоном славу талантливого и удачливого полководца, что вызвало некоторую настороженность у императора. Абахай ждал только повода, чтобы поставить опасного для себя молодого князя на место. Для этого он приказал Доргону участвовать в длительных осадах китайских крепостей Суншань и Цзиньчжоу. Отсутствие тут явных успехов можно было легко приписать промашкам слишком зарвавшегося «высочки». Такой случай представился в 1641 году при осаде Цзиньчжоу. Абахай обвинил Доргона в нерешительности, понизил его княжеский титул на одну ступень (до цзюньвана) и наложил штраф — 10 тысяч лянов серебра. По тем временам это была огромная сумма. Так Доргонь оказался в положении обиженного.

Судьба полуопального князя круто изменилась 10 сентября (по другим данным — 24 сентября) 1643 года, в день смерти Абахая. Кончина 52-летнего богдохана была окружена тайной. По одной версии, он был ранен, болел и безуспешно лечился. Чувя приближение конца, Абахай созвал Совет великих князей. Наследником престола он объявил своего девятого малолетнего сына Фулиня (1638—1661), а до его совершеннолетия управлять государством поручил двум регентам — Цзиргалану (Джиргалан) и Доргону. Главным был оставлен 44-летний Цзиргалан. Это был племянник Нурхаци, князь первой степени (хошо циньван) и видный военачальник. Отличился в походах против Кореи (1627), Чахарского ханства (1632) и империи Мин (1641). Еще при жизни Абахай всячески выдвигал Цзиргалана в противовес Доргону. Остальные великие князья (да бэйлэ) должны были обеспечить поддержку двум регентам, в чем они и поклялись умирающему.

По другой версии, смерть Абахая была скоропостижной, что породило всевозможные домыслы о ее насильственном характере. Тотчас же в Мукдене — тогдашней столице Цинской империи — вспыхнула яростная схватка за власть между различными группировками внутри царствовавшего Золотого рода (Айсинь Гиоро). На экстренном заседании Совета великих князей разгорелись бурные страсти. Все началось с предложения старого князя Дайсая посадить на трон Хаогэ — старшего сына Абахая. Когда этот вариант не прошел,

Аджигэ и Додо попытались отдать престол своему брату Доргоню. Как дальновидный политик, он решительно отклонил этот проект. По маньчжурским правилам престолонаследия Сыном Неба мог стать человек только из нисходящей по отношению к Абахаю линии, то есть его сын или внук. Тогда князья-военачальники потребовали провозгласить императором одного из сыновей покойного. Выбор пал на его девятого сына — шестилетнего Фулиня (годы царствования 1643—1661, девиз правления Шуньчжи — Благоприятное правление). До его совершеннолетия страной должен был править регент.

На эту ключевую должность каждая из двух борющихся за власть группировок намеревалась посадить своего лидера. Во главе одной стоял Цзиргалан, а другая считала своим лидером Доргоня. Между этими соперниками вспыхнула схватка за власть. Большинство маньчжурской аристократии — разные ветви царствующего рода Айсинь Гиоро побоялись начать открытую междоусобицу, которая грозила ослабить Цинскую империю и сорвать далеко идущие завоевательные планы. Поэтому дело кончилось компромиссом. Регентами стали оба — и Доргонь, и Цзиргалан. Многие справедливо опасались, что неумный политик Цзиргалан вкупе с послушным ему мальчиком-государем провалят выполнение «великих замыслов» Нурхаци и Абахая. Уже после принесения клятвы верности новому богдохану князья Адали и Сото предприняли попытку возвести на престол Доргоня. Узнав об этом, Дайсань и Доргонь публично разоблачили заговорщиков, а те сложили свои головы на плахе. Таким образом, Мудрый князь второй раз не «клюнул» на заманчивую авантюру.

Во главе государства встали два «князя-регента» (шэчжэн ван). Однако очень скоро волевой и умный Доргонь забрал в свои руки бразды правления, оттеснив от трона косного и недалекого Цзиргалана. К своему званию «князь-регент» Доргонь присоединил еще и титул «дядя императора». А на следующий год понизил своего соперника до звания «регент-помощник», то есть сделал его всего лишь своим «заместителем». На посту фактического правителя Цинской империи Доргонь проявил себя деятельным и прозорливым политиком. Его дальновидность и предусмотрительность во многом способствовали укреплению династии Цин в Китае.

С конца 1643 года Доргонь начал подготовку к очередному набегу на северные провинции Минской империи. Для этого он подтянул к Великой стене 140 тысяч всадников «восьмизнаменной» армии. Вместе с тем со смертью Абахая на плечи Доргоня легло ведение секретных переговоров с китайским военачальником У Саньгуем. Династия Мин находилась на краю гибели и искала мира с империей Цин. В Пекине хотели связать себе руки в Маньчжурии, а затем разгромить повстанческие армии. Предполагалось использовать для этого и грозную конницу «северных варваров». За эту услугу Пекин обещал часть китайской территории и денежное вознаграждение. Между тем стало ясно, что династия Мин уже не в силах остановить победного наступления миллионной повстанческой армии. Регент понял, что создается идеальная обстановка, чтобы захватить Северный Китай вместе с Пекином. Но для этого требовалось перетянуть на свою сторону армию У Саньгуя и в союзе с ним разгромить полчища «бандитов» Ли Цзычэна.

Мудрый князь, умело воспользовавшись тем, что У Саньгуй оказался меж двух огней, расчетливо загнал того в угол. Затем, спасая от наступления войск Ли Цзычэна, заставил присягнуть на верность династии Цин. Став таким образом повелителем У Саньгуя, регент со своей конницей вступил в Шаньхайгуань. Теперь на стороне Цин оказалось до 300 тысяч воинов. В двухдневном генеральном сражении 26 и 27 мая союзники разгромили крестьянское войско. Путь на Пекин для Доргоня был открыт.

Пока пекинцы ждали вступления в город «Войска справедливости» У Саньгуя, Доргонь с авангардом «восьмизнаменных» войск тихо, как ночью лиса в курятник, проник во Внутренний город. По приказу Мудрого князя его воины по всем крепостным стенам Внутреннего и Императорского городов водрузили белые знамена и флаги, выдавая себя за китайских солдат У Саньгуя. Даже высшие сановники династии Мин не сразу узнали, что дворцовый комплекс занят «варварами». И, только увидев, что воины все, как один, «по-варварски» сидят на полу, сановники поняли свою ошибку. На следующий день регент сменил китайскую охрану девяти ворот крепостной стены Внутреннего города и объявил об отстранении китайских сановников от дворцовых дел. Поняв, что

«северные варвары» обвели их вокруг пальца, минские сановники смиренно явились во дворец на поклон к князю-регенту и верноподданнически попросили его взойти на китайский престол. Так в третий раз Доргоню был предложен императорский трон, но он опять отказался от этой чести. Приказав всем китайским сановникам и чиновникам оставаться на прежних постах, он известил их, что в Пекин скоро прибудет новый государь — маньчжурский богдохан.

А пока Доргонь вводил в Пекин все новые и новые «восьмизнаменные» части. Когда воинов оказалось достаточно, он изгнал из Внутреннего и Императорского городов все китайское население. Затем повелел всем мужчинам-китайцам соорудить маньчжурскую прическу, обрить головы спереди, а волосы сзади заплести в косу. Чиновникам и прочему служилому люду было приказано носить одежды маньчжурского образца. Так завершилась мастерски проведенная Доргоном виртуозная операция по захвату чужой столицы — без осады, штурма, без уличных боев и резни. Мудрому князю было чем гордиться. В очередной раз показав себя дальновидным и терпеливым политиком, он продемонстрировал ум, волю, политическое чутье и коварство.

19 октября 1644 года Доргонь привез Фулиня в Пекин и через одиннадцать дней провозгласил его императором Китая. Этот мальчик стал третьим после Нурхаци и Абахая монархом Маньчжурского государства, вторым цинским императором — после Абахая, но первым властелином Китая, то есть хозяином наследия империи Мин. Правда, подавляющую часть распадающегося Минского государства маньчжурам еще предстояло завоевать.

По случаю приезда Фулиня в Пекин в конце 1644 года Доргонь издал особый императорский указ — важнейший программный и пропагандистский документ. В нем говорилось, что маньчжуры пришли в Китай по «Воле Неба» и по просьбе самих китайцев, дабы спасти их от ужасов смуты. Для этого столица Цинской империи переносится в Пекин. Весь Китай должен подчиниться маньчжурам. Его императором становится богдохан с девизом Шуньчжи. В этом документе, написанном под диктовку Доргоня, прямо подчеркивалось, что именно князь-регент «основал государство» Цин в Китае и,

стало быть, он имеет право на реальную власть. Искусный демагог, Доргонь не скупился на посулы, обещая всем китайцам то, чего они хотели. Чиновникам — сохранение постов и повышение по службе. Шэньши — возобновление экзаменов на ученые степени. Крестьянам и помещикам — частичную отмену одних и снижение других налогов плюс освобождение от недоимок. Торговцам — налоговые послабления. Бедным, убогим и угнетенным — защиту.

На отвоеванной у династии Мин территории Доргонь сохранил основные институты минской администрации. Он охотно принимал на службу минских чиновников. Восстановил практику экзаменов и рекомендаций для занятия чиновных должностей. Снизил налоги и покончил с вмешательством придворных евнухов в дела правления, смягчил произвол завоевателей при захвате ими земли и домов у китайцев. Решительно пресек браки между маньчжурами и красавицами китайками, чтобы избежать ассимиляции многочисленных завоевателей в массе покоренного населения. Повел жестокую борьбу с местной китайской бюрократией, пытавшейся уничтожать минскую налоговую документацию, дабы безнаказанно утаивать собранные с населения суммы.

Главной же заботой регента оставалось завоевание территории минского Китая. Волевой, хитрый и коварный, он успешно применял выработанную еще монголами практику окружения огромных территорий вместо их «фронтального» захвата. Такими гигантскими «клещами» Доргонь охватил сначала Северный Китай, а затем и остальную Минскую империю к югу от Янцзы. Под руководством Доргоня маньчжуры в 1644 году захватили провинции Чжили, Шаньси, Шэньси, Хэнань и Шаньдун, в 1645 году — Цзянсу, Хубэй и Цзянси, в 1646 году — Сычуань, Фуцзянь и Чжэцзян. Между тем в 1648 году в ряде уже покоренных маньчжурами провинций (Гуандун, Цзянси и Шаньси) начались выступления китайцев против завоевателей. Власть Цинской империи зашаталась. Однако благодаря организаторским и военным талантам Доргоня, его умелому руководству и энергии маньчжуры быстро преодолели кризис и перешли в контрнаступление. В этой ситуации регент в очередной раз показал себя талантливым стратегом и главнокомандующим, блиста-

тельным тактиком-полководцем. В 1649 году он лично повел сотысячное войско в Шаньси и умело подавил восстание мятежного военачальника Цзян Сяна.

Мудрый князь завоевал Китай руками самих же китайцев. Всячески оберегая «драгоценную» маньчжурскую кровь, регент гнал на убой войска бывших минских военачальников, перешедших на службу к династии Цин. «Пушечным мясом» служили солдаты У Саньгуя, Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмина. Последних Доргонь всячески поддерживал, жаловал им титулы «князей-данников». Чтобы сохранить жизни маньчжурских воинов, Доргонь использовал также конницу ханов Восточной Монголии, давая им за это различные льготы. Заинтересованный в закупках оружия, и прежде всего у европейцев, он не препятствовал приезду христианских миссионеров и оказывал им знаки уважения. Мудрый князь особо покровительствовал иезуитам, используя их знания.

С прибытием Фулиня в Пекин Доргонь освободил для него императорские покои. Сам же перебрался в скромный квартал на юго-востоке Запретного города. Именно этот квартал, именовавшийся при Минах Наньчэном, стал фактически правительственной резиденцией Цинской империи. В Наньчэн стремилась всеми правдами и неправдами попасть сановная, военная и чиновная верхушка госаппарата. Залы же перед императорскими покоями поражали малолюдем. Понимая всю неприглядность массового пресмыкательства маньчжурских и китайских карьеристов перед ним, князь-регент постоянно призывал придворных лизоблюдов демонстрировать свое почтение и усердие не ему, а Сыну Неба. Однако подобные нравоучения лишь подчеркивали неограниченность власти Доргоня. Все решала военная сила. Реальным могуществом обладал тот, у кого было больше «знаменных» корпусов. Под командованием Доргоня находились пять из восьми «знамен». Власть Мудрого князя настолько окрепла, что в 1647 году он сместил Цзиргалана с поста «регента-помощника», обвинив его в присвоении императорских привилегий. С устранением опасного соперника Доргонь стал единоличным и всемогущим владыкой при малолетнем богдохане.

Решение всех военных и административных дел, кадровых перестановок и денежных вопросов происходило теперь

в Наньчэне. Здесь же находилась главная регалия государства — Великая императорская печать. Без нее любой указ или эдикт был недействителен, не подлежал оглашению и исполнению. Власть Фулиня оставалась сугубо номинальной. Став фактически диктатором, Доргонь вызвал к себе враждебность многих князей и сановников. Их бесило, что Великая императорская печать — высший знак монаршей власти — хранилась в резиденции регента и он мог издавать указы от имени малолетнего императора, не обращаясь к нему за подписью. В то же время вокруг Доргоня сложилась мощная группировка приверженцев. Среди них его братья — Аджигэ и Додо, а также сын последнего — Дорбо. В эту клику входили князья и полководцы Боло, Никань, Маньдахай и Убай, высшие сановники империи, в том числе императорская родня. Регент уверенно опирался на своих братьев — князей Аджигэ и Додо. Сместив в 1647 году Цзиргалана с поста регента, он назначил на его место Додо. После его смерти в 1649 году от оспы Доргонь оказался единственным правителем Цинской империи.

С точки зрения маньчжурской аристократии, регент был деспотом. Он унижал князей, мог обвинить их в каком-либо преступлении и бросить за решетку. С теми князьями и сановниками, кто осмеливался противиться ему, Доргонь был крайне суров и скор на расправу. С открытыми врагами, такими, как Цзиргалан, он не церемонился. Уже в 1648 году он предъявил новые обвинения поверженному Цзиргалану, понизив его еще раз по службе, титулам и рангам. В том же году он отправил в тюремное заключение своего племянника, прославленного полководца князя Хаогэ, который покончил в застенках самоубийством.

Авторитарная власть Доргоня противоречила принципам родовой «демократии» внутри царствующего клана Айсинь Гиоро, особенно при малолетстве монарха. Тем не менее в чрезвычайных условиях непрерывной войны в Китае был нужен сильный и талантливый лидер — гарант окончательной победы. В этом плане Мудрому князю не было достойной замены, и враги были вынуждены терпеть его диктаторские замашки. Впрочем, Доргонь, неуклонно концентрируя реальную власть в своих руках, всячески стремился оставаться в рамках закона и соблюдения приличий. Дабы отвести от

себя нареkania в чрезмерной гордыне, он пошел в 1648 году на эффектную демонстрацию. На аудиенции у императора, каясь в им самим выдуманных «прегрешениях», он трепетно простерся ниц перед десятилетним мальчиком. И конечно, был тут же прошен.

При всем том Мудрый князь неустанно заботился о возвышении своего статуса: в 1643 году он получил титул «князь-регент», в 1644 году — «регент-дядя», в 1645 году — «регент — дядя императора», в 1649 году — «регент — отец императора». Так Доргонь вплотную подошел к титулу «отец императора», который вскоре себе и присвоил. Кроме того, у него появился и монгольский титул государя — каган, хан. Тем самым грозный регент готовил сохранение своего всевластия и после достижения Фулинем совершеннолетия. По маньчжурским правилам, когда управление государством переходило к монарху, регент становился рядовым членом Совета великих князей. Чтобы этого не произошло, Доргонь заранее создавал для себя исключительное положение.

Все более входя в роль полновластного правителя, Доргонь возложил второстепенные дела на своих доверенных сторонников, а свободное время стал посвящать развлечениям. Началась погоня за разного рода удовольствиями. Вчерашний труженик постепенно приобретал черты сибарита. После смерти жены в начале 1650 года он демонстративно женился на вдове Хаогэ — загубленного им племянника. Вслед за этим приказал королю Кореи прислать в Пекин корейских принцесс в качестве наложниц «отца императора и князя-регента». Он все чаще ездил на облавную охоту в Жэхэ — область к северу от Великой стены. Здесь Доргонь вознамерился создать собственную ставку, построить дворец и город. Словом, создать что-то вроде удельного княжества и «второго двора» в противовес Запретному городу. Подданными этого «удела» должны стать воины и население, приписанные к двум его «личным» корпусам — «Белому знамени» и «Белому с каймой знамени». Сюда из Наньчэна Доргонь замыслил перевести свою ставку и руководство империей. Тем самым Пекин должен был утратить свою роль главного политического центра государства.

Однако все эти планы рухнули в одночасье. 31 декабря 1650 года на тридцать девятом году жизни Доргонь умер в Хара-Хотуне — недалеко от Великой стены. Смерть его была неожиданной и потому породила массу слухов, версий и подозрений. Упорно поговаривали об отравлении потенциального узурпатора трона его врагами. Тем не менее власть Доргоня и страх перед его загробной тенью даже после похорон были столь велики, что его карьера продолжалась уже без него. В январе 1651 года его посмертно провозгласили императором. Как монарху ему было присвоено храмовое имя Чэнцзун — «Предок, коему сопутствовал успех». Доргонь был канонизирован как Справедливый государь (И-хуанди). Вскоре, однако, власть перешла к врагам покойного регента. Среди них выделялись Цзиргалан и Обой, а также глава складывавшейся клики евнухов китаец У Ляньфу. Последний не мог простить покойнику, что тот скрутил дворцовых евнухов в бараний рог. Именно усилиями этой троицы была начата кампания очернения покойного. Уже в марте 1651 года Доргонь был обвинен по многим статьям: узурпировал власть, унижал князей, переделывал официальные документы. Покойный был лишен княжеского достоинства и императорского титула, всех почетных званий и объявлен злодеем. Его сторонники были публично осуждены. Восемь из них сложили головы на плахе. Очернение Доргоня продолжалось без малого 130 лет. И только император Хунли в 1778 году вернул этому выдающемуся государственному деятелю все его титулы (кроме императорского) и звания.

Первое время после смерти Доргоня в маньчжурских верхах образовался вакуум власти. Ни в его окружении, ни среди его врагов не нашлось личности, равной ему по масштабу и силе. Взявший было бразды правления богдохан Фулинь передоверил дела У Ляньфу — главе дворцовых евнухов. После смерти Фулиня в 1661 году и разгона клики евнухов власть перешла к одному из членов Регентского совета князю Обою (правил до 1669 года). Затем его сменил князь Сонготу (до 1679 года). Все они оказались на две головы ниже Доргоня. И лишь забравший в свои руки дела правления (с 1679 по 1722 год) император Сюаньэ встал вровень с Мудрым князем-регентом.

Шиньон против косы. Прическа ценой жизни

И панцири их золотые
В долинах сверкали на солнце,
И всадники, все сокрушая,
Скакали и ночи, и дни.

Цай Янь

Слухи о том, что завоеватели-маньчжуры заставят всех китайцев-мужчин изменить прическу, ходили давно. Им верили и не верили. Но в то ясное солнечное утро исчезли все сомнения. 23 июля года Курицы (1645) город Цзяньинь взбудоражило известие. На рассвете в этот уездный центр на южном берегу Янцзы прибыл начальник по фамилии Фан. Незадолго перед этим он перебежал на сторону маньчжуров и теперь привез от них императорский указ о бритье волос. Выборные от богатых горожан просили было разрешения сохранить старую прическу, но им ответили категорическим отказом. Фан был предельно краток. На сооружение маньчжурской прически — три дня! За невыполнение — казнь! Торопитесь! И никаких просьб!

Узнав об этом, город загудел как растревоженный улей. Обыватели, жители пригородов и крестьяне из соседних деревень стекались на площадь за новостями. К полудню здесь уже было трудно протолкнуться. Люди волновались. Слышались крики: «Волосы брить не дадим! Не допустим поругания наших обычаев! Сохраним традиции предков! Будем верны династии Мин! Долой изменников!» Через толпу, держа над головой свиток, протиснулся Сюй Юндэ. Этого обладателя ученой степени знали и уважали как истинного патриота. Развернув свиток, он прикрепил его на стене здания. Это был портрет Чжу Юаньчжана — основателя династии Мин. Сюй Юндэ со слезами на глазах поклонился портрету. За ним склонили головы и все собравшиеся. Ученый муж поднялся на опрокинутый базарный ларь и воскликнул: «Можно отрубить голову, но нельзя брить волосы!» Толпа ответила громким эхом: «Волосы брить не дадим! Да здравствует династия Великая Мин! Смерть изменникам!»

Весь город был охвачен волнением. Оно перекинулось в окрестности. Через северные ворота в Цзяньинь вошло сельское ополчение. Его приход послужил сигналом к восстанию. Горожане и ополченцы разом вышибли двери в уездной управе. С криками ворвались внутрь и смяли присмиривших солдат и чиновников. В ярости искали начальника уезда — изменника Фана. Наконец нашли и убили. Схватили и избили его приспешников. Поймали и связали нескольких маньчжурских шпионов. А люди все прибывали. Мятежники стали выбирать руководителей обороны. Требовали раздать им аркебузы, хранившиеся в башнях крепостных стен. Так началась героическая эпопея защитников Цзяньиня — славная и трагическая страница китайской истории.

До маньчжурского завоевания в империи Мин сохранялась традиционная мужская прическа. Длинные волосы скручивались на затылке в пучок и закреплялись шнурком, шпилькой или палочкой. Получался своего рода шиньон. Именно он отличал китайца — носителя древней конфуцианской цивилизации — от всех прочих народов, считавшихся либо «варварами», либо просто «дикими». Такая прическа стала символом патриотизма и национальной гордости, знаком превосходства над соседями Китая. Она резко отличалась от маньчжурской, когда волосы со лба выбривались, а остальные заплетались в косу. Такая коса казалась китайцам «варварской», уродливой и смешной, а заплести ее значило признать власть маньчжуров! Тем самым мужской шиньон превращался в символ открытого сопротивления завоевателям. А это каралось отсечением головы.

Заняв в 1644 году Пекин, а затем и весь Северный Китай, маньчжуры издали указ о замене китайской прически на маньчжурскую. Однако это требование строго соблюдалось лишь в столице, в северных же провинциях китайцы по-прежнему ходили с шиньонами, поскольку князь-регент Доргонь не хотел озлоблять население севера, пока не был завоеван юг. Но в 1645 году сразу после овладения Нанкином — Южной столицей Китая — он повелел всем мужчинам на территории Цзяннани в десятидневный срок соорудить себе маньчжурскую прическу. Во всех городах края на рынках, площадях, у городских ворот, на стенах управ был вывешен

грозный указ. В нем говорилось: «Кто выполнит приказ, станет подданным нашего государства. Кто замешкается, будет наказан как сопротивляющийся разбойник!» Родившаяся тогда пословица гласила: «Хочешь сохранить голову — должен лишиться волос! Сохранишь волосы — лишишься головы!»

Насилие вызвало взрыв народного гнева. Горожане и сельские жители сотнями брались за оружие. Между тем в Нанкине и других городах Цзяннани верхи повергнутой империи с легкостью и необычной поспешностью сменили фасон прически. Спасая свои головы и карьеру, на сторону победителей перешли большинство минских придворных, сановников, чиновников и военных.

Своим предводителем восставшие жители Цзянъяня провозгласили судейского чиновника Чэнь Минъюя, известного своей честностью и справедливостью, а командующим — Шао Кана, сведущего в военном деле. Он не решился раздать оружие народу, во всем полагаясь на солдат и офицеров гарнизона, а также на речную военную флотилию. Этими силами Шао Кану удалось отразить первый удар цинских войск, посланных на усмирение Цзянъяня.

Второй натиск цинских войск оказался мощнее. Бой шел за те кварталы, что находились вне крепостных стен. Отстаивая западную часть города и южные ворота, солдаты Шао Кана были вынуждены отступить. Противник сжег восточные кварталы и разграбил пригороды. Отважно билось сельское ополчение. С ним взаимодействовали джонки местной флотилии. В схватке «деревенские удалцы» убили командующего маньчжурской конницей, однако с подходом новых частей противника они были рассеяны. Их вожака Гао Жую схватили и за отказ служить маньчжурам казнили. Потерпела неудачу и речная флотилия. Ее командир позорно бежал. Стало ясно, что Шао Кан не сумеет отстоять город. Нужен был другой воевода.

Выбор пал на жившего в окрестностях города судейского чиновника Янь Инъюаня. По словам современника, это «был широкоплечий человек большого роста. Со смуглым лицом и тонкими усами. Характер у него был твердый и решительный. Приказы четкие и строгие. Тех, кто нарушал закон, наказывал плетью и протыканием ушей». Зато тем, кто от-

Одежда и прическа китайцев
периода правления маньчжурской династии.

Передняя часть головы выбривалась, а волосы на задней части заплетались в косу, которая доходила до пояса и ниже

личался, никогда не скупился на пожалования. Раненым собственноручно делал перевязки. Убитым устраивал пышные похороны. Совершал жертвенное возлияние вина и оплакивал их. Воинов звал «любимыми братьями», а не по имени — так в Китае обычно обращались к слугам и простолюдинам.

В лице Янь Иньюаня восставшие обрели талантливого организатора и военачальника. Он открыл склады с аркебузами и порохом и вооружил защитников города. Весь Цзяньинь разбил на сектора. Уговорил местных богачей помочь. Жертвователей оказалось много. Благодаря им храбрцы снабжались всем необходимым. В осажденном городе находилось сто пушек, триста бочек пороха, шестьдесят тонн свинцовых и чугунных ядер, тысяча арбалетов и шестьсот тонн продовольствия. В итоге Цзяньинь превратился в настоящую кре-

пость. Янь Инъюань провел всеобщую мобилизацию. Создал городское войско. Установил в нем образцовый порядок и жесткую дисциплину. Не давал ни малейшего снисхождения даже самым близким своим помощникам. Особо заботился о том, чтобы бойцы были сыты, одеты, обуты и крепки духом.

Неприятель рассчитывал занять взбунтовавшийся уездный городишко с ходу и ринулся на штурм северных ворот. Атака захлебнулась. Пришлось начать осаду. К стенам города стягивались все новые и новые отряды — маньчжурские и китайские. Последние состояли из бывших минских солдат во главе с изменником Лю Лянцзо. Он организовал новый штурм — на этот раз со стороны восточного угла крепостной стены. Его солдаты под защитой деревянных навесов, покрытых мокрой кожей, бросились вперед, но их встретил настоящий град каменных глыб, и они отступили.

Через несколько дней под Цзяньинем собралось до 100 тысяч вражеских воинов. С утра до вечера окруженный город обстреливался из пушек, осыпался градом стрел. Каждый день с его крепостных стен уносили много раненых. Лю Лянцзо решил уговорами склонить «мятежников» к капитуляции. По его приказу святые отцы из ближайшего буддийского монастыря Сыфан целыми днями стояли на коленях под стенами города, призывая «заблудшие души» сдаться. Однако все их усилия пропали впустую. Тогда Лю Лянцзо сам обратился к Янь Инъюаню. Подъехав к стене, он вызвал его и стал склонять перейти на сторону династии Цин, ссылаясь на то, что так поступили уже многие минские военачальники. На это прозвучал гордый и гневный ответ: «Генералы сдаются, но офицеры — никогда!»

Закончился первый месяц осады. Второй. А крепость все стояла. Штурм следовал за штурмом, но всякий раз атакующие откатывались, неся большие потери. Умельцы из числа защитников города придумали и стали во множестве изготавливать небольшие луки. У их стрел вместо наконечников были пороховые заряды. С попаданием такой «огненной стрелы» в лицо человек умирал мгновенно, а при ударе ее в тело — погибал в страшных мучениях. Цинские солдаты до смерти боялись этого оружия. Кроме «зажигательных стрел» применял-

ся «огненный ковер», придуманный самим Янь Инъюанем. Видимо, так называлась горящая нефть, которую разливали и поджигали под ногами вражеских воинов. Широко применялись железные палицы с крючками на хлопковых веревках. С их помощью противников зацепляли и втаскивали на стену. Враги в ужасе от всех этих необычных средств ведения войны боялись приближаться к стенам города. «Маньчжурские солдаты, несмотря на свою многочисленность, во время приступа менялись в лице от страха... и не было среди них никого, кто бы ни молил Бога дать ему возможность вернуться живым», — писал современник. Цзяньинь стал казаться атакующим средоточием каких-то таинственных сил — духов, демонов, привидений. «Однажды вечером, — писал очевидец, — когда яростно ревел ветер с дождем, во всем городе не зажигали огня. Вдруг с четырех сторон поднялся какой-то сверхъестественный блеск. Врагам показалось, что на городской стене командуют трое в ярко-красных одеждах. А в действительности этого не было. Увидели также, что какая-то женщина-полководец схватила знамя и отдает команды. А в действительности этого не было тоже».

Видя, что штурм за штурмом не дают результата и только приводят к потерям, маньчжурский командующий решил приступить к непрерывному обстрелу города: «Грохот орудий слышался днем и ночью. Земля сотрясалась на сто ли (более чем на 50 километров. — *Авт.*) вокруг. Внутри города число убитых и раненых увеличивалось с каждым днем. Плачу на одной улице вторил плач на другой». Ядра тяжелых цинских орудий пробили наконец городские ворота. Проломили крепостную стену.

Наступило 11 октября. В полдень начался решающий штурм. Цинские солдаты наконец ворвались в город. Завязались ожесточенные уличные бои. Два дня длилось яростное сражение, расколовшееся на сотни схваток. Янь Инъюань героически бился с врагом. Восемь раз он водил своих «братьев» в атаку, надеясь вырваться из города, но сделать этого не удалось. Видя, что кольцо врагов сжимается, Янь Инъюань решил покончить с собой. Он вонзил в себя меч, но, видимо, рука в последний момент дрогнула, и самоубийства не получилось. Тогда Янь Инъюань бросился в озеро, думая утопить-

ся, но тут его настигли цинские солдаты. Связав воеводу, они привели его в буддийский храм, где находился Лю Лянцзо.

Тут в храм в окружении офицеров и телохранителей вошел маньчжурский князь Додо. Все ждали, что пленный либо поклонится командующему, либо падет на колени. Однако Янь Инъюань, наоборот, гордо выпрямился. Один из маньчжуров острием пики ударил его в голень. Янь Инъюань рухнул на пол храма. Здесь его и оставили лежать, а к исходу дня перенесли в буддийский монастырь. Той же ночью он скончался от потери крови.

Верхом на коне и с мечом в руках сражался на улицах Чэнь Минъюй. Со своим отрядом он также пытался пробиться к воротам и встретил смерть, как подобает воину. Погибли и все члены семьи Чэнь Минъюя: они заперлись в доме и, дабы не попасть в плен, сами подожгли его. Наступившая ночь на время прервала битву. Маньчжуры надеялись, что наутро, осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления, бунтовщики капитулируют. Однако они обманулись в своих ожиданиях. На рассвете уличные бои возобновились с прежней силой. Тогда Додо приказал: вырезать поголовно все население города. Люди гибли, не прося пощады, и «ни один из них не покорился». Одни сами бросались на мечи. Другие приказывали своим слугам прикончить их. Третьи вешались. Четвертые всей семьей сгорали в своих жилищах. Глава одной из таких семей на память потомкам написал на стене крупными иероглифами: «Здесь умирает Ци Сюнь! Его жена, дочь, сын и сноха тоже умирают!» Ручьи крови текли по улицам и переулкам города.

К вечеру 13 октября резня завершилась. Это был восемьдесят первый день героической обороны. Из 60 тысяч горожан уцелели только 53 человека. От рук карателей пало почти 112 тысяч обитателей окрестных сел. Всего в уезде погибли 172 тысячи человек. Страшен был вид Цзяньиня: «В городе убитыми были заполнены доверху все колодцы. В водоемах... трупы лежали в несколько рядов». Цинский наместник Цзяннани, лютый палач Хун Чэнчоу, доносил в Пекин об «умиротворении»: «В городе почти все истреблены. В пригороде все деревни опустошены, и лишь немногим удалось бежать». По сути, победители завладели не городом, а дымящимися раз-

валинами и горами трупов. Этой героической эпопее посвятил свое произведение «Воспоминание об обороне города Цзяньнина» очевидец событий Сюй Чжунси, давший яркое и правдивое описание увиденного.

Отчаянное сопротивление Цзяньнина приковало к себе основные силы армии князя Додо. А это сорвало дальнейший бросок завоевателей на юг. Темп наступления был утерян. Под стенами города и в уличных боях захватчики потеряли свыше 75 тысяч убитыми. При штурмах пали три маньчжурских князя и восемнадцать военачальников. Из 240 тысяч осаждавших у Додо остались около 160 тысяч солдат и офицеров. Армия была измотана, требовала отдыха и подкреплений. Из-за этого маньчжуры не смогли разгромить отступавшую на юг большую колонну минских войск под командованием Цянь Тана. В то же время новое правительство династии Мин, созданное во главе с Тан-ваном, укрепились в Фуцзяни и Гуандуне и привело свои войска в относительный порядок. Историк тех лет, клеймя предательство минской бюрократии, переметнувшейся в лагерь завоевателей, писал: «Только два простых судебных пристава (Янь Инъюань и Чэнь Минъюй. — *Авт.*) выполнили свой долг, борясь за один город. Если бы раньше люди, охранявшие ворота столицы (Нанкина. — *Авт.*), действовали как они, то тогда бы Южный Китай не был так легко отдан противнику».

В своем героизме защитники Цзяньнина были не одиноки. Два месяца держался город Цзядин. Овладев им, каратели вырезали 20 тысяч жителей. Однако и после этого горожане восстали вновь. Мужественно оборонялся небольшой городок Куньшань. Его штурм длился четыре дня. Только на пятые сутки маньчжуры ворвались в город и учинили кровавую бойню. Свыше 40 тысяч жителей полегли от мечей «северных варваров» и их китайских подручных. На фоне самоотверженности простых людей особенно отталкивающей выглядит измена родине со стороны правящей верхушки империи Мин, которая не только переметнулась в стан врага, но и обратила оружие против соотечественников.

Меч, кисть и тушечница.

Борьба и творчество Хуан Цзунси

Пекинский суд еще до начала этого памятного слушания 1628 года понимал всю щекотливость своего положения. Истец — восемнадцатилетний юноша гневно требовал смертного приговора для двух ответчиков. Оба были ставленниками клики дворцовых евнухов. По ложному доносу этих двоих в тюремном застенке погиб его отец — член недавно разгромленной евнухами группировки реформаторов Дунлинь. Пылкий молодой человек вызывал у судьи симпатию, сочувствие и уважение. Во-первых, он уже был кандидатом на получение ученой степени (чжуншэн). Во-вторых, в своей мести неуклонно следовал сыновнему долгу. А это была одна из самых почитаемых норм конфуцианской этики. Тем не менее прислушаться к зову своего сердца судья не спешил. Дело в том, что истец приехал из южной приморской провинции Чжэцзян. Он был небогат и не имел сильных покровителей в Пекине. Иное дело ответчики — крупные чиновники, богатые люди, пользовавшиеся поддержкой влиятельных дворцовых евнухов. Связываться с такой силой опасно! Да и ответчики упорно отменяли предъявленное им обвинение. Более того, эти двое начали встречный процесс. Однако у одного из доносчиков сдали нервы. И он тайно послал истцу очень крупную взятку. Юноша с омерзением и гневом отверг сделку. А затем довел факт подкупа до сведения судьи. На очередном слушании дела взяткодатель все отрицал. Вот тогда-то и произошло невиданное. Молодой человек выхватил из своего левого рукава длинное железное шило, бросился на мерзавца и ранил его. Если бы тот вовремя не отпрянул, то пал бы мертвым. Ринувшиеся к нему на помощь судебные приставы парировали второй разящий удар яростного мстителя. Видя бесполезность дальнейшей борьбы, нападавший молча и гордо удалился. Вскоре весь Пекин только и говорил о случившемся. Все порядочные люди горячо одобряли порыв сына, мстящего за отца. Имя юноши было у всех на устах. Так в политическую жизнь Китая вошел Хуан Цзунси — в последующем гордость китайской науки и культуры.

С середины XVII столетия на интеллектуальном небосклоне Срединного государства сияли три светила. Это был Хуан Цзунси (Хуан Личжоу, 1610–1695), Гу Яньу (Гу Тинлин, 1613–1682) и Ван Фучжи (Ван Чуаншань, 1619–1692). Три выдающихся ученых-энциклопедиста, крупных мыслителя и пламенных патриота. Самой значительной фигурой в этой блестящей плеяде талантов бесспорно оставался Хуан Цзунси. Сферы его интересов — математика, география, теория музыки и календарные расчеты. Хуан стал творцом историко-философской науки в Китае, создав классические работы по истории философии эпох Сун, Юань и Мин. Эти династии правили в Китае в X–XVII веках.

С детства Хуан Цзунси отличался выдающимися способностями и тягой к знаниям. В тринадцать лет он, выдержав государственные экзамены, получил первую ученую степень. Он находился под сильнейшим нравственным влиянием отца — Хуан Цзунсу (1584–1626), известного ученого, педагога, писателя и прогрессивного политика. Обладатель высшей ученой степени (цзиньши), отец был столичным цензором, то есть инспектором-контролером, и одним из лидеров реформаторского движения Дунлинь, пытавшихся предотвратить крушение Минской империи. С приходом дунлиньцев к власти в 1620 году Хуан Цзунсу оказался в эпицентре политической борьбы. В его доме проходили тайные ночные совещания дунлиньцев. Ряд ведущих реформаторов были его близкими товарищами. Живя с 1623 года под отцовским кровом в Пекине, Хуан Цзунси окунулся в самую гущу борьбы между дворцовыми евнухами и реформаторами. Именно здесь, в столице, он понял разницу между «мутным и чистым» в политике. Душевным потрясением для молодого Хуана стал разгром движения Дунлинь в 1625 году. К этому времени они с отцом вернулись к себе на родину — в Чжэцзян. Победившая придворная клика во главе с временщиком, главным евнухом Вэй Чжунсянем, перешла к репрессиям. В числе прочих аресту подлежал и отец Хуан Цзунси. Его сочли настолько «опасным преступником», что для доставки в столицу направили роту императорской гвардии. Отца бросили в дворцовую тюрьму. Началась череда допросов и истязаний. 24 июля 1626 года отец умер в застенке от пыток.

Для шестнадцатилетнего юноши это был страшный удар. Днем он искал успокоения в книгах. Ночами беззвучно плакал, уткнувшись лицом в одеяло. Перед глазами юноши постоянно стояла цитата из древнего канона, выведенная на стене усадьбы еще дедом: «Ты забыл — Го Цзянь убил твоего отца!» Когда власть жестокого временщика рухнула, Хуан Цзунси поспешил в Пекин, намереваясь убить Вэй Чжунсяня. Он имел при себе длинное железное шило — орудие мести и объяснительную записку. Однако к моменту прибытия юноши в столицу его ненавистный враг уже покончил самоубийством. Тогда Хуан решил мстить подручным Вэй Чжунсяня — его «когтям и клыкам», причастным к гибели отца. Двое из них в свое время настроили донос на отца, из-за которого он попал в застенки. Против них-то и начал Хуан Цзунси судебный процесс, с гневом отказавшись от тайно предложенного ему «отступного» — свыше ста килограммов серебра и золота. Видя, что разбирательство ничего не дает, он решил сам вершить правосудие и ранил главного из этих мерзавцев. Позже с помощью друзей он прикончил двух других подручных Вэй Чжунсяня. Эти акты мщения были восприняты обществом как исполнение сыновнего долга перед погибшим отцом. Хуан Цзунси стал объектом восхищения и симпатий истинных конфуцианцев.

1628 год оказался и для Хуан Цзунси, и для всего Китая переломным. В тот год началась «великая смута», которая вместила в себя и Крестьянскую войну (1628—1646), и маньчжурское завоевание Китая (1644—1683), и гибель Минской империи, и войну «трех князей-данников» (1673—1681), и чудовищную послевоенную разруху. Настало время, когда «небо раскололось и земля разверзлась». Пытаясь остановить этот грозный разрушительный поток, передовые люди Китая надеются продолжить дело реформаторов движения Дунлинь, стремятся создать свое движение, обуздать придворных евнухов и обновить государство. В 1630 году Хуан Цзунси становится членом политического и литературного «Общества возрождения» («Фушэ»), оппозиционного придворным кругам, и в первую очередь евнухам. В 1632 году на съезд общества прибыли уже более двух тысяч интеллектуалов со всех концов Китая. Новое общество стали называть «маленькое Дунлинь».

В него вступали те, кто ранее поддерживал и сочувствовал реформаторам или втайне разделял их цели.

Когда в 1644 году до Хуан Цзунси доходит весть о захвате повстанцами Ли Цзычэна Пекина и падении там династии Мин, он бросает научные изыскания и собирает отряд добровольцев для поддержки пошатнувшейся империи. Ее новой столицей становится Нанкин. Здесь на трон восходит один из минских князей Фу-ван (Чжу Юсун). Однако вскоре свою диктатуру устанавливает клика евнухов во главе с Ма Шиинном и Юань Дачэнем. Против них выступила молодежь, выдвинувшая своим лидером Хуан Цзунси.

К тому времени крестьянская армия уже была разбита и отступала на запад, а почти весь Северный Китай очутился во власти маньчжуров. Над страной и над усеченной империей Мин нависла смертельная угроза. Но вместо создания единого фронта борьбы против чужеземцев клика Ма Шиина принялась сводить старые счеты и уничтожать своих политических противников. Став в 1644 году в Нанкине вторым человеком в правительстве, Юань Дачэнь организовал массовые аресты членов «Фушэ». Приказано было бросить в тюрьму всех этих 140 человек. Правящая клика именovala их «саранчой». Дабы не быть схваченным и не разделить участь отца, Хуан Цзунси скрывается в подполье. За его поимку неоднократно объявляется большая денежная награда. Не желая попасть в лапы к своему лютому и могущественному врагу, Хуан Цзунси на корабле бежит в Японию. Однако вскоре туда приходит грозная весть — маньчжуры начали завоевание Китая к югу от Янцзы. Под угрозой его родные места. И он спешно возвращается домой.

После падения Нанкина в 1645 году Хуан Цзунси вместе со своими младшими братьями собирает отряд в несколько сотен добровольцев и с оружием в руках сражается против «северных варваров». Бойцы Хуана показали себя отважными воинами. Их головы были повязаны белыми платками. Поэтому их называли «войском белоголовых». Против завоевателей-маньчжуров сражались и два других корифея китайской науки XVII века — Ван Фучжи и Гу Яньбу; последний даже получил высокий чин в Военном ведомстве. Отряд Хуан Цзунси действовал в окрестностях озера Тайху. Позже под на-

тиском противника это небольшое «войско» отступило с юга Цзянсу в северные районы Чжэцзяна.

Под Шаосином Хуан Цзунси встречается с «временным правителем» гибнущей Минской империи Лу-ваном (Чжу Ихай). Он готов поставить свое «войско белоголовых» на службу претенденту на минский престол. В 1646 году Хуан Цзунси становится цензором-инспектором и крупным сановником Военного ведомства. Он оказывается в числе пяти крупных военачальников и политиков, на которых в 1646–1647 годах опирался Лу-ван. Когда же под натиском завоевателей Лу-ван бежал в Фуцзянь, Хуан Цзунси не поддался общей панике. Потеряв на равнине много бойцов, он отводит остатки своего отряда — пятьсот человек — в горы.

К концу года не только Чжэцзян, но и Фуцзянь оказываются в руках завоевателей. Все это заставило окружение Лу-вана искать военной помощи в соседней Японии. И Хуан Цзунси в 1649 году плывет в Страну восходящего солнца просить сёгуна Токугава Иэмицу о помощи и присылке на материк самураев. Просить чужеземцев всегда трудно. А для тогдашнего китайца подобная миссия унижительна вдвойне. Китай — Срединное государство — считал себя Центром Вселенной, гегемоном мира и единственным средоточием цивилизации. А Страна восходящего солнца среди всех прочих именовалась китайцами «варварской» и «даннической». Японцев называли «восточными варварами», «карликовыми чертями» или «маленькими чертями из-за Восточного моря». Для китайца-великодержавника было мучением перейти от высокомерной пренебрежительности и величественной снисходительности к роли смиренного просителя. Именно в такой ситуации очутился приехавший на Японские острова Хуан Цзунси. Унижение оказалось особенно болезненным, поскольку сёгун и князья (даймё) не пожелали впутаться в кровавую драму Китая. И посланец минского правителя вернулся ни с чем.

Он решает ехать домой. Его родные края уже попали под власть «северных варваров». Но завоеватели не преследуют тех, кто сложил оружие. Хуан Цзунси вынужден пойти на очередное унижение: принять подданство маньчжурской династии Цин и изменить прическу. Он заплетает себе маньчжурскую косу и сбрасывает волосы с передней части головы.

Вчерашний боевой командир, сановник, политик и дипломат целиком отдается научным занятиям и преподаванию и до конца жизни в 1695 году остается вне активной политики. За эти годы Хуан Цзунси становится человеком энциклопедических знаний. Он много сделал в области изучения конфуцианского канона, истории конфуцианства, литературы, истории и математики. Вокруг него появляется много последователей и учеников. Постепенно он становится признанным авторитетом не только в чисто научной сфере. Его мнение высоко ценится в среде патриотической интеллигенции. Поэтому завоеватели всячески стараются переманить этого влиятельного старца на свою сторону.

Попытки поставить его талант и авторитет на службу новой династии становятся особенно настойчивыми в годы войны «трех князей-данников», когда власть династии Цин снова оказывается под ударом. Завоеватели стремятся перетянуть на свою сторону оппозиционных шэньши и интеллигенцию. Маститому ученому делают предложения одно заманчивее другого, но он все их отклоняет. Его нельзя ничем купить. Да, он отбросил меч и вышел из боя, но служить врагам не будет! К старому «упрямцу» применяют мягкие «меры воздействия» — угрозы, заманчивые обещания, интриги, комплименты и подкуп. Все эти приемы оказываются бесполезными перед его стойким неприятием новой власти. В этом он не одинок.

Не признал новую династию и Гу Яньбу, давший себе клятву не служить «северным варварам». Демонстративно изменив свое прежнее имя на Яньбу — Пламенная Воинственность, он совершил паломничество ко всем могилам минских императоров. За все это дважды — в 1655 и 1668 годах — сидел в тюрьме в Цзинани. После этого ему вновь предлагали стать чиновником, проповедовать покорность новой династии и участвовать в составлении многотомной «Истории династии Мин». Гу Яньбу остался непреклонным. Зато когда патриотически настроенная интеллигенция в 1651 году создала оппозиционное «Литературное общество» («Цзинъинь шишэ»), или «Союз скитальцев» («Таочжи шэ»), Гу Яньбу сразу же вступил в него.

Не менее твердую позицию занимал Ван Фучжи. После поражения патриотических войск в 50-х годах он сменил фами-

лию и ушел в подполье. Новые власти объявили его в розыск. Ученый прятался в горах провинций Хунань, Гуанси и Гуйчжоу — в глухих медвежьих углах среди народностей мяо и яо. В горах Шичуаншань Ван Фучжи устроил себе жилище в пещере. Ученики почтительно звали его «Учитель Чуаншань». Он проигнорировал обещание амнистии и не пошел в услужение к маньчжурам.

Между тем жизнь стареющего Хуан Цзунси течет без изменений. Ученый работает в библиотеках и дома. Гостит в семьях, где имеются коллекции редких и нужных ему книг, рукописей и документов. Переписывается с друзьями и выдающимися учеными. Готовит все новых и новых учеников. Он умер своей смертью на 86-м году жизни, окруженный всеобщим почтением.

Научное, политическое и культурное наследие Хуан Цзунси огромно и многогранно. Мы же рассмотрим лишь его вклад в области политических и правовых учений. Самым знаменитым его произведением стал политико-правовой трактат «Просвещаю варваров в ожидании визита [совершенномуудрого государя]» («Мин и дай фан лу»), написанный в 1662 году. Он посвящен анализу взаимоотношений общества («Поднебесной») и правителя. Следуя учению древнекитайского философа Мэн-цзы (372—289 годы до н. э.), Хуан Цзунси утверждал, что в жизни общества должна доминировать общая польза-выгода (ли). Народ обладает приоритетом над государем, а отсюда вполне допустимо свержение порочного монарха. Размышляя о «справедливом правлении», ученый ставил под сомнение тезис о непогрешимости императора — Сына Неба как высшего существа. «То, что для государя истина, не обязательно истина. То, что для государя ложь, не обязательно ложь!» Нужно добиться, чтобы «Сын Неба не осмеливался считать себя определителем истины и лжи. Большой ущерб Китаю причиняет не кто иной, как император. Если в Поднебесной нет уголка, где можно было бы пребывать в спокойствии, то это дело рук государя».

По мнению Хуан Цзунси, следует «рассматривать Поднебесную в качестве хозяина, а правителя — в качестве гостя». Именно так было в древности — при совершенномуудрых государях. Потом все поменялось местами. Императоры ста-

ли считать Поднебесную своим частным владением. Монарх воспринимал себя уже «хозяином», а Поднебесную — «гостем». Такое нарушение истинных устоев государственности началось именно с переориентации монарха на интересы собственные и выгоды своей семьи. Легитимность верховной власти резко падает, когда правители считают Поднебесную своим семейным достоянием. Отсюда борьба за трон и смуты. Владыки подменяют общественные интересы своими личными, игнорируют интересы подданных. «По этой причине народ Поднебесной озлобился на правителя и смотрит на него как на врага и называет тираном». Поэтому «порядок или беспорядок в Поднебесной зависят не от возвышения или гибели династии, а от радости или горя всего народа». Исходя из этого, идеальное государство должно стать ограниченной монархией.

«Государство принадлежит народу, а не является собственностью императора», — писал Хуан Цзунси. Раз «народ — хозяин, а государь — его гость», то монархия легитимна лишь при соблюдении интересов всей Поднебесной и общественной пользы-выгоды. Для восстановления легитимности правления главным является законодательство. Традиционная система Китая издревле считала, что мораль выше закона. Хуан Цзунси, наоборот, поставил право над этикой. В дилемме «законы или люди» он определяющим считал юридические нормы. Сначала должны «иметься упорядочивающие законы, после чего появятся упорядочивающие люди». При этом следует отделять «законы [в интересах] Поднебесной» от «законов [в интересах] одной семьи [правителя]». Последние ученый считал «незаконными законами». Необходимо обновление правовых устоев, ибо «каждая эпоха имеет законы данной эпохи», а «соответствие законов [своему] времени обуславливает порядок». Говоря о деградации современного ему права, Хуан Цзунси предлагал вернуться к «идеальным» нормам «золотого века» древности.

В административной сфере он осуждал произошедший отрыв императора от чиновной иерархии, отделение государя от административной системы. В традиционном Китае чиновники считались «руками и ногами» Сына Неба, а весь госаппарат — частью тела государя. Власть монарха уподоблялась господству личности над своим телом. Части же по сво-

ей природе подчинялись целому. Поэтому власть Сына Неба считалась безграничной. В противовес этому Хуан Цзунси дал иную — ограничительную — трактовку этой дилеммы. А именно — следует признавать и зависимость целого от его частей. Такой подход был направлен против крайностей абсолютной монархии. Хуан Цзунси считал, что император должен быть включен в единую правящую иерархию. Тем самым власть Сына Неба в определенной мере должна быть ограничена, разделена со всем правящим аппаратом. Правитель должен быть не над госаппаратом, а вместе с ним. «Поднебесная не может быть упорядочена одним человеком». Кроме того, Китаю необходимы первый министр, то есть глава правительства, и руководимый им кабинет министров. Ни того ни другого не было в традиционной государственной системе Китая.

По мнению Хуан Цзунси, необходима инстанция, выдвигающая и обсуждающая законы, а также контролирующая их исполнение. Такой силой должны стать учебные заведения — школы всех ступеней. Речь шла о частных конфуцианских школах и академиях, неофициальных объединениях ученых — носителей конфуцианской этики. Здесь Хуан Цзунси видел неразрывность трех систем — образовательной, экзаменационной и чиновной. Поскольку учебная, квалификационная и административная системы уже срослись друг с другом, школы сами превратились в «места, где взращиваются служилые». Поэтому надо, чтобы «все средства упорядочения Поднебесной исходили из школ». Учебные заведения должны стать представительными органами, выражающими общественное мнение и доносящими его до госаппарата и государя. В рамках предлагаемой Хуан Цзунси единой общегосударственной системы образования каждая ее отдельная школа или академия имеет право на собственное свободное мнение по всем вопросам. Тем самым учебные заведения своим авторитетом влияют на дела правления.

Стремясь ограничить всевластие императора и бюрократического аппарата, Хуан Цзунси предлагал поднять роль советников-конфуцианцев и расширить влияние ученых авторитетов в управлении государством. Важнейшим таким инструментом должна стать высшая школа, своего рода столичный университет во главе со своим старейшиной-ректором. Последний по своему усмотрению формирует ученый арео-

паг из числа ведущих конфуцианских авторитетов. Раз в месяц сам император и высшие сановники должны почтительно слушать лекцию-наставление старейшины-ректора. Тот по своему рангу приравнивается к первому министру. При случае ректор может занять пост премьера. На периферии главы местных учебных заведений каждые две недели также должны читать здешним чиновникам лекции-наставления. Тем самым за счет создания интеллектуального звена государственной системы Хуан Цзунси предлагал абсолютную власть монарха и мощь госаппарата поставить под реальный контроль высших научных и моральных авторитетов при введении гласности. Так, на периферии ученые-наставники должны были публично под барабанный бой объявлять о выявленных ими злоупотреблениях и упущениях местной бюрократии. Такие предложения Хуан Цзунси, как ограничение самодержавия императора и власти бюрократии, интеллектуально-этический контроль над госаппаратом и гласность, выглядят не только как движение вперед, но и как возврат к идеалам древности. Тогда мудрые и нравственные советники-конфуцианцы наставляли «заблудших» государей на путь истинный. Иначе говоря, Хуан Цзунси искал свой идеал в древности.

В традиционном Китае личность искони подавлялась государством. Частные интересы считались синонимом корысти, стяжательства и моральной деградации. Конфуцианская деспотия в противовес «низменным» побуждениям «частника» насаждала незыблемое господство «общих» «высоко-этических» целей, то есть интересов казны. На практике это вело к ограблению, притеснению и сдерживанию инициативной личности. В противовес этой официальной доктрине Хуан Цзунси считал, что частные интересы не должны искореняться государством. Наоборот, их следует использовать для блага всего Китая. На всех уровнях государственной системы частные устремления необходимо направлять в русло общей пользы-выгоды. А императору надлежит стать верховным координатором этого потока во всей Поднебесной. Ради наилучшего сочетания частного и государственного Хуан Цзунси предлагал провести административную реформу. По его мнению, существующую жесткую централизованную систему «центр—округа—уезды» следует заменить мягкой децентрализованной сетью «феодов», похожей на ту, что сущест-

вовала в древности до династии Цинь (221—206 годы до н. э.). В этом можно видеть, по сути, первый шаг к федерализму, местной автономии и самоуправлению территорий. В своем трактате Хуан Цзунси разработал и основы экономической политики идеального государства. Для перехода к нему необходимо восстановить древнюю систему «колодезных полей» (цзин тянь) и тем осуществить уравнительный передел земли. Упорядочить налоговую систему и военную организацию, а также всемерно поощрять ремесло и торговлю. Ученый предлагал провести унификацию денежной системы и учредить банки. Между тем славу Хуан Цзунси как ученому принесли прежде всего исторические сочинения, посвященные эпохе Мин (1368—1644). Как историк Хуан Цзунси критически относился к официальной историографии. «Из династийных историй можно брать только хронологию», — писал он.

Научные и политические построения Хуан Цзунси остались непревзойденными в течение XVIII столетия. Завоеватели-маньчжуры боялись распространения его «крамольных» идей. Трактат Хуан Цзунси «Просвещаю варваров в ожидании визита [совершенно-мудрого государя]» и ряд других трудов попали в список запрещенных книг. Смелые идеи Хуан Цзунси в XVII веке в условиях жесточайшего террора цинских властей имели ограниченное распространение. В основном они стали известны в Китае много позже. Запрет на их публикацию был снят лишь в конце XIX — начале XX века.

Дорога на плаху.

Как оборвалась карьера предателя

Цветы, деревья, травы увядают,
И дни красавца князя сочтены.

Цюй Юань (340—278 до н. э.)

Осенью года Собаки (1646) по дорогам приморской провинции Фуцзянь из дворца-крепости Аньпинчжэнь двинулась длинная и внушительная процессия. Впереди — слуги владельца этого «имения», за ними — отряды его личной

«гвардии». Далее челядь и носильщики с ценной поклажей в сундуках. Телохранители шли спереди, сзади и с боков роскошного паланкина, в котором сидел сорокадвухлетний «владыка Фуцзяни», всесильный «первый министр», обладатель титула «герцог» (гун) Чжэн Чжилун. За ним шествовали секретари, чиновники, служащие. В нескольких паланкинах несли его сыновей и прочую родню. Далее следовали телохранители, солдаты и обоз. Процессия двигалась торжественно, почти триумфально, а сам глава ее сиял счастьем. Населению и местным властям объявлялось, что Чжэн Чжилун следует в ставку маньчжурского князя Боло, дабы вступить в должность императорского наместника Фуцзяни и Гуандуна. Никто вокруг, да и сам виновник торжества ни минуты не сомневался, что его феерическая дотоле карьера поднялась еще на одну ступень. Поражались лишь его небывалому везению. В те дни никому даже в голову не приходило, что этот баловень судьбы и ловкач делает в своей бурной жизни первую и последнюю, роковую, ошибку.

Родился Чжэн Чжилун в год Дракона (1604) в довольно бедной семье служащего. Вскоре его отец получил место мелкого чиновника в богатом торговом приморском городе Цюаньчжоу в Фуцзяни. Родители возлагали на мальчика большие надежды — прочили ему карьеру ученого, шэньши и чиновника. Однако парень оказался лентяем, драчуном и задирой. Тем не менее он понравился местному окружному начальнику, который стал оказывать ему свое покровительство. С отъездом благодетеля сей лоботряс в год Собаки (1622) бежал из дома и на время осел в Аомэне (Макао) у своего деда по матери. Здесь он поступил на службу к португальцам, хозяевам крохотной колонии на юге Гуандуна, и перешел в христианство, получив имя Николае Гаспар, или Николае Игуань. Итак, уже в юности он не только бросил родителей, но и предал родную «религию» — этическое учение Конфуция. Через два года дед снабдил его товарами и пристроил на корабль, отправлявшийся в Японию. Чжэн Чжилун обосновался в Японии, занялся внешней торговлей и контрабандой. На морях в ту пору было крайне неспокойно. Поэтому купцы, занимавшиеся нелегальной внешней торговлей, имели на своих судах вооруженную охрану. Все это вызывало гнев китайских вла-

стей, именовавших таких торговцев и их охрану «морскими бандитами», «пиратами» и «разбойниками». В эту категорию попал и наш герой.

В год Мыши (1624) Чжэн Чжилун перебрался в Хирадо. Здесь он женился на дочери богатого японского купца из рода Тогава. Жена-японка родила ему в том же году в Нагасаки мальчика, ставшего позднее прославленным Чжэн Чэнгуном. Вскоре Чжэн Чжилун поступил на службу к богатому китайскому купцу, ведшему морскую торговлю с Японией и часто приезжавшему в Страну восходящего солнца. Тот передал Чжэну большую сумму — 10 тысяч лянов серебра, оставив на его попечение свою семью. Однако после внезапной смерти своего благодетеля Чжэн присвоил все его сокровища и деньги, совершив очередное предательство. Затем он посвятил себя морскому разбою. В 1624 году он вошел в подчинение Ян Сыци — крупного «авторитета» среди тогдашних «джентльменов удачи», грабившего как соотечественников, так и «заморских варваров». Сначала Ян Сыци обосновался в Японии, а позже перебрался на Тайвань. Когда он умер, Чжэн Чжилун возглавил его флотилию, став главой корсаров Тайваня. Какое-то время он даже считался хозяином острова. Так, прибывшие на Тайвань в 1624 году голландцы из Ост-Индской компании некоторое время платили ему арендную плату за занятые ими земли.

Но в год Коровы (1625) для пиратов наступили тяжелые времена — минское правительство повело борьбу с морским разбоем и перетянуло на свою сторону ряд видных корсаров. Тогда Чжэн решил уйти под покровительство голландцев и поступил на службу Ост-Индской компании. Однако сотрудничество с европейцами не удалось, и Чжэну пришлось покинуть Тайвань.

Убежище себе он нашел в «империи» известного тогда на всем Дальнем Востоке Ли Тана, до 1625 года возглавлявшего всю китайскую контрабандную торговлю на море. В свое время его — главу китайской общины в Маниле — испанцы бросили в тюрьму, а имущество конфисковали. После десяти лет заключения узнику удалось бежать и добраться до Японии. Здесь Ли Тан стал главой китайских общин в Хирадо и Нагасаки, богатейшим купцом-контрабандистом, владель-

цем многих торговых кораблей. Минские власти считали его «морским разбойником», а представители голландской и английской Ост-Индских компаний видели в нем достойного коммерсанта. Когда голландцы в 1624 году обосновались на Тайване, он, выступая в роли главы местных китайцев, оказал немалую помощь «рыжебородым варварам». Занятие контрабандой и пиратством сближало его с европейскими купцами-авантюристами. Среди европейцев Ли Тан был известен под кличкой «Капитан Китай», а также под псевдонимом Андреа Диттис. Впрочем, голландцы были очень осторожны, зная о его пиратских «шалостях» и темных сделках.

Этот «достойный муж» и стал патроном Чжэн Чжилуна. Они были одного поля ягода. Когда в августе 1625 года Ли Тан умер, оставив после себя запутанные дела и много долгов, его «корпорацию» возглавил Чжэн Чжилун. Он имел широкую агентуру в китайских общинах на Филиппинах, в Юго-Восточной Азии и особенно в Стране восходящего солнца. С помощью Чжэна купцы Фуцзяни поставили под свой контроль всю торговлю с Японией. Поставив себя «вне Китая», Чжэн Чжилун активно сотрудничал с его врагами-колонизаторами, прежде всего с голландцами. Посылал он гонцов и к испанцам в Манилу, поддерживал связи с христианскими миссионерами.

С года Зайца до года Овцы (1627—1631) Чжэн Чжилун широко субсидировал китайцев, переселявшихся с материка на Тайвань. Через Тайваньский пролив он перевозил их на кораблях своего флота. Только в 1627 году во время засухи и голода в Фуцзяни он доставил на остров несколько десятков тысяч человек. На Тайване они получали земли и за нее платили арендную плату роду Чжэн. В этой крупномасштабной акции бывшим пиратом двигало отнюдь не сострадание к голодающим, а сугубо корыстные цели. По сути, он готовил на Тайване для себя нечто вроде удельного княжества. При этом новоиспеченному богачу хотелось обрести почет, знатность и прочное основание для своей полууголовной «империи» на море. Для этого надо было перебраться на материк и войти в бюрократическую систему Минской империи. Поэтому Чжэн решил поступить на службу к минскому правительству. Сделал он это в год Дракона (1628) вместе со всем своим фло-

том, то есть предал «святое морское братство» корсаров. На него была возложена охрана морского побережья Фуцзяни от пиратов и «заморских варваров» — в первую очередь голландцев. В своем новом качестве бывший морской разбойник должен был, замаливая прежние грехи, бороться со своими недавними собратьями по ремеслу — пиратами. Делал он это весьма успешно. За разгром эскадры Лю Сяна и Ли Куй-ти и захват этих двух главарей пиратов Чжэн Чжилун получил высокое офицерское звание, а за военные действия против голландцев и англичан чин был повышен.

Став крупным минским сановником, Чжэн Чжилун продолжал считать Тайвань территорией, находящейся в своем подчинении, и использовал остров как базу торговли с голландской компанией. По соглашению 1640 года он обязался поставлять голландцам шелк-сырец для японского рынка, а те, в свою очередь, перевозить его китайские товары. На материковой части Китая Чжэн Чжилун начал усиленно скупать пахотные земли. Его поместья — более пятисот! — появились в Фуцзяни и Гуандуне. Самой крупной была усадьба-крепость Аньпинчжэнь на берегу моря.

Ни одна морская джонка не могла выйти в море или войти в порт без разрешения Чжэн Чжилуна, не уплатив особый корабельный сбор в его личную казну. Но основные доходы ему приносила оптовая торговля рисом, который он получал от арендаторов, сидевших на его землях в Фуцзяни, Гуандуне и на Тайване. Его годовой доход достигал 10 миллионов лян, что равнялось примерно половине годового дохода Великобритании. Его имение-крепость Аньпинчжэнь было «заполнено до краев» деньгами и драгоценностями. Свое богатство Чжэн Чжилун успешно использовал для повышения собственного престижа при императорском дворе в Пекине.

С началом маньчжурского нашествия Чжэн Чжилун со своими родственниками принял участие в борьбе против «северных варваров», поддерживая минский престол. В год Обезьяны (1644) Чжэн Чжилун и два его брата собрали под своим началом большое войско. После захвата Пекина маньчжурами минский двор обосновался в Нанкине. В июне 1644 года, с восшествием на трон князя Фу-вана (Чжу Юсун), Чжэн получил титул бо. Когда в год Курицы (1645) минский

князь Тан-ван (Чжу Юйцзянь) провозгласил себя императором в Фучжоу, Чжэн Чжилун стал главнокомандующим его войск, а его родной брат и два двоюродных возглавили соединения морских и сухопутных сил. Их отряды составляли основную часть стотысячной армии Тан-вана. Помимо военных дел в руках Чжэн Чжилуна сосредоточились и все финансы, в том числе около ста тысяч лянов серебра, пожертвованных на оборону. Семейство Чжэн держало в своих руках не только главные сухопутные силы правительства Тан-вана, но и весь фуцзяньский флот.

В год Собаки (1646) Чжэн Чжилуну даруют высший аристократический титул «гун». По сути, вся власть в Фуцзяни переходит в его руки. Его боятся чиновники и сам Тан-ван. Чжэн преследует неугодных ему лиц, а чиновники спешат к нему на доклад и поклон. Тан-ван, сознавая свое бессилие, не может противиться воле всевластного «премьер-министра». В угоду ему признает его старшего сына Чжэн Чэнгуна своим, жалует юноше императорскую фамилию Чжу и присваивает титул бо. Отныне Чжэн Чжилун, как и подобает государю, князю или наместнику, уже не поднимается со своего кресла-трона при приеме сановников и чиновников. Он уже не встречает, как положено по правилам этикета, входящего и не провожает его до выхода по окончании аудиенции.

В год Собаки (1646) цинские войска развернули стремительное наступление в Чжэцзяне, под угрозой оказалось все нажитое Чжэн Чжилуном в Фуцзяни — власть, богатство, поместья, торговые предприятия и флот. Видя победоносное продвижение «варваров» на юг, «владыка Фуцзяни» стал думать не об отражении неприятеля, а о переходе на его сторону во имя сохранения своего добра. Настало время для очередного предательства. Под предлогом отсутствия продовольствия он фактически сорвал второй поход фуцзяньских войск на север — против маньчжуров. Еще не перейдя открыто в стан завоевателей, он перестал активно поддерживать минские войска. Все помыслы Чжэн Чжилуна сосредоточились на сохранении своей власти и богатства, поместий и кораблей.

В середине года Собаки Чжэн Чжилун вступил в переговоры с врагом о капитуляции; он торговался о ее условиях

и вскоре совершил акт самого настоящего предательства. Когда армия маньчжуров под командованием князя Боло вышла к границам Фуцзяни и полководцы Тан-вана сосредоточили свои войска для обороны узкого ущелья Сяньсягуань — «ворот» в эту провинцию, Чжэн Чжилун отвел свои войска от ущелья, обрекая тем самым армию Тан-вана на полный разгром. Его не остановило даже то, что его братья и некоторые из сыновей выступили против капитуляции. «Как плохой конь всегда не хочет расставаться с конюшней, так и Чжэн Чжилун не хотел расставаться со своим богатством», — так один из китайских историков XVII века охарактеризовал главный побудительный мотив предательства бывшего пирата.

Маньчжуры, казалось бы, оценили его старания. Командующий цинскими войсками Боло пообещал назначить Чжэн Чжилуна наместником Фуцзяни и Гуандуна, сообщив, что для него уже отлита соответствующая печать, а самого его ждут в цинском лагере для обсуждения дел и кадровых назначений в этих двух провинциях. Получив приглашение от Боло, Чжэн Чжилун буквально потерял голову от радости и в сопровождении трех сыновей помчался в расставленный для него капкан. По дороге в ставку Боло он расклеивал объявления, а в них хвастался присвоением ему сана императорского наместника. Устанавливал цены для тех, кто желал получить чиновную должность в его наместничестве. Словом, вел себя так, будто маньчжуры уже отдали ему в наместничество Фуцзянь и Гуандун. Боло действительно встретил его приветливо и устроил в честь гостя трехдневный пир. Но в третью ночь маньчжуры схватили будущего Чжэн Чжилуна и под охраной доставили в Пекин — ко двору богдохана Фулиня, а точнее — в распоряжение всевластного князя-регента Доргоня. До сих пор Чжэн Чжилун не ценил тех, кто желал ему добра. Обманывал доверявших ему. Продавал тех, кто его покупал. Изменял одним, переходил к другим. А теперь сам попал в лапы обманщиков и превратился в трофей победителей, их разменную монету.

Князь-регент Доргонь приписал перебежчика к китайскому «Желтому знамени». Это был самый привилегированный корпус ханьцзюней — китайцев, служивших в «знаменной» армии династии Цин. Так в недавнем властитель Фуцзяни

стал полупленным, полугостем, полузаложником. Ему присвоили придворное звание, дававшее право присутствовать на утреннем приеме у богдохана и подавать этому восьмилетнему мальчику прошения. В одночасье «владыка Фуцзяни» потерял все — войско и флот, власть и богатство, земли, поместья и титулы. Вместо этого он обрел неусыпный надзор за каждым своим шагом и место в золоченой клетке. Известие об измене Чжэн Чжилуна вызвало негодование в лагере китайских патриотов. По договоренности с Боло Чжэн должен был сдать маньчжурам со всеми своими войсками и флотом. Однако многие части и корабли не последовали приказу «хозяина» и включились в борьбу с завоевателями. С досады маньчжуры понизили статус своего пленника — перевели его из Желтого в «Красное с каймой знамя» ханьцзюней.

В Пекине перебежчик прожил пятнадцать лет (1647—1661), из них первые девять на положении почетного пленника и ценного заложника, а потом еще шесть в качестве узника. До поры до времени маньчжуры берегли его в качестве средства давления на его непокорного сына — Чжэн Чэнгуна и даже пожаловали в год Мыши (1648) титулом «нань», который был на четыре ступени ниже его прежнего титула «гун». Между тем в Фуцзяни и Гуандуне собралось сильное войско во главе с Чжэн Чэнгуном, и маньчжуры потребовали от отца повлиять на сына и принудить его к капитуляции. При этом они пытались привлечь Чжэн Чэнгуна на свою сторону — в год Змеи (1653) богдохан Фулинь пожаловал ему и его дяде княжеские титулы. Беспокоясь, что сын и брат откажутся от этой «честь», Чжэн Чжилун написал им письмо с увещанием покориться династии Цин. На следующий год император присвоил к титулу Чжэн Чэнгуна еще и высокий воинский чин. Завоеватели обещали отдать роду Чжэн в удельное княжество четыре приморские области в Фуцзяни. Однако и это не возымело действия — Чжэн Чэнгун категорически отказался признать династию Цин. Особенно поразило маньчжуров, что ответ сына на письмо отца был выдержан в «высокомерном стиле», не соответствовавшем принципу «сыновней почтительности». Когда стало ясно, что расчет на отцовское влияние не оправдался, у Чжэн Чжилуна отобрали все титулы и чины и бросили его в тюрьму. Император приказал заклю-

ченному написать еще одно письмо сыну и потребовать от него капитуляции. В случае отказа богдохан грозил вырезать весь род Чжэн. Однако и эта угроза не подействовала. После этого пленник потерял всякую ценность в глазах своих новых хозяев. В год Коровы (1661) — после смерти императора Фулиня и вступления на престол малолетнего богдохана Сюанье — регентский совет приказал казнить Чжэн Чжилуна, трех его сыновей и остальную родню, находившуюся в столице. Нашему герою предстояло участвовать в процессии, разительно отличавшейся от его помпезной поездки в ставку Боло в 1646 году.

Ясным холодным утром 24 ноября его вывели из камеры во двор тюрьмы в Императорском городе. Там уже ждали охрана и вереница позорных телег для перевозки осужденных. Около них стояли три его сына — Шиэнь, Шиинь, Шимо и приговоренные к казни родственники. Здесь же находились чиновники и служители Дворцового управления и начальник тюрьмы. Секретарь Императорской канцелярии торжественно зачитал высочайший указ. Приговор гласил — всем смертная казнь через отсечение головы за измену императору и династии Цин. По иронии судьбы Чжэн Чжилуна — патологического предателя — вели на плаху за измену, которой он не совершал. Осужденным натянули белые саваны с черными иероглифами, обозначающими их имена, преступление и приговор. Затем всех разместили на повозках, и под конвоем солдат печальный караван двинулся по заполненным зеваками улицам Внутреннего, или Маньчжурского, города к воротам Сюанью в Трехъярусной башне крепостной стены и далее — на Западный рынок, или площадь Цайшикоу, в северной части Внешнего, или Китайского, города, традиционное место публичных казней. Там вокруг помоста с плахой уже толпились зрители. Ждал их и палач с тяжелым изогнутым двуручным мечом. По традиции приговоренные к казни обычно доказывали свою твердость пением героических песен из популярных театральных пьес. Пел ли их наш герой и как он вел себя на эшафоте — этого мы не знаем.

Так на пятьдесят седьмом году оборвалась жизнь, похожая на авантюрный роман. Кем только не был наш герой! Ша-лопай, блудный сын, клерк, торговец, контрабандист, пират,

военный, сановник, властитель целой провинции. Все это — внешние ступени феерической карьеры. Если же посмотреть с точки зрения морали, то картина будет иная. Вор, бандит, прислужник колонизаторов, двурушник, предатель. Это был человек, готовый на любое преступление ради карьеры, профессиональный обманщик — и не удивительно, что рано или поздно он сам угодил в западню.

Реют знамена Коксинги.

За что сражался «король Формозы»

Сокрушайте вражьи орды,
Гордо презирайте подлый страх.
Не бывало славы, равной вашей!
Жаль, седеют головы в боях.

Синь Цицзи (ок. 1150)

Обезумев от черной вести, больной правитель Тайваня су-дорожно метался по огромной роскошной кровати под шелковым пологом. Рыча как зверь, он в бессильной ярости изгрыз в кровь руки. Было от чего прийти в ярость! Его полководцы подняли мятеж, и к ним примкнул его старший сын и наследник Чжэн Цзин — виновник громкого семейного скандала! Дело в том, что Чжэн Цзин вступил в любовную связь с кормилицей младшего брата. По нормам конфуцианской этики эта женщина приходилась ему чем-то вроде мачехи. Кровосмесительный блуд налицо! Правитель в ярости приказал арестовать и казнить всех троих — сына, кормилицу и рожденного от них младенца — своего внука. Обрек на казнь и свою жену — за плохое воспитание сына. А сын вместо того, чтобы смириться с приговором отца, поднял против него войска. Это же вопиющее нарушение принципа «сыновней почтительности» — краеугольного камня конфуцианской этики! Лежа в постели, правитель еще продолжал принимать верных ему чиновников. Тем не менее все понимали — это конец его владычества! Реальная власть с каждым днем все больше ускользала из его рук. Болезнь брала свое, и он все чаще впадал в забытие. Тогда перед его взором проходили кар-

тины недавнего прошлого. Яростные битвы. Дальние походы. Осады городов. Позор отступления. Интриги и предательство. Заговоры и казни. Морские сражения. Тайфуны и штормы. Тяжело умирать в тридцать восемь лет! Горько чувствовать, что ты предан помощниками, покинут соратниками! Когда смерть склонилась над его изголовьем, он видел искрящуюся от яркого солнца водную гладь и свой флот. Так умер Коксинга — первый «король Формозы», как его называли европейцы.

Это был необыкновенный человек. Будучи полукитайцем-полуяпонцем, он носил японское и китайские имена, а также две китайские фамилии, да к тому же получил европейское прозвище. Имел пять аристократических титулов. Сын бывшего пирата, он встал во главе гигантского военного флота и создал сильную армию. Пятнадцать лет он вел упорную войну на море и на суше с завоевателями Китая. Создал свое государство, изгнал голландских колонизаторов с Тайваня и основал собственную династию.

Родился он в 1624 году в Японии, в Нагасаки. Мать его, дочь японского купца из рода Тогава, дала ребенку первое — детское имя Фукумацу. В 1631 году, когда ему исполнилось семь лет, отец Чжэн Чжилун перевез его и мать в Фуцзянь. Здесь он получил классическое конфуцианское образование. Тогда его звали Чжэн Сэнь. По окончании школы юноша стал чжушэном, то есть обладателем права на сдачу экзаменов для получения ученого звания. С началом маньчжурского завоевания Китая его отец приобрел огромный вес при дворе одного из минских правителей — Тан-ване, который пожаловал юноше фамилию минской династии Чжу и имя Чэнгун. Поэтому тот стал именовать себя «Господином с императорской фамилией» — Госинье. Европейцы произносили это словосочетание как «Коксинга». Тан-ван признал его своим наследником и присвоил титул «бо». Вскоре вчерашнему школяру было пожаловано звание «главнокомандующий-усмиритель». Так именовали заслуженных полководцев, восстанавливающих порядок на мятежных окраинах империи Мин.

Когда его отец Чжэн Чжилун в 1646 году перешел на сторону завоевателей, сын публично осудил его. Дядя юноши Чжэн Хункуй помог ему бежать на остров Сямэнь. После измены Чжэн Чжилуна войска и флот клана Чжэн остались под

предводительством трех его братьев — родного Чжэн Хункуя и двоюродных — Чжэн Ляна и Чжэн Ци. Первый командовал сухопутными частями, а двое других — военными флотилиями, базировавшимися на островах Сямэнь и Цзиньмэнь. Чжэны не смогли защитить от маньчжуров свое родовое гнездо — имение и крепость Аньпинчжэнь — и бежали. Мать Чжэн Чэнгуна бежать отказалась и покончила с собой.

Год Собаки (1646) стал для Чжэн Чэнгуна страшным годом. Он потерял отца, мать, трех братьев, своего государя. Враги захватили земли, поместья, дома и богатство его семьи. У клана Чжэн остались только корабли, базы на островах, часть прежнего войска, на судах — моряки и воины. Но все это в руках его дядей. Потеряно многое, но сохранилась воля к борьбе и ненависть к завоевателям. Пойти в подчинение к своим дядям юноша не захотел и собрал в Гуандуне свой собственный отряд. Деньги для этого он взял из «кассы» вернувшегося из Японии торгового корабля отца. Теперь вместо книги и кисти для письма в его руке оказался меч.

Впервые отряд Чжэн Чэнгуна вступил в бой в марте 1647 года, а в следующем году его окрепшие войска уже овладели рядом городов на побережье Фуцзяни, в том числе крупными торговыми центрами. Созданная им небольшая эскадра разрослась, в его руках оказался боеспособный флот. В течение ряда лет Чжэн совершал нападения на цинские войска и гарнизоны на побережье Фуцзяни, восточной части Гуандуна и Южного Чжэцзяна. Силы его непрерывно росли. «Хотя Чжэн Чэнгуну было немного лет, но он обладал большими способностями в военных и гражданских делах и выделялся из всех своих братьев и дядей. Близкие и далекие — все стремились к нему», — сообщает авторитетный источник. Вскоре он стал признанным лидером патриотических сил на юго-востоке Китая. Его флот полностью господствовал у побережья.

Многие стремились примкнуть к нему, чего, однако, нельзя сказать о его дядях. Тогда Чжэн Чэнгун сам проявил инициативу. Однажды, воспользовавшись тем, что один из дядей беспробудно заснул после пира, он захватил его корабли и на следующий день мягко поинтересовался: «Может быть, ты одолжишь мне свою армию?» И дяде не оставалось ничего иного, как ответить согласием на просьбу племянника. Дру-

гой его дядя, потерпев сокрушительное поражение от маньчжуров, сам был вынужден с остатками своих войск присоединиться к племяннику. Затем Чжэн Чэнгуну подчинились войска и корабли на архипелаге Чжоушань, и, таким образом, под его началом оказались все значительные силы сопротивления. Завоеватели и их пособники именовали Чжэн Чэнгуна «пиратом», его флот — «морскими бандитами», а отряды союзного ему ополчения на материке — «горными разбойниками». В 1652 году Чжэн Чэнгун занял почти весь юг Фуцзяни и, по сути, создал здесь свое государство.

Закаленная в боях армия Чжэн Чэнгуна стала грозной силой в борьбе против маньчжуров. Она пользовалась активной поддержкой местного населения. Все это сплачивало армию — сложную по составу, разнородную по характеру отрядов, входивших в нее, объединявшую уроженцев разных провинций и областей. Под знамена Чжэн Чэнгуна стекались торговцы и моряки, лодочники и рыбаки, крестьяне и шэньши, ремесленники и интеллигенты. Военачальники и солдаты приходили к нему как из минских, так и цинских войск. К нему шли бойцы из местных ополчений. В 1652 году, когда к армии Чжэн Чэнгуна присоединились антиманьчжурские силы всего Юго-Восточного Китая, она насчитывала 170—200 тысяч воинов. Враги даже называли цифру в 270 тысяч человек.

В войсках Чжэн Чэнгуна преобладала легкая пехота — пикинеры и лучники. В боях против маньчжурской конницы пехота ошетикивалась множеством длинных пик, имея на вооружении также мечи, сабли и кинжалы. Часто применялась ядовитая дымовая завеса, именуемая «волчьим дымом». От вражеских стрел пикинеров прикрывали воины со щитами — одинарными, «соединенными» и «плетеными». Во время обстрела для защиты употреблялось «большое ватное одеяло». Важную роль играли лучники. Помимо луков и арбалетов широко использовалось огнестрельное оружие — японские мушкеты и аркебузы, в том числе трехствольные. Артиллерия имела пушки европейского и китайского образцов. Тяжелая пехота состояла из вооруженных секирами латников, защищенных кольчугами, шлемами, железными масками, налокотниками и набедренниками. Одна кольчуга весила до 24 килограммов, поэтому латников набирали из особо сильных

воинов. Их называли «железными людьми» или «тигровой гвардией», поскольку их доспехи раскрашивались красными и синими полосами. Таких воинов у Чжэн Чэнгуна насчитывалось не более 30 тысяч. Вся пехота была босоногой — даже военачальники ходили босиком, так как после дождя люди в обуви увязали в грязи. Если же кто-либо надевал сапоги хотя бы на прием, его выгоняли и лишали наград. Ахиллесовой пятой армии Чжэн Чэнгуна была малочисленность конницы. В этом она заметно уступала маньчжурской. Основной зоной действия сухопутных сил служили приморские районы, где они могли опереться на поддержку флота, островных баз и прибрежных крепостей. Во внутренних районах юго-востока армии Чжэн Чэнгуна помогали отряды местного ополчения.

В начале войны цинский флот был крайне слаб. Командиры не умели вести морской бой, многие страдали от морской болезни. Поэтому Чжэн долгое время владел превосходством на море. Его ударной силой был фуцзяньский флот. Фуцзяньцы были лучшими мореходами в Китае. В состав эскадры Чжэна поначалу входило 30—40 кораблей. Число их постепенно росло: в 1655 году оно достигало 200—300, а позднее — нескольких тысяч. При подготовке похода на Нанкин было построено более 3 тысяч военных джонок. Впрочем, побеждал Чжэн Чэнгун не только числом, но и умением. В знаменитом морском бою 1660 года под Сямэнем у него было вдвое меньше кораблей, нежели у противника, — 400 против 800. Но он заставил врагов занять наветренные позиции и нанес им крупное поражение, пустив ко дну множество цинских судов. В течение нескольких недель обломки кораблей и трупы врагов устилали окрестные берега.

Фуцзяньский флот отличался хорошей маневренностью и высоким качеством вооружения. В морском бою широко применялись всевозможные пороховые огнеметы и такие приемы, как таран и абордаж. Корабли Чжэн Чэнгуна поражали своими большими размерами, прочностью каркаса, крепкими бортами и высокими мачтами. У одних кораблей были узкое днище и широкая палуба, на которой устанавливались пушки европейского образца. В безветрие такой корабль шел на веслах. У других судов были заостренные нос

и корма, а по бортам торчали острые на концах бамбуковые шесты, не позволяющие противнику подойти на близкое расстояние. Между ними располагались бойницы для стрельбы из пушек, аркебуз, мушкетов и луков. И те, и другие суда, однако, были недостаточно устойчивы, что приводило к большим потерям во время ураганов, довольно частых у побережья Юго-Восточного Китая.

Следуя китайской традиции, Чжэн Чэнгун насаждал в армии и на флоте строгую дисциплину и слепое повиновение. Все это вызывало у его подчиненных постоянное чувство страха. Военачальники боялись наказания не только за поражение в бою, но и за насилие над населением. Любое посягательство на имущество местных жителей Чжэн строго карал. Один военачальник, обиравший народ, был казнен, другой получил за это двадцать ударов палками. Особо запрещались грабежи и бесчинства в отношении прибрежного населения, а также изъятие рабочего скота и орудий труда у крестьян. Тем самым Чжэн Чэнгун стремился заручиться народной поддержкой.

Крайне дорожил он союзниками. Когда ему предложили штурмовать город, признававший власть династии Мин, но не подчинявшийся ему лично, Чжэн Чэнгун ответил: «Для меня это неприемлемо!» В другой раз по такому же поводу он заявил: «Выступишь против союзника — сделаешь его врагом». Однако он был беспощаден к тем, кто выступал под знаменами династии Цин. Дабы уstrasить противника, он мог поголовно истребить всех мужчин и женщин в «непокорном» городе.

Чжэн Чэнгун безжалостно убирал с дороги своих соперников. В то суровое время полководцы частенько убивали друг друга, чтобы завладеть войсками убитого, либо устранить слишком сильную фигуру в борьбе за власть, либо наказать того, кого они считали предателем. Чжэн Чэнгун отправил на тот свет двух своих двоюродных дядей. Один из них был изменнически убит в лагере Чжэн Чэнгуна; правда, позднее утверждали, что это произошло без его ведома. Другой на заседании военного совета был приговорен к казни за поражение в бою, но попытался оспорить приговор. Тогда Чжэн Чэнгун, выхватив меч, сам обезглавил его и выставил затем отрубленную голову для всеобщего обозрения.

Чжэн Чэнгун не знал пощады к врагам. Так, он приказал отрезать носы и уши у 4 тысяч пленных цинских солдат и в таком виде отпустить их обратно — к маньчжурам. По его приказу были утоплены в море двести пленных маньчжурских воинов. Зная, как его ненавидят в Пекине, он говорил: «У Цинов кусок застревает в горле при воспоминании обо мне». Враги за голову «мятежного лжеправителя на море» назначили высокую награду. Позднее они разрыли и осквернили все могилы рода Чжэн, что считалось для китайца страшным оскорблением.

Готовясь к походу на запад, Чжэн Чэнгун в конце 1652 года согласился вести переговоры с маньчжурами. При этом он требовал передать под его управление Фуцзянь и признать его «данником» наравне с правителями Вьетнама и Кореи. Переговоры с Пекином длились целый год и обеспечили войскам Чжэн Чэнгуна необходимую передышку. Только тогда завоеватели поняли, что «пират» водил их за нос. Накопив достаточно сил для нового наступления, Чжэн Чэнгун прервал переговоры. Он не согласился сложить оружие даже под угрозой казни отца, братьев и уничтожения всего рода Чжэн.

Вне всякого сомнения, Чжэн Чэнгун считал себя носителем великой исторической миссии. Когда его флот попал в бурю, он в ритуальной одежде вышел на палубу и обратился к Небу с такими словами: «Я возглавил армию и освобождаю Китай. Если воля Неба существует, то пусть духи разберутся, топить ли мои корабли!» Тайфун, однако, не унялся и нанес огромный урон: более ста кораблей потонуло, погибло около 8 тысяч человек, в том числе три сына Чжэн Чэнгуна. Современники пытались объяснить это карой потусторонних сил.

Будучи верноподданным монархистом, Чжэн Чэнгун поддерживал представителей династии Мин как «законных» претендентов на престол. Постоянно говоря о «реставрации» этой династии, он даже свою основную базу — остров Сямэнь переименовал в Сымин («Думать о Минах»). Позднее Тайвань он назвал Дунду Минцзин («Восточная столица династии Мин»). В государстве, которое он создал в южной части Фуцзяни и на прибрежных островах, объектом особого поклонения стал Чжу Юаньчжан — основатель династии Мин. Отметим, что сам Чжэн Чэнгун, хотя и был единовластным

правителем, довольствовался званием «главнокомандующий-усмиритель» и не присвоил себе титул царя или императора, как делали другие.

Подняв в 1646 году знамя борьбы за восстановление династии Мин, дяди Чжэн Чэнгуна признали главой династии минского князя Лу-вана, носившего титул «временного правителя» Китая. Сей «монарх без трона» скитался без пристанища на своем корабле, прозванном «плавающим дворцом», и дяди Чжэн Чэнгуна решили взять его под опеку. Они перевезли Лу-вана к себе в Фуцзянь, приняв при этом особые предосторожности. Дело в том, что Чжэн Чжилун из Пекина уже предлагал им арестовать Лу-вана и с этим трофеем перейти в лагерь завоевателей. Боясь, что маньчжуры сами захватят главу династии, дяди пошли на хитрость. Во время переезда князя спрятали на обычном корабле. В его же «плавучем дворце» и в его одеждах находился двойник. Охране был дан приказ: «В случае нападения цинских войск — удушить и выдать противнику!» Тем не менее Лу-вана благополучно доставили в Фуцзянь, где Чжэны создали ему временную резиденцию. От дядей Лу-ван перешел «в наследство» Чжэн Чэнгуну, который обходился с ним жестко и бесцеремонно. Несмотря на все уговоры, он отказывался признать верховенство «князя-скитальца», который, находясь на правах приживалы, потихоньку спивался и вскоре был вынужден отказаться от титула «временный правитель государства».

В 1648 году Чжэн Чэнгун признал власть минского Гуй-вана (Чжу Юлан), обосновавшегося на юго-западе Китая, и получил от него титул «хоу». Вскоре Гуй-ван пожаловал ему титул «гун», затем «цзюньван» и, наконец, титул «ванн», прислав золотую печать с титулом Яньпин-ван. Тот хранил ее, но не воспользовался ею ни разу, предпочитая свой старый титул «главнокомандующий-усмиритель». Почему же Чжэн отверг власть того, кто находился у него под боком, и признал государем князя, живущего далеко-далеко? Он явно не хотел иметь над собой верховную власть, которую другие могли бы использовать против него самого. Лу-ван в роли правителя легко мог стать орудием интриг и заговоров для устранения Чжэн Чэнгуна от реальной власти. А Гуй-ван в этом плане был для него совершенно безопасен. Видимо, по той же са-

мой причине спившийся Лу-ван был позднее утоплен в море по приказу наследников Чжэн Чэнгуна.

Для Чжэн Чэнгуна как правителя главным была верность конфуцианским традициям. Своим поведением Чжэн хотел показать, что он «благородный человек» — цзюньцзы, для которого превыше всего преданность династии. Он не стал узурпатором трона, похитителем власти законного монарха, не провозгласил себя ни ваном, ни императором. Всячески демонстрируя свою скромность и отсутствие чрезмерных претензий, он остался истинным «конфуцианским военачальником» (жуцзян). Обладая реальной властью, Чжэн Чэнгун даже не присвоил себе титул «временный правитель государства» (цзяньго), оставаясь как бы «местоблюстителем» минского престола. Как истинный конфуцианец, он придавал огромное значение соблюдению положенных обрядов и ритуалов. С большим размахом подобные церемонии проводились им даже на войне — во время походов, когда каждый день и час были на счету. Причем такого рода мероприятия могли длиться четыре дня и более. Современник дал такую картину: «Остановились... и совершили жертвоприношения Небу. Все корабли были собраны в круг. Знамена, снаряжение и парадная одежда — все было красного цвета и издали походило на пламя... Были совершены жертвоприношения духам земли, а также гор, рек, водоемов и морей. Все были в черном и издали напоминали цвет туши... В праздничных одеждах принесли жертвы Тайцзу (Чжу Юаньчжану. — *Авт.*), а затем, надев траурные одежды, принесли жертвы покойному императору (Чжу Юцзяню, повесившемуся в 1644 году. — *Авт.*). Все были в белом и издали напоминали снег. Когда жертвоприношения были окончены, трижды прокричали: “Великий государь!” Военачальники и войска проливали слезы».

Чжэн Чэнгун требовал неукоснительного соблюдения законов, невзирая на лица. Последнее вызвало недовольство части его приближенных, предлагавших смягчить строгость законов. Отвергнув эти просьбы, Чжэн Чэнгун заявил: «Если прежде всего давать послабления, то со злоупотреблениями невозможно будет справиться!» Правитель был предельно строг в случае должностных преступлений чиновников и военных. Самым распространенным видом наказаний в таких

случаях была смертная казнь. Лишь только раз он отступил от этого правила, и чиновник-взяточник был бит плетьюми и выгнан со службы. Когда один из чиновников был уличен в хищении казенного зерна, Чжэн Чэнгун приговорил к смертной казни не только казнокрада, но и всех членов его семьи. Однажды слуга цинского военачальника отрубил своему господину голову и поднес ее Чжэн Чэнгуну. Тот приказал казнить слугу, заявив: «Если рабы убивают своих хозяев, значит, в Поднебесной царит беззаконие!» В другом случае, казнив раба за убийство господина, он щедро одарил семью казненного. И еще пример. Чжэн приказал выдать богатые подарки семье казненного им военачальника, сказав: «В государстве нет частных законов, но я осмеливаюсь оказывать частные милости». Впрочем, будучи самовластным правителем, Чжэн шел и на нарушение закона. Однажды его помощник согласно закону собирался казнить провинившегося, а Чжэн Чэнгун пытался воспрепятствовать этому. Когда же помощник упрекнул правителя в несоблюдении юридических норм, тот приказал арестовать слишком законопослушного подчиненного.

С невероятной строгостью и жестокостью Чжэн Чэнгун оберегал имущество своих «подданных». Независимо от стоимости украденного вора обязательно казнили. Могли сразу же отсечь голову за порубку всего лишь одного ствола чужого бамбука. Страх перед неотвратимостью наказания был столь велик, что сохранился и после падения государства Чжэнов на Тайване. Еще долгое время после этого в лавках товары хранились под открытым небом, и их не осмеливались украсть. Очень строго Чжэн Чэнгун карал нарушителей семейной морали. Неверных жен топили в море, а их любовников забивали палками до смерти. В религиозных вопросах, как и основная масса китайцев, правитель был достаточно мягок и либерален. Сам он не следовал религии отца, принявшего христианское крещение, и оставался ревностным конфуцианцем. В отношении же европейских миссионеров он проявлял достаточную терпимость. Например, разрешил построить католическую церковь на Сямэне напротив своей резиденции. Доминиканский монах, хорошо его знавший, писал: «Хотя он и происходил из христианской семьи, не верил ни в Бога, ни даже в силы ада».

Чжэн Чэнгун был отважным человеком, но как полководец рисковал своей жизнью только в самые критические моменты. Так, он лично руководил обороной Хайчэна и, когда цинская артиллерия разрушила городскую стену, находился в самом опасном месте. Но был ли Чжэн Чэнгун выдающимся стратегом? Мыслил ли он во всекитайском масштабе? На эти вопросы нельзя дать положительных ответов. Десять лет (1646—1656) Чжэн Чэнгун потратил на операции сугубо провинциально-го масштаба — в границах Фуцзяни. Борьба здесь шла за два крупных города — Цюаньчжоу и Чжанчжоу. Неудачные осады сменялись захватом городов, а затем их утратой. Победы чередовались с поражениями. Так, провалом окончилась осада города Фучжоу — столицы Фуцзяни в 1656 году. После поражений войска Чжэн Чэнгуна всякий раз отступали на свою базу — остров Сямэнь. А затем отсюда вновь переходили в наступление. И только в 1657 году, поняв бесперспективность этой тактики, Чжэн начал «поход на Север». Его войска и флот вторглись в провинцию Чжэцзян, овладев крупными городами Вэньчжоу и Тайчжоу. В конце своей жизни, в 1659 году, он решился на дальнюю экспедицию в долину Янцзы.

Тогда почти все «самостоятельные» полководцы крайне ревниво относились к успеху и славе своих соперников. Чаше всего они не желали объединять свои войска с другими или идти на выручку им. Таким же был и Чжэн Чэнгун. Взять хотя бы его взаимоотношения с Чжан Минчжэнем — главой другого, северного центра антицинского сопротивления. Тот базировался на архипелаге Чжоушань и имел стойкую поддержку на материке — со стороны патриотов Цзянсу и Чжэцзяна. По логике вещей, имея общего грозного врага, Чжэн Чэнгун и Чжан Минчжэнь являлись естественными союзниками. Однако они видели друг в друге соперников, за что обоим пришлось дорого заплатить. В 1651 году цинские силы захватили архипелаг Чжоушань, и «северяне» лишились своей морской базы. Чжан Минчжэнь был вынужден присоединиться к «южанам». Весной 1654 года Чжэн Чэнгун послал его на разведку боем в устье Янцзы, дав ему сто кораблей и 20 тысяч солдат и моряков. Эти силы — весьма ограниченные — должны были отвлечь на себя цинские войска и тем самым обеспечить благоприятные условия для операций «южан» в Фуцзяни.

Между тем «второстепенная» операция в Цзянсу с самого начала пошла не так, как запланировал Чжэн Чэнгун. Чжан Минчжэнь сопутствовал крупный успех, разведка боем переросла в крупное наступление, которое могло завершиться захватом Нанкина. Овладевший Южной столицей получал право «восстановить эпоху процветания», то есть речь шла о воссоздании империи Мин и реставрации павшей династии. Между тем осуществить эти «великие планы» стремился сам Чжэн Чэнгун. Когда Чжан Минчжэнь подошел к Нанкину, глава «южан» не пришел на помощь к слишком удачливому сопернику, чтобы общими усилиями одержать победу. Более того, он приказал ему срочно вернуться в Сямэнь, сорвав успешно начатое наступление. Войска и флот Чжан Минчжэня были деморализованы этим приказом.

Чжан Минчжэнь не вернулся в лагерь Чжэн Чэнгуна, а обосновался на островах у берегов Цзянсу и Чжэцзяна. Здесь он вскоре умер при невыясненных обстоятельствах. По одной из версий, он был отравлен. Только через три года после этого Чжэн Чэнгун начал подготовку к своему походу на Нанкин. Для этого он построил более 3 тысяч военных кораблей и собрал 170-тысячное войско. Перед походом он с большой помпой объявил, что намерен продемонстрировать «великую верность», распространить в Поднебесной «великую справедливость», дабы возродить «великое дело». Чжэн Чэнгун рассчитывал укрепиться в долине Янцзы и тем самым расчленить цинскую территорию на две части. Выходом к Великому каналу он намеревался создать угрозу Пекину. Однако этот поход заранее был обречен на провал. Удобное время для наступления в долине Янцзы было упущено. К этому времени маньчжуры и их пособники смели последние очаги сопротивления на юго-западе и спешно перебрасывали высвободившиеся здесь войска в долину Янцзы.

Правда, поначалу казалось, что Чжэн Чэнгуну сопутствует успех. Он занял Чжэньцзян — город на стыке Великого канала и Янцзы. Одновременно сухопутное войско его союзника Чжан Хуанъяня, овладев городом Уси, развернуло широкое наступление в провинции Аньхуэй. Потопив флот противника, Чжэн Чэнгун вплотную подошел к Нанкину. Появление его войск у стен Южной столицы вызвало панику в Пекине.

Напуганные цинские сановники стали поговаривать о перенесении столицы в Маньчжурию. Успех патриотов грозил отрезать южные провинции от государства Цин. Чжэн Чэнгун дал цинскому командованию в Нанкине время для размышления, надеясь овладеть городом без штурма. Он настолько уверовал в успех, что утратил бдительность. В день своего рождения Чжэн Чэнгун устроил грандиозный пир, его участники сняли латы и перепились. Воспользовавшись беспечностью осаждавших, цинский гарнизон нанес неожиданный и очень чувствительный удар. Не успели войска Чжэн Чэнгуна оправиться, как на помощь гарнизону подошли посланные из Пекина

войска. Наступление на Нанкин захлебнулось. Армии Чжэн Чэнгуна грозил полный разгром. Незадачливому полководцу пришлось посадить войска на корабли и вернуться ни с чем в Сямэнь. В погоню за ним были посланы все наличные военно-морские силы Цинской империи. И здесь Чжэн Чэнгун отыгрался за свою неудачу на суше. В 1660 году под Сямэнем в гигантском морском сражении он разгромил вражескую армаду, вдвое превосходившую его флот.

Провал похода в долину Янцзы красноречиво свидетельствовал о коренном переломе в войне. На суше хозяином положения стала династия Цин. Ее войска разгромили все очаги сопротивления на материке, кроме юго-востока, где еще сражались союзные Чжэн Чэнгуну отряды. Собственные же его силы были вытеснены победителями на острова Сямэнь и Цзиньмэнь. Однако и на море Чжэн Чэнгун не мог чувствовать себя спокойно — маньчжуры развернули массовое строительство боевых судов. Кроме того, на помощь цинскому

Маньчжурский пеший воин

флоту пришли голландские корабли Ост-Индской компании. Дабы изолировать Чжэн Чэнгуна и лишить его поддержки со стороны населения прибрежных провинций, завоеватели в 1661 году осуществили «выселение с приморья». Миллионы людей из прибрежной широкой полосы безжалостно согнаны в внутренние районы. Лодкам запрещалось выходить в море. Маньчжуры надеялись таким образом обессилить Чжэн Чэнгуна и принудить его к капитуляции. Быстро таяли и вооруженные силы Чжэн Чэнгуна. В старые добрые времена его армия насчитывала до 270 тысяч человек, теперь же — в девять раз меньше. Сознывая бесперспективность дальнейшей борьбы против маньчжуров на материке, Чжэн Чэнгун принял решение оставить материк, сохранив за собой Сямэнь и Цзиньмэнь, и изгнать голландцев с Тайваня, обосноваться на острове, превратив его в основную базу затяжной войны против завоевателей. «Бросок» на Тайвань был сугубо вынужденной мерой, дабы избежать неминуемого разгрома.

В апреле 1661 года в Тайваньский пролив вышла армада из 8 тысяч судов — военных, десантных, грузовых и иных джонок. В их числе было 900 боевых кораблей. На отвоевание Тайваня Чжэн Чэнгун вел около 30 тысяч воинов. Перебросив сюда почти все свои силы с материка, он оставил крупные гарнизоны лишь на двух укрепленных островах у берегов Фуцзяни — Сямэне и Цзиньмэне. В мае 1661 года на Тайване высадился десант — 25 тысяч воинов. Потопив часть голландских кораблей и взяв без боя форт Провидение, китайцы осадили форт Зеландия. В это время Чжэн Чэнгун получил известие о казни отца, братьев и других родственников, арестованных в Пекине.

Многократное превосходство сил позволило ему не спешить с разгромом голландцев, а предложить им компромисс: «Земля эта издавна принадлежит нам, и следует возвратить ее нам. А свои драгоценности возьмите с собой, сколько хотите, и уезжайте!» Но гарнизон Зеландии сдаться отказался. Осада продолжалась более семи месяцев. И только в феврале 1662 года голландцы во главе с губернатором Тайваня Ф. Койетом капитулировали и покинули остров. Чжэн Чэнгун дал им возможность забрать все имущество, запастись водой и продовольствием и подобру-поздорову убраться на Яву. Колониальное господство Ост-Индской компании рухнуло. Чжэн

Чэнгун оказался владыкой огромного острова, чье население приветствовало его как освободителя. Здесь он воссоздал свое «царство», утраченное на материке.

Поскольку тайваньское государство формально считалось частью империи Мин, остров был переименован в «Восточную столицу династии Мин» (Дунду Минцзин). Никто не был провозглашен императором, временным правителем или регентом. Островом управлял «главнокомандующий-усмиритель», который со своими помощниками совершал верноподданнический ритуал перед пустующим тронem. Так возникла «монархия без монарха» — курьез, редко встречающийся в мировой истории. Как только историки не называли Тайваньское царство — «пиратское государство Коксинги», «независимое владение», «самостоятельное государство патриотов», «база для борьбы с завоевателями». Вся власть на острове принадлежала «главнокомандующему-усмирителю» Чжэн Чэнгуну. Европейцы именовали его «королем Формозы». Будучи правителем Тайваньского «царства», он так и не взошел на трон, а умер «в чине» полководца. После его смерти на острове двадцать лет правили его наследники — сын и внук. Таким образом, Чжэн Чэнгун фактически стал основателем новой династии. Между тем последний законный минский император Гуй-ван (Чжу Юлан) в том же 1662 году был казнен У Саньгунем в главном городе Юньнани — Куньмине.

После захвата маньчжурами Юньнани в 1662 году и разгрома патриотических сил на материке государство Чжэнов на Тайване стало последним оплотом антицинской борьбы. Чжэны всячески обустроивали свое «царство». Была проведена административная реформа, сформирован чиновный аппарат. Земли компании, или «королевские поля», перешли в казенную собственность. Армию Чжэн Чэнгун перевел на самообеспечение, создав военные поселения, где солдаты совмещали занятие воинским делом с сельским хозяйством. Чжэны начали чеканить собственную монету. Чжэн Чэнгун всемерно укреплял свои армию и флот, надеясь вернуться на материк. Готовился им и еще один заморский поход — на Филиппины, где испанские колонизаторы периодически устраивали массовую резню хуацяо — китайских переселенцев. Узнав о планах Чжэн Чэнгуна, испанцы в 1662 году со-

знательно спровоцировали восстание хуацяо и потопили его в крови, чтобы лишить армию и флот китайцев возможной поддержки. Готовя военную экспедицию на Лусон, Чжэн намеревался отомстить за эти зверства, а заодно расширить за счет Филиппин свое «царство» и создать новую тыловую базу на случай потери Тайваня. Однако внезапная болезнь и смерть помешали осуществлению этих планов.

Чжэн Чэнгун умирал в бессильной ярости, сознавая крушение всех своих планов. Хотел изгнать «северных варваров» из Поднебесной. Хотел возродить империю Мин и старую династию. Хотел въехать в Нанкин победителем. Хотел восстановить господство своего рода в Фуцзяни. Хотел отомстить за казнь отца и братьев, за смерть матери, за разорение родного гнезда. Ничего из этого не сбылось. Более того, от его армии осталась малая часть. Его вытеснили с материка на полудикий остров в море. Его союзник по борьбе Чжан Хуаньянь перед смертью сказал: «Умер отец — не смог похоронить, гибнет государство — не смог спасти, умираю с чувством неискупленной вины!» С такими же чувствами уходил из жизни и Чжэн Чэнгун — «король Формозы». Но в историю Китая он вошел как национальный герой и кумир тайваньских китайцев.

Нам осталось кратко сказать о дальнейшей судьбе Тайваньского «царства» и династии Чжэнов. После смерти ее основателя в борьбе за власть победил его старший сын Чжэн Цзин, правивший до 1681 года. Во время «войны трех князей-данников» (1673—1681) его армия и флот приняли активное участие в боевых действиях на материке. Война окончилась поражением антиманьчжурской коалиции и истощением сил государства Чжэнов. Чжэн Цзину наследовал его сын Чжэн Кэцзан, но его тут же задушили, а на престол возвели малолетнего Чжэн Кэшуана. Внутренние распри привели к упадку, и островное государство не могло противостоять нападению цинской армии. Лишь на архипелаге Пэнху патриоты героически сражались целую неделю, потеряв 12 тысяч бойцов. Осенью 1683 года Тайваньское государство и династия Чжэнов прекратили свое существование практически без борьбы. Тем самым завершилось маньчжурское завоевание Китая, начатое в 1644 году.

Часть четвертая
Под гнетом чужеземцев.
Эпоха Цин

Кому вести дела при малолетнем
императоре Сюанье? Обой и Сонготу

Знаменитый китайский император Сюанье был современником Петра Великого в России и Людовика XIV во Франции. Его сравнивали (и до сих пор сравнивают) с русским царем-преобразователем и с французским Королем-Солнце, ставя всех троих на одну доску. Но если у Петра I насчитывалось свыше 15 миллионов, а у Людовика XIV — более 20 миллионов подданных, то Сюанье правил империей с населением свыше 130 миллионов человек. О нем как об образцовом монархе с восторгом говорили жившие тогда в Китае европейские миссионеры. Именно в его правление началась «Эпоха процветания Канси-Цяньлун», воспетая китайскими историками. О нем много писали на Западе. Здесь его называют Канси (Прорастающее и Лучезарное правление) по девизу царствования. Его превозносят и современники, и более поздние авторы. Сравнивают «эпоху Канси» с европейским Ренессансом. Славят Сюанье как мудрого государя. Восхваляют его военные доблести, гуманизм и любовь к народу,

приравнивая богдохана к идеальным правителям древнего Китая. Восхищаются эрудицией Сюанье, знанием естественных наук, его талантом политика, великодушием по отношению к подчиненным, бережливостью и справедливостью. Его наделяют чертами миролюбца и мудреца, великого воителя и милосердного монарха.

Этого богдохана возвел на престол случай, а точнее, эпидемия оспы, свирепствовавшая в Пекине. От нее 5 февраля 1661 года в возрасте 23 лет скончался его отец — император Фулинь. За три дня до этого у постели умирающего собрался совет сановников — высшая маньчжурская аристократия. Еще будучи в сознании, богдохан назвал имена четырех регентов-правителей. Это были князья Сони, Эбилунь, Сукзаха и Обой (Аобай), которые оказали Фулиню помощь в разгроме мощной группировки князя Доргоня в 1651 году. Им надлежало ведать страной до совершеннолетия нового Сына Неба. Но кто же унаследует «драконовый трон»? Все сыновья императора несовершеннолетние. Кого же из них избрет Десятитысячелетний Господин? Ответ уходящего в вечность богдохана был вполне разумен — на престол взойдет тот, кто переболел оспой и уже имеет иммунитет против нее. Таким был только один — третий сын Фулиня семилетний Сюанье (Синяя Молния). И члены совета, и регенты согласились — это единственный выход из опасной ситуации. Иначе оспа унесет с собой всякого другого Сына Неба, не защищенного от нее. Так Сюанье стал наследником престола. До этого мальчик жил под присмотром нянек и кормилиц в небольшом загородном дворце к западу от Пекина. Его детские игры были внезапно прерваны приездом множества совершенно незнакомых взрослых, павших, к его немалому удивлению, перед ним на колени и совершавших земные поклоны. Через двенадцать дней после смерти отца его торжественно отвезли в императорский дворцовый комплекс в Запретном городе Пекина и возвели на трон, провозгласив императором с девизом правления Канси.

Здесь, в Запретном городе, мальчик-император попал в руки дворцовых евнухов. Через два года умерла его мать — императрица Сяокан, дочь известного маньчжурского военачальника Дундулая. Воспитанием Сюанье занялась вдовствующая

императрица Сяочжуан — монгольская принцесса, дочь хорчинского князя. Как будущий воин, он прошел курс обязательного маньчжурского обучения — верховая езда, стрельба из лука, владение мечом и копьем. Кроме того, он получил китайское классическое конфуцианское образование. Тем самым Сюанье сочетал в себе черты маньчжурского военачальника и китайского «ученого мужа». Его возвели на трон семилетним мальчиком в 1661 году. Править же страной он начал лишь в 1679 году, будучи двадцати пяти лет от роду. Между этими веками протекло восемнадцать лет. Чем занимался юный Сын Неба в это время? И кто за него управлял Цинской империей? И вмешивался ли он сам в политику до 1679 года?

В течение восьми лет (1661—1669) за мальчика формально правили четыре регента. Лидерство в Регентском совете сразу же захватил энергичный, волевой и жестокий Обой, которого активно поддерживал его верный союзник Эбилунь. Старик Сони, по сути, отошел от политики, особого влияния на дела регентства не имел и умер в 1667 году. Враг Обоя Сукзаха оказался в изоляции. Дабы сохранить себе жизнь, он попросил Обоя об отставке с поста регента. Однако уйти живым ему не дали. В 1667 году Сукзаха был обвинен в преступлениях, отдан под суд и казнен. Вслед за ним на плахе сложили головы его сыновья и прочие родственники. В роли регента Обой правил Цинской империей фактически единолично в течение восьми лет. Вокруг него сложилась мощная клика приверженцев. В ней помимо Эбилуня выделялся глава Императорского секретариата Бамбурсань — внук Нурхаци, основателя маньчжурского государства. Обой стал обрастать не только клевретами, но и огромными феодальными поместьями.

Для сохранения личной власти Обою приходилось держать маньчжурскую верхушку в постоянном страхе. Самовластно верша государственные дела, он беспощадно устранял своих противников. Явные и скрытые распри в верхнем эшелоне власти ослабили цинский режим.

Все это происходило на глазах у молодого богдохана, который ничего не мог поделать с наглым узурпатором. В это время в жизнь юного монарха вошел сановник Сонготу — сын старого Сони, человек, по духу близкий Сюанье, получивший, как и он, не только маньчжурское воспитание, но

и классическое китайское образование. В 1665 году, одиннадцати лет от роду, Сюань женился на племяннице Сонготу, хотя Обой всячески пытался расстроить этот брак. Племянница Сонготу стала императрицей Сяочэн. В 1668 году, когда Сюань исполнилось четырнадцать лет, он достиг совершеннолетия и по маньчжурским законам должен был править уже самостоятельно, ибо права регентства на этом кончались. Но Обой не думал отдавать власть. Тогда старший годами и богатый жизненным опытом Сонготу предложил молодому монарху свергнуть зарвавшегося узурпатора. Что и было сделано в 1669 году. События тех дней существуют в нескольких версиях. Вот одна из них.

За неделю до ареста Обой заболел и лежал в своих покоях, накрытый широкой собольей шубой. Его посетил Сюань со свитой. Такой визит считался великой честью. Внезапно один из сопровождающих монарха телохранителей откинул шубу, и глазам вошедших явилось спрятанное там оружие — короткий меч, носимый обычно за спиной. Все замерли от неожиданности. Первым пришел в себя Сюань. Улыбнувшись, юноша спокойно сказал: «Обой — настоящий маньчжур-воин! Даже когда лежит больной, он держит при себе оружие! Значит, он может в любой момент вскочить с ложа, чтобы защитить своего императора!» После этого инцидента Сюань и Сонготу поняли, что дальше медлить нельзя. Понимая, что издать указ об аресте Обоя нельзя, ибо в руках регента не только армия, но и дворцовая стража, Сюань и Сонготу пошли на хитрость.

14 июня правителя вызвали к монарху на частную беседу. Отобрав из своего окружения нескольких сильных и ловких юношей, Сюань приказал им изобразить играющих в прятки во дворе, через который должен был идти Обой. Всемогущий регент, как и положено, оставил своих сопровождающих за воротами и шествовал, не глядя себе под ноги, через двор. Тогда один из «играющих ребят» бросился ему под ноги. Величественный Обой рухнул на плиты двора. А тут остальные как бы в шутку набросились на князя, заломили ему руки назад и со смехом потащили свою «добычу» на задний двор — в решетчатую каморку. Там ему позднее и зачитали указ о его преступлениях и наказании.

По другой версии, Сюанье вызвал Обоя в Южный библиотечный кабинет, где его ждали несколько придворных из ближайшего окружения юного богдохана. Когда Обой вошел, они набросились на него, заломили руки за спину и заставили встать на колени перед Сюанье. Затем регенту приказали «согреть руки» — подали чайную чашу, до предела раскаленную в кипящей воде. Когда князь ее выронил, придворные повалили его ничком на пол, и Сюанье в гневе воскликнул: «Обой всемогущ, но непочтителен!» А непочтительность в отношении Сына Неба считалась тягчайшим преступлением. После этого «дерзкого» поволокли в темницу.

Бытует еще одна версия. В тот день, 14 июня 1669 года, все- сильный правитель Цинской империи был приглашен во дворец по какому-то конкретному вопросу. Регент предстал перед Сюанье. А тот в виде особой милости предложил ему сесть в кресло, у которого одна из ножек была заранее подпилена. Когда грузный Обой сел, ножка отвалилась и князь-регент повалился на пол. К нему бросились, схватили, обвинили в «неуважении к императору и бестактности». А затем до окончательного решения препроводили в дворцовую тюрьму.

На публичную казнь поверженного диктатора не решились. За былые ратные и иные подвиги регенту оказали особую милость — даровали императорское разрешение на самоубийство. Но день шел за днем, а орудий суицида (шелковый шнур, меч, золотая фольга и т. д.) ему не посылали. Вместо этого в тюремную камеру Обоя ночью впустили дворцового борца-атлета. Он-то и задушил его.

Император Сюанье в молодости. Изображен в церемониальном одеянии, расшитом изображениями дракона — символа императорской власти

После этого клика Обоя была разгромлена. Многие его соратники, и среди них Бамбурсань, сложили головы на плахе, а Эбилуня отстранили от дел. И маньчжуры и китайцы встретили расправу над ненавистным диктатором как очищение от скверны, как доброе и многообещающее начало правления самого Сюанье.

Считалось, что после свержения Обоя управление Цинской империей перешло к юному монарху. Между тем ведение государственных дел взял в свои руки Сонготу, который правил страной почти десять лет (1669—1679), став главой Императорского секретариата и фактическим руководителем правительства. В 1672 году он получил титул «Великий воспитатель наследника престола». Как дядя императрицы и воспитатель наследника, Сонготу обрел большую власть и особый почет при дворе. Он стал главой господствующей группировки, куда входили и два его брата. Такое положение позволило ему накопить несметные богатства.

Царственный юноша в то время был занят учебой. Его отличали любовь к стихосложению и чтению. Позднее с неподдельным интересом и усердием под руководством миссионеров-иезуитов богдохан изучал геометрию, тригонометрию, астрономию, естествознание, философию, физику и медицину. Погрузившись в интеллектуальные занятия и отдавая дань утехам молодости, Сюанье предоставил шурина вести повседневные дела правления. Долгое время это его устраивало.

До 1673 года отношения между Сыном Неба и его «соправителем» оставались безоблачными. Они нарушились с обострением проблемы «трех князей-данников». Речь шла об У Саньгуе, Шан Кэси и Гэн Цзинчжуне — главах трех автономных княжеств в Южном Китае. Особую опасность для маньчжуров представляли их профессиональные и боеспособные армии, причем наибольшими силами располагал У Саньгуй. Дальновидный Сонготу сделал ставку на мирное и постепенное «развязывание узла» через заключение договоров на почетных условиях с каждым из этой троицы. Соглашение со старым и больным Шан Кэси уже находилось в стадии подготовки, и обе стороны торговались по конкретным деталям. На очереди стояли переговоры с Гэн Цзинчжуном. После выхода двух князей из игры У Саньгуй оказался бы в изо-

ляции и был обречен на капитуляцию. Этот вполне реальный план сорвали два максималиста — У Саньгуй и Сюанье. Первую мину под мирное решение вопроса заложил почуявший опасность У Саньгуй. При его активном содействии в Пекине возник заговор сторонников «трех князей-данников» с целью физического уничтожения Сюанье, Сонготу и ведущих маньчжурских князей. В праздник Нового года пленные китайцы, обращенные завоевателями в придворных рабов, должны были перебить всю правящую верхушку в стенах дворца. За оружие готова была взяться также оттесненная маньчжурами бывшая минская элита — китайские чиновники, военные, шэньши и их окружение. Но заговор был раскрыт.

В пылу гнева и юношеской горячности Сюанье потребовал немедленной ликвидации княжеств. Вопреки мудрым советам опытного Сонготу и большинства сановников нетерпеливый Сын Неба в ультимативной форме потребовал отозвать из княжеств правительственные гарнизоны, отобрать у удельных властителей их войска, а самих вызвать в Пекин. «Старческим» колебаниям и дряблости группировки Сонготу богдохан противопоставил решительность сановников во главе с Мишанем и Минжу, поддерживавшими линию монарха. С этого началась серьезная размолвка между государем и его «соправителем». Князьям был послан грозный ультиматум. У Саньгуй только этого и ждал. Отложившись от Цинской империи, он двинул свою армию в наступление. Так разразилась ожесточенная война «трех князей-данников», охватившая десять провинций и длившаяся восемь лет (1673—1681). Сонготу потребовал наказать тех, кто ее развязал, то есть Мишаня и Минжу. Однако Сюанье их не выдал, что усугубило разногласие между государем и его «первым министром». Сюанье надеялся разом прихлопнуть мятежных князей, увенчав себя воинской славой. Между тем война началась с отступления и поражения цинских войск. Казалось, что маньчжурское господство к югу от Янцзы вот-вот рухнет. Это явилось ледяным душем для юного монарха. Досада и стыд за свое легкомыслие заставили Сюанье задуматься. Сей горький урок побудил его в дальнейшем вести себя предельно осмотрительно, действовать расчетливо и без спешки, подчинять чувство рас судку. Сюанье вновь как бы отошел от дел, предоставив дру-

гим расхлебывать заваренную им кровавую кашу. Перед всем двором и сановниками государь предстал не в лучшем виде, «первый министр» оказался умнее его. Монархи такого не прощают!

В 1679 году война «трех князей-данников» вступила в стадию равновесия. Появилась надежда на победу Цинской империи. Вот тогда-то Сюанье решил наконец взять бразды правления в свои руки и потихоньку устранить Сонготу. Богдохан стал возвышать врагов «первого министра» — Минжу и его группировку. Это послужило сигналом для придворных, желавших избавиться от всесильного вельможи. Начались доносы. В сентябре 1679 года глава цензората подал императору доклад о разгуле коррупции в высших сферах, явно намекая на Сонготу. Сюанье издал на сей счет особый указ и зачитал его перед специально собранными сановниками. Все поняли, что он направлен в адрес «первого министра». Припомнили, что в 1673 году он-де пытался сохранить власть «трех князей-данников», да мудрый император ему не позволил! Испытывая к Сонготу чувство уважения и благодарности, Сюанье не стал грубо и сразу «свергать» дядю жены с вершины властной пирамиды, как это было с ненавистным Обоєм. Власть у своего родственника молодой богдохан отбирал мягко и постепенно, в течение трех лет — с 1678 по 1680 год. Отнимая у него властные должности, император давал ему почетные синекуры. В 1680 году Сонготу был выведен из Императорского секретариата, и влияние его стало резко падать, хотя какое-то время он оставался на виду.

В 1679—1680 годах Сюанье взял всю власть в свои руки. С этого времени и началась «эпоха Канси», то есть реальное правление самого монарха. Перед удивленными сановниками предстал совсем иной богдохан. От прежней юношеской горячности и необдуманности, от былой импульсивности и эмоциональности не осталось и следа. На «драконовом троне» сидел мудрый государственный деятель и осмотрительный политик. В нем сочетались твердость и гибкость, стремление к золотой середине, постепенность и умеренность в трансформации режима. Укрепив свою личную власть, молодой монарх заметно ослабил позиции Совета князей-регентов и сановников. Вместе с тем Сюанье всячески подчеркивал

свое внимание к этому органу маньчжурской аристократии и удовлетворял ее честолюбие, постоянно спрашивая совета у этих государственных мужей. В конечном счете император самостоятельно принимал окончательные решения, но всегда демонстративно подчеркивал роль Совета князей. Тем не менее Сюанье сам руководил завершением «войны трех князей». В декабре 1681 года пал последний оплот мятежников. Наученный горьким опытом, теперь он избегал торопливости и риска. Тщательно готовил широкомасштабную десантную операцию против острова Тайвань. Здесь доживало свои последние дни «государство Чжэнов» — наследников знаменитого Чжэн Чэнгуна. С захватом в 1683 году Тайваня Сюанье стал богдоханом, завершившим завоевание Китая. Особой заслуги императора в этом не было. Сам он на театр военных действий не выезжал, а противник оказался изначально обречен на поражение. Тем не менее вся слава неизбежной победы досталась Сюанье, сделав его «воителем», коему сопутствует удача. Захватив Тайвань, император разделался с «делами на юге» и перешел к решению «северных» проблем. Здесь перед ним стояли два препятствия — русские на Амуре и ойраты в Халхе (Северная Монголия). Еще в 1688 году возникла серьезная угроза в Монголии. Вторгшийся в Халху ойратский хан Галдан захватил ее территорию.

Предстояла война с Московским государством за обладание бассейном среднего течения Амура. С созданием там русскими Албазинского воеводства обострились шедшие еще с 50-х годов XVII века военные действия. Это создавало угрозу Маньчжурии — «священной родине» и «домену» династии Цин. По приказу Сюанье в 80-х годах вдоль северных границ маньчжурских владений была построена укрепленная линия — Ивовый палисад (Любянь) общей протяженностью более 900 километров. Между Ивовым палисадом на юге и русскими владениями на севере лежали дикие леса, горы и реки, огромная необжитая и ничейная зона шириной от 500 до 1000 километров. После завоевания Тайваня Сюанье все внимание сосредоточил на борьбе с Московским государством. В течение нескольких лет он основательно готовился к схватке с русскими. Длительная упорная борьба за русскую крепость Албазин в 1685–1686 годах привела к заключению

в 1689 году Нерчинского договора. Это был первый в истории договор Китая с западной державой. Правительство царевны Софьи вынуждено было отдать значительную часть Албазинского воеводства, срыть крепость Албазин и выйти из войны, договорившись с Пекином об общей границе в верхнем течении Амура. Численный перевес цинских войск оказался столь велик и очевиден, что от Сюанье не потребовалось ни личного присутствия, ни дипломатического мастерства. Конфликт с Московским государством он разрешил с позиции силы. Помимо бывших русских владений в Приамурье к Цинской империи отошла и огромная ранее ничейная буферная зона в Северной Маньчжурии. Цинский рубеж продвинулся далеко на север. Это был большой военный успех, закрепивший за Сюанье славу победоносного воителя.

Выдающийся правитель Цинской империи богдохан Сюанье

Порывы ледяного ветра несли из пустыни Гоби мелкий песок. Он забивался во все щели и хрустел на зубах. Солдаты цинской армии — маньчжуры, монголы и китайцы — зябли и жались к слабому пламени костров. Сюда, в малонаселенную и открытую всем ветрам Южную (Внутреннюю) Монголию, войска императора Сюанье вернулись из успешного похода в Халху. В июне 1696 года в битве у Чамдо на реке Терельджин-гол они наголову разгромили войско ойратского правителя Галдана Бошокту-хана, стремившегося объединить под своей властью всех монголов — ойратов, халхасов и южан. Теперь же, зимой, армию разместили, по сути, под открытым небом. Палатки, шатры, навесы и жалкие костры не спасали от холода и ветра. К крепким морозам добавилась нехватка продовольствия и фуража для лошадей и верблюдов.

В войсках начался приглушенный ропот, от солдат и офицеров он перекинулся к военачальникам. Все знали, что находящийся при армии император в своей ставке в городе Нинся жаждет захватить Галдана живым или мертвым. Что уже есть приказ Сына Неба опять идти походом на Халху, что-

бы добыть голову ойратского хана. Но в Халхе выпал такой глубокий снег, что кони не могли копытами добывать себе оставшуюся с осени траву. Зная все это, военачальники — маньчжурские князья не сразу, однако, решились обратиться к императору с просьбой отложить выступление. Их разногласия с Сюанье по поводу ведения войны назревали давно. Сюанье нужна была скоротечная, рискованная и беспощадная кампания, рассчитанная на уничтожение Галдана и его войска. Они же желали затяжной борьбы без особого риска. Поначалу, то есть с 1690 года, они именно так и действовали, но в 1696 году Сюанье взял руководство в свои руки, создал 85-тысячную армию, перебросил ее через пустыню Гоби и глубоко вторгся в Халху. Военачальники-князья сделали попытку вернуться к своему «спокойному» варианту. В мае 1696 года дядя императрицы — князь Сонготу, канцлер Исанья, дядя богдохана по материнской линии князь Дунговэй и другие сановники, якобы боясь за жизнь Сына Неба, подали ему доклад с советом вернуться в Пекин. Мол, не дело, когда богдохан покидает столицу и как обычный полководец ведет войска в глубину суровой северной страны, лежащей далеко за Великой стеной! Для этого есть опытные военачальники! Император же должен править, сидя в своем дворце на «драконовом троне». Прочитав сей документ, Сюанье понял, зачем его так заботливо хотят удалить из армии. Не выйдет!

Когда авторов доклада торжественно впустили в желтый огромный шатер Сына Неба, разразилась буря. Богдохан вскочил с походного кресла-трона. Всегда сдержанный и уравновешенный, Сюанье топал ногами и в бешенстве кричал над их склоненными головами: «Мы казним тех, кто не идет отважно вперед! Мы покараем топчущихся на месте и отступающих! Раз наша армия прибыла уже сюда, Галдана нужно схватить и уничтожить! Как же можно трусливо отступить?!» Он был страшен в неистовом гневе. Таким его никогда не видели, и это поразило их больше всего. Поняв, что перечить и бесполезно и опасно, князья и сановники, пятась и низко кланяясь, покинули шатер.

И вот в декабре 1696 года конфликт возник снова. Князья и сановники опять решились перечить своему повелителю. Они собрались в одном из внутренних дворишков местно-

го ямэня в Нинся, превращенном во временную резиденцию богдохана. Вместе с несколькими чиновниками императорского двора их провели в покои Десятитысячелетнего Господина. Едва выйдя к ним, он все понял, и его лицо окаменело. После обычных коленопреклонений и земных поклонов вперед вышел один из чиновников Дворцового управления. Пав на колени, он подал Сюанье доклад, почтительно, но твердо сказав при этом, что армия ощущает недостаток продовольствия и в случае похода скоро кончатся съестные припасы, предназначенные для Сына Неба и его свиты. Подтекст сказанного был предельно ясен — бросок в Халху надо отложить! И вновь, как в мае, повторилась сцена монаршего гнева. Однако на этот раз ярость, клокотавшая в императоре, вылилась не в крик, а в действие. Скомкав доклад в руке, Сюанье кивнул на смельчака и негромко приказал: «Схватить бунтовщика. Плаху под мои окна. Казнить. Палача сюда. Живо». В наступившем мертвом молчании чиновника вывели во двор, под окнами появилась переносная плаха, глухо прозвучал удар тяжелого двуручного меча, и палач поднял за косу отрубленную голову. Все молчали. Тогда заговорил Сюанье: «Я лучше буду есть один снег, но не поверну обратно свои войска. Запомните это!» Тем не менее император отложил зимний поход.

Борьба с Ойратским (Джунгарским) ханством из-за Халхи потребовала от молодого властелина тонкого расчета, хитрости, лицемерия, терпения, смелости, решительности, мобилизации всех духовных сил. Сюанье всемерно стремился предотвратить возникновение на северо-западной границе Цинской империи единого Монгольского государства. В нем богдохан видел реальную опасность и грозное препятствие для будущей маньчжурской экспансии. В самой Халхе Сюанье умело натравливал одних ханов на других, а когда те слабели во взаимной борьбе, стремился стать арбитром, потихоньку подчиняя себе и тех и других. Феодалная раздробленность и постоянные междоусобицы делали эту страну доступной для иностранного подчинения. Грозным претендентом на эту лакомую добычу и опасным соперником Сюанье явился ойратский хан Галдан, стремившийся объединить под своей властью всех монголов. В этом ему всячески помо-

гали иерархи ламаистской церкви Тибета и правители Лхасы, давшие своему воспитаннику и союзнику титул «Бошоктухан», то есть «Благословенный владыка». На первой, дипломатической, стадии борьбы против него Сюаньэ проявил себя тонким и умным политиком старой китайской имперской школы. Им в ход было пущено все — нарочитая поза «миротворца», справедливого посредника, вдохновенного моралиста, и «отеческое» увещевание, и аффектация «дружеских» чувств. Лицемерие, вероломство и обман сочетались с умелым разжиганием конфликта, направлением его в нужное Пекину русло. Параллельно велась скрытая подготовка грозной воинской силы для неожиданного удара по обманутому пышной риторикой Галдану. Своим советникам Сюаньэ говорил: «Если... я лично не схвачу и не уничтожу этого бандита, то буду сожалеть», а самому «бандиту» в то же самое время он предлагал «установить навеки мир и дружбу».

При этом навязчиво повторялся тезис об изначальной подчиненности всех монголов династии Цин, о необходимости присылать «дань» и самим приезжать на поклон к богдохану. Только Сын Неба может разрешить запутанные и кровавые дразги халхаских ханов и тайджи, а главное — их конфликт с ойратами. Только он в состоянии разобраться со своими «данниками». Как и все императоры Китая, Сюаньэ считал себя всемирным монархом — правителем всей суши, то есть Поднебесной. «Мы (то есть Сюаньэ. — *Авт.*) управляем Вселенной. Народы всей земли — наши дети», — провозглашал он, подчеркивая свое одинаковое «отеческое» отношение как к своим («внутренним»), так и к чужим («внешним») народам — «детям». Претензии Сюаньэ на мировое господство и восприятие «внешних» стран и государей только как изначальных «данников» династии Цин проистекали из древней концепции «мироустроительной миссии», провиденциального предназначения богдохана, его «священного» права и сакральной обязанности перед Небом мирить и карать, поощрять и порицать, увещевать и поучать, судить и миловать правителей соседних стран. Маска миротворца и благодетеля, воспитателя и честного судьи, слова о милосердии, «забота» о судьбах монголов и ведение двойной игры — все было пущено в ход Сюаньэ.

Когда началась халхаско-ойратская война 1687—1688 годов, Сюанье и не подумал прийти на помощь своим «детям»-халхасам, а умело разыграл роль нейтрального и объективного арбитра. Прежде всего ему надо было поставить на колени строптивых, гордых и заносчивых потомков Чингисхана в Халхе. Сознательно подведя их под разгром со стороны Галдана, Сюанье сделал их более послушными. После сокрушительного поражения местных феодалов в сражении у озера Ологой (Олохой-нор) 28—29 августа 1688 года сотни тысяч их подданных, бросив скот и кибитки, бежали в Южную (Внутреннюю) Монголию под защиту Сюанье. Это поставило светских и духовных иерархов Халхи в безвыходное положение. Они были вынуждены принять подданство Цинской империи, тем более что самовластие Галдана страшило их больше, нежели маньчжурское господство. Тем самым Сюанье получил великолепный предлог для покорения Халхи под видом ее «защиты» от Галдана. Только после того, как разгромленные им ханы, князья и церковные владыки Халхи осенью 1688 года признали над собой власть императора, Сюанье вступил в Халху во главе большой армии. Ему уже не надо было ее завоевывать, но следовало защитить свое новое приобретение от рук соперника. Обстановка складывалась удачно для Сюанье — в тылу Галдана восстал его племянник Цэван Рабдан, захвативший власть в Джунгарии. Сюанье поддержал последнего, а также противников Галдана в Лхасе.

С середины 1690 года Сюанье, сбросив маску миротворца, включился в войну за Халху. Однако 21 июля 1690 года цинские войска были разбиты Галданом в сражении на реке Урхуй (Ульхун) близ Великой Китайской стены. Все помыслы Сына Неба сосредоточились теперь на уничтожении Галдана. Ненависть к хану была столь велика, что, будучи больным, Сюанье осенью 1690 года лично возглавил свою армию. Он опасался, что его военачальники упустят Галдана. Противника следовало удерживать в непосредственной близости от старых цинских границ у Великой стены, не дать ему уйти на север, где он стал бы недосыгаем для богдохана. Император всеми силами стремился избежать долгой изнурительной маневренной войны в бескрайних степях Халхи. Война должна быть скоротечной. Для достижения этого Сюанье вновь про-

явил первоклассные способности дипломата. Он уверял ненавидимого им хана, что цинские войска напали на него без санкции императора, что они были посланы только для «беседы» с Галданом и для установления «дружбы» с ним. Дабы усыпить бдительность врага, Сюанье затеял «деловую» переписку с Галданом об их якобы предстоящей встрече, серьезных переговорах, выполнении им требований хана и установлении «вечной дружбы».

Усыпив таким образом бдительность Галдана, Сюанье нанес ему неожиданный удар. 3 сентября 1690 года цинские войска под командованием князя Фуцюаня застали врасплох и разбили силы ойратов у Улан-Бутуна (во Внутренней Монголии). Борьба за Халху оказалась наполовину выигранной. Сюанье поспешил политически оформить результаты своей победы. В последних числах мая 1691 года в окрестностях озера Долоннор он организовал съезд (чулган) ханов, дзасаков и нойонов Северной и Южной Монголии, где было объявлено о включении Халхи в состав Цинской империи. Сюанье восседал на троне, а монгольские феодалы совершили перед ним «три коленопреклонения и девять земных поклонов». Затем они сели строго по степени знатности семью рядами на коврах и войлоках, постеленных на земле перед Сыном Неба. Началось угощение. Находившиеся в первых трех рядах получили чаши с вином прямо из рук Сюанье, а остальным вино разнесли маньчжурские военачальники из «восьмизнаменного» войска. Долоннорский съезд покончил с политической независимостью Халхи. Здесь вводилась, как это произошло ранее с Внутренней (Южной) Монголией, маньчжурская «знаменная» (хошунная) система организации населения и войска. Угощение халхаских феодалов на съезде явилось, по сути, поминками по былой свободе и независимости Монголии. Розданные затем подарки — серебро и шелк — стали как бы платой за совершенное на Долоннорском съезде. И пившие богдоханово вино гордые потомки Чингисхана скоро почувствовали на своей шкуре, как тяжела рука маньчжурского владыки.

Теперь предстояло покончить с Галданом, отвоевать у него большую часть Халхи, особенно западную. Дабы предотвратить уход противника далеко на север — в Халху, император вновь пустил в ход лесть, щедрые посулы и лицемерие. Гото-

ваясь к новому походу, Сын Неба постоянно заявлял о своем страстном стремлении к миру, к созданию счастья и рая на земле для всех народов. При этом Сюанье поддерживал врагов Галдана и торговой блокадой и голодом ослаблял силы противника перед решительной схваткой. Рядясь в тогу миротворца и пытаясь усыпить бдительность хана, Сюанье до последнего момента не порывал с ним дипломатических отношений. Император «по-дружески» предлагал Галдану передвинуться ближе к цинской границе и провести личную встречу. Делалось все, чтобы заманить хана в хитро расставленные сети и расправиться с ним без особого труда. На фоне такого коварства Галдан — прямолинейный и безрассудно смелый степной хищник — выглядел чуть ли не благородным рыцарем и честным бойцом. Впрочем, он не поддался на ухищрения императора, отступил через Гоби в Халху, и тогда Сюанье двинул против него войска.

Перед этим, проявив большие организаторские способности и железную волю, он собрал и перебросил через пустыню Гоби 85-тысячную армию с множеством пушек и огромным обозом. Император возглавил одну из трех колонн и совершил трудный переход через мертвые пески и полупустынные пространства, жестко пресекая все разговоры о возможности отступления. Галдан даже не предполагал, что через Гоби может пройти такое огромное войско и что его поведет сам император. Сюанье при этом не был столь самонадеян, чтобы взять командование всеми тремя колоннами на себя. Общее руководство он предусмотрительно возложил на опытного военачальника Фэйянгу в чине главнокомандующего (дацзянцзюнь), ему же была доверена и наиболее мобильная западная колонна. Именно он, Фэйянгу, 12–13 июня 1696 года у Чамдо на реке Терельджин-гол (южнее Урги) наголову разгромил Галдана. Лишь ночью с небольшим отрядом всадников тому удалось вырваться из окружения. Победители захватили много пленных и гигантский обоз — множество кибиток и около 60 тысяч голов скота. Сюанье — жестокий и беспощадный к поверженному врагу — приказал обезглавить несколько тысяч пленных ойратов.

В операции между реками Тола и Керулен император проявил определенные стратегические способности. Тем не ме-

нее его победа была предрешена заранее и добыта за счет других факторов. Во-первых, за счет фатальных просчетов самого Галдана. Во-вторых, за счет огромного численного перевеса и технического превосходства цинской армии, имевшей большее число пушек, мушкетов и аркебуз. О «военных подвигах» Сюанье и его «военной доблести» говорить трудно. Сам он лично не участвовал ни в одном из сражений. Даже в день битвы у Чамдо возглавляемая им центральная колонна оставалась вдали от поля боя.

Для Сюанье, как для истинного маньчжура, было мало выигранного сражения и победоносной войны. Ему нужен был сам Галдан, живой или мертвый, — для публичной казни или надругательства над его трупом. Сюанье был буквально одержим этой мыслью и готов был лично отправиться с войском на поимку бежавшего ойратского владыки. Император успокоился, лишь когда попавший в безвыходное положение Галдан 3 мая 1697 года покончил жизнь самоубийством, приняв яд. После этого вся Халха — от Алтая до Барги — оказалась в руках Сюанье. Развеялся призрак Единой и Великой Монголии. К империи отошла огромная территория. Присоединив Тайвань, всю Северную и Центральную Маньчжурию, всю Северную Монголию (Халха), а затем и Тибет, Сюанье окончательно обрел репутацию великого воителя и полководца.

Внутри империи Сюанье приступил к покорению неханьских народностей Юго-Западного Китая, превращению их из «данников» в обычных подданных империи, замене их правителей общекитайской бюрократией. В собственно китайских провинциях сохранялось спокойствие, и только восстание 1721 года на Тайване, охватившее весь остров, знаменовало собой конец мирного периода и безропотного подчинения китайцев маньчжурам.

Между тем перед Сюанье стояла задача возродить разрушенную войной экономику. Он создавал льготные условия для тех, кто распахивал заброшенные земли — залежи и пустоши, временно отменял налоги, соблюдал режим бюджетной экономии, избегал больших трат на роскошь императорского двора. Зато большие средства направлялись на строительство и ремонт дамб, плотин, водоотводов, оросительных систем и каналов. Только на возведение и укрепление защитных

и ирригационных сооружений богдохан ежегодно отпускал свыше 3 миллионов лянв серебра. Особое внимание он уделял восстановительным и профилактическим земляным работам на реке Хуанхэ, стремясь свести к минимуму ее разрушительную силу и повысить судоходность Великого канала. Он совершил шесть поездок в провинции долины Янцзы (с 1684 по 1707 год), чтобы лично инспектировать ход этих работ, принуждая чиновников к большей добросовестности. В районах стихийных бедствий он зачастую отменял сбор налогов. Такого рода недобор с 1662 по 1705 год составил свыше 90 миллионов лянв серебра. После завоевания Тайваня Сюанье отменил введенную его отцом Фулинем политику «морского запрета», которая привела к обезлюдению и опустошению широкой полосы вдоль морского побережья и превращению ее в «мертвую зону». Согнанному в глубь страны населению богдохан разрешил вернуться на прежние места жительства, заниматься морским каботажом и торговлей, в том числе с европейцами — «заморскими варварами».

Сюанье стабилизировал бюджет, его расходная часть стала меньше доходной — иногда на 7 миллионов лянв ежегодно. Накопления казны возросли, по разным оценкам, в 2,5–5 раз. Своему наследнику он оставил более 50 миллионов лянв и большие запасы зерна в казенных амбарах. Стремясь укрепить денежное обращение, Сюанье в 80-х годах установил твердый официальный курс обмена серебра на медную монету. Отныне 1 лян серебра равнялся 1 тысяче медных монет. Этот неизменный курс стал обязательным как для казенных, так и для частных расчетов. С 1688 года право на отливку монеты Сюанье объявил монополией центрального казначейства, чем пресек рост бесконтрольной медноденежной эмиссии на местах — в провинциях и наместничествах.

В 1712 году Сюанье провел налоговую реформу. Ставки налогов и уровень обложения на 1712 год были объявлены постоянными и неизменными, что способствовало восстановлению сельской экономики. Налоговая реформа проводилась постепенно, распространялась на все новые провинции и растянулась до конца XVIII века. Начиная с 90-х годов XVII века Сюанье повел борьбу с укрытием частных — помещичьих и крестьянских — полей от регистрации в земельных

кадастрах и от налогообложения. Виновные подлежали суровому наказанию. В ходе этой кампании был проведен обмер полей и вскрыты огромные массивы неучтенных земель. Проводимая Сюанье экономическая политика способствовала быстрому возрождению сельского хозяйства, ремесла, торговли, транспорта и горнодобывающей промышленности, характеризуя его как заботливого и рачительного хозяина, как прогрессивного и «честного чиновника».

Завершив завоевание Китая, Сюанье встал перед необходимостью покончить с глубокой пропастью, разделившей маньчжуров и покоренных им китайцев. С окончанием военных действий грубые силовые методы по отношению к населению, особенно китайской элите, становились опасным пережитком. Еще верный слуга монгольских завоевателей Китая Елюй Чуцай (1190—1244), один из советников Чингисхана, Угэдэя и Хубилая, говорил: «Хотя мы империю получили, сидя на лошадях, управлять ею, сидя на лошадях, невозможно». Между тем маньчжуры долго не хотели «сойти с лошадей». Особенно жестко придерживался старых силовых приемов Обой, что обострило политический кризис. Поняв, что это тупиковый вариант, Сюанье запретил наиболее грубые методы насилия над китайцами. В первую очередь он положил конец практике «окружения земли», то есть прямого захвата полей, жилищ и имущества, приглянувшихся завоевателям. Произволу он противопоставил силу закона, ибо ему нужен был гражданский мир в разоренной стране. Желая привлечь на сторону завоевателей как можно больше состоятельных китайцев, Сюанье разрешил продажу им ученых степеней и званий. Если Фулинь, Обой и Сонготу видели в китайских шэньши и интеллигенции только завоеванных, Сюанье рассмотрел в них будущую опору цинского режима. По его приказу в 1679 году впервые после более чем сорокалетнего перерыва состоялись экзамены на ученые звания. Когда же многие из патриотов демонстративно отказались участвовать в них, Сюанье просто сделал вид, что не заметил этого.

Восстановив китайскую экзаменационную систему и сеть конфуцианских учебных заведений, Сюанье привлекал ко двору авторитетных ученых-конфуцианцев. Даже маньчжурская знать теперь вынуждена была давать своим детям класси-

ческое китайское образование. По распоряжению богдохана на маньчжурский язык были переведены китайские классические книги, изданы маньчжурско-китайский и монголо-китайский словари. Вместе с тем он беспощадно пресекал всякое смешение маньчжурской крови с китайской, боясь растворения малочисленной касты победителей в гигантской среде побежденных. Чтобы привлечь китайских шэньши и интеллигенцию на сторону цинского режима, Сюаньэ организовал массовые «литературные работы» — подготовку многотомных энциклопедий, антологий, словарей и комментариев к древним текстам. По его указанию переиздавались произведения древней и средневековой китайской литературы. Над всем этим трудилось множество ученых — историков, литературоведов, филологов, а также редакторов, писателей, поэтов, каллиграфов, художников и граверов. На эти цели богдохан выделял большие средства из казны. Такого рода масштабной, хорошо оплачиваемой работой, выгодными литературными и редакторскими заказами Сюаньэ стремился погасить неприязнь шэньши и ученых к завоевателям, переключить этот огромный интеллектуальный потенциал на службу династии Цин, занять интеллигенцию конкретным делом.

В этом проявилась сама натура императора. Получив классическое китайское образование, богдохан приобрел многие черты интеллигента-гуманитария — любовь к знаниям, учебе, стихосложению и чтению. Сын Неба сам стал, по сути, «ученым мужем», шэньши, переняв у китайцев «культ кисти, тушечницы, бумаги и иероглифа». Он искал и привлекал выдающихся ученых и каллиграфов к себе в секретари, концентрировал их в своей личной канцелярии — Императорском кабинете (Наньшуфан). Для выявления талантов он организовал специальные экзамены, а выдержавшим испытание поручил написать многотомную «Историю династии Мин» («Мин ши»). Тысячи ученых были заняты составлением «Полного собрания книг старых и новых времен» («Гуцзинь тушу цзи-чэн»), словаря «Канси цзыдянь», «Собрания дотанской исторической литературы» («Юньцзянь лэйхань»), словаря рифм «Пэйвэнь юньфу» и других изданий.

Специальные комиссии и коллегии осуществляли цензурование и фальсификацию произведений, к чему прилагал

руку и сам император. С теми шэньши и учеными, кто не покорился маньчжурам, Сюанье был беспощаден. Из книжника и интеллигента он порой превращался в восточного деспота, слегка прикрытого лоском конфуцианской образованности. Так, в 1711 году был брошен в тюрьму, судим и четвертован Дай Минши, включивший в свой труд описание антиманьчжурской борьбы. Члены семьи ученого и его друзья — всего более ста человек — тоже сложили свои головы на плахе. Тем самым Сюанье продолжил «литературную инквизицию», или «письменные судилища» (вэньцзы юй), начатые Обоем. В то же время он расширял участие шэньши и помещиков в штатской администрации, что вело к постепенному укреплению позиций китайского чиновничества и снижению роли «восьмизнаменного» военного аппарата. Таким образом, Сюанье начал медленную планомерную «китаизацию» маньчжурского режима, видя в этом залог долговечности господства династии Цин. Под маньчжурскую военную машину он подводил прочный штатский фундамент централизованной бюрократической деспотии.

Будучи ревностным конфуцианцем, Сюанье особое внимание уделял идеологии. Он был сторонником консервативного неоконфуцианства (лисюэ) эпохи Сун (960—1279), и прежде всего его наиболее идеалистического и реакционного направления, созданного Чжу Си (1130—1200) и его последователями. Чжусианство основной упор делало на жесткой регламентации взаимоотношений людей в обществе, на закреплении их обязанностей, то есть на укреплении порядка при консервации существующей системы. Именно это и привлекло Сюанье. Император объявил Чжу Си выше «десяти мудрецов», особо выделил его для почитания, а его труды перевозносил как образец для подражания. Канонизация Чжу Си превратила чжусианство в государственную догму. В 1712 году Сюанье особым указом присвоил Чжу Си посмертный титул «выдающегося гения».

Большое внимание богдохан уделял контролю за настроением покоренного китайского населения. Он всемерно укреплял созданную еще до него систему «собеседований» (сяньюэ), регулярно проводимых особыми «беседчиками». Для этих «собеседований» Сюанье составил набор поучений

из 16 заповедей, а в 1670 году опубликовал их в виде специального «Священного указа» («Шэньюй»). Помимо сугубо моральных правил новый документ содержал ряд наставлений фискально-полицейского характера. В них Сын Неба убеждал крестьян и горожан полностью уплачивать налоги, участвовать в полицейской системе круговой поруки (баоцзя), «подавлять воров и разбойников», не укрывать беглых и т. д.

В вопросах веры Сюаньэ проявлял явную терпимость. Прекратив начатые при Обое гонения на христиан, богдохан эдиктом 1692 года разрешил проповедь учения Христа, вернул из ссылки европейских миссионеров, сделав одного из них главой Астрономической коллегии. Вплоть до конца XVII века иезуиты оставались доверенными советниками Сюаньэ, оказывая Китаю помощь в литье пушек, точных науках, переводах с западных языков и в дипломатии. Отношение богдохана к иезуитам стало особенно милостивым с 1693 го-

да, когда они при помощи хины вылечили его от малярийной лихорадки. Сюаньэ ценил знания отцов-иезуитов, любил проводить время в ученых беседах с ними, открывал для них дворцовое собрание редкостей, а с одним из них — Ф. Вербистом в 1682–1683 годах путешествовал по Южной Монголии. С неподдельным интересом и усердием Сюаньэ под руководством иезуитов изучал геометрию, тригонометрию, астрономию, естествознание, философию, физику и медицину. Сын Неба постигал «варварские науки», коих маньчжуры и китайцы не знали и демонстративно чурались.

Миссионер Фердинанд Вербист.
Изображен в костюме гражданского
чиновника эпохи Цин

По приказу богдохана лучшие, с его точки зрения, европейские сочинения переводились на китайский и маньчжурский языки. В ряде случаев он сам просматривал перевод и исправлял его слог. В последнее десятилетие своего правления Сюань даже организовал специальную группу молодых китайцев и маньчжуров, которым преподавали ученые-иезуиты. Эта группа под патронажем императора опубликовала коллективную работу — сводный труд по математике, европейскому календарю и музыке. Особое внимание миссионеры, естественно, обращали на проповедь христианства. Однако склонные к религиозному синкретизму китайцы-неофиты сочетали культы Христа и Конфуция с поклонением предкам. Миссионеры не раз обращались к Сюань с просьбой запретить новообращенным сохранять китайские верования. Богдохан отклонил это явное вмешательство во внутренние дела Цинской империи, но они продолжали настаивать на своем. Разгневанный Сюань принял жесткие меры — один из папских легатов умер в тюрьме, а другой был выслан из Китая. Тем не менее проповедь христианства Сын Неба не запретил. В Пекине и других городах миссионеры, в основном иезуиты и францисканцы, по-прежнему несли китайцам слово Божие и открывали церкви.

Сильным и самостоятельным правителем Сюань стал не сразу. Лишь в 1677 году, то есть за два года до отстранения Сонготу от власти, молодой император создал свой собственный «штаб» — Императорский кабинет. Здесь оформлялся ряд указов, не проходивших через Совет князей-регентов и сановников, роль которого начала падать. Умелый администратор, умный политик и хитрый дипломат, Сюань сконцентрировал всю власть в своих руках постепенно. Делал он это так искусно, что оставался в полном согласии с Советом маньчжурской аристократии. Высоко ценя способных помощников из числа маньчжуров, богдохан тем самым как бы компенсировал подспудное недовольство «восьмизнаменных» крепнувшим политическим союзом императора с китайской элитой.

Когда требовали обстоятельства, осторожный и терпеливый, склонный к уступкам и лавированию Сюань становился решительным, жестким и бескомпромиссным политиком. Нелегкая школа, пройденная им при правлении Обоя и Сонготу, научила его скрытности и сдержанности. Он никогда не позволял чувствам брать верх над разумом. Он всячески

стремился быть образцовым конфуцианским правителем. Ни евнухи, ни женщины, ни клики маньчжурских аристократов, ни группировки сановников, сложившиеся вокруг его сыновей, не могли вывести его из равновесия. Все госучреждения находились под его непосредственным контролем. Сюанье, как и Петр I, лично вникал во все дела и сам отдавал распоряжения, являя собой пример честного труженика на троне.

Будучи хорошим управителем, он старался вести строгую экономию казенных средств. Преследуя пустое расточительство, богдохан гордился скромностью своих личных трат. Бережливый и практичный, он слыл добросовестным исполнителем своих «служебных обязанностей», «честным чиновником», выделявшимся примиренческим отношением к подчиненным, толерантностью и умеренностью. Он не вел беспощадной борьбы с коррупцией, однако в первую очередь выдвигал на повышение тех, о ком докладывали как о честных и неподкупных служаках. Перед такими богдохан открывал блестящую карьеру. Его природная любознательность зачастую отодвигала в сторону официальный этикет и дипломатический протокол. Так, он запросто, по-деловому беседовал с интересными ему людьми, например с чрезвычайным посланником Петра I капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Львом Измайловым и с миссионерами-иезуитами. Он симпатизировал пленным русским, взятым при штурме Албазина. По его приказу в 1685–1686 годах их поселили в Пекине и в качестве особой роты («русской сотни») включили в «восьмизнаменные» войска.

В отличие от Фулиня, безвыездно сидевшего в Пекине, Сюанье совершил шесть поездок в провинции долины Янцзы. Кроме того, он неоднократно путешествовал по Южной Маньчжурии и Южной Монголии. В конце своей жизни он писал: «Теперь я нахожусь на троне шестьдесят первый год... Я стремился к установлению мира в стране, шел к этому неустанно, осторожно, не допуская ослабления своего внимания. Десятилетия я прожил в заботах и стараниях, как один день. Это едва ли можно полностью исчерпать словами “труд” и “тяжесть”. В цвете лет я мог натянуть очень тугой лук и выстрелить тринадцатью стрелами одновременно. Я хорошо знаю военное дело, умело вел сражения и никого не убил зря... Средства, скопленные Ведомством налогов, никогда не рас-

ходовал не по назначению, кроме тех случаев, когда была война или неурожай, так как я считаю, что все это кровь мелкого люда. Поэтому, строя летние дворцы, я не делал особых украшений... Если сравнить это с расходами на ирригацию... то получится менее одной тысячной доли от последнего». Далеко не все в этой «исповеди» правда, но перед нами встают реальные черты живого Сюанье — человека и монарха.

До конца дней своих он сохранил ясность мысли и полный контроль за ситуацией в стране. Однако лет за десять до смерти в его характере произошел перелом — своего рода угасание активности. Он видел, как разлагается госаппарат, как сановники и чиновники объединяются в группировки и клики, как нарастает яростная склока среди его сыновей — грызня за место наследника престола, как вяло и бестолково ведется война с ойратами. Он держал ситуацию под контролем — но только и всего. Решительных действий не предпринималось. Это не было безволием или слабостью — до последнего вздоха он оставался сильным правителем. Просто он уже смотрел на происходящее из одного ему понятного далека. То ли произошло пресыщение властью, то ли пришла высшая мудрость...

Будучи склонным к интеллектуальному творчеству, Сюанье претендовал на славу ученого и литератора. Он писал стихи, прозу, комментарии и предисловия к переиздававшимся по его приказу древним и средневековым произведениям. Император был посредственным поэтом, плохим писателем и бесцветным каллиграфом. Но видимо, он хотел блистать в этих сферах творчества, ибо не пресекал холуйского восхваления в свой адрес, а также публиковал не только собственные стихи и прозу, но и произведения придворных литераторов под своим именем. Так, в 1704 году были опубликованы такие стихи в 28 цзюанях (частях, главах, тетрадах), а в 1711 году — проза в 150 цзюанях. Сюанье считал себя выдающимся музыкантом и математиком, но ничего не смыслил в музыке и усвоил лишь азы математики. При всем том он был щедрым меценатом, покровительствовал искусствам и наукам. В своих дворцах богдохан собирал художников и архитекторов, давая им высокооплачиваемую работу. Здесь трудились миссионеры, в основном иезуиты — художники, граверы, часовщики и механики.

Как маньчжур и воин, Сюанье отдавал предпочтение конной охоте. Начиная с 1683 года он ежегодно летом жил и охотился в Мулани (провинция Жэхэ), где построил свой любимый парк-дворец, получивший название «Горная усадьба, спасающая от жары»; позже этот дворец стал официальной летней резиденцией цинских императоров. К западу от Пекина Сюанье восстановил старый парк-дворец периода Мин и назвал его «Парк Вечной Весны», где проводил по несколько месяцев в году. Здесь он и умер от гриппа 20 декабря 1722 года. До Сюанье при цинском дворе следовали маньчжурскому похоронному обряду — тела правителей, членов их семей и высших сановников сжигали на ритуальном костре, а золу и кости в специальных фарфоровых урнах погребали в землю. Сюанье восстановил похоронный обряд династии Мин — тело Сына Неба в большом гробу поместили в усыпальнице, наполненной богатой утварью и драгоценностями, а поверх гробницы насыпали высокий могильный курган. У Сюанье было много детей; до совершеннолетия дожили двадцать сыновей и восемь дочерей. За исключением одного сына от императрицы, все остальные были рождены от наложниц нижних рангов, бывших фрейлин и служанок императорского гарема.

Его царствование формально длилось около 60 лет (1661—1722), фактически — почти 43 года (1679—1722). За это время ему удалось сделать очень многое. Своему наследнику он оставил централизованную империю, резко расширенную за счет новых завоеваний, стабилизированную государственную власть, возрожденную экономику и полную казну. С «эпохи Канси» началось восхождение Цинской империи к вершине своего могущества.

Христос или Конфуций?

Католические миссионеры в Китае

В то утро, как обычно, несмотря на свои 66 лет, император Сюанье вошел в свой рабочий кабинет и сел за стол. Так было всегда, когда богдохан не присутствовал на торжественных церемониях во дворце или в храмах, на приемах ино-

странных послов, когда он не охотился в Жэхэ или не путешествовал по провинциям Китая. Начиная с 1679 года, когда Сюанье прочно взял в свои руки управление Цинской империей, он обходился без помощи «первого министра» и сам регулярно читал важнейшие документы. Их подавали ему главы Императорской канцелярии и Шести ведомств.

Он любил все, связанное с чтением и письмом. На его столе всегда лежала прекрасная светло-желтая «императорская» бумага, в изящной фарфоровой вазе с изображением пляшущих драконов хранились великолепные кисти для письма с инкрустированными серебром ручками, рядом стояли две золотые тушечницы — одна с черной, а другая с красной тушью, и нефритовая подставка для намокшей кисти. Все это радовало глаз богдохана.

Но сегодня старый богдохан среди прочих документов увидел на столе перевод папской буллы на китайский язык. Эту буллу Папы Римского Климента XI на латыни два дня назад вручил Сюанье Карло Амброзио Меццабарба. Император углубился в чтение. В своем послании Климент XI требовал от него — Сына Неба — ни больше ни меньше как запретить своим подданным, принявшим христианство, продолжать поклонение Конфуцию и духам предков. Римский престол давал указания ему — обладателю Мандата Неба! Это было неслыханное и дерзкое вмешательство в дела Небесной Династии. «Заморские варвары» хотят определять внутреннюю политику Цинской империи! Ярость охватила старого богдохана. Схватив кисть, он поверх черного иероглифического текста перевода размашисто красной тушью начертил свой вердикт — полное запрещение любой проповеди учения Христа и миссионерской деятельности, строгое запрещение Папе Римскому вмешиваться в китайские дела. Вскочив, он вышел из уютного кабинета в соседний дворцовый покой. При виде разъяренного Будды Настоящего Времени и Десятитысячелетнего Повелителя дворцовые евнухи поспешно удалились. Император в бешенстве мерил пустую залу неслышными шагами — толстые белые войлочные подошвы его сафьяновых сапог ступали бесшумно.

Гнев душил Сюанье. Эти заморские патеры, епископы, легаты, кардиналы и их папы совсем обнаглели! Скоро они за-

хотят давать ему указания как своему рядовому чиновнику. Они забыли, что именно он, Сюанье, положил конец преследованиям европейских миссионеров во времена регентства князя Обоя (1661—1669). Тогда, в 1664 году, по навету сановника Ян Гуансяня начались гонения на христиан и их духовных наставников. По обвинению в заговоре против Сына Неба знаменитый ученый-иезуит, глубокий старец немец Адам Шаль и трое его собратьев по Обществу Иисуса были закованы в цепи, брошены в тюрьму и подвергнуты долгим унижительным допросам, длившимся девять месяцев. В костер бросили их евангелия, библии, молитвенники, кресты и четки. В 1665 году Шаля присудили сначала к удушению, а затем постановили разрубить на мелкие куски. Только ужас, охвативший толпу при виде лунного затмения, остановил Обоя и заставил отложить казнь. Впрочем, 77-летний старец-иезуит все равно скончался после пыток, а 25 миссионеров были сосланы в Гуанчжоу...

Тогда он, Сюанье, протянул христианам руку помощи, снял с них позорное обвинение, вернул из ссылки и поручил им руководить Астрономическим приказом — Императорской обсерваторией. И он, Сюанье, издал указ, разрешавший его подданным переходить в христианскую веру. И он же позволил французам-лазаритам, а затем итальянцам и португальцам построить свои храмы в Пекине... Но как только миссионеры разных орденов упрочили свое положение в столице, между ними началась длительная и злобная свара. Доминиканцы и францисканцы обвиняли иезуитов в слишком вольном обращении с церковными обрядами и в больших уступках в пользу традиционных китайских верований. Гибкие последователи Игнатия Лойолы смотрели сквозь пальцы на почитание крещеными китайцами Конфуция и духов своих предков, на сохранение языческих имен, на их ранние (с шести-семи лет) браки и традиционные свадебные обычаи.

Осуждая все это, доминиканцы и францисканцы подняли крик на всю Европу о намеренном искажении Обществом Иисуса чистоты католического вероисповедания, о смешении учения Христа и китайского «язычества». Враги иезуитов нашли себе союзников в лице маньчжурских и китайских

сановников, обеспокоенных растущим влиянием последователей Лойолы при дворе богдохана. В чисто церковный спор втянули и самого Сюанье. Ревнители чистоты христианского учения осудили употребление отцами-иезуитами китайского слова «Тянь» (Небо) для обозначения понятия о Боге. Тогда иезуиты обратились за помощью к Сыну Неба, а тот заявил, что «Тянь» означает истинного Бога. Сторонники адаптации к китайской специфике обозначали отсутствующее в китайском языке европейское понятие «Бог» словосочетанием «Небесный Владыка» (Тянь-чжу). В этом религиозном споре богдохан стал на сторону иезуитов, а их противникам советовал примириться с сохранением традиционных черт в китайском христианстве. Тогда борьба между религиозными орденами перекинулась к подножию папского престола. И та и другая стороны стремились получить одобрение Ватикана.

«Спор о китайских обрядах» не был пустопорожней затеей. Перед престолом святого Петра стояла дилемма — либо пойти на частичный синтез христианства с конфуцианством и тем самым получить обнадеживающие перспективы для укоренения католицизма в Китае, либо сохранить чистоту учения Христа в его трактовке Ватиканом и тем самым обречь его проповедь в Цинской империи на неудачу. Посольство от Папы Римского следовало за посольством, булла за буллой. То приходило приказание римского первосвященника китайским неофитам строго следовать чисто христианским обрядам и отречься от «местных» суеверий и обычаев, то Ватикан все-таки допускал вольное обращение с канонами и обрядами. Если папа Иннокентий X в 1645 году осудил такой синтез двух религий и культур, то папа Александр VII в 1656 году его одобрил, папа Климент IX в 1704 году опять решительно выступил против. В Пекин прибыл его легат кардинал Шарль Тома Мальяр де Турнон. Однако союз богдохана с иезуитами привел миссию Турнона к провалу. В результате происков иезуитов легат попал в тюрьму в Макао и после четырех лет заключения скончался от тяжелого тюремного режима. В 1715 году Ватикан повторил свой запрет на адаптацию христианства к китайским условиям. И вот в 1720 году легат Меццабарба привез еще одну папскую буллу, которая вызвала яростный гнев Сюанье...

Сюанье вернулся в свой кабинет и написал ряд распоряжений. Согласно им высокопоставленный сановник пекинского двора вызвал к себе легата и с высокомерным презрением предложил Мещабарбе срочно убраться из Срединной империи и захватить с собою всех миссионеров, за исключением опекаемых Небесной династией ученых-иезуитов. Впрочем, когда первая волна августейшего праведного гнева схлынула, Сюанье все же дал высылаемому из Китая легату прощальную аудиенцию. Богдохан высмеял тех, кто заварил эту церковную свару, и потребовал от Мещабарбы, чтобы в следующий раз ему присылали не очередную буллу, а ученых-монахов, особенно математиков и медиков, а также лучшие в Европе научные сочинения и географические карты. Подтекст был ясен — Китаю нужны не проповедники веры Христовой, а квалифицированные специалисты в области естественных наук. Старому же богдохану лично нужен хороший врач. Напуганные не меньше легата, иезуиты советовали последнему больше не гневить императора и позабыть о папской булле. Покидая Китай, Мещабарба издал от себя примирительный компромиссный декрет об обрядах и увез с собой бранные останки своего предшественника — Турнона.

Хотя гнев императора прошел и все миссионеры остались на своих местах, тем не менее они находились в подвешенном состоянии и в тревоге. Тревожились они не зря. Вскоре Сюанье умер, и его наследник Иньчжэнь, вступив на трон, обрушил свой гнев на католических патеров и их прозелитов. Миссионеров обвиняли в том, что они лукаво обвели вокруг пальца доверчивого Сюанье. Последовали аресты патеров и их допросы с пристрастием. Наконец, в 1724 году Иньчжэнь издал указ, которым католические миссионеры изгонялись из всех провинций Китая. При этом им была дана прощальная аудиенция, на которой новый богдохан заявил: «Вы, люди Запада, хотели уничтожить законы и возмутить наши народы. Я должен воспрепятствовать такому покушению. Что сказали бы у вас, если бы Я послал к вам наших бонз и лам и они стали бы нарушать у вас общественный порядок? Вы изгнали бы их! Вам желательно, чтобы Мои подданные стали христианами, приняв вашу веру. Хорошо! Но зачем же вы отвлекаете их от повиновения Моей Власти? При

начавшемся возмущении ослепленные будут слушаться вас, а не Меня. Я знаю теперь, вы не опасны для нас, но если собрать ваши подкрепят вас тысячами кораблей, тогда дело будет плохо». Сначала миссионеров выслали в Гуанчжоу, а затем в 1732 году перевели в Макао. Только в Пекине осталось два десятка ученых-иезуитов, приписанных к научным учреждениям. Да и те пребывали в страхе. Христианские храмы были закрыты и разрушены. Сопrotивляясь императорскому указу, некоторые миссионеры задействовали свои связи при дворе, дабы обойти запрет. Тогда Иньчжэнь одних патеров заключил в тюрьму, других казнил, а третьих присудил к наказанию кангой. С воцарением в 1735 году нового императора Хунли (правил до 1795 года) гонения на миссионеров и христиан неоднократно повторялись.

Изгнание католических миссионеров из Китая явилось частью постепенно осуществлявшейся политики изоляции страны от буржуазного Запада. Борьба династии Цин с христианством стала одним из слагаемых «закрытия» Срединной империи от «заморских варваров», приведшего к научному, техническому и экономическому отставанию Цинской империи от передовой Европы.

Узницы Пурпурного города. Гарем китайского императора

В спальне флейтистками
Ты, господин, окружен.
Много в гареме
Прекрасных наложниц и жен.

Ван Ли (1032—1059)

Майская ночь 1688 года накрыла собой Пурпурный Запретный город. Затихла жизнь и во дворце Янсинь-дянь — личных покоях императора Сюанье. Евнухи переодели богдохана ко сну, раскрыли широкую постель, раздвинули полог и приглушили свет в большом напольном шестигранном фанаре. Поклонившись владыке в пояс и пятясь задом,

они исчезли за дверью. Монарх остался один, но сон не шел к нему. Что-то мешало. Что-то еще раньше засело в мозгу, но что Сюань не мог вспомнить. Сегодня весь день он то диктовал, то правил, то обсуждал с сановниками наказ послам. Те отправлялись на переговоры с русскими на Амуре — реке Черного дракона. С 1652 года здесь с перерывами шли военные действия. Вспомнил! Днем в списке посольства он наткнулся на фамилию чиновника-маньчжура Аюси! Знакомая фамилия! Но где же он ее встречал? Сюань машинально повернул голову к маленькому столику в углу спальни. Там в большом «драконовом» ларце, разделенном на секции, рядами стояли нефритовые жетоны-таблички с фамилиями и именами его наложниц. Ну конечно же! Именно здесь, на одной из табличек выгравирована фамилия Аюси! Это дочь того чиновника из Палаты по делам стран-данников (Лифаньюань). Богдохан нашел ее жетон. Вот она, Аюси! Родом из «Синего знамени». «Драгоценный человек» (гуйжэнь), то есть имеет пятый, низший ранг наложницы. Сюань не «осчастливил» ее, даже ни разу не видал после «дворцовых смотрин». Интересно, какова она на любовном ложе? Богдохан ударил в настольный гонг и молча протянул табличку вошедшему евнуху. Тот с поклоном исчез за дверью. Значит, скоро эта наложница будет здесь! Сюань усмехнулся: он до мелочей знал, что сейчас произойдет за стенами его спальни. Вот его «ближний» евнух вручает «драгоценную бирку» главному управляющему Палаты важных дел, а тот передает ее своему подчиненному — силачу евнуху.

Далее все шло по строго заведенному порядку. Порученец находил нужную женщину и показывал ей табличку со словами: «Приказ такой-то наложнице!» Та опускалась на колени и с поклоном принимала знак монаршего благоволения. Служанки уводили ее в спальню, раздевали донага и умищивали благовониями. Она так и оставалась стоять раздетой, дабы ей не удалось прихватить с собой кинжал или нож: одного из императоров пытались убить таким образом. Затем приглашали в спальню здорового евнуха-посланца. Тот закутывал красавицу в особое покрывало из пуха цапли — птицы, которая умела ловить змей и потому символизировала защиту от всякого коварства. После чего евнух сажал налож-

ницу к себе на плечи и нес во дворец, где Сын Неба уже ждал ее в своей опочивальне. Евнух снимал с женщины накидку и удалялся, а она сразу же проскальзывала под одеяло к Августейшему господину. Пока эта парочка предавалась наслаждениям, главный управляющий Палаты важных дел и евнух находились в соседнем помещении.

По правилам цинского двора Сын Неба не мог оставить у себя наложницу надолго, а тем более до утра. Когда истек положенный срок, главный управляющий громко произносил: «Время пришло!» Если богдохан не отзывался, напоминание повторялось во второй, а чуть позже и в третий раз. Тогда монарх уже непременно должен был откликнуться. Двое ожидавших входили в спальню. Главный управляющий с особой регистрационной книгой в руках становился на колени и почтительнейше спрашивал у Сына Неба: «Оставить или нет?» Речь шла о драгоценном «драконовом семени». Услышав повеление «Оставить», чиновник делал в регистрационной книге запись: «В такой-то месяц, такого-то числа, в такой-то час император осчастливил такую-то наложницу». Эта запись служила оправданием в случае ее беременности, доказательством высочайшего происхождения ребенка. Если Сын Неба был недоволен или находился в дурном расположении духа, следовал приказ: «Не оставлять!» После чего особыми процедурами добивались того, что все «драконово семя» выходило наружу. Эти правила крайне строго соблюдались в зимних дворцах Запретного города. Что же касается летних резиденций, то там богдохан мог себе позволить нарушить предписания, установленные на заре династии Цин.

Если наложниц приносили в спальню императора, то к своей жене он приходил сам и на время, которое ничем не ограничивалось. Тем не менее каждое такое посещение тоже фиксировалось в особой книге учета. По выходе богдохана из опочивальни коленопреклоненный евнух-чиновник почти ждал ответа о том, состоялось соитие или нет. Если нет, то богдохан бросал небрежно: «Уходи!» — и соответствующая графа в книге оставалась пустой. В случае утвердительного ответа или кивка Сына Неба появлялась запись: «Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года, в такой-то час государь осчастливил императрицу». Если же богдохан проходил

молча, главный управляющий, стоя на коленях, смиренно осведомлялся, что ему следует записать.

Как мы видим, Владыка Поднебесной и правитель Цинской империи, перед которым все трепетали, сам был пленником жесткого этикета. Всяческие условия определяли и сферу любовных развлечений Сына Неба. В самом начале возникновения маньчжурской династии ханы Нурхаци и Абахай установили для будущих властителей правила «ограничения разврата». Более того, «регулировать» услады Сына Неба была призвана Палата важных дел, штат которой набирался исключительно из евнухов высшей категории. Они имели свободный доступ и в гарем, и в комнаты, смежные со спальней Сына Неба, и в покои рядом с опочивальней императрицы.

Если в Европе у монарха была только одна жена, то в Китае их могло быть две или три — одна «главная» и две «второстепенные». Апартаменты в «средней» части Запретного города считались наиболее престижными. Поэтому «главная» проживала в «центре» дворцового комплекса и именовалась «императрицей Среднего дворца» (Чжунгун) и «Матерью Государства» (Гому). В «восточном квартале» обитала вторая жена богдохана — «императрица Восточного чертога» (Дунгун). И наконец, третья супруга, или «государыня Западного дворца» (Сигун), занимала покои в западной, наименее значимой части Запретного города. Вместе со вдовствующей императрицей в дворцовом квартале Пекина временами находились сразу четыре государыни. Иногда мать богдохана жила за пределами Запретного города — в одной из летних загородных резиденций. Для невесты Сына Неба возводили особые чертоги, где она вместе со всей своей семьей ждала свадебной церемонии.

По установлениям династии Цин молодая императрица должна была подарить наследника престола в течение пяти лет. Если она оказывалась бездетной, Сын Неба заводил себе вторую жену. Новую государыню избирали из наложниц первого или второго ранга, который часто давался тем, кто уже родил императору сына. Тем не менее вторая супруга должна была во всем уступать первой, остававшейся главной женой богдохана. После смерти Десятитысячелетнего Господина его жены не имели права вновь выходить замуж или возвра-

щаться в родную семью. Поскольку в цинском Китае желтый цвет означал принадлежность человека или вещи к семье или дворцу богдохана, то императрицы носили светло-желтые, а наложницы — темно-желтые одеяния.

Как же создавался гарем богдохана? Юный Сын Неба мог набрать себе наложниц только по достижении совершеннолетия, то есть в семнадцать-восемнадцать лет, и лишь по истечении положенного срока траура по усопшему императору. Причем пользоваться гаремом своего покойного отца он права не имел.

Но вот формальности соблюдены, и объявлялись «дворцовые смотрины», куда следовало прибыть всем «красивым девушкам из знатных маньчжурских семей». Здесь начинались трудности. Во-первых, маньчжурские девушки не отличались прелестью черт, стройностью и образованностью, проигрывая по всем этим статьям китайкам, особенно «южным феям» — красавицам из Сучжоу и Ханчжоу. А во-вторых, маньчжуры неохотно отдавали своих дочерей в императорский гарем.

Завоеватели Китая вообще крайне бережно относились к своим женщинам — основе генофонда малой народности. В отличие от китайок, им запрещалось калечить себя бинтованием ног. Девочкам позволяли сидеть в присутствии старших и даже занимать среди них почетное место. В маньчжурских семьях не действовало китайское правило, возбранявшее встречаться мальчикам и девочкам старше семи лет. Отцы и деды очень любили своих дочерей и внучек, а потому частенько баловали их. Узницам же дворца жилось несладко. Для многих из них, воспитанных в счастливых и заботливых семьях, пребывание в императорском гареме становилось настоящей пыткой. А поскольку наложницы не всегда разделяли ложе государя, им вообще нередко грозила участь старых дев. Так зачем же губить их молодость и будущее заключением в красивой, но безрадостной клетке? Поэтому одни родители старались избежать регистрации своих дочерей в «смотровых реестрах», а другие пытались представить их дурнушками. Девушек часто приводили во дворец неумытыми, нечесаными, в грязных одеждах. Иногда симулировали болезнь, заикание и хромоту — лишь бы любимое чадо не

включили в списки. Однако чиновников Дворцового управления провести было трудно.

Отбор наложниц в императорский гарем проходил в несколько этапов и представлял собой сложную процедуру. Кандидатками становились все дочери чиновников-маньчжуров четырех первых, то есть высших, рангов из девяти. В расчет принимались только девушки от четырнадцати до двадцати лет. Дворцовым управлением составлялись списки, и сановники производили по ним строгий отбор. В новые списки попадали только те девушки, у которых восемь иероглифов, обозначающие дату рождения, сулили благоприятное будущее. Их обучали необходимым церемониям и манерам, и через полгода они являлись на «дворцовые смотрины»: девушки из богатых семей — в собственной парадной одежде, бедные — в выданных им казенных платьях.

Утром в назначенный день красавицы собирались в Запретном городе, у ворот Дворца Земного Спокойствия, где в одном из залов и проходили «смотрины». В одних случаях государь живо участвовал в этой процедуре, в других — все отдавал на усмотрение своей матери, оставаясь лишь молчаливым свидетелем происходящего. Выглядело все это так: мимо восседавших на тронах богдохана и вдовствующей императрицы в установленном порядке медленно двигались «конкурсантки». По окончании шествия они выстраивались в ряд, а повелители, посоветовавшись, выносили свой приговор. Победительницам через евнухов вручали изогнутые нефритовые жезлы с головкой. Первый жезл подносили той, кого наметили в жены богдохана. Она нарекалась императрицей. Остальные обладательницы жезлов становились наложницами Сына Неба. Их разделяли на пять категорий, в соответствии с чем присуждали один из пяти гаремных рангов. «Счастливицы» совершали перед тронами «три коленопреклонения, девять земных поклонов». Остальных от имени вдовствующей императрицы одаривали шелковыми одеждами и отправляли во свояси.

После церемонии отобранных красавиц распускали на два месяца по домам. Им предстояло попрощаться напоследок с родными, а заодно обзавестись одеждой, достойной императорских наложниц. По истечении этого срока носильщи-

ки доставляли к воротам дома желтый паланкин, который сопровождали чиновники Дворцового управления, евнухи, придворные, служанки и взвод конных гвардейцев «Желтого знамени». Евнухи усаживали избранницу императора в паланкин, и кортеж торжественно следовал в Запретный город. Чаще всего красавица попадала туда навечно.

Так в гарем богдохана поступала первая партия одалисок — иногда до тридцати человек. Через три года — еще одна, потом еще... Время шло, и гарем разрастался до максимально «допустимых» размеров, то есть до 280 невольниц. Девушки из богатых или состоятельных семей первое время жестоко мучились во дворце. Вкусная еда и дорогая одежда были им привычны с детства, но после веселых и радостных дней, проведенных в кругу многочисленных братьев и сестер, придворный быт казался невероятно тоскливым. Некоторые плакали с утра до вечера. Той же, кто победнее, красивые наряды, богатые покои, изысканные блюда, сладости, фрукты, цветы, украшения и услуги «собственной челяди» на первых порах заглушали тоску по родному дому.

Одалиски государя делились на пять рангов. Выше всех стояли «императорские драгоценные наложницы» (хуан гуйфэй). Затем шли «драгоценные наложницы» (гуйфэй), просто наложницы (фэй и бинь). Пятый — самый низший ранг именовался «драгоценный человек» (гуйжэнь). Ниже наложниц находились фрейлины (дайн, чанцзай), а основание гаремной пирамиды составляли многочисленные прислужницы — шиной. Китайка выше уровня служанки подняться не могла.

Зная повадки обитательниц гарема, императоры издавна селили своих супруг и наложниц отдельно друг от друга. У каждой императрицы, как уже говорилось, имелся

Фрейлина цинского двора
в официальном облачении

свой дворец в Запретном городе. Это был обособленный квартал с павильонами, жилыми помещениями, садами, гротами, беседками, цветниками и прудами. По «дворцу в миниатюре» старались предоставить и всем наложницам. Каждый из таких «миров» окружала стена с воротами, а сам он носил особое поэтическое название — «Здесь всегда весна», «Тень платанов», «Парк радости и света» и т. д.

Удел наложницы, естественно, состоял в ожидании вызова к Сыну Неба. А до него или в промежутках между «свиданиями» узницы гарема могли наслаждаться бездельем, нарядами, развлечениями, яствами, чтением, упражнениями в каллиграфии и поэзией. Каждая наложница имела целый штат служанок и евнухов, численность которых резко возрастала, если она попадала в особо привилегированное положение. Жили они в обстановке полного изобилия. Тем не менее Дворцовое управление ежемесячно выдавало каждой из них определенную сумму, размер которой зависел от ранга красавицы и благоволения к ней богдохана. Так, наложнице второго ранга (гуйфэй) ежегодно платили около 150 лян — по тем временам сумму весьма значительную. Считалось, что это серебро дается одалискам на удовлетворение их прихотей, чудачеств и капризов. На самом же деле деньги шли в основном на оплату ценнейшего в условиях гарема товара, а именно секретных сведений и тайных услуг.

Дело в том, что не только гарем, но и весь дворцовый комплекс являл собой арену всевозможных интриг, доносов и слухов. Это был мир козней, наговоров, сплетен, провокаций и взаимного подсиживания. Здесь кипели низменные страсти, правили бал зависть, тщеславие, месть, обиды и злоба. Императрицы и наложницы видели в своих товарках прежде всего соперниц, каждая из которых считала другую по меньшей мере «лисой-оборотнем». Информация в этой борьбе ценилась на вес золота. Новости и сплетни поставляли те, кто мог свободно передвигаться между всеми этими «Парками радости и света», то есть евнухи, служанки и фрейлины. Именно они способны были выполнить и деликатное, а то и просто «уголовно наказуемое» поручение своей госпожи. За их услуги красавица расплачивалась не только казенным серебром и подарками, но и покровительством, поблж-

ками и повышением своих клевретов по службе. При этом наложницам было строжайше запрещено вмешиваться в государственные дела, оказывать протекцию сановникам и чиновникам. Делалось все, чтобы гарем не стал ареной политических интриг.

Разная судьба ожидала императорских наложниц. Одни оставались узницами Запретного города вплоть до самой смерти. Других выгоняли из дворца — за бездетность, за строптивый нрав, за утрату молодости и красоты. Иная одалиска, так и не удостоившись вызова в спальню Сына Неба, всеми забытая, тихо доживала свой век в одном из глухих уголков Запретного города. Для некоторых пребывание в императорском гареме становилось невыносимым, и они накладывали на себя руки. Но если императрица или наложница решалась принять яд, по цинским законам смертная казнь ожидала всю ее родню. Зная это, несчастной оставалось лишь уморить себя голодом. Иногда богдохан или его жены расправлялись с неугодными так: бунтаркам или тихим жертвам интриг «даровалось» право броситься в колодец или проглотить присланную «сверху» тончайшую золотую пластинку, перекрывавшую дыхание.

Нелегка была порой участь и дворцовых прислужниц, в основном молоденьких и прелестных китайнок, которых специально присылали из Сучжоу и Ханчжоу, издавна славившихся своими красавицами. Всего их при гареме императора было около двух тысяч. Одни становились горничными, камеристками, посыльными императрицы и наложниц. Другие выполняли разную работу: выращивали шелковичных червей, окрашивали шелк, шили одежду, обувь и головные уборы, изготавливали духи и различную косметику, убирали жилые покои и отбивали ударами в гонг двухчасовые стражи.

Те, кто не попадал в число наперсниц, любимиц, приближенных и доверенных лиц своих хозяек, оказывались, по сути, под властью евнухов. Иные скопцы не теряли влечения к женщинам, которое зачастую принимало болезненные, извращенные формы. Такие кастраты преследовали девушек, валили их наземь, терлись о них, кусали и царапали. А порой, вымещая на беззащитных жертвах обиду за свою физическую неполноценность, били их, ранили ножами, хлестали

плетками. Когда такие служанки теряли юность и свежесть, их увольняли и отпускали домой. На воле в них тыкали пальцами, а потенциальные женихи отворачивались.

Узурпатор на «драконовом троне». Император Иньчжэнь

Чувствуя приближение смерти, император Сюаньэ вызвал к своему ложу сыновей-князей и крупнейших сановников. Тихо и почтительно вошли они в спальню богдохана. Здесь царил таинственный полумрак. Только у постели больного матовым рассеянным светом горел шестигранный белый фонарь с изображениями парковых пейзажей, беседок, мостиков и павильонов. Сыновья совершили перед отцом колени-преклонение, а сановники, пав на колени, трижды коснулись лбом ковра. Сюаньэ слабым голосом дал вошедшим свои последние наставления и приказал принести кисть для письма, тушечницу и специальный лист «драконовой» бумаги, чтобы написать имя своего наследника — нового императора. Когда евнухи внесли все это на маленьком столике и поставили его у изголовья, Сюаньэ слабо махнул высохшей рукой. По этому знаку все отвесили три низких поклона и, пятась спиной к двери, вышли в соседнюю залу. Ожидая скорого вызова к Сыну Неба, они нисколько не сомневались, что на большом листе желтоватой шелковой бумаги с изображенными сверху двумя драконами, готовыми поглотить солнце, рукой уходящего в вечность владыки будут красной тушью начертаны три иероглифа: «ши сы цзы» («четырнадцатый сын»). Речь шла о любимце отца князе первой степени (цинъван) Иньди — бесспорном претенденте на «драконовый трон». Правда, он сейчас отсутствовал, ибо командовал армией, стоявшей далеко — в Ганьсу и Цинхае. Его поддерживали ведущие князья — сыновья умирающего — Иньсы, Иньтан, Иньчжи и Инье, готовые охранять трон, пока он не вернется в Пекин. Только его родной старший брат Иньчжэнь — четвертый сын богдохана — выступал против Иньди, ибо сам претендовал на престол. На его стороне были влиятельный Лункэдо — брат императри-

цы и командир столичного охранного «знаменного» отряда, крупный военачальник Нянь Гэньяо и ряд видных «знаменных». Собравшиеся в зале считали, что этой группировке скоро придет конец. Бесспорно, молодой Сын Неба тут же заочит своего соперника в тюрьму либо просто казнит вместе с Лункэдо и Нянь Гэньяо!

Императорский клан — Золотой род — Айсинь Гиоро едва терпел в своей среде Иньчжэня и всячески давал ему это почувствовать. Негодование собравшихся вызвало и само присутствие его здесь. Ведь он еще с 16 декабря должен был по приказу отца находиться в Пекине для подготовки и проведения церемонии жертвоприношения по случаю зимнего солнцестояния и представлять императора в Храме Неба вплоть до окончания церемонии 22 декабря. Вместо этого Иньчжэнь появился здесь — у постели больного. Как он посмел ослушаться приказа императора?!

Когда все опять вошли в покои Сюанье, то увидели богдохана бездыханным — он уже стал «небесным гостем». На полу валялись шелковая вышитая подушка и кисть для письма, а на судьбоносной заветной бумаге стояли три красных иероглифа: «ди сы цзы» — «четвертый сын». Все были поражены как ударом грома. Что же произошло в спальне за время их отсутствия?! Князя и их сторонники еще не успели прийти в себя от потрясения, как в загородном дворце уже всем распоряжались Иньчжэнь и Лункэдо. Кипевшие досадой и злобой враги нового императора собрались в зале и, перебивая друг друга, заговорили разом. Отец не мог оставить такого наследника! Старый император ненавидел своего четвертого сына! Покойный не мог равнодушно переносить его присутствие! Этот изверг убил отца! Скорее всего, по его приказу Лункэдо удавил больного! Подлый прихвостень Иньчжэня подменил оставленную Сюанье бумагу с именем Иньди в качестве законного наследника! С этим нельзя мириться! Надо действовать! Однако вспышка гнева князей тут же разбилась о молчаливую и холодную сталь обнаженных кривых мечей солдат Лункэдо, окруживших дворец. Своих воинов у князей здесь не было. Подошедший к ним Лункэдо объявил приказ нового императора: им на время запрещается покидать свои жилые помещения, по сути, это домашний арест. Все молча разошлись по своим апартаментам.

И современники, и последующие авторы по-разному объясняют казус 20 декабря 1722 года. Некоторые полагают, что Иньчжэнь убил отца и подменил завещание, дабы захватить престол до того, как это сделают его враги, чем он, возможно, спас свою жизнь. Другие приписывают убийство и подмену Лункэдо, коему грозила та же участь, что и Иньчжэню. Как бы то ни было, военная сила была в те дни у Лункэдо. Благодаря этому новый богдохан, сопровождая гроб отца, вступил в столицу, а затем и в ее Запретный город в окружении плотных рядов «знаменных» солдат, шедших с обнаженными мечами. Князья не рискнули оказать сопротивления узурпатору. Единственной реальной военной силой вне Пекина оставалась армия, стоявшая в Ганьсу и Цинхае, но там действия Иньди контролировали верные новому Сыну Неба военачальники Нянь Гэньяо и Яньсинь. Так на тринадцать лет (1722—1735) сорокачетырехлетний Иньчжэнь, правивший под девизом Юнчжэн (Гармоничное и Справедливое царствование), стал владыкой Цинской империи.

Его мать-маньчжурка происходила из незнатного рода и, когда Сюанье «осчастливил» ее, была всего лишь служанкой при дворе. Только через год после рождения Иньчжэня она стала наложницей четвертого ранга. До 1708 года ее сын тихо и мирно жил в своем княжеском дворце и вскоре стал князем первой степени (цинъван). Чураясь политики и придворных интриг, он увлеченно изучал конфуцианскую, даосскую и буддийскую каноническую литературу и прослыл знатоком в этой области. В 1708 году тогдашний наследник престола Иньжэнь повел себя недостойно и после ряда конфликтов с отцом потерял его расположение. В 1712 году он окончательно лишился звания наследника и навсегда попал под домашний арест. Желających занять вакантную «должность» оказалось предостаточно, и князья — сыновья Сюанье, создав свои клики и группировки, с головой ушли в борьбу за будущий трон. Вступил на стезю соперничества и тихоня Иньчжэнь. По примеру своих братьев этот книголюб и ученый создал свою группировку приверженцев. Последние десять лет царствования старого Сюанье (1712—1722) были отмечены яростной, плохо скрываемой склокой вокруг «драконового трона». Сейчас невозможно восстановить все пери-

пети, ибо, придя к власти, Иньчжэнь приказал уничтожить или фальсифицировать множество документов, компрометирующих его. Дело кончилось тем, что большинство князей отбросили взаимные упреки и объединились против нового соперника, освоившего все приемы дворцовых интриг. Негасимая ненависть со стороны сводных братьев сопровождала нового богдохана до конца его дней, а борьба с князьями во многом определила его царствование. Если бы Сыном Неба стал кто-либо из его врагов, Иньчжэнь был бы наверняка уничтожен физически.

Всю свою жизнь этот монарх яростно боролся за удержание захваченной им власти. Ослаблял и устранял своих врагов, ставил опасных князей под надзор своих сторонников и назначал преданных людей на ключевые посты. В первые же дни своего правления он не дает князьям возможности собраться вместе, отнимает у них армию, стоявшую в Ганьсу и Цинхае. Лишив Иньди командования, он отзывает его в Пекин — под свой надзор, Инье посылает в Халху, Иньтана направляет в Синин — под контроль Нянь Гэнъяо, Иньсы держит вблизи себя. Однако все эти стремительные перестановки «слагаемых» не изменили саму «сумму» взаимной вражды. Император пытается задобрить и «купить» некоторых из князей — повышает их в княжеских рангах, дарит им новые дворцы и имения, дает крупные посты, оказывает свое «отеческое» внимание и «братскую» заботу. Он протягивает им руку если не дружбы, то разумного соглашения. Все напрасно! «Политика пряника» не дала ожидаемых результатов. Противник не склонен сложить оружие — основная часть огромного императорского рода Айсинь Гиоро ненавидит узурпатора и вероятного убийцу отца. Примирение невозможно, и богдохан переходит к «политике кнута».

В 1723 году он высылает Иньчжи из столицы в его имение, а затем конфискует тома огромной энциклопедии «Полное собрание книг древности и нового времени» («Гуцзинь тушу цзичэн») только потому, что там стоит имя Иньчжи как спонсора этого монументального издания. На следующий год он фактически сажает под домашний арест Иньди — своего родного брата и главного соперника, а затем изымает и уничтожает множество документов о его походе в Тибет в 1720 го-

ду. В том же, 1724 году богдохан лишает всех рангов и бросает за решетку Инье, а в следующем году снимает со всех постов Иньтана, отбирает все его ранги, а его сторонников заключает в тюрьму.

Летом 1726 года наступает кульминация-развязка. То ли сторонники оставшихся на воле князей решили действовать ва-банк. То ли сам император организовал тонкую провокацию, получив тем самым предлог для ареста наиболее активных врагов. То ли и то, и другое сошлись вместе — трудно судить. Как бы то ни было, летом 1726 года объявляется о раскрытии «заговора князей». Все началось с ареста одного из «знаменных» офицеров. Продолжая считать сидящего под домашним арестом Иньди «законным императором», они установили с ним связь. Нити заговора повели к командирам ряда «знаменных» корпусов и к другим князьям. Последовали репрессии — надо признать, незначительные. Иньди был лишен всех рангов и заточен в павильоне на горе Цзиншань — к северу от Запретного города в Пекине, где и просидел девять лет, вплоть до смерти богдохана. Затем арестовали Иньсы и Иньтана. Их император считал главными заговорщиками, введшими в соблазн «доверчивого» Иньди. После допросов оба князя были исключены из императорской фамилии и превращены в рядовых маньчжуров. Их судили судом низшей инстанции; вскоре они погибли — первый был, видимо, отравлен, второй умер от дизентерии.

Иньчжэнь не был безоглядно жестоким и мстительным. Когда придворные предложили разрубить труп Иньсы на куски, богдохан запретил делать это. Он признавал, что излишняя жестокость будет лить воду на мельницу его врагов, подтверждая созданный ему имидж изверга-тирана. Кроме того, как глубоко религиозный человек, император понимал, что в загробном мире любой должен иметь голову и все части тела, дабы нормально вести вторую жизнь на том свете. В 1730 году был брошен в тюрьму Иньчжи; затем его перевели в павильон на горе Цзиншань, где он умер через два года. При новом Сыне Неба из пятнадцати взрослых сыновей Сюанье семь сидели в заключении (из них пять там умерли), четверо остались «нейтральными» и трое перешли на сторону победителя. Тем самым император-узурпатор обезглавил враждебную ему аристократию.

Не только оставшиеся на свободе сыновья Сюанье, но и прочие многочисленные князья императорской крови (бэйлэ, бэйцзы, гун, цзянцзюнь) попали под неусыпный жесткий контроль богдохана. Молодых он заставил посещать Дворцовую школу для князей (Шаншуфан). Здесь назначенные им специальные наставники умело осуществляли селекцию, отделяя «добродетельных», то есть послушных и лояльных, от «своевольных», то есть подозрительных и оппозиционно настроенных. Боясь попасть в число последних, молодые князья старались демонстрировать покорность и благонравие. Пожилые и старые князья, подавив кипевшую злобу, вынуждены были роболепствовать перед новым владыкой.

Как узурпатор, Иньчжэнь не мог положиться на старые институты власти, то есть Совет князей-регентов и сановников, а также на некоторые корпуса «знаменных» войск. Из восьми «знамен» под контролем богдохана находились лишь четыре, а в остальных хозяйничали князья — либо его враги, либо сомнительные «нейтралы». В этих «знаменах» еще сохранялась старая система, при которой князь владел «своим корпусом как феодальным уделом», являясь не только его командующим, но и властителем по отношению к офицерам, унтер-офицерам, рядовым и их семьям. Дабы выбить из рук своих противников это грозное оружие, Иньчжэнь покончил со старой маньчжурской системой. Отныне все восемь «знамен» оказались в руках императора, а князья лишились своих средневековых прав на «владение» войсками. В итоге власть богдохана заметно окрепла.

Правя страной самовластно, Иньчжэнь до 1732 года всячески обходил старый Совет князей-регентов и сановников, где преобладали его враги — открытые и замаскированные. Для освобождения из-под контроля совета Иньчжэнь воспользовался военной обстановкой — в 1729 году он возобновил военные действия против Ойратского (Джунгарского) ханства. До этого «военные» эдикты императоров, равно как и все прочие, проходили через Императорскую канцелярию (Нэйгэ), где слишком много было волокиты, излишней писанины (изготовление множества копий документов) и возможностей для разглашения военных тайн. Под предлогом необходимости более оперативного руководства военными действиями

против ойратов Иньчжэнь в 1730 году создал Военный штаб (Цзюньцзифан). После 1732 года оно было превращено в постоянный Военный совет (Цзюньцзичу). Так возник высший государственный орган при императоре, не подчинявшийся Совету князей-регентов и сановников.

Решение всех важных вопросов, в том числе гражданских, перешло к Военному совету, чей состав определялся самим богдоханом. Члены совета — числом от четырех до девяти — подбирались из особо доверенных секретарей Императорской канцелярии, глав Шести ведомств, их помощников и других чиновников-маньчжуров и отчасти «знаменных» монголов. Впоследствии сюда могли попасть и наиболее преданные богдохану китайские сановники. Сконцентрировав в своих руках исполнительную и законодательную власть, Военный совет превратился в правительство, полностью зависимое от Сына Неба и возглавляемое им (богдохан председательствовал на его заседаниях). Роль Совета князей-регентов и сановников тем самым сводилась к минимуму и становилась в основном декоративной. Произошла замена власти аристократии господством бюрократии во главе с «первым чиновником империи» — богдоханом. Тем самым Иньчжэнь лишил князей не только военной, но и административной власти, переключив и ту и другую целиком на себя.

Очищая верховную власть от старых отживших норм, Иньчжэнь отменил маньчжурское правило наследования трона по степени кровной близости к богдохану, точнее, близости рода матери князя к роду Айсинь Гиоро. В соответствии с новым порядком наследник избирался по воле самого монарха. Тем самым князья лишались возможности вмешиваться в дела престолонаследия. Иньчжэнь ввел правило, согласно которому он и все последующие императоры заранее помещали листок с именем наследника в запечатанной шкатулке. Она располагалась за панелью с четырьмя иероглифами «Истинное Величие и Блеск Славы» над престолом в тронном зале Дворца Небесной Чистоты. Таким образом, Иньчжэнь резко усилил императорскую власть, освободив ее от устаревших норм и институтов племенной маньчжурской аристократии, созданных еще в начале XVII века при возникновении в Маньчжурии ханства Цзинь (Золотое).

Такой переворот был по плечу лишь человеку волевому, умному, самостоятельному и смелому, не побоявшемуся отстранить князей от кормила власти. Он лишил князей их былой «доли» в верховной власти, их контрольных функций и сделал богдохана абсолютным монархом. Будучи направленным только против маньчжурской аристократии, «переворот» Иньчжэня ни в коей мере не затрагивал господства самого сословия «знаменных». Их особое привилегированное положение сохранялось в полной мере, только теперь на страже их интересов стояла самодержавная власть Сына Неба, крепившая союз завоевателей-маньчжуров с китайской элитой. Такие перемены еще больше разожгли ненависть придворной аристократии к узурпатору.

Иньчжэнь получил верховную власть, будучи уже зрелым человеком. Когда он вступил на «драконовый трон», ему шел сорок пятый год, и поэтому в помощи соправителей он не нуждался. Как и Сюань, он не только царствовал, но лично управлял страной, отличаясь усидчивостью, трудолюбием, дотошностью и компетентностью. Он продолжил налоговую реформу Сюань, слив подушный налог с поземельным. С введением в 1724 году единого налога (дидин) все безземельные освобождались от подушного обложения. Эта реформа облегчила положение безземельных крестьян и неземледельческого населения, а также дала значительные выгоды помещикам. Она способствовала дальнейшему восстановлению сельской экономики и выходу из послевоенной разрухи.

Подавив сопротивление князей, он начал наступление на имперскую бюрократию. В последние годы правления Сюань контроль за госаппаратом заметно ослаб. Чиновничество, погрязшее в коррупции, занималось самоуправством и созданием группировок. Восстановив былую силу законов, Иньчжэнь запретил чиновникам объединяться в неформальные союзы. Этому он посвятил свое сочинение, изданное в 1725 году под названием «Рассуждение о партиях и кликах» («Пэнданлунь»). Он ввел систему «выплат для поддержания честности» (янлянь). С получением этого дополнительного жалованья все взятки, поборы, подношения и вымогательство стали для чиновника крайне рискованными, ибо мог-

ли непоправимо разрушить его карьеру. Реформирование финансов также сузило возможности чиновника запускать руку в казну. Таким образом, оздоровление госаппарата лишило бюрократию многих неофициальных доходов, урезало ее произвол, заставив подчиниться закону.

Установление строгого порядка в госаппарате посеяло ненависть к богдохану среди чиновного люда, его прислужников и окружения. Бюрократии вовсе не нужен был такой педант на троне, началось глухое недовольство и ропот внутри госаппарата. В ответ на это Иньчжэнь создал разветвленную сеть тайных агентов-соглядатаев. Они образно именовались «наблюдатели на конях», или «всадники в красном» (чици), и вели слежку главным образом за князьями, сановниками, бюрократией и шэньши. Система осведомления и сыска покрыла всю страну. Отделения этой тайной службы имелись во всех концах Цинской империи, посылая «горячую» информацию прямо в рабочий кабинет Сына Неба. Аристократия и чиновничество попали под неусыпный контроль строгого и деятельного богдохана, желавшего все знать обо всех своих «слугах» и «рабах». Под его жестким взглядом трепетали и верхи и низы империи. Для охвата рядовых сельских и городских жителей сетью тотальной слежки Иньчжэнь всячески расширял созданную еще в XVII веке систему «сельских собеседований» (сянькюэ). Он в три-четыре раза увеличил численность ее функционеров («беседчиков») и частоту самих «собеседований», а также усилил контроль за их проведением. Иньчжэнь лично написал пространное пособие для такого массового «промывания умов и чистки мыслей».

Резко возросла роль начатой еще при Сюанье «литературной инквизиции», или «письменных судилищ», направленных против антиманьчжурски настроенной интеллигенции. Гонения, судебные процессы над литераторами и учеными, их казни следовали друг за другом. Для оправдания этих репрессий и самого маньчжурского завоевания Иньчжэнь в 1730 году написал «Книгу о пробуждении чувства долга в заблудших» («Дайцзяоми лу»), где «теоретически» обосновал «благотворность» маньчжурского ига для Китая. Каждый шэньши должен был в принудительном порядке прочитать эту книгу. Вместе с тем он резко расширил сферу «литератур-

ных работ» для шэньши и интеллигенции, приказав в 1729 году составить многотомные описания всех провинций, а затем областей, округов и уездов.

У Иньчжэня было явно выраженное стремление, установив тотальный контроль над населением, покончить с инакомыслием и иноверием. Увлекаясь ламаизмом и ортодоксальным буддизмом, он всячески поддерживал эту религию, а свой прежний княжеский дворец превратил в ламаистский храм. Переиздавая буддийские сочинения и сутры, публикуя свои взгляды на сей счет, Иньчжэнь повел борьбу с чань-буддизмом как эзотерической сектой. Для этого он сначала создал специальную группу по изучению чань-буддизма из верных ему князей, сановников и бонз, а затем начал поход против этого течения. Издав собственное сочинение с жесткой критикой чань-буддизма, Иньчжэнь выступил главным обличителем и ниспровергателем ряда буддийских авторов. Приказав сжечь их книги, император заставил их сторонников отречься от своих учителей. Эта враждебность объяснялась тем, что чань-буддизм противоречил самим основам конфуцианства и китайской государственности.

Иньчжэню стало тесно в рамках светской власти, и он постепенно переносил свой деспотизм в сферу религии. Стремясь укрепить влияние конфуцианства как идеологической основы маньчжурского владычества, Иньчжэнь перешел к борьбе с христианством как вероисповеданием, оппозиционным конфуцианству, буддизму и даосизму. Он видел в этой «варварской религии» разновидность идолопоклонства, еретическое мятежное учение, не признающее священный характер власти Сына Неба и представляющее угрозу китайской цивилизации. Он не забыл, что многие миссионеры, особенно иезуиты, во время борьбы за престол держали сторону его врагов. Отсюда повышенная неприязнь богдохана к учению Христа и его проповедникам. Покончив с веротерпимостью времен Сюанье, он начал аресты католических миссионеров, запретил их проповедь, а в 1724 году большинство их изгнал из Китая. Он терпел лишь тех, кто, имея официальные посты в Пекине, занимался наукой. При Иньчжэне было закрыто более 300 христианских церквей. Это был один из важнейших актов политики изоляции Китая от внешнего мира.

К концу правления Иньчжэня страна наполнилась его шпионами и доносчиками, почти каждое важное действие того или иного князя, сановника или чиновника тут же становилось известным императору. По иронии судьбы на троне оказался конфуцианский идеал «честного чиновника», вооруженный всеми средствами воздействия на своих разложившихся собратьев. Как «главный чиновник империи», он трудился не покладая рук. Особенно красноречиво свидетельствует об этом письменное наследие богдохана. В основном это документы и деловые бумаги, многие из которых написаны им самим. Иньчжэнь по прочтении докладов провинциальных и столичных чиновников писал пространные резолюции, комментарии, распоряжения и инструкции, зачастую превышавшие по объему сам документ. Они составляют 112 томов (не считая его документов и деловых бумаг, прошедших через Императорскую канцелярию). Это был талантливый, волевой, инициативный, деятельный и честолюбивый правитель с психологией абсолютного самодержца, добросовестного чиновника и ревностного служаки. Будучи сильным монархом, он навязал свою волю послушным и скрутил в бараний рог непокорных, держа в страхе всю империю.

На его поведение неизгладимый отпечаток наложил сам факт узурпации власти. В течение всего царствования Иньчжэнь пытался скрыть правду о своем незаконном восшествии на престол. Об этом говорят крайняя противоречивость его эдиктов, освещавших последние дни жизни Сюанье, уничтожение и фальсификация множества документов, устранение лиц, знавших правду и могущих ее раскрыть. При этом он расправлялся как с врагами, так и со своими помощниками. Первое время, нуждаясь в их поддержке, Иньчжэнь не жалел для них ни чинов, ни наград, а когда его власть укрепилась, он избавился от них. Так поступил он с Лункэдо и Нянь Гэньяо. Первого он полностью устранил от дел, а второму «милостиво даровал» право на самоубийство. Одних из своих сообщников он казнил, других бросил в тюрьму.

Иньчжэнь продолжил начатую еще при Сюанье политику полного подчинения неханьских народностей и нацменьшинств юго-запада. В то же время он старался укрепить «тыл» династии Цин в ее «домене» — Маньчжурии. Здесь в 1726 году

Иньчжэнь создал новую провинцию Гирин (Цзилинь) и построил вторую линию укреплений, охватывавшую цинские владения с запада — со стороны монгольских кочевий. В Халхе, чтобы ослабить власть монгольских ханов и князей, он усилил дробление их уделов. Чтобы ужесточить контроль над Тибетом, он направил в Лхасу двух своих министров-резидентов и цинский гарнизон. Подавив в 1724 году восстание хошоутов (одна из ветвей ойратов) в Кукуноре (Цинхай) и уничтожив при этом до 80 тысяч местных жителей, полководцы Иньчжэня присоединили этот край к цинским владениям. Богдохан вел постоянную войну с Ойратским (Джунгарским) ханством. Она шла с переменным успехом: в 1731 году ойраты почти уничтожили большую и хорошо снабженную цинскую армию, а на следующий год в битве при монастыре Эрдени-дзу войска Иньчжэня одержали верх над противником. Богдохан стремился к сохранению мирных отношений с Россией. В 1728 году он пошел на подписание с ней Кяхтинского договора об установлении границы между Халхой и Российской империей, о развитии дипломатических связей, караванной торговли и об определении статуса Российской духовной миссии в Пекине. Дабы склонить волжских калмыков к войне с Ойратским ханством и поздравить императрицу Анну Иоанновну с восшествием на престол, Иньчжэнь в 1731 году направил в Москву и Петербург посольства. Россия стала первым европейским государством, которое посетили китайские послы.

Иньчжэнь умер 8 октября 1735 года в летнем Дворце Совершенного Света (Юаньминъюань) в возрасте 57 лет. Обстоятельства его кончины окружены тайнами и догадками. По одной из версий, император умер от чрезмерного приема настоев различных трав, которые, по даосской теории достижения долголетия, сулили Сыну Неба продление жизни. После этого все буддисты и даосы были изгнаны из дворца. Данная версия весьма сомнительна. Вряд ли такие умелые целители-травники, как даосы и буддисты, допустили бы смерть своего высокого покровителя из-за злоупотребления их рецептами. Согласно второй версии, Иньчжэнь был отравлен, а это весьма возможно. По третьей версии, мстя за отца, его заколола кинжалом дочь казненного им чиновника, когда ее,

завернутую в особое покрывало из пуха цапли, евнухи принесли ночью в спальню Сына Неба вместо наложницы.

Как бы то ни было, ушел из жизни выдающийся император. Князья, сановники и местная бюрократия вздохнули с облегчением — они избавились от жесткого контроля и постоянного страха. Враги Иньчжэня и находившаяся под влиянием их оценок последующая историография изображали его деспотом — грубым, упрямым, своевольным, властолюбивым, коварным и хитрым. За ним закрепилась негласная, но стойкая репутация тирана. А между тем в свое не такое уж длинное царствование — всего тринадцать лет — он, не растеряв ничего из унаследованного от Сюанье, укрепил императорскую власть, устранил старые, отжившие нормы, оздоровил госаппарат и финансы. Его правление оказалось благотворным и для страны и для династии. Его нововведения укрепили саму цинскую систему и заложили основу для «блестящего правления» его сына Хунли (1735—1795). Мать последнего — маньчжурка в юности служила актрисой придворного театра. Иньчжэнь страстно увлекся ею, сделал своей наложницей, и она родила ему сына. Именно этому своему любимцу умирающий император передал трон и власть над Поднебесной империей.

Цинский чиновник с квадратной нашивкой (буфан) на груди и спине. Гражданским чиновникам полагалось иметь на нашивке изображение одной из птиц — журавля, золотого или серебряного фазана, павлина, дикого гуся, цапли, утки, перепела, сороки. Военные чиновники носили изображения диких животных

Как жили китайские богдоханы. От выезда — к трапезе

Вновь золотые бьют барабаны
В рошах праздничных и во дворцах,
И оглушительный звон металла
Отдается у всех в сердцах!

Сыма Сянжу

День этот в Пекине мало отличался от других. Столица Цинской империи жила своей обычной жизнью. На ее улицах и рынках слышались всегдашние гомон, шум, крики разносчиков товаров и бродячих ремесленников. Снова ли лоточники. Двигались запряженные лошадьми груженные двуколки. Из лавки в лавку переходили покупатели. Толкались прохожие, зеваки и уличные воры. Тем не менее на улицах, ведущих от Запретного города — дворцового комплекса и Императорского города (где располагались службы Дворцового ведомства), — царили безлюдье и тишина. Они были оцеплены солдатами. Туда никого не пускали, ведь по ним проследует императорский кортеж. А весь людской сброд не должен видеть священный лик Сына Неба!

Как известно, европейские монархи считали необходимым время от времени появляться перед своими подданными и беседовать с ними — иногда даже с простолюдинами. Правители же Китая наглухо отгораживались от своего народа. Личная жизнь богдохана — Будды наших дней — оставалась спрятанной за высокими стенами Запретного города, и сведения о ней ни под каким видом не разглашались. Нарушение этого запрета беспощадно каралось.

Правда, все эти строгости не соблюдались, когда императорский кортеж проходил по «улицам» Запретного и Императорского городов Пекина, где обитали тысячи евнухов и слуганок, днем и ночью не смыкала глаз стража и передвигались по делам штатские и военные сановники. В день выезда богдохана дворцовая челядь, чиновники и «восьмизнаменные» маньчжуры теснились у стен вдоль «улиц». При приближении кортежа они становились на колени, отвешивали земные по-

клоны, а в промежутке между ними могли взглянуть на процессию и самого Священного Императора.

Однако за пределами Запретного и Императорского городов никто не смел и глаз поднять на Священного и Почитаемого. Неосторожно сказанное слово или невольное движение могли стоить свободы и даже жизни: для подданных Сын Неба должен был оставаться таинственным, сверхъестественным существом, носителем святости и исключительной неземной одаренности. Сами богдоханы старались как можно реже покидать пределы Запретного города, переезжая лишь в летние резиденции Юаньминъюань, Чанчунъюань и во дворец в Мулане или отправляясь в храмы Пекина и на могилы предков — так называемые Три гробницы (Саньлин) в Маньчжурии, Западные (Силин) и Восточные могилы (Дунлин) примерно в ста километрах юго-западнее и восточнее столицы.

Случайно оказавшийся на пути кортежа простолудин в страхе простирался ниц в пыли, не смея пошевелиться, пока вся процессия не скрывалась вдаль. Поднявшего голову раньше времени стража хватала и ставила лицом к стене. О каждом выезде Сына Неба за пределы дворца объявлялось заранее в единственной в ту пору газете «Столичный вестник» («Цзинбао»), и тогда улицы по маршруту следования Десятитысячелетнего Властелина срочно приводились в порядок. Ямы засыпались, а бугры срезались. Народ, собак и свиней прогоняли. Убирались прочь временные торговые балаганы и лавчонки. Выметались мусор и грязь. Выходящие на эти улицы переулки перекрывались рогатками, на которые набрасывали циновки и ткани. Земля посыпалась желтым песком. Везде воцарялась мертвая тишина. Даже окна закрывались и занавешивались. Однако те, кого снедало любопытство, подглядывали сквозь трещины в стенах, просветы в занавесках и через дырочки в промасленной оконной бумаге, которая заменяла стекло. Эти смельчаки, затаив дыхание, глазели на Сына Неба и его свиту. Давайте же и мы, уважаемый читатель, прильнем к щели в воротах и посмотрим, что делается на улице.

Процессия вышагивает тихо и чинно. Впереди в ярко-красных халатах идут глашатаи с желтыми жезлами. За ними служители с плетями. Первые оповещают о всех возникших

на пути препятствиях, вторые готовы хлестнуть случайного зеваку. На расстоянии двадцати шагов за ними с важным видом следуют два главных евнуха в желтых халатах. За ними — два других, воскуряющих фимиам, который отгоняет от священной особы богдохана злых духов. А вот и сам император. В зависимости от возраста, наклонностей, состояния здоровья и времени года он либо едет верхом, либо восседает в паланкине. В пределах Запретного и Императорского городов Сын Неба часто шествует пешком. С обеих сторон его благоговейно поддерживают под руки два евнуха, а еще два готовы бежать и исполнить любое высочайшее приказание. Когда Будда Наших Дней в седле, эти служители идут по бокам от лошади. И в том и другом случае пустой императорский паланкин несут следом за Владыкой Китая и Всего Мира. Крупный евнух держит над властелином тяжелый ярко-желтый зонт на высоком шесте, а летом с ним соседствует большое опахало.

Сейчас богдохан в паланкине. В погожие теплые дни он может быть открытым (тогда это легкий портшез — кресло, укрепленное на носилках), а ранней весной или осенью — крытым сверху и с задерживающимися со всех сторон желтыми занавесками. Зимой используется «теплый паланкин» — целая комнатка с креслом внутри, достаточно просторная и тяжелая. Для перемещения этого «дворцового павильона» вместе с сидящим в нем Сыном Неба требуются 36 носильщиков. Для входа в это сооружение и выхода из него приставляется особый «трап» — крылечко с двумя перилами и шестью ступеньками. Его несут впереди паланкина три евнуха.

При выезде за пределы Запретного города Будда Наших Дней восседает в паланкине неподвижно как истукан. За ним следуют множество идущих парами евнухов и дворцовых слуг. Один тащит кресло — на тот случай, если Великий Владыка захочет отдохнуть, другие — на коромыслах коробки с одеждой, если Сын Неба пожелает переодеться. Здесь же свернутая в большой рулон ширма, которая сокроет от посторонних глаз монаршее переодевание. А еще несут дополнительные зонты — от солнца и дождя, красные лакированные короба, украшенные золотыми драконами. В них «походная» продукция Императорской кухни: всевозможные сладости и пече-

нья. Тут же чайники с чаем и горячей водой, а также посуда. Вдруг Десятитысячелетний Властелин пожелает перекусить!

Следом движутся евнухи с изделиями Императорской аптеки: разными лекарствами, средствами для оказания первой помощи и строго обязательными тремя «напитками бессмертия» — для улучшения пищеварения. Имеется также питье, приготовленное из осоки, хризантем, корней тростника, из листьев и коры бамбука. В летнее время здесь припасены дезинфицирующие порошки, снадобья от колик, освежающие пилюли, таблетки для успокоения нервов, для регулирования дыхания и т. д. Вслед за аптечным багажом шествуют евнухи, гордо несущие сосуды для испражнений.

Императорский кортеж сопровождают пешими или верхом не менее восьмисот телохранителей-гвардейцев, вооруженных алебардами, мечами, копьями, луками и стрелами. Одеты они в желтые куртки с короткими рукавами поверх синих и голубых халатов. На головах у них красные конические шапки с черной опушкой и черным пером сзади. Это маньчжуры из корпуса «Желтого знамени». В свиту повелителя входит также множество придворных и чиновников Дворцового ведомства. Общая численность ее приближается к тысяче человек. Над этой величественной процессией живописно колыхнутся красные бунчуки, желтые знамена, военные значки, алебарды, копья и большие зонты. Только после прохождения императорского кортежа в обратном направлении на улицах снимут оцепление. И сюда вернутся обычные для Пекина шум, гам, толчея, собаки и свиньи.

Возвратившись после такой поездки во дворец, богдохан обыкновенно садился за трапезу. Как и что вкушал владыка Поднебесной? В Запретном городе три или четыре раза в день возникала одна и та же авральная ситуация. Из личных покоев богдохана выбегал младший евнух и спешил к старшему. Нес известие: «Десятитысячелетний Властелин повелел поднести яства!» А если проще — захотел есть. Старший евнух быстро передавал «священное повеление» своему собрату, стоявшему у дверей. А тот рысью мчался в Сичанцзэ — особый «квартал» дворцового комплекса, где находилась Императорская кухня. Здешний старший евнух громко отдавал команду. И очень скоро из ворот дежурного помещения вы-

ходила длинная, похожая на свадебную, процессия. Это евнухи торжественно, но торопливым шагом несли «яства» для Сына Неба.

Точного времени для трапезы не существовало. Еда подавалась сразу же, как только Великий Владыка заявлял желание. По этой причине на Императорской кухне весь день полыхал огонь и кипела работа. Многие блюда стряпались заранее, иногда даже за день. В ожидании подачи к столу их постоянно разогревали. Впрочем, на первый план перед Сыном Неба ставили не эти перепрелые блюда, а не менее двадцати свежих, первоклассных кушаний, приготовленных виртуозами китайской национальной кухни. Приносили их в красных лакированных коробах, украшенных золотыми драконами. У дверей палаты «священная ноша» передавалась молодым евнухам в белых нарукавниках, и те быстро подносили яства.

Для «главных блюд» рядом с «драконовым местом» императора спешно накрывались два стола, а зимой еще и «третий стол» — с китайским самоваром хого для подогревания остывших кушаний. Поодаль располагали еще три стола для прочих кушаний, в том числе сдобы, риса и каш. На седьмом столе расставляли соленые овощи. Летом, весной и осенью использовалась желтая фарфоровая посуда с изображением драконов и надписью: «Десять тысяч лет жизни». Зимой сервиз был серебряный. Поскольку пища быстро остывала, серебряные пиалы и тарелочки с едой ставили в желтые фарфоровые миски с горячей водой. В каждой пиале или в глубоком блюде находилась серебряная пластинка, с помощью которой проверяли, не отравлено ли яство. Кроме того, один из евнухов всякий раз пробовал блюда перед подачей.

С появлением в зале самого Сына Неба раздавалась команда: «Снять крышки!» И император садился за трапезу. Евнухи благоговейно взирали, как Будда Наших Дней орудует серебряными палочками для еды. Если Повелитель Великого Пространства хотел отведать блюдо, стоявшее в отдалении или на другом столе, а также чай или иной напиток, евнух спешил исполнить его желание. При этом строго соблюдался давно заведенный ритуал. Подняв тарелочку или чашку на уровень правой брови, он медленно приближался к Священному Владыке, вставал на колени и подавал то, что требовалось. Авгу-

стейший Повелитель Цинской империи и остального мира, в отличие от монархов Европы, вкушал яства один. Сыну Неба по установленному веками этикету запрещалось разделять трапезу с кем-либо из смертных. Исключение делалось иногда только для императрицы (хуанхоу) и вдовствующей императрицы (хуантайхоу).

Конфуцианская этика требовала от правителей скромности в быту и разумного воздержания. Тем не менее еды для Будды Наших Дней готовилось невероятно много — одних «главных блюд» около ста, не считая «обычных». Трапеза августейшего семейства поглощала массу усилий, продуктов и денег. На семью Священного Владыки из шести человек в месяц по «норме» полагалось около двух тонн мяса плюс 388 кур и уток. Сверх того обычно расходовалось до 16 тонн мяса, до пяти тысяч кур и уток, а также более 400 килограммов свиного жира, множество рыбы, крабов и яиц. На это ежемесячно уходило свыше 11 тысяч лянов (430 килограммов) серебра, без учета затрат на груды печений, фруктов, сладостей и море напитков. Часть этих средств расхищалась, часть тратилась впустую — на поддержание престижа и сами церемонии «поднесения яств».

Завтрак Великого Владыки начинался с чая и сладостей. Затем шли свыше двадцати перемен «утренних яств», а это, в частности, жареная курица с грибами, утка в соусе, говядина на пару. Далее следовали вареные потроха, филе из говядины с капустой, тушеная баранина и жареные грибы. Затем подавались баранина со шпинатом и соевым сыром, мясо духовое с капустой на пару, филе из баранины с редисом, вырезка из утки — тушенная с трепангами в соусе. На столы ставились филе из говядины (приготовленное с ростками бамбука), блюдо, похожее на «бефстроганов» из баранины, пирожки из тонко раскатанного теста и жареное мясо с капустой. В придачу шли соленые соевые бобы, ломтики копченостей, овощи в кисло-сладком соусе и капуста, жаренная с перцем. В блюдечках лежали сухие ароматические травы, а в глубоких пиалах был налит мясной бульон.

При цинском дворе формально возбранялось есть говядину. По нормам конфуцианской морали убивать рабочий скот считалось большим грехом. Но Сын Неба мог и пренебречь

этим запретом, о чем красноречиво свидетельствует приведенное выше меню. Когда же все-таки вспоминали об этом табу, то обходились без говядины и подавали блюда из свинины, баранины, дичи, домашней птицы и овощей, к примеру оладьи с яйцами, грибы и брюкву.

Домашняя птица и баранина готовились разными способами: это и голубь, фаршированный овощами, и «мягкий цыпленок», сваренный на пару, размельченный и прокипяченный в молоке. В центре стола стояла широкая чаша с супом из мяса цыпленка, утки и акульих плавников. Рядом — тарелки с цыпленком без костей и с жареной уткой. Их посыпали измельченными сосновыми иголками, источавшими приятный запах. Отдельно подавались жареный поросенок и корочка от него, нарезанная мелкими кусочками, а к ним самые различные соусы. В конце утренней трапезы евнух подносил чашу из желтого риса и сладких зерен.

Среди блюд, составлявших гордость китайской национальной кухни, главной «знаменитостью» можно назвать «пекинскую утку». Это был особый деликатес. Для его приготовления утку, постоянно поворачивая, поджаривали в специальной печи, где горели сучья фруктовых деревьев. От печного жира утиный жир растапливался и покрывал тушку вкуснейшей темно-коричневой корочкой. Затем утку резали на кусочки, клали их на тонкие блинчики, поливали густым сладким бобовым соусом, посыпали нарезанным луком и сворачивали в трубочку. Среди первых блюд самым дорогим и изысканным считался суп из «ласточкиного гнезда». Это желтоватое полушарие состоит из застывшей слюны морских ласточек, что живут в скалах по берегам Южного Китая. Разваренное в кипятке «ласточкино гнездо» дает необычайно аппетитный бульон, где плавают нити, напоминающие по вкусу вязигу.

Любимые в Китае трепанги варили или тушили с куриным жиром, луком, соевым соусом, куриным бульоном, рисовым вином, сахаром, пряностями и другими специями. Поражало обилие приправ — всего до четырехсот, а в постоянном обиходе — не менее ста. Они придавали блюдам неповторимый вкус и аромат. На семи столах императора сменяли друг друга и прочие традиционные блюда. Плавники акулы. Утиные язычки. Голубиные яйца. Жареные рыбы молоки. Раки в чес-

ноке с сахаром. Рыбьи мозги. Жареные луковицы лилий. Рыба разных сортов, и прочее, и прочее. Здесь же были всевозможные сладости. Считалось, что они возбуждают аппетит. В маленьких тарелочках подавались корни лотоса, сваренные в меду, жареные грецкие орехи, засахаренные зерна абрикоса, пастила из мороженных яблок и многое другое. Стояли здесь и разнообразные закуски. Самая лакомая из них — соленые затвердевшие яйца черного цвета. С закусками соседствовали горячие кисели. А к ним полагались всякие булочки и пирожки: с шафраном и жасмином, с чесноком, рисовые лепешки с рублеными грецкими орехами, а также пресные хлебцы, сваренные на пару. Меню одного обеда могло состоять из 150 блюд, которые обходились примерно в 100 лян серебра. Подчеркивая столь безумное расточительство, народная поговорка гласила: «Что император скушает за один раз, то крестьянину на полгода хватит».

Каждая из императриц имела собственную прекрасную кухню с великолепными поварами. И для государыни утро также начиналось с чаепития и сладостей — засахаренных семян лотоса, дыни и грецких орехов. На тарелочках лежали особым способом приготовленные сахарный тростник и фрукты. Евнухи приносили чай в нефритовых пиалах, накрытых позолоченными блюдами. В две специальные чашечки насыпали лепестки жасмина и розы. Их клали в чай, отчего он обретал особый аромат. После чаепития Мать Государства шествовала в соседнюю залу, где был накрыт завтрак. Как бы то ни было, любая трапеза начиналась с горячего чая — черного, зеленого или цветочного — и им же заканчивалась. Он издревле почитался в Китае первейшим напитком, несущим здоровье и бодрость. Как писал знаменитый поэт Су Дунпо (настоящее имя Су Ши, 1036—1101):

Эликсир бессмертия?
Он тебе зачем?
Чая ароматного
Выпей чашек семь...

Перевод О. Непомнина

«Почтенные господа» из дворца.
Евнухи маньчжурских богдоханов

Для европейского читателя евнух — один из синонимов Востока и его загадочной экзотики. В мусульманском мире это оскропленный слуга при гареме. При дворе же маньчжурских правителей Китая такие функции выполняла лишь малая часть евнухов. Основная же их масса, по сути, являлась дворцовыми слугами в самом широком смысле слова. В исламских странах евнухов, равно как и гарем, мог иметь всякий богатый человек. В Китае же услугами скопцов пользовались только члены императорской семьи.

Маньчжуры строго регламентировали количество евнухов. Сыну Неба полагалось иметь три тысяч кастратов. Старшим сыновьям и дочерям императора — по тридцать, племянникам и младшим сыновьям — по двадцать, внукам — по шестнадцать, правнукам — по шесть и праправнукам — по четыре. Все прочие жители страны не имели права держать при себе кастратов. Таким образом, евнухи были одним из атрибутов императорской власти и показателем места их хозяев в высшей иерархии Цинской империи.

Запретный город, а летом и загородные дворцы буквально кишели евнухами! Они попадали во дворец различными путями. Чаще всего бедные родители-китайцы продавали своих сыновей для службы во дворцы. Семьи, не имевшие средств к существованию, были вынуждены соглашаться на кастрацию детей. Сами завоеватели-маньчжуры из-за своей малочисленности берегли собственное потомство. Ни одного маньчжура, даже осужденного, не кастрировали. Евнухи набирались только из китайцев. Для них это был кратчайший путь в Запретный город. Бедняки и честолобцы сознательно соглашались на оскропление. Главное — попасть во дворец! А здесь можно было сделать блестящую карьеру! Тогда в Китае господствовал земляческий принцип подбора сотрудников и учеников. Преобладал он и при подборе евнухов. Для этого набирали мальчиков из бедных семей области Хэцзянь в столичной провинции. Привезенных оттуда детей отдавали на обучение старым евнухам. Такие ученики получали не-

большое жалованье. По окончании учебы их оскопляли и допускали к работе при дворе под надзором старших.

Иногда евнухов называли «царедворцами», «служащими при дворе», «подвесками на головном уборе» (имелись в виду украшения, которые носили высшие евнухи в Средние века). Простолюдины именовали их «почтенными господами», а недоброжелатели просто кастратами или скопцами.

Организационно все евнухи были прикреплены к соответствующим подразделениям трех уровней. На верхнем находились «отделения». Далее шли «девять служб». И наконец, внизу располагались сорок восемь «отделов». Согласно своеобразной «табели о рангах», евнухи делились на три уровня. Высший составляли «главноуправляющие». В Запретном городе их было несколько, причем каждый имел двух помощников — старшего и младшего. На среднем уровне находились «начальники отделений» с двумя помощниками. И на нижнем — более двух тысяч рядовых евнухов, которые, в свою очередь, делились на два разряда — «обычные» и «низшие». «Низший» разряд состоял из дворников. На эту грязную работу направляли провинившихся. Вершиной придворной карьеры евнуха служила должность главноуправляющего с третьим чиновным рангом. Таким образом, все придворные кастраты были иерархизированы по чиновному принципу, а сама система предельно бюрократизирована. По сути, она повторяла собой основы организации китайской деспотии и ее госаппарата.

Служба евнухов высшего или даже среднего звена считалась более чем престижной. Успех при дворе открывал путь к славе и благополучию не только для евнуха, но и для всего его рода, жившего в провинции. За стенами Запретного города высшие евнухи пользовались уважением наравне с чиновниками. Евнухи служили в самом «сердце» Цинской империи. Пекин был ее столицей. Его Внутренний город стал главным местом сосредоточения высшего «знаменного» сословия. Его Императорский город, по сути, служил «главной управой» (ямэнем) Китая. Потому Запретный город являлся «сверхуправой», или «сверхямэнем». А раз так, то даже его рядовые служители приобретали особый вес.

Маньчжуры сознавали это и помнили, что при прошлых династиях, особенно в эпоху Мин, реальная власть неодно-

кратно переходила к евнухам. Поэтому они запретили кастратам вмешиваться в дела правления. Чаще всего скопцы не могли получать чиновничьи ранги выше четвертого. Им разрешалось носить на шапках только синий шарик и синее перо, а не разноцветные, как у чиновников. Если при Минах евнухи хозяйничали по всему Китаю, то в период Цин они оставались влиятельной силой только в пределах Запретного и Императорского городов Пекина. Дворцовым кастратам под страхом смерти запрещалось покидать Пекин. Евнуха, выехавшего за пределы столичной провинции, могли казнить за нарушение этого запрета.

Дворцовые евнухи по роду и месту службы делились на три категории. Первая и высшая состояла из скопцов, прикрепленных к высоким особам. Они обслуживали самого богдохана, его сыновей и дочерей, его мать — вдовствующую императрицу и его жен — императриц Среднего, Восточного и Западного дворцов. Ко второй принадлежали кастраты, приписанные к «павильонам», то есть мини-дворцам императорских наложниц. Именно эта категория евнухов обслуживала и охраняла гарем. Все те, кто не входил в первые две категории, составляли третью, общедворцовую — наименее престижную категорию служителей. Они выполняли весьма широкие хозяйственные, административные, религиозные и культурные функции в стенах Запретного города и загородных летних дворцов-парков. Дворцовые евнухи были «рабами» богдохана, его «вещью».

В присутствии императора или его близкой родни, на торжественных церемониях они одевались в желтые халаты. Желтый цвет был цветом Сына Неба и символизировал положение евнухов, иными словами, они были всего лишь его «вещью», его тенью. В остальных случаях кастраты носили серый халат, поверх него короткую темно-синюю куртку, а на голове — небольшую шапочку,

Некоторые евнухи, особенно главноуправляющие, становились доверенными лицами богдохана, маньчжурских князей и высших сановников. Выполняя роль надзирателей, евнухи использовались сильными мира сего в качестве шпионов и сводников, порученцев и посредников. Кастраты окружали Сына Неба с его рождения до ухода в «мир теней». Очень скоро будущий император-ребенок переходил из рук кормилиц

и няnek под надзор евнухов, которые становились главными спутниками его детства, его «рабами» и первыми учителями. Евнухи учили ребенка есть, ходить, говорить, развлекали и оберегали его. Они всегда были рядом — во время игр и занятий, еды и сна. Евнухи объясняли ему правила придворного этикета и обычаи династии Цин. Прославляя деяния его предков, они рассказывали будущему Сыну Неба разного рода поучительные истории и занимательные байки. Если ребенок-император или наследник престола капризничал или не слушался, воспитатели-евнухи в качестве наказания запирали его в пустую комнату.

Будущий богдохан становился взрослым, вступал на престол, женился и правил империей в окружении все тех же евнухов, неотступно следовавших за императором с утра до ночи. Они присутствовали при его пробуждении, умывали и одевали его. Прислуживали за трапезами. Сопровождали Сына Неба при всех его перемещениях. Если другим людям запрещалось находиться при богдохане, то евнухам это вменялось в обязанность, и с наступлением ночи скопцы его не покидали. По его приказу приносили к нему в спальню наложницу, а потом уносили ее. Во время прогулок императора и при переездах в летний дворец они несли за ним все, что могло понадобиться в пути.

Скопцы выполняли за Сына Неба некоторые ритуальные обязанности. Возжигали ароматные свечи перед заповедями и указами императорских предков. Читали молитвы и возжигали курильницы и свечи в храмах. Вызывали врачей, если господин занемог. Встречали и провожали сановников, вызванных к богдохану для доклада или на аудиенцию. Императору полагались специальные «адъютанты» (сула). Все они набирались из евнухов. Такого же рода «адъютанты» имелись и при Дворцовом управлении, и при Военном совете — верховном органе Цинской империи. На плечи евнухов среднего и низшего звена ложились уборка помещений, их отопление, купание, омовение господ, вынос блюд к столу, прислуживание при трапезах и приготовление лекарств. Евнухи драили полы и били мух, подавали чай и обмахивали опахалами своих хозяев, готовили их любимые блюда, причесывали императорских наложниц и подметали улицы.

Дворцовые евнухи выполняли функции также разного рода служек, писцов, секретарей и экзекуторов. Они распространяли высочайшие указы и принимали прошения, знакомились с документами и бумагами Дворцового управления. Проверяли приход и уход чиновников. Вели списки присутствия членов императорской академии Ханьлинь. Составляли график дежурства дворцовой охраны. День за днем вели хронику деяний Сына Неба. Наказывали плетью провинившихся дворцовых служанок и своих собратьев-евнухов. На плечи скопцов ложилось множество хозяйственных забот. Получение денег и зерна от казначеев, снабжавших дворец. Противопожарная охрана, хранение одежды, оружия и дворцовой утвари, сухих и свежих фруктов. Обеспечение материалами строителей и ремонтников. Уход за животными, за садами и парками. Уборка дворцовых палат и помещений. Вот далеко не полный перечень их обязанностей. К этому надо прибавить ночные дежурства, участие в разного рода шествиях, обрядах и церемониях.

Евнухи выполняли своего рода культурную миссию. Они следили за хранением книг в императорских библиотеках, антикварных изделий, каллиграфических надписей, картин на шелке и бумаге, коллекций ценнейшего фарфора и древних бронзовых сосудов, а также императорских драгоценностей. По строгим конфуцианским традициям считалось неприличным приглашать во дворец профессиональные театральные труппы со стороны. Поэтому в Запретном городе всегда имела «своя» труппа — южной, или куньшаньской, драмы. Здесь, как и везде в Китае, начиная со времен правления Хунли все роли, в том числе и женские, исполняли мужчины. Иногда по желанию богдохана давались «собственные», то есть придворные, спектакли, куда приглашались маньчжурские князья и сановники. Чтобы придворные спектакли проходили на высоком профессиональном уровне, евнухов обучали театральному искусству. Неспособные отсеивались, а с одаренными занимались профессионалы наставники. По окончании учебы актеры-скопцы допускались на дворцовую сцену.

Особую касту составляла верхушка придворных скопцов. Главноуправляющие, начальники «отделений», как правило, имели собственную кухню, младших евнухов для услуг и да-

же свой штат служанок и горничных. Евнухи высоких рангов зачастую владели собственными домами либо в Императорском, либо во Внутреннем городе Пекина. Там у них были свои слуги, лошади и экипажи. Чтобы было кому передать нажитое имущество, они заводили приемных сыновей, чаще всего из числа родных племянников. Многие были баснословно богаты — так, в гробнице одного из «главноуправляющих» евнухов были обнаружены удивительные сокровища, и среди них статуя из чистого золота.

В зависимости от ранга и должности евнухи получали жалование — серебром, рисом и медной монетой. Обладатели высоких рангов, кроме того, имели «побочные доходы», как законные, так и нелегальные. Такого рода поступления превышали казенное жалование, которое чаще всего служило лишь прикрытием «частных доходов». Последние поступали из разных источников. Скопцы вымогали деньги у сановников. Расхищали казенные средства — деньги и продовольствие. Поедали обильные яства, что оставались после императорских трапез. Незаметно тасили что «плохо лежит» и продавали на сторону. Жульничали, брали взятки. Играли в азартные игры, доносили, сплетничали и сводили личные счета. Придворные скопцы подслушивали у дверей, подсматривали и разносили сплетни. Участвовали в интригах.

В то же время евнухи, особенно те, что победнее, были беззащитны перед своими хозяевами, которые могли сделать с ними все что угодно. Могли избить и наградить. Направить с почетным поручением и приказать драить пол. Одарить серебром и дать оплеуху. Провинившегося евнуха можно было хорошенько высечь в особом отделе Дворцового управления.

Основная масса евнухов жила скученно, в своего рода «общежитиях», под надзором начальников «отделений», «служб» и «отделов». Эти общежития располагались либо вблизи места работы, то есть за дворцами, палатами и павильонами, либо в отдаленных углах Запретного города. При маньчжурах в Запретном городе встречались и женатые евнухи, пошедшие на оскотление, уже имея жену и детей. Им разрешалось время от времени посещать родную семью.

В то время как верхушка евнухов процветала, многие рядовые скопцы влачили жалкое существование. Непроходимая

пропасть разделяла рядового евнуха на посылках, дрожащего зимой от холода в потрепанном халате, и главноуправляющего, каждый день менявшего соболью куртку. Его шубы из меха морской выдры было достаточно, чтобы мелкому чиновнику кормиться всю жизнь. Низшие евнухи, терпя унижения от своих начальников, хозяев и хозяек, отыгрывались на тех, кто был ниже их, на беззащитных дворцовых служанках. Здесь их было множество — молоденьких и красивых девушек-китайнок. Этот огромный «цветник» служил для евнухов и источником любовного томления. Среди них не все были кастратами, встречались и «фальшивые» евнухи, которые тайком приставали к дворцовым служанкам, а иногда делали их своими любовницами. Зачастую евнухи вымещали на служанках обиду за свою физическую неполноценность и пускали в ход кулаки, ножи и хлысты.

По китайским поверьям, человек после своей земной жизни уходил в загробное царство. Для этой второй жизни покойник должен был сохранить все тело в целости. Поэтому отрезанные половой член и яички евнуха клали в стеклянный сосуд со спиртом и хранили в особом ларце, а в час кончины «почтенного господина» ларчик возлагали ему на грудь.

В погоне за ореолом идеального правителя. Император Хунли

Лето 1722 года буйствовало в охотничьих угодьях цинских богдоханов в Жэхэ. Здесь, к северу от Великой Китайской стены, на исходе одного из июньских дней завершалась очередная облавная охота. Усталый и довольный император Сюанье, сидя в седле, собрался было подать команду к возвращению домой, как произошло неожиданное. Загонщики подняли бурого медведя — матерого и страшного в своей ярости. Это был редкий гость в тех местах. Видимо, он спустился со склонов Яньшаня. Зверь принял свой последний бой, как и подобает смертнику, — жестко и яростно. Раненый сразу несколькими стрелами, он бросился на врагов, расporов бок одной из лошадей и изувечив двух егерей. В этой

суматохе слились ржание, рев, крики, стоны. Сюанье, любивший опасность, вынул охотничий нож с серебряной рукоятью и уже хотел сойти с седла, как вспомнил, что рядом с ним его любимый внук — двенадцатилетний Хунли, четвертый сын его четвертого сына Иньчжэня. Оказалось, что подросток не удрал. Он спокойно сидел на своем пони и левой рукой сдерживал его поводьями, а в опущенной вниз правой сжимал боевой маньчжурский кинжал — подарок деда. Губы сжаты, брови сдвинуты, оружие держит правильно — клинком вперед, взгляд сосредоточен на медведе. Восхищенный Сюанье на миг даже забыл о звере. Ловчие тем временем свалили его и кончали, нанося удар за ударом.

Вечером после охоты, как гласит легенда, старый император вызвал Иньчжэня и приказал: «После тебя править Поднебесной будет Хунли. Это моя воля. Запомни!» Зимой того же года Сюанье умер, и следующие тринадцать лет правил Иньчжэнь. В свою очередь, перед смертью, в октябре 1735 года, он сделал Хунли своим наследником.

18 октября того же года 25-летний Хунли взошел на трон. С девизом его правления Цяньлун (Непоколебимое и Славное, 1735—1795) ассоциируется наивысший расцвет Цинской империи, предельное расширение ее границ. Страна, казалось, находилась в зените своего могущества и процветания. Отсюда тот огромный интерес к личности этого пятого императора династии Цин — монарха, более шестидесяти лет олицетворявшего собой «величие и славу эпохи Цяньлун».

Судя по сохранившимся портретам, у Хунли были довольно полное лицо, кустистые брови, толстый нос с горбинкой, редкие вислые усы, едва заметная бородка, резко очерченные губы и тяжелый властный взгляд узких глаз. Таким он сидел на императорском троне в длинном, до пят, парадном одеянии, расшитом драконами, и в круглой маньчжурской шапке.

Хунли получил прекрасное классическое конфуцианское образование, но особого опыта управления страной не имел. На первом этапе его царствования — до 1749 года — ему помогали нести государственные заботы два опытных политика — Оэртай (до 1745 года) и Чжан Тинъюй (до 1749 года). После смерти первого и отставки второго следующие тридцать лет (1750—1780) Хунли правил самостоятельно. Так же как его

дед и отец, он являл собой образец сильного волевого монарха, вникавшего во все дела государства. Его первые министры — шурин Фухэн и позже Юй Миньчжун были всего лишь его «письмоводителями» и исполнителями воли и боялись ему возражать. Следуя во всем примеру своего гениального деда (о своем отце он старался не говорить), Хунли претендовал на роль образцового государя — идеального конфуцианского правителя. Был трудолюбив и усидчив. Каждое утро в начале одиннадцатого он входил в свой рабочий кабинет, расположенный, как и его жилые покои, внутри «палаты» Янсиньдянь в Запретном городе. До обеда прочитывал, просматривал, подписывал (либо отклонял) или диктовал секретарю множество разного рода документов, а также работал с министрами, то есть главами Шести ведомств, и сановниками. Оставшаяся после него (и изданная) огромная деловая документация (300 томов) свидетельствует о его рассудительности, образованности, проницательности, сильном характере и чувстве ответственности. Хунли выступал образцовым «первым чиновником» огромного бюрократического аппарата Цинской империи. Он был очень строг с дворцовыми евреями и не позволял им вмешиваться в дела правления, к чему они всегда стремились.

Хунли продолжил линию Сюанье на осуществление административно-налоговых преобразований. Налоговые реформы, проведенные дедом и отцом, Хунли дополнил учетной реформой 1741—1742 годов. С этого времени в реестрах учитывались не только «тягловые» (дин), то есть мужчины с 16 до 60 лет, но и «нетягловые» (коу), то есть женщины, дети, старики, инвалиды и отчасти национальные меньшинства Китая. Когда Хунли стал стареть, период наивысшего «блеска и процветания империи» (60—70-е годы) сменился эрой господства фаворита Хэшэня (с 80-х годов). Управление империей все более переходило к всемогущему временщику и сопровождалось разложением госаппарата. По мере передачи власти Хэшэню стареющий император терял реальное представление о состоянии дел, становясь жертвой ложной информации. Хотя империя уже вступила в полосу кризиса, старому богдохану внушали, что его последний период правления столь же блестящ, как и предыдущий, что империя сильна как никогда.

Хунли страстно мечтал о славе полководца, о лаврах завоевателя, подражая в этом Сюанье. Однако, в отличие от деда, он сам на войне не был и никогда не приближался к театру боевых действий. «Воюя» сидя в Пекине и в летней резиденции Мулань в Жэхэ, Хунли, однако, составил список десяти своих «великих военных побед». Самыми крупными из них были завоевание Джунгарии и Кашгарии, то есть разгром Ойратского ханства (1755—1758) и ликвидация мусульманского государства в Восточном Туркестане. Между тем обе эти победы были обусловлены не военной мощью империи и полководческим «талантом» Сына Неба, а феодальной раздробленностью и междоусобицей в этих двух регионах, что сделало их легкой добычей Хунли. Тем не менее цинской казне «эти блестящие победы» обошлись в 23 миллиона ляннов серебра.

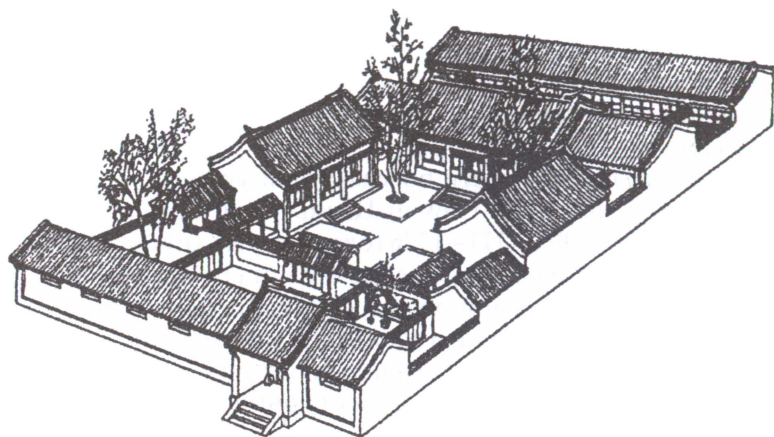
С окончательным подчинением Тибета, завоеванием Джунгарии и Кашгарии в состав Цинской империи вошли земли общей площадью до 3 миллионов квадратных километров. Правда, в основном это были пустыни, полупустыни и бесплодные горы. Но это не помешало Хунли развознить о своей «безупречной военной доблести» и считать себя великим завоевателем. Поскольку Цинская империя находилась тогда в зените своего расцвета, удачливый богдохан ощущал себя вершителем судеб почти всего мира, чуть ли не его властелином. Его буквально распирало от сознания собственного величия. На этой блаженной волне он решил наказать «заморских варваров» и «закрыл» Китай для европейских и американских купцов, оставив этим «длинноносым» и «рыжеволосым чертям» одно «окошко» — порт Гуанчжоу. Ощукая себя почти всемирным владыкой, он не сомневался в своем высшем праве «наказывать» и «усмирять», то есть приводить в русло «китайского порядка», соседние страны и их государей. Исходя из этого, Хунли начинал войны, дабы продемонстрировать свое «могущество» и «моральное совершенство». Начав войны с Бирмой (Авское государство) в 1768—1769 годах и с Вьетнамом (Аннам) в 1788—1789 годах, Хунли был взбешен поражениями своих войск, и только формальное признание ими «даннического» статуса по отношению к Пекину несколько примирило воинственного

императора с положением дел на южных границах. Эти две неудачные войны поколебали ореол «непобедимости» Хунли, и лишь более успешная война с Непалом в 1792 году восстановила дух самомнения, выпестованный богдоханом в себе самом.

В число своих «десяти побед» Хунли записал подавление восстаний тибетских племен Цзиньчуани (Западная Сычуань) в 1747—1749 и 1771—1776 годах, а также китайцев на Тайване (1787—1788). Эти «победы» стоили крайне дорого. Так, покорение Цзиньчуани обошлось втрое дороже завоевания Джунгарии и Кашгарии. Такого рода траты, учитывая также расходы на путешествия Хунли в провинции долины Янцзы и недобор налоговых сумм из-за стихийных бедствий и голода, составили около 200 миллионов лянов серебра — сумму, по тем временам колоссальную. Кроме того, в 1782 году Хунли увеличил регулярную армию на 60 тысяч человек, что обернулось ежегодной нагрузкой на бюджет страны в 3 миллиона лянов. Избалованный победами — реальными и мнимыми, Хунли крайне болезненно воспринял поражения своих войск от повстанцев в начале Крестьянской войны под руководством секты «Белого Лотоса» («Байляньцзяо») в 1796—1798 годах. Сын Неба со столь большими претензиями не мог не сознавать, что конец его «блестящего правления» смазан успехами этих «религиозных бандитов».

Считая себя оплотом конфуцианства, его высшим авторитетом и покровителем, Хунли всячески поддерживал ученых и шэньши при компилировании и переиздании древних и средневековых текстов. Для этого он организовал гигантские «литературные работы». Издание одной только серии «Сыку цюаньшу» («Библиотека императорских рукописей по четырем разделам») в 36 тысяч томов дало заработок множеству интеллектуалов. При этом император выступал как яркий враг инакомыслия и свободного творчества, как жесткий цензор и беспощадный каратель, поднявший «литературную инквизицию» до апогея. По его приказам происходили аресты, допросы, пытки, казни и ссылки ученых и литераторов, историков и поэтов, сжигались книги.

Хунли считал себя гениальным поэтом, выдающимся каллиграфом и художником, знатоком искусства и высшим ав-

Городская усадьба (сыхэюань) состоятельного человека в Пекине

торитетом в этой сфере. Он везде желал быть первым, и пресмыкавшиеся перед ним придворные укрепляли его в этом заблуждении. Будучи буквально помешанным на литературном творчестве, Хунли вошел в историю как царственный графоман. Он издал 40 тысяч своих стихотворений и поэм, став самым плодовитым из самых посредственных рифмоплетов в истории китайской литературы. Фантастическое обилие его творений компенсировалось их заурядностью. Всего богдохан издал шесть своих поэтических сборников (454 цзюаня, или главы) плюс четыре сборника своей прозы (92 цзюаня), а также еще 30 цзюаней прозы и поэзии. До сих пор остается загадкой, как богдохан физически смог это написать один. Но если он писал не один, то кто ему в этом помогал и почему в свои соавторы он избрал таких же посредственностей, как он сам?

Как и Сюанье, Хунли покровительствовал художникам, их было много при дворе. Среди них европейский миссионер иезуит Джузеппе Кастильоне, писавший стилизованные портреты императора. Иезуиты служили архитекторами и художниками при создании павильонов, зданий, парков и фонтанов в итальянском стиле в летней резиденции Юаньминь-

юань. Именно при Хунли этот дворцово-парковый комплекс приобрел законченный и роскошный облик. Богдохан сам рисовал посредственные картины в традиционном духе и, как подражатель одного из стилей каллиграфии, занимался этим чисто китайским видом искусства. Кроме того, как крупнейший в стране меценат, он собрал огромную коллекцию живописи и каллиграфии. Император увлекался музыкой и театром, поощрял искусство фарфора, перегородчатой эмали, резьбы по нефриту и слоновой кости.

Хунли считал гуманность одной из высших своих добродетелей. Между тем для него ничего не значили десятки и сотни тысяч загубленных жизней. На его совести истребление огромных масс людей. Так, при подавлении восстания народности мяо в 1735—1736 годах погибло около 500 тысяч человек, а при покорении Джунгарии по его приказу было вырезано без малого 600 тысяч. Гекатомбы трупов стали своего рода памятниками императорской «гуманности». Противники и мятежники воспринимались им как недостойные существования нарушители высшей, установленной Небом гармонии с ее венцом в лице самого Хунли.

Поразительная жестокость к врагу, повышенная страсть карать ослушников, тяга к мучительным казням, стремление внушать не просто страх, а панический ужас были в духе Хунли. Он любил назначать самые изощренные пытки, любил вселять страх в подданных и «варваров», живущих в пределах империи.

Как всякий восточный деспот, Хунли делил всех людей на две категории — на подвластных ему подданных и иностранцев. С первыми он был высокомерен, требователен и жесток, властен и немногословен. Исключение составляли «знаменные», то есть высшее сословие завоевателей, прежде всего маньчжуры, — их он всячески опекал. В глазах же иностранцев — «заморских варваров» — европейцев и азиатских «данников», приезжавших на поклон в Пекин, Хунли выглядел иначе. С ними он разыгрывал роль великого властелина, но скромного человека и простого в обиходе мудреца, могущественного завоевателя, но гуманного интеллектуала и внимательного собеседника, образцового конфуцианского правителя, но радушного, щедрого и заботливого к гостям хозяина.

С европейцами он держался без обычного высокомерия, говорил без чванства, умело подчеркивал свою образованность, то и дело цитируя изречения древних мудрецов и максимы из классических сочинений. Хунли мог себе позволить на неофициальном портрете выглядеть добрым, простодушным и улыбчивым стариком и в то же время хотел, чтобы его изображали в виде Будды.

Хотя Хунли жил в сказочной роскоши, его алчность не знала границ, он мог отобрать у богатых купцов серебро, у своих прислужников-скопцов — накопленное ими богатство. Когда повстанцы секты «Белого Лотоса» начали наступление, создав угрозу столичной провинции и Пекину, Хунли поспешил вывезти свои богатства в Маньчжурию, где они были закопаны на дне специально отведенной в сторону реки, после чего воду вновь пустили по старому руслу. Когда же дело касалось любимца Хэшэня, щедрость императора не знала границ. Этого фаворита старый богдохан осыпал богатствами, построил для него огромный и роскошный дворец.

Копируя своего деда, Хунли много путешествовал по стране. Так, с 1751 по 1784 год он совершил шесть поездок в провинции бассейна Янцзы, а кроме того, путешествовал по Северному Китаю и Маньчжурии. Все эти вояжи были крайне разорительны для казны. Как и Сюанье, Хунли безумно любил охоту верхом, когда в огромных императорских охотничьих угодьях в Жэхэ сотни и тысячи загонщиков «поднимали» зайцев, лисиц, оленей, антилоп, волков и кабанов, сгоняя их в центр облавы — под стрелы, копье и аркебузу богдохана. Хунли был хорошим наездником, метким стрелком, необычайно крепким и здоровым человеком. До глубокой старости он сохранял бодрость и работоспособность. Так, за два года до смерти, в 86 лет, он еще выезжал на охоту верхом. Вплоть до последнего своего часа он читал и писал как обычно. Его долголетие во многом объяснялось строгим распорядком дня, никогда не изменяемым. Вставал он в 9 часов утра и после длившегося почти час завтрака садился за деловые бумаги в своем кабинете в палате Янсиньдянь. После часового обеда читал, писал стихи, рисовал. Перед сном следовал легкий ужин.

Женщины не играли какой-либо роли в его жизни, хотя, будучи молодым, Хунли очень любил свою первую жену —

императрицу Сяосянь (Мишань). После ее смерти он сделал своей женой Ула Нару, но через пятнадцать лет супружеской жизни она посмела противоречить ему. Тогда Хунли постриг ее в монахини, объявив сумасшедшей, что вызвало массу крик-вотолков, ибо выставило Сына Неба и «образцового конфуцианца» в нежелательном свете. Гарем Хунли состоял из трех главных наложниц, девяти наложниц второго ранга, двадцати семи третьего и восьмидесяти одной четвертого ранга, не считая множества фрейлин и прислужниц. Одним словом, выбор у богдохана был широкий. Жены и наложницы родили ему очень много детей, но до отрочества дожили только 17 сыновей и 10 дочерей.

В свое время Хунли официально заявил, что, если Небо подарит ему долголетие, он не будет находиться на троне более 61 года — столько правил страной Сюанье. На исходе этого срока — в октябре 1795 года — он объявил о передаче власти сыну и наследнику Юнъяню, а в феврале 1796 года провел церемонию его восхождения на престол. Наступила эра Цзяцин (Прекрасное и Радостное правление, 1795—1820), но эра Цяньлун оставалась в пределах дворца до конца дней Хунли, коего теперь именовали «Верховный Император» (Тайшан Хуанди). Отец продолжал давать сыну указания, инструкции и «поучения» в государственных делах вплоть до своей смерти. Хэшэнь сохранил свою власть «теневого монарха» и готовил указы от имени «Верховного Императора». Таким образом, Хунли правил 63 года — дольше, нежели любой император Китая начиная с древности. В своей сверхдолгой жизни он стал свидетелем жизни семи поколений — от своего деда до своего праправнука. По достижении 70 лет Хунли взял себе прозвище «Сын Неба, коего редко встретить начиная с древности» (Гуси Тяньцзы).

При всей внешней помпезности эры Цяньлун фигура Хунли оказалась как бы на историческом переломе. Первая треть его правления еще оставалась в русле общего подъема империи, середина царствования пришлась на вершину могущества, а в последнюю треть началось сползание к очередному циклическому кризису китайского феодализма, грозным предвестником которого явилась Крестьянская война под руководством секты «Белый Лотос».

Молниеносный удар с востока. Как погибло Ойратское государство

Страшен был лик Джунгарии 1756–1758 годов. Страна западных монголов (ойраты, джунгары) стала зоной смерти. Джунгарские степи были усеяны трупами, реки, ручьи и речушки покраснели от человеческой крови, а воздух был насыщен дымом от горевших улусов, лесов и трав. Враг угонял табуны лошадей и гурты скота. В бессильной ярости заходились лаем обезумевшие от своеволия чужаков сторожевые псы. Целый народ губили под корень. Все ложились под мечи, копья и стрелы завоевателей — князья (тайджи, нойоны), дворяне (зайсаны) и крепостные араты (албату), мужчины и женщины, старики и дети — вплоть до грудных младенцев.

Неумолимый враг — войска Цинской империи уничтожали все население некогда могущественного Ойратского ханства. Поголовное истребление целого народа осуществлялось по приказу Хунли — пекинского императора, богдохана и Сына Неба. Сначала с лица земли было стерто Ойратское ханство, затем очередь дошла до его населения. Уничтожались стойбища, горели юрты, кибитки и нехитрый скарб. Горела сухая трава, степной пал бежал от одного улуса к другому, как бы разнося по степи знак беды. Ойраты прятались под камнями, в ямах и вырытых норах, но их вытаскивали и истребляли на месте. Шла настоящая охота на людей. Человечьей мертвечины было в изобилии, и на земле погибшего ханства справляли свой пир степные волки, шакалы, лисицы, одичавшие собаки и хищные птицы. Единственным спасением оставалось добраться до крепостей «белой императрицы» — Елизаветы Петровны. Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось на север — в Сибирь, под защиту русских штыков, главным образом к Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостям.

Брели из последних сил, умирая по дороге от голода, питались травами, падалью и человеческими трупами. Днем прятались от погони и облав, а ночью продолжали идти на север — в российские пределы. Падали, ползли на четвереньках, вставали и снова брели. За ними гнался еще один неумоли-

мый враг — эпидемия оспы, собирая свою дань с гибнущего народа. Некоторые падали от истощения вблизи желанной цели — на виду у русских крепостей. Тогда специальные команды выходили им навстречу, подбирали павших и спасали от голодной смерти. Так сошли с лица земли Ойратское государство и почти весь его народ. «Вселенная издревле не знала таких великих подвигов!» — в упоении победой писал цинский историк.

Император Хунли с особым нетерпением ждал вестей из Джунгарии — главной территории Ойратского ханства. С первых же дней восшествия на «драконовый трон» богдохан был вынужден постоянно заниматься «джунгарским вопросом». Для династии Цин тогда не было противника более грозного, чем Ойратское, или Джунгарское, ханство. В состав ханства входили Джунгария, Кашгария (Восточный Туркестан), восточные районы Тянь-Шаня, значительная часть казахских жузов (орд). Ойратская конница доходила до Сырдарьи и района нынешнего Ташкента. Ойратские ханы (хунтайджи) стремились присоединить к своим владениям Халху (Северная Монголия) и Чахар (Южная Монголия), то есть объединить под своей властью всех монголов (западных, северных и южных), создав Великое Монгольское государство по примеру империи Чингисхана. Один лишь призрак возрождения этой степной державы приводил цинских императоров в страх и ярость. Борьба прежде всего шла за Халху — ее захват был первым и главным шагом на пути к построению Великого Всемонгольского ханства. Если оно не будет создано, то всем монголам грозила одна участь — стать подданными Цинской империи. Именно потому маньчжурские повелители Китая с 1636 года носили свой второй, монгольский титул — богдохан (священный, или великий, то есть всемонгольский хан). Решался вопрос: в чьих руках будет халхаская и джунгарская конница — под эгидой маньчжурского Сына Неба в Пекине или ойратского хана в Или, где располагалась его ставка (урга).

От своего отца Иньчжэня (правил с 1722 по 1735 год) Хунли унаследовал не оконченную им войну. Цинская империя и Ойратское ханство были измотаны до предела и желали мира, и в 1738 году после территориального размежевания он

был заключен. Однако кровавый спор не был окончен. Хунли как бы залег в засаду, не отрывая глаз от ненавистного врага. А тот все еще был силен. Во главе Ойратского ханства с 1729 года стоял Галдан-Церен. Будучи сильным правителем, он железной рукой смирил своеволие князей (тайджи). Как талантливый полководец, он не дал себя победить на поле боя, а как искусный дипломат — обмануть в ходе переговоров. Развязав себе руки с Пекином, он бросил своих воинов на казахские жузы, ибо их султаны, пользуясь его войной с Китаем, грабили ойратские улусы. Но, даже захватив у казахских султанов Семиречье, ойраты не смогли до конца преодолеть «земельную тесноту» и нехватку пастбищ.

Подавляя нетерпение, Хунли ждал, когда невзгоды у соседей возьмут верх. И дождался! Беда вползла в ургу, как змея, — медленно и неслышно. То, чего не смогло добиться цинское оружие, сделала болезнь хана. Приглашенный из Тибета искусный лекарь оказался бессильным. Изможденный злым недугом, Галдан-Церен в 1745 году навсегда покинул грешную землю. Трон достался тринадцатилетнему подростку, чьим любимым развлечением было мучить собак и рубить им головы. Их жалобный визг и дикий предсмертный вой стояли над илийской ургой. Затем свои жестокость и самодурство юный хан перенес на окружающих его людей, в том числе князей и зайсанов. Государственные дела за несовершеннолетнего выродка сначала вела его старшая сестра, но в 1749 году он бросил ее в темницу, а затем казнил, заявив, что будет править сам. Долго, однако, это не продлилось: муж сестры вместе с побочным сыном Галдан-Церена убили дегенерата. Второй в нарушение всех правил узурпировал престол. В урге разгорелась яростная борьба за власть. Победители безжалостно расправлялись с соперниками. Убийства, отравления, казни, ссылки и иные кары заставляли оставшихся в живых бежать к соседям — в российские владения, в Халху, в казахские жузы.

Хунли понял — это начало конца! Злорадство расправило его и плечи, пришел его «звездный час» — долгожданное время низвержения врага. Больного можно и придушить! Еще в 1748 году он приказал не пропускать ойратских купцов в Пекин и ограничил их торговлю соседней с ханством

провинцией Ганьсу. Это сразу ухудшило и без того тяжелое экономическое положение в Джунгарии. Теперь, в 1751 году, Хунли запретил любую приграничную торговлю. Петля, заброшенная на Ойратию, стала еще теснее — ее жители лишились китайского чая и ремесленных изделий, необходимых в кочевом быту. А тем временем междоусобица разгоралась все сильнее. Два закадычных друга — племянник старого хана — Дабачи (Давачи) и хойтский князь Амурсана (Амарсанан) — взялись за оружие. Общая опасность и честолюбивые замыслы свели этих людей вместе, хотя трудно найти два столь несхожих характера. Дабачи — самодовольная посредственность голубых кровей, ленивый увалень и безвольный трус, заносчивый и ограниченный. Амурсана — степной хищник, высокий и стройный тридцатилетний витязь, отважный и воинственный, подвижный и стремительный. Он был расудительным, коварным и хитрым честолюбцем, способным на все ради достижения цели, переменчивым в привязанностях перекасти-полем. В этом дуэте Амурсана был заводилой. Дружья стремились посадить на престол законного наследника — младшего сына Галдан-Церена. Но узурпатор поспешил убить его и разбил их войско, вынудив их бежать к султану Аблаю — повелителю Среднего казахского жуза. Для их поимки было послано 30-тысячное войско, но беглецы сумели избежать плена, вернуться на родину, собрать своих единомышленников и привлечь к себе бывших сторонников узурпатора.

Хунли не ошибся — в Ойратской державе наступила смута, «ханская чехарда». Князья один за другим брались за оружие для защиты или свержения все новых и новых претендентов на ханский трон в Или. Кончилось единство земли ойратской, начался самораспад еще вчера могучей степной державы.

Осенью 1752 года Дабачи с помощью Амурсаны и других хойтских князей занял престол, свергнув узурпатора. В том же году объявил себя ханом один из дэрбетских князей, но был побежден объединенными силами двух друзей и Аблая. Казалось, что победители наконец принесут мир и единство родной стране. Однако, став хунтайджи Ойратской державы, Дабачи увидел в своем друге и спасителе опасного соперника, заявив: «В одной земле два самодержца не живут!» Начавшийся разлад, а затем вражда зимой 1753 года подтолкнули

Амурсану к борьбе за верховную власть. Новая междоусобица по своей остроте превзошла предыдущие, усилив самовластие князей и развал некогда единого государства. Словно злые духи джунгарской степи решили погубить ойратов, наложив на них свое проклятие. Забыв о сильном и опасном враге — Цинской империи, князья сцепились, как голодные степные волки из-за добычи. Давние обиды, ущемленное самлюбие, честолюбивые замыслы, затаенная вражда, слепая корысть и жажда мести затмили их разум, заслонили ощущение надвигающейся беды.

Наступил роковой этап самораспада степной державы — бегство в стан врага. В Халху, то есть на территорию Цинской империи, стали переходить князья и зайсаны со своими семьями, слугами, зависимыми аратами (албату) и стадами. От смуты и мести в первую очередь бежали дэрбетские феодалы. Переходя на сторону маньчжуров и принимая цинское подданство, они получали в Халхе титулы, пастбища и скот. Таких перебежчиков Сын Неба принимал с радостью и почетом, ибо они были предвестниками крушения ненавистой степной державы. С тех пор как началась вражда между Дабачи и Амурсаной, последний стал в глазах Хунли той фигурой, с чьей помощью можно было свергнуть чоросскую династию и покончить с Ойратским ханством. В Пекине все внимание переключили на мятежного нойона.

В новой междоусобице победителем вышел Дабачи, и побежденный Амурсана с семьей и 20 тысяч албату в августе 1754 года перешел на халхаскую территорию под эгиду династии Цин. С ним из Джунгарии бежали еще два князя и несколько зайсанов. Весть об этом вызвала ликование в Пекине — она свидетельствовала о глубине распада ханства. Хунли дал Амурсане и его князьям-союзникам пастбища и скот. В ноябре 1754 года Сын Неба принял Амурсану в своей летней резиденции Мулань (в Жэхэ), присвоил ему высший цинский титул — князь первой степени (цинъван) и всячески обладал его. Беглец же обратился к богдохану с просьбой помочь ему в свержении Дабачи и овладении ойратским престолом. Он просил дать ему войско для вторжения в ханство и «усмирения смуты». Хунли обещал, решив использовать знатного перебежчика как удобное орудие для сокрушения противника.

«Усмирять варваров руками варваров» — таков был извечный девиз Срединной империи. Перед решительным ударом враг должен быть предельно ослаблен мирными, то есть политическими и экономическими, средствами. Хунли оказался достойным последователем этих старых доктрин. Именно древнее как мир искусство интриг, коварства, подкупа, лицемерия, обмана и запугивания стало на время основной страстью богдохана. Именно здесь раскрылся его главный талант — умение максимально воспользоваться слабостью противника и победить его мирными, невоенными средствами еще до открытой схватки. Не в этом ли величие и высшая мудрость правителя!? Надо разжечь междоусобицу, разложить вражеский лагерь, свергнуть чоросскую династию, рассыпать единое ханство на четыре изначальных княжества — чоросов, хойтов, дэрбетов и хошоутов. А вот тогда-то и продиктовать им волю Сына Неба! Ход событий в Ойратском ханстве создавал для этого все условия. Главное — не упустить благоприятный момент! Наступил звездный час Хунли.

В своих указах он писал: «Они (ойраты. — *Авт.*) до крайности истощили свои силы, и добиться успеха весьма не трудно... Теперь же складывается подходящая обстановка, которой нельзя не воспользоваться для решения вопроса силой оружия». Вместо былых затяжных войн с ойратами богдохан приказал провести молниеносную кампанию. Громоздкие обозы, пехота и артиллерия оставались на месте. В дело вводилась только конница — по преимуществу монгольская (чахарская и халхаская) и лишь частично маньчжурская. Каждому всаднику давалось по три лошади с походным запасом продовольствия. Главной целью остались стремительный бросок, парализация врага на его мирных пастбищах и недопущение концентрации ойратской конницы для возможного отпора силам вторжения. Данный замысел точно соответствовал крайней степени самораспада Ойратского ханства. Правда, за подготовку этого блицкрига расплачиваться пришлось монголам Халхи и Чахара. У них было отобрано 150 тысяч лошадей, множество верблюдов и продовольствия. Чтобы завоевать Джунгарию, пришлось разорить Халху.

Для покорения Джунгарии Хунли сконцентрировал в западных районах Халхи «Великую армию умиротворения» из

200 тысяч всадников, разделенных на северную и южную колонны. Ранней весной 1755 года это войско вторглось в пределы Ойратского ханства под лозунгами «установления спокойствия», «защиты желтой веры» (ламаизма. — *Авт.*), наказания «узурпатора» и «насильника», то есть Дабачи. Авангардом северной колонны командовал Амурсана.

Облаченный в парадную одежду маньчжурского князя первой степени — шелковый халат, расшитый золотыми драконами, круглую конусом шапку с павлиньими перьями и желтый пояс, он мчался вперед, погоняя коня. Хитрый нойон полагал, что провел за нос Сына Неба, получив от него воинскую силу. Теперь главное — свергнуть Дабачи и захватить верховную власть. А став хунтайджи, нетрудно будет объединить всех ойратов и мирным путем удалить из Джунгарии цинские войска. Молодой князь уже видел себя в роли единоличного правителя возрожденной Ойратии и кислую мину обведенного вокруг пальца еджэhana (цинского императора).

Между тем самораспад Ойратского ханства был столь глубок, а вторжение столь неожиданным и стремительным, что цинская конница не встретила никакого сопротивления. Невольно могучее государство ойратов рухнуло как карточный домик. Князья и зайсаны предпочли не браться за оружие и покориться еджэхану. Дабачи не смог собрать значительного войска, ибо большинство из них перешло на сторону Амурсаны. Бессильный хунтайджи бежал в Кашгарию, где был схвачен и увезен в Китай. Казалось бы, первая половина замысла Амурсаны осуществилась — ханский престол освободился. Когда же разгоряченный удачей нойон попробовал овладеть верховной властью, оказалось, что она находится в чужих, но очень твердых руках. Хунли и не думал упускать столь дорогую добычу — он и его наместник — маньчжурский военачальник Баньди хозяйничали в завоеванной ими стране. По приказу императора единое Ойратское ханство уничтожилось, а вместо него создавались четыре малых племенных ханства — чоросов, дэрбетов, хойтов и хошоутов. Амурсана оказался всего лишь одним из четырех ханов — главой хойтов, во всем зависимым от воли богдохана. Всем в крае заправлял Баньди по директивам Хунли. Поняв, что им воспользовались как слепым орудием и обманули, Амурсана, скры-

вая гнев, стал постепенно выходить из-под власти едзэhana. Нойон повел себя как хунтайджи — сбросил цинскую одежду циньвана, пользовался печатью всеойратского хана, не подчинялся Баньди, через его голову вел переговоры с ойратскими князьями, зайсанами и казахскими султанами, уничтожал сторонников Дабачи и своих врагов. Видя, что власть уходит из его рук, Баньди добился от Хунли права арестовать и казнить дерзкого наглеца. Почувствовав опасность, Амурсана вспомнил старый приказ богдохана прибыть к нему в Жэ-хэ и выехал под этим предлогом в Халху, тем самым избежав смерти.

Между тем Хунли упивался «триумфальным окончанием западного похода». Началась подготовка к торжественной церемонии официального включения Джунгарии в состав Цинской империи. Император решил оформить это на новом съезде монгольских ханов и князей в Долонноре, как это сделал его дед Сюаньэ 64 года тому назад при подчинении Халхи. В разгар подготовки к торжествам в Пекин пришла тревожная вест: на границе Халхи Амурсана вошел в сговор с халхаскими военачальниками, напал на маньчжурский отряд, разбил его и бежал в Джунгарию. При дворе начался сильнейший переполох, Хунли пришел в бешенство. В Халху полетели приказы собрать уже распушенное по домам войско, идти в Джунгарию и любой ценой поймать мятежника.

Осенью 1755 года Амурсана начал войну против завоевателей. В нем произошел крутой перелом: изменивший своему народу и перешедший на сторону врага хойтский нойон стал организатором и знаменем освободительной борьбы ойратов. Поскольку подавляющая масса цинских войск покинула Джунгарию и отошла в Халху, Амурсана со своими воинами беспрепятственно напал на ургу в Или и легко уничтожил оставленный здесь малый маньчжурский гарнизон, после чего Баньди покончил с собой. Захватив власть в урге, Амурсана стал собирать войско, призвав всех князей объединиться вокруг него, изгнать захватчиков и возродить единое Ойратское ханство. Однако на его призывы откликнулись немногие. Одни боялись маньчжуров, другие опасались мести нойона за их поддержку Дабачи, третьи помнили понесенные от него обиды, четвертые считали, что происхождение Амурса-

ны (хойт) не дает ему права на престол Чоросского дома. Когда же в конце 1755 — начале 1756 года хойтский нойон все же провозгласил себя всеойратским ханом, от него откололась группа князей и разбила войско нового хунтайджи.

К этому времени вновь собранная по приказу Хунли 400-тысячная армия вторглась в пределы ханства. Амурсана бежал и нашел убежище в Среднем казахском жузе у своего давнего союзника султана Аблая. Огромное вражеское войско вновь наводнило Джунгарию. Не встречая организованного сопротивления, оно без особого труда разбило разрозненные ойратские отряды и по приказу Хунли приступило к поголовному истреблению населения края.

Видя свою неминуемую гибель, в конце 1756 года и остальные князья, объединившиеся вокруг чоросского хана Гэлдан Доржи (Галсандорж), выступили против захватчиков. Между ними и Амурсаной вспыхнуло соперничество за обладание ойратским престолом. Однако весной следующего года Гэлдан Доржи и его родня были убиты. Так и осталось тайной, чьих рук это дело — маньчжуров или Амурсаны. В конце 1756 года последний вернулся в Джунгарию, собрал верные ему отряды и продолжил борьбу с маньчжурами. Он наладил связь с восставшим против Хунли в Западной Халхе хотогойтским князем Чингунжавом, планируя совместные с ним действия. Кроме того, Амурсана направил посольство в Петербург, прося помощи у императрицы Елизаветы, но Россия не решилась ввязаться в войну с Цинской империей. Еще не зная об этом отказе и о гибели Чингунжава, Амурсана весной 1757 года двинулся с десятитысячным войском на соединение с ним.

К этому времени в Джунгарию вторглась новая цинская армия под командованием Чжаохуэя. В июне 1757 года в длившемся 17 дней генеральном сражении вблизи урочища Тарбагатай маньчжуры разгромили силы последнего ойратского хунтайджи. Сказались лучшее вооружение и пятикратное численное превосходство завоевателей. Амурсана стал отступать на север — в русские пределы, но по дороге был разбит казаками Аблая, переметнувшегося на сторону победителей. В Семипалатинскую крепость Амурсана прибыл всего с восьмью сопровождавшими. Русские предоставили беглецу убежище,

вылечили его от оспы и поселили в окрестностях Тобольска, где он и умер от тифа в сентябре 1757 года. Затем один за другим маньчжурами были уничтожены отряды остальных князей. Восстание ойратов против завоевателей было потоплено в крови, пленных убивали на месте. Цинские эскадроны рыскали по Джунгарии, предавая все огню и мечу. Начавшаяся весной 1756 года истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 году, когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг сопротивления в горах Юлдуза.

Страшную цену заплатили ойратские феодалы за свою междоусобицу — погибнув сами, они погубили свою страну. Из-за их свар, амбиций, жадности, злобы и политической слепоты целый народ оказался безоружным перед врагом и сошел с исторической сцены. Из 600 тысяч ойратов в живых осталось 30—40 тысяч, спасшихся бегством в Россию.

Между тем Хунли настойчиво требовал от русских властей выдать ему мятежного нойона, а после его смерти отдать труп для публичной позорной казни — разрубить «ядовитую гадину» на куски. Твердый отказ России привел Сына Неба в ярость, и Пекин грозил Петербургу войной. Когда российский Сенат ответил, что труп несчастного давно уже разложился, император с пеной у рта стал требовать выдачи костей, дабы публично ломать и дробить их в Пекине. Из Петербурга последовал вежливый отказ, Сенат напомнил Сыну Неба, что мир между двумя соседними державами стоит несколько больше, нежели могильные кости. И после своей смерти хойтский князь избежал цепких рук богдохана.

Всемогущий временщик и его клика.
Взлет и падение Хэшэня

Зима 1796 года оказалась для Северного Китая небывало суровой. С наступлением года Дракона лютая стужа накрыла собой столицу Цинской империи. Население Пекина страдало от холода. Резко подскочили цены на уголь. Особенно трагичной оказалась судьба ста тысяч пекинских нищих, ночевавших под открытым небом. В одну из февральских ночей от

холода погибло восемь тысяч несчастных. Утром, когда солдаты собирали трупы замерзших, в один из павильонов своего дворца вошел сорокашестилетний моложавый и все еще красивый маньчжур. На нем был крытый золотой парчой теплый халат, а на плечи накинута роскошная шуба из драгоценного меха морской выдры. Денег, вырученных за эту шубу, вполне хватило бы для предотвращения ночной трагедии. Однако нужды «подлого люда» не волновали гордого и властного хозяина дворца. Он пришел, дабы лишний раз полюбоваться своим искусственным «виноградником», выполненным в натуральную величину. Подпорки были отлиты из серебра, лозы и листья — из золота, а гроздья сделаны из алмазов, жемчугов, сапфиров, рубинов и изумрудов. Ясное морозное утро заливало павильон розовым светом, и вся эта масса драгоценностей переливалась в лучах солнца, создавая сказочную картину. Холодной рукой, униженной перстнями фантастической ценности, хозяин «виноградника» приподнял одну из гроздей изумрудов. Его распирало сознание своего богатства, величия и избранности. «Даже у самого Сына Неба нет ничего подобного!» — самодовольно прошептал он. Это был всемогущий императорский фаворит Хэшэнь.

Выходец из достойного маньчжурского рода, он получил классическое китайское образование и ученую степень сюцая. В двадцать пять лет он начал служить при дворе простым телохранителем Сына Неба, а затем стал офицером императорского эскорта. Красивый, стройный и образованный, он скоро обратил на себя внимание императора Хунли. И сразу же начал невиданный взлет по ступеням сановной лестницы. Уже через год богдохан сделал его заместителем командира одного из «восьмизнаменных» корпусов, расквартированного в столице. В течение последующих пяти месяцев он стал помощником главы Налогового ведомства (Хубу), членом Императорского секретариата (Нэйгэ) и главой Дворцового управления (Нэйфу). Последнее ведало всеми хозяйственными делами императорского дворца. Вскоре он был введен в Военный совет (Цзюньцзичу) — высший государственный орган, состоявший непосредственно при богдохане, то есть стал членом правительства. В этой должности он состоял без малого четверть века, присовокупив к ней позднее пост канцлера (дасюэши).

Хэшэнь имел все основания для самодовольства. Безграничное благоволение к нему Хунли позволяло ему сохранять прежние должности и чины при получении новых. Фаворит императора быстро обрастал постами и накапливал вес при дворе. Временами он занимал сразу до двадцати различных наиболее почетных и доходных должностей. Столь головокружительная карьера сделала Хэшэня вторым по значимости лицом в Цинской империи. С начала 80-х годов по мере старения Хунли реальная власть в Китае все более переходила в руки его всесильного временщика. Изменился и сам Хэшэнь. Вместо скромного телохранителя и рядового служака перед страной предстал властный, жадный и надменный выскочка, беспощадный к своим обличителям. Окруженный всеобщей покорностью, холуйским пресмыкательством и беспардонной лестью, Хэшэнь ощущал себя вершителем судеб Поднебесной, фактическим соправителем Сына Неба. Женив в 1790 году своего сына на дочери богдохана, то есть став его родственником, фаворит обрел всесилие, держа в своих цепких руках престарелого императора. Хунли души в нем не чаял и осыпал своего любимца монаршими милостями. По приказу Сына Неба к западу от Запретного города для его наперсника был создан прекрасный парковый ансамбль и построен роскошный дворец с тысячью слуг. Здесь, в Чжуннаньхае, Хэшэнь и создал свой «виноградник».

В руки временщика стекались несметные богатства. Их золотой дождь распалаял его и без того невероятную алчность. Стремясь снискать расположение Хэшэня, сановники, наместники и губернаторы провинций осыпали его дорогими подарками. Малоценных подношений Хэшэнь просто не брал. Возвращая их дарителям, требовал взамен дорогостоящих, уникальных. Кроме того, он отбирал себе все наиболее редкое и дорогое из драгоценностей, присылаемых в Пекин в качестве «дани» из соседних стран. Точно так же Хэшэнь поступал с подношениями императору от наместников и губернаторов провинций. Безмерная жадность толкала его даже на ростовщичество, хотя последнее в высших кругах считалось предосудительным занятием. Фавориту принадлежали 117 меняльных контор и ломбардов с общим капиталом 70 миллионов серебряных лянов. В его подвалах

скопилась такая масса серебра, что это вызвало трудности в денежном обращении Китая. Занимался он и торговлей, содержа, в частности, склады с заморскими, в основном английскими, товарами. С постепенным отходом престарелого Хунли от дел для Хэшэня открылись безграничные возможности для удовлетворения своей ненасытной алчности. Его богатства превысили ценности императорского дворца. Только одно движимое имущество временщика, без земли и дворцов, оценивалось в 80 миллионов лянов серебра. Ему принадлежали и огромные площади пахотных земель. Стоимость всего его имущества примерно равнялась доходу казны за восемь лет.

С начала 80-х годов Хэшэнь оказывал определяющее воздействие на дела в государстве, а с начала 90-х стал его фактическим правителем. Присущие ему жажда власти, презрение к нижестоящим, самолюбование и безудержное стяжательство раскрылись в полной мере. Фаворитизм как неизбежный спутник и ярчайшее проявление азиатского деспотизма получил в феномене Хэшэня максимальное воплощение. Окружив себя баснословной роскошью, он демонстрировал предельный снобизм. Так, копируя быт императоров, Хэшэнь каждое утро облачался во все новое и никогда дважды не надевал ни сапог, ни халата, ни белья, ни головного убора.

Став, по сути, «вторым императором», он обрел огромное влияние на чиновничий аппарат, держа в своих руках как столичную, так и провинциальную бюрократию. Вокруг Хэшэня сложилась целая клика, состоявшая из его родни, ставленников, сторонников и прислужников. Они торговали титулами, должностями, почетными и учеными званиями. Веря во всемогущество своего патрона, усердно брали взятки, расхищали казенные имущество и средства. Львиная доля добытого попадала к Хэшэню. Деградация правящей верхушки и бюрократического аппарата шла по нарастающей. Фаворит и его клевреты повсюду насаждали своих приверженцев, а те, в свою очередь, окружали себя «своими» людьми. Стараясь всемерно угодить второму некоронованному властителю Китая, чиновничество на всех уровнях, как могло, подражало временщику и его окружению. Разложение госаппарата приняло невиданные масштабы. Чиновники, знавшие меру

и заботившиеся о стабильности самой системы, безуспешно пытались остановить это сползание вниз. Хэшэнь без труда справлялся с теми, кто подавал жалобы на него или его людей.

В течение девяти лет (1790—1799) Хэшэнь и его клика вершили судьбы Цинской империи, последние три года уже при новом богдохане Юньяне. Боясь показать себя непочтительным сыном и обидеть отрекшегося в 1795 году Хунли, Юньянь вплоть до смерти отца не решался трогать его любимца. Между тем тлетворное влияние последнего проникло в армию, которая в период Крестьянской войны «Белого Лотоса» (1796—1804) терпела от повстанцев одно поражение за другим. Дольше мириться с этим было уже нельзя.

Смерть Хунли в феврале 1799 года положила конец невероятной карьере Хэшэня. После обличительных выступлений со стороны группы цензоров он был арестован, обвинен в неуважении к императору, превышении власти и занятиях, недостойных маньчжура и шэньши, то есть в ростовщичестве и торговле. Все его богатства отошли в казну. Несколько недель потребовалось, чтобы вывезти из подвалов фаворита горы серебра, золота, жемчуга, драгоценных камней и дорогих мехов (75 тысяч шкурок). Под усиленной охраной двигался этот необычный «караван» по улицам Пекина. А жители столицы часами молча наблюдали, как выжатые из населения Китая несметные богатства переходят из одних рук в другие. При описи конфискованного имущества опытные чиновники, пораженные уникальностью многих изделий из золота, яшмы, жемчуга и драгоценных камней, так и не смогли даже примерно определить их стоимость. Как, например, оценить золотой столовый сервиз из более чем четырех тысяч предметов?!

Хэшэнь был казнен. Наиболее оголтелые и бездарные его ставленники потеряли посты, но никто из его окружения не был привлечен к суду. В противном случае пришлось бы арестовать и допросить десятки сановников и сотни чиновников, чего новый богдохан явно не хотел делать. И в XIX веке около «драконового трона» появились новые, хотя и более мелкие хэшэни.

Костры из книг и поэты на плахе.

«Литературная инквизиция»

Город как бы притих под тяжестью объявленного судебного приговора. Семьдесят осужденных должны были сложить свои головы на плахе. День за днем их выводили по двое, по трое из главных ворот ямэня — резиденции начальника области. Руки связаны сзади, на груди и на спине куски белой ткани с черными иероглифами — обозначение вины и наказания. Их втаскивали на повозки и в сопровождении солдат возили по улицам, дабы все видели и боялись. Как было испокон веку в Китае, каждый прохожий мог насмеяться над обреченными, оскорблять их. Горожане и приходящие на городские рынки крестьяне всегда любили смотреть на казнь. Это был род бесплатного и захватывающего зрелища, подобного представлению актерами популярных пьес или праздничному шествию с «пляской дракона».

Однако на этот раз на улицах, где двигалась страшная процессия, не было слышно злобных и издевательских выкриков в адрес осужденных. Люди молча провожали взглядом печальный кортеж. Да и в толпе на площади вокруг помоста с палачом не было обычных оживления, шума, праздного любопытства и злорадства. Толпа угрюмо смотрела, как обреченных снимали с повозок и подводили к эшафоту. За последние два десятилетия — а дело было в 1663 году — народ настолько часто видел смерть, что казнь перестала быть развлечением. Только что закончилась первая полоса маньчжурского завоевания Китая, и вокруг городов, вдоль дорог, на заброшенных полях и в опустевших деревнях еще лежали неубранные скелеты множества людей. Одни погибли от оружия завоевателей, другие от голода, холода и эпидемий. Люди уже пресытились видом смерти. Да и нынешняя казнь была необычной. Казнили не воров, не грабителей, не убийц и не разбойников. На этот раз лечь на плаху должны были ученые, книжники, а их-то народ всегда уважал, тем более когда они выступали против завоевателей — «северных варваров», которых явно или тайно ненавидело и боялось большинство собравшихся на площади. Сердцем и помыслами они бы-

ли с осужденными. И когда палач занес над головой первого приговоренного тяжелый кривой двуручный меч, по толпе прошел негромкий жалостливый вздох. Для китайцев, верующих в загробную жизнь, обезглавливание было самой страшной из казней. На том свете душа обезглавленного теряла свое пристанище — голову, была обречена на мучительные скитания и становилась вечным изгоем. Меч палача лишал человека счастья в потусторонней жизни, последней надежды на воздаяние за тяготы и лишения на этом свете.

Массовыми казнями 1663 года завершилось громкое «дело» ученого-историка Чжуан Тинлуна. Маньчжуры только что завершили завоевание Китая, и на переднем крае духовного сопротивления «северным варварам» оказались историки. Своим правдивым описанием кровавой эпопеи падения империи Мин и становления господства династии Цин историки как бы лишали «северных варваров» морального права на Мандат Неба, то есть на право владычествовать над Срединным государством.

Вина Чжуан Тинлуна заключалась не только в правдивом описании событий. Маньчжуров больше всего возмутило то, что Чжуан Тинлун и его соавторы обозначили персоны цинских богдоханов не девизами правления, а личными именами, что означало непризнание их законными государями. Кроме того, в изданных очерках «Истории династии Мин» осуждались полководцы — предатели родины, перешедшие на службу к завоевателям. После доноса начались аресты и следствие по делу, к ответу привлекли около двухсот человек. В ходе разбирательства Чжуан Тинлун умер, и его осудили посмертно. Его могилу разрыли, труп разрубили на куски, а кости сожгли. Осквернение могилы, по религиозным представлениям китайцев, было тяжелой карой и позором как для покойника, так и для его родни. Отец Чжуан Тинлуна умер в тюрьме, младшего брата казнили, женскую половину рода отправили в ссылку, а имущество конфисковали. Все, кто хоть как-то оказался причастен к публикации этого труда, были объявлены крамольниками. Всего было казнено более 70 человек.

Среди них оказались не только авторы и составители, члены их семей, все мужчины рода Чжуан старше шестнадцати

лет, но и свершилки текста, граверы, издатели, книготорговцы, а также все купившие эту книгу и просто случайные люди. Еще большее число людей подверглось различным менее страшным наказаниям, пыткам и ссылке. Тем, кому удалось избежать ареста, пришлось, спасаясь от преследователей, всю оставшуюся жизнь скитаться под чужим именем. Сама книга подлежала уничтожению. «Дело Чжуан Тинлуна», по замыслу его устроителей, должно было парализовать интеллектуальную оппозицию, запугать ее. Репрессии 1663 года остановили издание открыто антиманьчжурских сочинений, сделали авторов более осторожными, форму изложения иносказательной, приходилось читать «между строк».

«Дело Чжуан Тинлуна» открыло собой полосу «письменных судилищ». Этот вид борьбы азиатской деспотии с интеллектуальной оппозицией был известен в Китае еще с эпохи Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.). К «письменным судилищам» нередко прибегали и в периоды правления династий Сун (960—1279) и Мин (1368—1644), но только при Цинхуа они приняли невиданный размах.

Многие китайские интеллигенты — ученые и литераторы не могли примириться с иноземным игом. Для них, как и для всех китайцев того времени, Китай был центром Вселенной, единственным оазисом культуры и величия духа среди окружающих его «варваров» и «дикарей». И вдруг это избранное Небом могучее Срединное государство оказалось покоренным «северными варварами», пришедшими из диких лесов Маньчжурии. Многие патриоты, потерпев к середине 80-х годов XVII века поражение в вооруженной борьбе, продолжали сопротивляться завоевателям иными методами. Одни демонстративно отказывались служить маньчжурам. Другие писали исторические, философские и художественные сочинения со скрытой критикой новой власти. Маньчжурам пришлось учесть громадный вес в традиционном Китае конфуцианства, ученых мужей, в том числе носителей ученых степеней (шэньши), особую роль печатного слова, рукописного текста и авторитета интеллигенции. Династия Цин не могла считать свое господство в Китае до конца прочным, пока на ее сторону не перешла основная масса шэньши и интеллигенции, пока не была задушена вольная мысль, скрытое

сопротивление интеллектуалов. Непокорным грозили арест, пытки, казнь, их родным — смерть или ссылка, их книгам — костер, их имуществу — конфискация. Схватка была неравной — вся мощь госаппарата с тюрьмами и плахами против нескольких тысяч гордых и стойких духом личностей, не захотевших пресмыкаться перед чужеземцами, захватчиками и палачами.

В 1711 году прошел процесс по делу литератора Дай Минши. Это был его второй арест. На этот раз в его трудах обнаружили упоминание императорских девизов правления минских ванов, правивших в Южном Китае после захвата Пекина маньчжурами в 1644 году. Расценив это как признание династии Цин незаконной, власти безжалостно расправились с Дай Минши. Он был четвертован, а его родня и друзья, написавшие предисловия к его сочинениям, более ста человек, — казнены. В 20-х годах XVIII века наиболее громким стал суд над уже умершим историком, литературоведом и медиком Люй Люляном. Он отказался служить маньчжурам, оплакивал гибель империи Мин, а в своих трудах допускал антиманьчжурские высказывания. Его тело вырыли из могилы и разрубили на части, его родных и учеников казнили, а труды запретили и сожгли.

В XVIII столетии отмечено несколько сот «письменных судилищ» и запретов на те или иные произведения. «Литературная инквизиция» достигла своего апогея при императоре Хунли, пик ее пришелся на 70—80-е годы. Человека могли казнить только за хранение неофициальных трудов по истории эпохи Мин, за посмертное издание трудов ранее казненного ученого или литератора, за изменение текста высочайше утвержденного издания. Могли отправить в ссылку за написание грустных стихов, за упоминание о слезах, что расценивалось как скорбь по низвергнутой династии Мин. Литератор мог поплатиться жизнью за вольную или невольную игру слов. В китайском языке это обычное явление, ибо один и тот же иероглиф зачастую имеет несколько значений. Так, поэта Ху Чжунцао арестовали всего за одну строку из поэмы. Из-за двойного смысла иероглифа вместо «порок и добродетель» здесь можно было прочесть «распутная [династия] Цин». Поэта обезглавили, а у его семьи конфиско-

вали все имущество, включая землю. Другой стихотворец, Сюй Шукуй, поплатился за строфы, имевшие иносказательный подтекст. Во фразе: «Отодвигаю в сторону кувшин с вином, желая снова повидать вас послезавтра» охотники за крамолой углядели иное: «Отодвигаю в сторону маньчжуров, желаю снова видеть Сына Неба [из династии] Мин». В строфе: «Завтра утром расправлю крылья, одним взмахом достигну столицы [династии] Цин» ревностные верно-подданные узрели скрытый смысл: «Когда дом Мин расправит крылья, он одним взмахом сметет столицу Цин». Автора бросили на плаху, дабы другим было неповадно играть словами. Уже умершего мэтра официальной поэзии Шэнь Дэцяня подвергли посмертному надругательству за одну-единственную фразу из стихотворения о бордовом пионе: «Хоть и подделывается под красное, вы все же не по-настоящему красного цвета. Ведь вы другого сорта, как же вы можете называть себя царем цветов?!» Слово «красный» могло быть истолковано как намек на основателя династии Мин — Чжу Юаньчжана (правил в 1368—1398 годах), чей фамильный иероглиф (Чжу) означает «красный». Маньчжуры усмотрели в этом намек на незаконность своего господства в Китае, а смысл двух строф истолковали так: «Хоть вы и захватили власть у династии Мин, но вы не из породы государей. Ведь вы же иноземцы, так как же вы можете именоваться императорами?!» Лингвист и литератор Ван Сихоу пренебрег запретом на личные имена цинских императоров, фактически поставив под вопрос их законность, за что оказался на эшафоте, а двадцать его родственников — в тюрьме. Семерых его сыновей и внуков превратили в рабов. Были сожжены все произведения поэта Цянь Цяньи за звучавшую в них скорбь по поводу тяжелой судьбы родины и обличения жестокости маньчжуров.

Хунли решил поставить под свой неусыпный контроль всю творческую мысль — и прошлого и настоящего. По его приказу специальные комиссии чиновников пересматривали все письменное наследие Китая начиная с древности. Даже из сочинений Конфуция была вычеркнута фраза о том, что правитель-тиран не имеет права рассчитывать на вер-

ность подданных. Повальное цензурование охватило всю страну. Нельзя было упоминать личные (табуированные) имена маньчжурских правителей. Из текстов вымарывалось все «оскорбительное» для маньчжуров и прежних завоевателей-«варваров» (гуннов, киданей, тангутов, чжурчжэней и монголов). Запрещалось писать о защите границ Китая от этих «варваров». Исключались всякие упоминания об оппозиционных политических союзах и группировках эпохи Мин («Дунлинь», «Фушэ», «Цзишэ»). Вычеркивались все места, кои содержали или могли быть поняты как критические, вольнолюбивые, реформаторские и антиправительственные высказывания. Категорически запрещалось выступать против конфуцианской ортодоксии. Все, что противоречило учению Чжу Си (1130—1200), искоренялось. Нельзя было обличать коррумпированную бюрократию предшествующих династий, что могло быть понято как косвенная критика цинского госаппарата. Произведения, содержавшие перечисленные выше виды «крамолы», подлежали либо полному уничтожению и запрещению, либо сокращению за счет изъятия опасных глав или отрывков и фраз. Созданная Хунли особая комиссия составила в 1782 году первый индекс запрещенных книг. Под страхом тяжелых наказаний они изымались у населения и сжигались. Всякий, кто их продолжал хранить, а тем более тайно переиздавать, предавался смертной казни.

Чиновники устроили настоящую охоту на опальные издания и на их владельцев. Запрещенные книги повсеместно уничтожались. На городских площадях запылали костры. С 1774 по 1782 год в огонь было брошено без малого 14 тысяч запрещенных книг. Это были многотомные ксилографические издания, каждое из которых состояло из нескольких книжек, обернутых закреплявшейся костяными застешками папкой из обшитого цветной материей картона или помещенных между двумя деревянными дощечками, скрепленными шелковым шнурком. Люди осуждающе смотрели на это варварство, ибо в Китае издавна утвердился культ иероглифа, написанного кистью или отпечатанного с деревянных досок. Бумага с иероглифами вообще считалась свя-

щенной. Такую случайно выброшенную бумагу собирали специально выделенные для этого люди, которые относили ее на особые алтари и там сжигали, сопровождая это поклонами и почтительными заклинаниями. В стране веками культивировалось особое преклонение перед книгой. Она была одним из символов китайской цивилизации, и костры из книг еще раз убеждали китайцев, что маньчжуры — это «северные варвары». Кроме того, в «черные списки» были внесены как «развращающие» некоторые эпические сказания, воспевавшие национальных героев Китая, а также ряд романов, многие новеллы и повести бытового жанра. Маньчжуры объявили «аморальными» такие замечательные произведения, как «Речные заводы», «Цзинь, Пин, Мэй» и «Западный флигель».

Помимо индексов запрещенных изданий составлялись огромные списки книг, «не заслуживавших внимания», но не подлежавших сожжению. Такие произведения не рекомендовалось изучать, публиковать и использовать при преподавании. Из разрешенных к переизданию произведений императорская комиссия и чиновники на местах также выбрасывали опасные для маньчжуров или сомнительные, с их точки зрения, главы, абзацы и фразы. Сокращения зачастую меняли главный смысл книги.

Широко практиковалась фальсификация исторических документов и трудов. Ярким примером этого стала составленная в 1739 году «История династии Мин», где вторжение маньчжуров в Китай и связанные с этим события излагались в строгом соответствии с правительственным заказом. Все это нанесло большой ущерб исторической науке. Такого рода духовный террор продолжался при Хунли около двух десятилетий. Творческая мысль оказалась скованной страхом. По меткому выражению писателя-демократа Лу Синя, китайская письменность была посажена за решетку. Ученым, шэньши и интеллигенции китайская деспотия оставила лишь узкое русло компиляции и комментирования старых текстов. Интеллектуальная сфера коснела в бесконечном толковании древних памятников и топталась на средневековом уровне.

Бедный ученый, «вечный студент». Тернистая стезя Пу Сунлина

Ученый, как птица в неволе,
Опутан нуждою сидит,
В обнимку с печальной тенью
Лачугу свою сторожит.

Цзо Сы (250—300)

В Китае эта книга есть в любом книжном магазине и в каждой лавке букиниста. Вы найдете ее на любом книжном развале и на каждом уличном лотке. Ее можно увидеть в руках у людей разных возрастов, профессий и уровня образования. С восторгом и умилением ее читает и утонченный интеллигент, и студент, и простой труженик. Что-то неведомое заставляет перечитывать эту книгу вновь и вновь. Речь идет о «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» («Ляо Чжай чжи и»). Под псевдонимом Ляо Чжай выступал Пу Сунлин (1640—1715) — гордость Китая, один из признанных гениев китайской литературы. В переводе на русский Ляо Чжай означает «Кабинет празднословия» или «Кабинет Говоруна (Празднослова)». В тогдашнем Китае было принято подшучивать над собой.

Писатель родился на севере провинции Шаньдун и практически всю жизнь прожил в ее пределах. Вышел он из обедневшей семьи шэньши. Его отец — мелкий землевладелец и интеллигент-неудачник, чтобы прокормить семью, занялся торговлей. Однако и это занятие не принесло семье благосостояния, и ей пришлось расстаться с последним участком собственной земли. Скромный достаток не позволил отцу Пу Сунлина устроить сына в частную школу, а тем более нанять учителя. С одаренным мальчиком занимался сам отец — он-то и ввел будущего писателя в храм классической конфуцианской науки, научил его ценить «аромат книг». С детства Пу Сунлин начал готовиться к сдаче государственных экзаменов, надеясь получить ученую степень, войти в сословие шэньши, а затем обрести чиновную должность — словом, следовать блестящую карьеру. Пу Сунлин успешно выдержал оба тура экзаменов на звание туншэна (ученика, студента), кото-

рое давало возможность сдавать экзамены на получение первой, то есть низшей, ученой степени (шэньюань, сюцай).

Для ее обретения надо было пройти цикл экзаменов, проводившихся два раза в три года. Его выдерживали один-два человека из ста. Остальные должны были пробовать свои силы вновь и вновь. Экзамены сводились к написанию сочинений. Происходило это в крохотных, изолированных друг от друга душных каморках, похожих на тюремные камеры-одиночки. Покидать их до сдачи готового сочинения строго запрещалось. Длительное пребывание взаперти отражалось на здоровье соискателей. Были случаи, когда самые слабые и истощенные во время экзаменов умирали. Кандидатам из знатных и сановных семей заранее был уготован успех, они шли как бы вне конкурса. Богатые семьи либо давали крупные взятки экзаменаторам, либо вместо своего чада посылали на экзамен подставное лицо — начетчика высшей марки. Иногда такой профессионал, написав сочинение, через подкупленных стражников или надзирателей тайно передавал его в каморку состоятельному соискателю. В итоге побеждал не самый достойный, а самый богатый. Подавляющая масса неудачников становилась вечными студентами. В большинстве случаев эти бедолаги продолжали участвовать в гонке за степенью всю жизнь — вплоть до глубокой старости. Иногда звание сюцай они получали в возрасте восьмидесяти лет и старше.

Так и Пу Сунлин неустанно готовился к экзаменам, участвовал в них и всякий раз терпел неудачу, оставаясь вечным студентом-неудачником. Между тем средства к жизни писатель добывал, как правило, уроками. Он натаскивал тех, кто готовился к сдаче экзаменов на получение ученой степени. Связей с сильными мира сего и денег для подкупа экзаменаторов у бедного интеллигента не было. Пу Сунлин смолоду остро переживал свои неудачи. Жалкое положение вечно студента, тяжелое материальное положение и поиск хлеба насущного отравляли жизнь писателя. Ко времени его рождения Северный Китай был разорен Крестьянской войной. Затем страну захлестнуло маньчжурское завоевание. Завершилось оно, когда Пу Сунлину исполнилось сорок три года. После этого страна и его родная провинция Шаньдун оказа-

лись в трясине послевоенной разрухи. Все это усугубило и без того несладкую жизнь писателя.

Бедность заставила его жить и работать в богатых семьях на положении то домашнего учителя, то личного секретаря. Если хозяин дома был чиновником, то приходилось быть ко всему прочему и секретарем-писцом, вести личную переписку хозяина, составлять его служебные бумаги, послания и поздравления начальству, делать копии с документов. Во всех этих ролях в глазах окружающих он был «нахлебником» (мэнькэ).

Пу Сунлин даже написал «Жертвенную речь духу бедности в канун Нового года», умоляя духа покинуть его дом, где нет ни монетки, ни зерна, ни одежды. В ответном «послании» дух советовал Пу Сунлину бросить науку, стать жадным, думать только о своей пользе, забыв о других. Более сорока лет он провел вне родного крова. Свое небольшое жалованье писатель отсылал семье и родным. Побывать дома он мог только в редкие праздники — обычно на Новый год. Тогда вся страна отдыхала от трудов без малого месяц. Если он работал недалеко от семейного очага, то приезжал на несколько дней на праздник «лодок-драконов» и на праздник Луны.

Дома или среди друзей писатель становился веселым, подшучивал над собой и своей судьбой. Как каждый китайский интеллигент, Пу Сунлин имел склонность к самоуничижению, что, впрочем, являлось обратной стороной духовной гордости всякого конфуцианца. Характер Пу Сунлина раскрывается в его коротких авторских послесловиях к новеллам. И здесь он поистине многолик. Перед нами обличитель зла и веселый балагур, конфуцианский моралист и озорной насмешник, глубокий мыслитель и легкомысленный говорун, вдумчивый собеседник и любитель всяческих розыгрышей. То он прикидывается простачком, то предстает ученым мужем, то невинным празднословом, то грустным регистратором людских пороков, то любителем посмеяться над человеческими слабостями. Мы видим человека, обделенного судьбой, и искрометного весельчака, злого сатирика и безобидного насмешника, кабинетного ученого и умудренного жизненным опытом простолюдина. Воистину это был «человек с тысячью лиц».

Литературные критики и почитатели таланта Пу Сунлина называли «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» «книгой сиротливой досады». В ней явно звучит крик исстрадавшейся души автора — бедного человека, бессильного перед злой судьбой. Вот что написано о Пу Сунлине в предисловии к одному из первых изданий его новелл: «Он сознавал в себе недюжинные силы и оставался всю жизнь рядовым студентом без высшей степени и вне путей к государственной должности. Ему негде было высказаться и дать волю обуревавшим его порывам, и он прибегает к книге фантазий, невероятных, немыслимых, чуждых конфуцианским установлениям... По неволе пришлось нашему автору обратить свои мысли к миру фантазии и считать, что химеры тоже живут и чувствуют... Да, ум Ляо Чжая пришел в брожение, и душа его скорбела».

Пу Сунлин превосходно знал и любил древнюю и средневековую китайскую классику. Писал он и стихи, создав со своими друзьями поэтическое содружество, и пьесы для простонародья — как серьезного, так и комического содержания. Занимался Пу Сунлин и просветительством. Им написаны популярные наставления по сельскому хозяйству и медицине, размышления о ремеслах и искусстве и своего рода учебник для обучения грамоте. Пу Сунлин писал произведения не только на литературном, но и на разговорном языке — сказы, исполнявшиеся под барабан (гуцы), и напевные многочастные сказы (лицюй). Однако лишь в его пленительных новеллах и коротеньких «рассказах о странном и необычайном» заблистал великий талант автора.

Как рождались эти шедевры? Пу Сунлин записывал все услышанные им случаи, байки, легенды и сказы. Искал их в старых книгах, дополнял, перерабатывал и, наконец, придумывал их сам либо развивал сюжет из нескольких услышанных фраз о чудесах. По преданию, он любил ставить у дороги столик с чашками чая и набитыми трубками. Останавливая прохожих и приглашая их присесть, Пу Сунлин просил рассказать ему что-нибудь интересное и удивительное. По его просьбе друзья и знакомые с почтовой оказией присылали ему такого рода записи. Каждая из новелл Пу Сунлина представляет собой мастерски воспроизведенный удивительный случай. Среди них есть состоящие всего из нескольких строк, но

рядом с миниатюрами в одну-две, а то и в полстраницы он пишет и большие новеллы. Среди них: «Пока варилась каша», «Царевна Заоблачных Плющей», «Остров блаженных людей», «Вещая сваха Фэн Третья», «Деварыцарь» и «Нежный красавец Хуан Девятый». Его новеллы посвящены сверхъестественному — лисам-оборотням, духам, монахам-волшебникам и странным происшествиям.

Странным человеком был и сам Пу Сунлин. Этот правоверный конфуцианец всю жизнь тянулся к миру фантастическому и заботливо собирал народные байки и рассказы о нечистой силе. Его, человека строгой морали и чистоты духа, неумолимо тянуло к лицам сомнительной репутации. Как истинный ученый-конфуцианец, Пу Сунлин считал себя «благородным мужем» (цзюньцзы). В его новеллах судьба испытывает таких людей на прочность, но никогда не губит окончательно. Если такого человека не ценят на земле, то его по достоинству оценят в потустороннем мире добрых духов и блаженных избранников. Там нет людских законов, условностей и злой воли. Там царят избавление от бед и высшая справедливость. Если земные экзаменаторы не могут «отличить яшму от черепицы», достойного от недостойного, то это делают сверхъестественные силы. Подлинным судьей становится мир духов, как добрых, так и злых. Именно они призваны награждать счастьем достойного, скромного, честного и просветленного человека. Эти же неземные силы карают профана, стяжателя, предателя, труса и шантажиста. Мир духов и сонм неземных сил призваны восполнить отсутствие земной справедливости, выступить обличителями и карателями недостойных. Тем самым обиженный на земле призы-

Даосский монах

вал незримые стихии и обращался к ним в поисках справедливости.

Писатель мечтал о появлении в Китае честных чиновников и справедливых правителей. Исходя из собственного опыта, он говорит, что все беды Китая происходят от несправедливого выбора правителей-чиновников через экзамены. Здесь бракуются настоящие таланты, государственные умы и люди высокой морали. Зато идущие по протекции, за взятку и натасканные зубрили торжествуют. Наиболее резко Пу Сунлин выступил против несправедливости и несовершенства экзаменационной системы в новеллах «Удачливый вор» и «Святой Хэ». Некоторые его новеллы содержат сатиру на чиновничество, сидящее по разным канцеляриям — от уездной управы (ямэня) до резиденции губернатора. Писатель показывает суть этой бюрократии — продажность, стяжательство, произвол, бесчеловечность, интриганство. Особенно жестко автор обличает чиновничество в послесловиях к новеллам. Так, «Сон старого Бо» он завершает своим суровым приговором: «Повсюду в Поднебесной крупные чиновники — тигры, а их слуги — волки. Если крупный чиновник не тигр, то слуга его наверняка волк, даже более свирепый, чем тигр».

Пу Сунлин писал в обстановке жесточайших гонений на литераторов. Даже за намек, иносказание, понятое как вызов и протест против завоевателей-«варваров», писателю или поэту, а также его родне грозила казнь. Не потому ли он обращался к фантастике? Будучи правоверным конфуцианцем, Пу Сунлин все же пошел на нарушение запрета Конфуция, требовавшего не говорить о непостижимом и сверхъестественном. Именно этот фантастический жанр развязывал ему руки и давал гарантии самосохранения. Возможно, писатель встал на путь иносказаний и аллегорий, чтобы зашифровать истинный смысл произведений. Эзопов язык, позволяя Пу Сунлину не кривить душой и писать то, что он думал, спасал его от лап литературной, а по сути, политической инквизиции. В то же время язык аллегорий предполагал, что умный читатель все закодированное поймет и расшифрует.

Демократически настроенная публика зачитывалась «рассказами о необычайном». В тогдашней творческой среде воздавали должное редкому дару Пу Сунлина, его тонкому сти-

лю, благородной простоте, глубине мысли и основательности суждений. В начале XVIII века литературная слава о нем гремела по всему Китаю. Видимо, поэтому в 1711 году на очередных экзаменах он наконец получил низшую ученую степень и был включен в число «привилегированных сюцаев» (суйгуншэн, суйгун). Таким образом, только на восьмом десятке жизни, всего за четыре года до смерти, вечный студент смог войти в сословие шэньши. В качестве суйгуна Пу Сунлин получил две привилегии. Во-первых, он мог теперь поступить на учебу в Академию Сынов Отечества — высшее учебное заведение. Само собой разумеется, что для семидесятилетнего старика это звучало насмешкой. Во-вторых, в виде особой милости писателю могли предоставить невысокую чиновничью должность. Однако этого благодеяния свыше так и не последовало. В 1715 году писатель отошел в мир иной, а по сути — в бессмертие.

Долгое время власть имущие не желали признавать этого гения китайской литературы. Для бюрократии он был человеком без связей, без протекции, незнатной фамилии, без денег и земли — всего лишь озлобленным неудачником. Ему не могли простить обличения власть имущих, скрытой, но злой сатиры на завоевателей-маньчжуров и чрезмерного увлечения миром нечистой силы. По этим причинам книга Пу Сунлина не попала в знаменитую библиотеку императора Хунли. Ей не нашлось места среди официальной придворной литературы. Она не была включена в библиотечные списки и каталоги за слишком вульгарную, по мнению эстетов, фантастику.

Прошло несколько десятилетий после смерти Пу Сунлина. Его новеллы обретали успех среди читающей публики. Более полувека «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» расходились в рукописных копиях. Единственный сохранившийся сейчас в Китае полный список относится к 1752 году. И только в 1766 году вышло в свет первое печатное издание, выполненное ксилографическим способом. Из него были изъяты наиболее «рискованные» упоминания о завоевателях и творимых ими бесчинствах. По тем же соображениям некоторые новеллы вовсе не были опубликованы. С тех пор началось победное шествие волшебных историй Ляо Чжая по стране. Кто-то из императоров, горячий поклонник таланта Пу Сунлина, хо-

тел даже поставить табличку с его именем в храме Конфуция, чтобы таким образом отметить соблюдение писателем конфуцианских принципов морали. Однако императорское окружение воспротивилось такому, по их мнению, непомерному восхвалению, и посмертная честь Пу Сунлину не была оказана.

Впрочем, на популярности писателя это никак не сказалось. Вышедшие из народного фольклора темы, образы и сюжеты, ставшие литературными шедеврами под кистью великого писателя, обеспечили Пу Сунлину любовь и признание китайского народа. Скоро будет триста лет со дня его смерти. За это время «литературная инквизиция» умерла, маньчжурское иго пало, династия Цин исчезла, а новеллы его остались, и притом навсегда. Как говорил Наполеон: «На свете есть лишь две могущественные силы: сабля и дух. В конечном счете дух побеждает саблю».

«Сон в красном тереме».

Судьба великого писателя и его шедевра

Знаменитый книжный базар Люличан шумел не столь громко, как остальные рынки Пекина. Да и публика здесь собиралась весьма солидная — ученые, преподаватели, студенты, соискатели ученой степени, книгочеи, любители антикварных изданий. «Золотая молодежь» приходила сюда за порнографией. Здесь был особый мир: книги и гравюры, свитки-картины со стихами на шелку, рисунки, новогодние лубки и каллиграфия — все, что душе угодно! Конфуцианские каноны и комментарии к ним, исторические хроники и буддийские сочинения, романы и сборники стихов — подходи и покупай! В этой толчее и негромком гомоне нетвердой походкой шел человек лет сорока. Гордая посадка головы, потертый, застиранный халат, умный грустный взгляд и старые, стоптанные туфли. Сразу было видно, что этот интеллигент мало ест, но много пьет вина. Когда о нем спрашивали у книготорговцев, те сдержанно отвечали: «Это Цао Чжань. Да, да — из тех знаменитых цзяннаньских богачей. Они вко-

нец разорились! Живет в деревне за городом. Бедствует. Продает свои рисунки со стихами. Рисует и рифмует хорошо! Тем и кормится. Горд и дерзок! Образован. Ни перед кем головы не клонит! Много пьет — гаоляновая водка в столице дешева. Приходит сюда раз в неделю. Говорят, что-то пишет там у себя в деревне. Неразговорчив. Сопьется!» По бледному, изможденному лицу и усталым глазам было видно, что долго этот человек не протянет. Вскоре он перестал появляться на Люличане, а потом узнали, что он умер. Его смерть прошла почти не замеченной.

Но вскоре в списках стал расходиться неоконченный роман Цао Чжэня. Покупатели спрашивали списки на Люличане все чаще, платили за них звонкой монетой. Так Цао вернулся на Люличан. А когда в 1791 году, спустя два с лишним десятилетия после его смерти, роман был отпечатан типографским способом — книга шла нарасхват. Еще бы! Ведь это знаменитый «Сон в красном тереме» — кто ж его к этому времени не знал?! Поколение за поколением будет с головой уходить в мир его героев, и сам автор обретет бессмертие.

Данные о Цао Чжане скудны и, увы, зачастую ненадежны. Не известно точно, когда он родился — в 1715 или в 1724 году. Смерть его тоже датируется по-разному — от 1762 до 1764 года. Он известен как Цао Сюэцинъ, но настоящее его имя Цао Чжань. Его псевдонимы — Циньси, Мэнжуань и Циньцу. По одной из версий он родился в Нанкине. Доподлинно известно, что происходил он из семьи сановников и богачей и скончался в горной деревушке близ Пекина. Один из его предков был взят в плен маньчжурами после овладения ими Пекином в 1644 году, приписан к «Белому знамени» — одному из восьми маньчжурских корпусов, а потом оказался связан с императорской фамилией династии Цин. Именно это определило невиданную карьеру прадеда писателя — Цао Си. В 1663 году он стал инспектором (даотай) провинций Южного Китая. Одновременно он был управляющим ткацкими мастерскими в Цзяннине, принадлежавшими Дворцовому управлению. Последняя должность была наследственной и от его прадеда перешла к деду, затем к отцу и братьям писателя. Его дед Цао Инь в течение двадцати лет занимал этот пост. Тогда он считался одним из самых

богатых людей в Китае, слыл ученым и поэтом, пользовался большим влиянием. Более того, сам император Сюанье, совершивший шесть поездок в долину Янцзы, четыре раза останавливался в доме Цао Иня. Много ли найдется в Поднебесной семей, чьим гостем был сам Сын Неба — владыка империи и всего мира?!

После смерти великого Сюанье богатство рода Цао стало для некоторых сановников бельмом на глазу. Посыпались доносы на отца писателя Цао Фу. Новый богдохан Иньчжэнь внял наветам. Дважды, в 1729 и в 1739 годах, его отец вследствие придворных интриг попадал в немилость. Когда будущему писателю шел пятый год, отца сняли с должности. Но и этого врагам показалось мало. В следующем году все имущество семьи в Цзянсу конфисковали. Оставлена была только часть недвижимости в Пекине. Сюда-то семья и была вынуждена переселиться. Беды на этом, однако, не кончились. Преследования продолжались до тех пор, пока семья Цао не была разорена окончательно. Тем не менее Цао Сюэцинъ все же успел получить прекрасное образование. Существует предположение, что он выдержал экзамен на первую ученую степень и одно время подвизался мелким служащим в училище для членов императорской фамилии. Но и отсюда ему пришлось уйти. Он остался без жалованья. Вот тогда в дом пришла настоящая нужда.

Цао Сюэцинъ обладал гордым и независимым характером и не стал унижаться ради получения постоянной службы. Он стал продавать свои рисунки. Денег хватало на рисовую кашу и гаоляновую водку. Писатель еле сводил концы с концами, но ходил с высоко поднятой головой. Ему пришлось оставить столицу и переселиться в горную деревушку недалеко от Пекина, где жилье дешевле, а бедность не так заметна. Здесь он и начал писать свой роман «История камня» (или «Записки о камне» — «Шитоу цзи»), который потом станет «Сном в красном тереме» («Хунлоумэн»). Радость творчества скрашивала невзгоды. Но жизнь была беспощадна к нему — умер единственный сын. Затем последовала болезнь.

Судьба безжалостно бьет уже лежащего. На дворе 1764 год. Ему еще нет сорока лет, но постоянное недоедание и пере-

живания сделали свое дело — у него уже нет сил, дабы одолеть недуг. В деревенскую лачугу неслышно вползает смерть. Но умирающий в бреду твердит о своем. Как же можно уйти в небытие, когда его роман не завершен? Написано всего семьдесят глав...

Безжалостная к автору судьба смилостивилась над его произведением. Возможно, рукопись среди прочего хлама попала к старьевщику. Тот, кто ее извлек оттуда, понял — перед ним литературный шедевр. Возможно, он начал читать и не мог оторваться. Как бы то ни было, спустя два года после смерти Цао Сюэциня его роман стал расходиться по Пекину в списках под названием «История камня». Популярность его росла, и тогда за дело взялся Гао Э — будущий член академии Ханьлинь. Пытаясь скрыть свое авторство новых сорока глав, Гао Э также делал упор на находку в лавке старьевщика, но уже экземпляра, состоящего из 120 глав. Издание романа 1791 года, о котором только что упоминалось, как раз и включало в себя эти 120 глав.

Образованная часть общества была настолько увлечена романом и не хотела расставаться с его героями, что ожидала дальнейшего развертывания, казалось бы, уже законченного сюжета. Благодаря этому впоследствии появилось более десятка различных его «Продолжений», «Дополнений» и «Повторений». Их авторы находили всех героев Цао Сюэциня отрицательными, стремились вывести положительные персонажи и добивались «счастливого конца». Их сочинения не обладали художественными достоинствами и вскоре были забыты. А триумфальное шествие романа продолжалось, вызывая восхищение все новых и новых поколений читателей. В середине XX столетия «Сон в красном тереме» в сокращении был издан на пяти европейских языках, а в 1958 году вышел в свет полный его перевод на русском языке.

За произведением закрепилось название «Сон в красном тереме», хотя у самого Цао Сюэциня не было устоявшегося названия рукописи. Всего их пять, в том числе три «рыночных», а именно: «Драгоценное зеркало любви», «Записки чувствительного монаха» и «Двенадцать цзиньлинских (то есть нанкинских. — *Авт.*) шпилек». Наиболее часто создатель первых 80 глав употреблял названия «История камня» и «Сон

в красном тереме». Гао Э остановился на последнем, и оно прочно закрепилось за романом (хотя на русский оно иногда переводилось как «Сны юности»). В старом Китае «красным теремом» называли комнаты девушек в богатых домах и дворах. В романе речь идет о «сне в девичьих покоях», ибо главный герой — юноша Баоюй увидел свой вещий сон, заснув на женской половине.

«Сон в красном тереме» вызвал пристальный интерес литературоведов-исследователей. Многие из них посвятили изучению романа всю свою жизнь. Одни считали его исторической хроникой и увлеченно искали реальных прототипов его героев. Другие видели в романе семейную хронику рода Цао, а в главном герое Баоюе — самого автора. Третьи рассматривали произведение как психологический роман. Четвертые расценивали его как описание быта и нравов. Пятые сравнивали его с сентиментальными романами эпохи Просвещения на Западе. Да, в романе Цао Сюэциня можно об-

наружить все пять начал, но его нельзя расчленить на эти компоненты. Это уникальный монолит с множеством специфических и разнородных граней, которые воздействуют на читателя одновременно, создавая неповторимое ощущение шедевра.

Откуда взялось название «История камня»? Что это за камень? Речь идет о большой драгоценной яшме, оставшейся не востребованной после того, как богоподобная небожительница Нюйва, сплавив множество таких же камней в одну массу, заделала ею брешь в небосводе. Побывав в руках Нюйвы, камень обрел чудесную силу. С этого начинается его длительная

Баоюй, главный герой романа «Сон в красном тереме»

история. Попав во дворец волшебной феи, он полюбил Траву Бессмертия. Им — траве и камню — суждено спуститься на бренную землю: ей — в виде нежной и хрупкой девушки-сироты Дайюй, ему — в обличье прекрасного юноши Баоюя (дословно «Драгоценная Яшма»). Волей Неба они предназначены друг другу в супруги. Такова завязка романа, его волшебный пролог.

Заснув однажды на женской половине («в красном тереме»), Баоюй снова попадает во дворец той же феи. Здесь он перелистывает книгу судеб, где уже обозначено будущее его семьи. Здесь же слышит вешую песню под названием «Сон в красном тереме». В ней иносказательно предначертана печальная судьба его рода в будущем. Все это должно сбыться на земле — в двух роскошных дворцах Нинго и Жунго с массой слуг, служанок и прихлебателей. Во дворцах живут две ветви аристократической семьи Цзя в окружении многочисленных дальних и близких родственников. Здесь вечный праздник и кричащая роскошь, безделье, мотовство и веселье. Но за этим внешне благополучным фасадом царит домострой. Суровая конфуцианская мораль переходит в бытовой деспотизм. Произвол старших над младшими, богатых над бедными, сильных над слабыми. Девушки-служанки становятся забавой своих господ. В этих дворцах за ширмой постоянного веселья происходят большие и малые, явные и тайные трагедии.

В такой обстановке разворачивается основной сюжет романа — история нежной, чистой и возвышенной любви Баоюя и Дайюй. Они давно предназначены друг другу в супруги, но власть старших сильнее любви. Готовится свадьба, на которой вместо Дайюй к жениху Баоюю подведут другую — не любимую им. Узнав об этом, Дайюй умирает. Баоюй, обнаружив подмену, заболевает от горя и уходит из дома. Однажды, в снежную ночь, его отец видит на пристани бритого босого монаха в красной рясе, который ему кланяется. Это Баоюй, избравший путь духовного очищения и бегства от мирского зла. Такова развязка основного сюжета. Перед читателем проходит жизнь трех поколений семьи Цзя. С каждым из них все явственнее становится разложение, вырождение и угасание рода. За роскошью и расточительностью неумолимо следуют

оскудение и разорение. Многих настигает кара за содеянное. Сбывается предначертанное в вешей песне:

Кто чиновником был,
У того к разорению клонится дом,
Кто богатств не считал,
Тот расстался и с золотом, и с серебром.
Кто был добрым ко всем,
Жизнь того только в смерти спасенье нашла,
Кто бесчувственным был,
Тот увидел расплату за злые дела,
Отнимавшему жизни
Ныне жизни лишиться пришлось.
Исторгавшему слезы
Не хватает теперь своих слез.
За обиду обидой воздается потом,
И расплата нелегкою будет.
По веленью судьбы и разлука придет,
И счастливые встретятся люди.
Потому-то причины несчастной судьбы
Нужно в прошлых рожденьях искать.
И лишь случай счастливый на старости лет
Может сделать богатым опять.
Чье разрушено счастье,
Тот прощается с миром, уйдя от людей.
Кто страстям предавался,
Тот напрасно пожертвовал жизнью своей.
Если кончится корм,
В роше быстро скрываются птицы,
Остается лишь чистое поле,
Только голая степь без границы.

*Перевод Л. Н. Меньшикова
под редакцией А. Е. Адалис*

У Цао Сюэциня доминирует идея о предопределении. Роскошь греховна сама по себе, а жизнь бrenна. Падение знатного рода в романе — это возмездие за роскошь, расточительность и грехи. Отмщение неотвратимо! Выход — в следовании буддийской морали. Уйти от греховности жизни в мир молитвы и созерцания. Мирской жизнью не надо дорожить! «Вся жизнь — это сон!» — таков лейтмотив романа.

Невидимый гигант набирает силу. Тайное общество «Триада»

Пословица гласила: «Если сойдутся хотя бы три китайца, значит, “Триада” среди них». Это тайное общество объявило беспощадную войну династии Цин, завоевателям-маньчжурам и их приспешникам. Вступивший в союз должен был пустить три стрелы из лука в чучело или изображение маньчжурского императора, поклясться убить богдохана, отомстить за все беды Поднебесной. В тогдашнем Китае, где подданным нельзя было даже упоминать личное имя императора (это было тягчайшим государственным преступлением), поклявшийся убить Сына Неба становился бойцом-смертником и сжигал за собой все мосты. В присяге «Триады» говорилось: «Мы вместе живем и вместе умираем, спаянные в одну семью! Обе белые столицы (Пекин и Нанкин. — *Авт.*) и тринадцать провинций (то есть весь Китай. — *Авт.*) заодно с нами! Мы объявляем смертельный бой ненавистным врагам и восстановим династию Мин!» Основатель династии — Чжу Юаньчжан правил под девизом Хуньу, и поэтому «Триада» избрала иероглиф «хун» для своего второго, образного обозначения — «Братство Хун» («Хунмэнь»).

В императорском дворце, в покоях сановников и в местных управах-ямэнях были известны такие заявления «Триады»: «Герои Хун приходят, чтобы отомстить [маньчжурам] за все обиды!», «Мы никогда не дадим покоя маньчжурам!». Там знали, что ячейки союза «растут как трава после дождя», что «Триада» накапливает оружие, что ее сторонники рассеяны по всем провинциям долины Янцзы и Южного Китая. Но подпольный великан оставался невидимым и неуязвимым. Будучи всегда в тени, он выходил на свет только для нанесения удара. Это был опасный противник — окруженный тайной, неуловимый и вездесущий. Днем он как бы растворялся в житейской толчее — на рынках и пристанях, на полях и в шахтах, у городских ворот и харчевен. Он продавал овощи и делал соевый творог, возил уголь и шил куртки, пахал землю и собирал урожай. А по ночам в дальних сельских кузницах тайно ковал наконечники для пик и легкие повстанческие мечи, проводил

собрания и принимал новых членов. Он все видел, но оставался невидимым, копил силы и ждал своего часа.

Согласно одной из легенд, рождение «Триады» произошло в горах Цзюляньшань в провинции Фуцзянь в год Тигра (1674). В окруженном лесом буддийском монастыре Шаолиньсы маньчжуры заподозрили заговор. Посланные ими солдаты ночью проникли в монастырь, подожгли его и учинили кровавую резню. От огня и меча погибли 128 монахов-хэшанов. Удалось спастись только пятерым во главе с Цай Дэчжуном. Когда цинские солдаты окружили их, из земли вырос грозный меч. На его рукояти имелось изображение двух драконов — китайского и маньчжурского, борющихся за жемчужину — Китай, а также надпись: «Низвергнем Цин, возродим Мин!» При виде этого волшебного оружия враги бросились врассыпную. Затем река прибила к ногам стоявших на ее берегу пяти монахов фарфоровую курильницу с тем же девизом. Эти знамена свыше укрепили веру хэшанов, и они стали первым звеном тайной организации. За это их впоследствии именovali «пятью старшими предками». К ним присоединились пять благородных храбрецов — «пять младших предков» во главе с У Тянью. Все десятеро укрылись в монастыре Баочжусы. Сюда стекались многие патриоты. Среди них и бывший минский сановник, и ученый-даос, и человек, назвавшийся внуком последнего императора династии Мин. Именно его — Чжу Хунчжу избрали главой созданного здесь тайного «Союза Неба и Земли» («Тяньдихуэй»). Члены союза поклялись отомстить за сожжение Шаолиньсы и погибших хэшанов и изгнать маньчжуров из Китая. Вокруг монастыря собрался отряд, названный «Войском Триады» — «Саньхэцзюнь». В многочисленных схватках с врагом он понес большие потери и был разгромлен. Погибли и пять монахов, и пять праведных удалцов. Командир авангарда «Триады» Су Хунгуан собрал оставшихся в живых и разослал их по семи провинциям вербовать новых сторонников и создавать местные организации под лозунгом «Свергнем Цин, возродим Мин!». Так родилась «Триада».

По другой версии, этот союз был основан воинами удельного князя Гэн Цзинчжуна — одного из «трех князей-данников», восставших против маньчжуров в 1673–1681 годах. По терпев поражение в бою, его солдаты не пожелали сдаться

на милость «северных варваров». Уединенный горный монастырь Шаолиньсы стал их главной базой. В год Кабана (1684) войска богдохана осадили и сожгли эту обитель, уничтожив ее защитников. Пятеро спасшихся от огня и резни монахов отправились странствовать и вербовать сторонников династии Мин. Призывы хэшанов нашли отклик, и они создали тайное общество. Разойдясь затем по разным провинциям, монахи основали там филиалы «Триады». В Фуцзяни, Гуандуне, Хугуане, Чжэцзяне и Гуанси ими были созданы пять «первичных лож» (цяньфан). Позднее в пяти других провинциях (Цзяннань, Хэнань, Сычуань, Гуйчжоу и Юньнань) появились пять «вторичных лож» (хоуфан).

По третьей версии, основы союза заложил Чжэн Чжилун — пират, купец, богач, а затем — сановник, доверившийся в 1646 году маньчжурам и погубленный ими. Его сын Чжэн Чэнгун — знаменитый военачальник и правитель Тайваня — в своей борьбе с маньчжурами использовал тайные торговые фактории в морских портах. С захватом Цинами материкового Китая один из помощников Чжэна — Чэнь Юнхуа преобразовал фактории и их обширный подсобный персонал в тайные антиманьчжурские общества — из них-то и сложилась «Триада».

Всего имеется восемь различных версий и дат возникновения «Триады». Это объясняется глубокой конспирацией и таинственностью, окружавшими все связанное с этим союзом. Документально обоснованная и наиболее достоверная версия относит создание «Триады» к году Мыши (1768), или 32-му году правления императора Хунли. Это произошло в буддийском храме богини милосердия Гуаньинь, в провинции Фуцзянь. Основателем союза стал хэшан этого храма Чжэн Хун (в монашестве — Хун Эр, то есть Хун-второй). Отсюда тайное общество быстро распространилось на долину Янцзы и Южный Китай. Первое название «Триады» было «Союз Неба и Земли». Его приверженцы почитали Небо в качестве «отца», а Землю — в качестве «матери». Династия Мин происходила от этих «родителей» и поэтому имела «истинный Мандат Неба», то есть законное право на владение Поднебесной империей, чего не было у узурпаторов-маньчжуров. Название «Триада» означало взаимодействие Неба, Земли и Чело-

века и вытекающий из этого триединства законный источник власти. Данная символика заключалась и в другом наименовании союза — «Общество Трех точек» («Саньдяньхуэй»).

В уставе «Триады» говорилось: «Учение Трех точек есть тайная доктрина смены династий». Отсюда главная цель союза — реставрация власти дома Чжу, то есть империи Мин, ибо «истинный государь, истинный дракон (то есть Сын Неба. — *Авт.*) — это государь династии Мин», а «восстановить Мин — основной замысел Братства Хун». С изгнанием маньчжуров и утверждением на «драконовом троне» императора-китайца «Триада» связывала наступление счастливого будущего. Тогда «снова наступит Великий Расцвет», «воцарится Всеобщий Мир», «Поднебесная вновь познает радость», «наступит Великое Благоденствие». Главным лозунгом «Триады» был «Свергнем Цин, возродим Мин!», то есть восстановление национального суверенитета Китая, освобождение родины от чужеземных завоевателей. Распространенным был призыв «Возродим Китай, уничтожим маньчжуров!». В союз, основанный на ненависти к «северным варварам», принимались только чистокровные ханьцы, то есть китайцы без примеси маньчжурской крови. Не забывала «Триада» и чиновных приспешников династии Цин. Лозунг «Чиновники притесняют — народ восстает!» был крайне популярен среди бедноты и трудящихся слоев общества. В Юго-Восточном Китае, в приморских районах позиции «Триады» были особенно сильны, а в Цзянси чуть ли не большинство взрослого мужского населения считались членами союза. Вступление в него было связано с множеством трудностей, клятва верности связывала человека на всю жизнь, ему приходилось подвергаться опасности, строго подчиняться дисциплине, находиться под надзором других членов «Триады» и по их приказу в любой момент браться за оружие. Тем не менее ненависть к завоевателям-маньчурам была столь велика, что, несмотря на все эти тяготы, множество мужчин шли в тайное братство.

До вступления в «Триаду» неофит должен был пройти разного рода предварительные проверки и испытания. Только после этого перед ним раскрывались ворота «Города Ив» («Муянчэн») — так именовалась местная ложа — место тайных собраний и ритуальных церемоний. Это было пространство,

окруженное со всех сторон стеной и поделенное на две части. Первая, ближняя, находившаяся сразу же за воротами в ложу и открытая солнечному и лунному свету, предназначалась для собраний и первой стадии церемонии по приему новых членов. В центре ее находились три арки («Да Хунмэнь»). Здесь и начинался обряд посвящения со сложным ритуалом и жертвоприношением животного. Он представлял собой торжественную мистическую и устрашающую церемонию с декламацией легенды о гибели монастыря Шаолиньсы и длинных стихотворных текстов, с песнопениями и прохождением последовательных ступеней посвящения. У всех стоявших здесь членов союза были обнажены правые плечи и руки, сжимающие боевые мечи, а за спиной были укреплены или зажаты в левых руках треугольные флаги союза. Введенного в первое отделение «Города Ив» неофита ставили на колени, и двое встречавших его представляли острия мечей к горлу испытуемого. На грозный вопрос: «Зачем ты пришел?!» — неофит отвечал: «Чтобы свергнуть Цин и возродить Мин!» Ему расплетали маньчжурскую косу и распускали волосы по минскому обычаю. Его одевали в белые одежды минского покроя (белый цвет — символ смерти, похорон и траура). Оставляя обнаженной грудь, приставляли к ней острые мечи. Ему подавали лук и три стрелы — ими он пронзал чучело богдохана или его изображение на бумаге.

Совершив магическое убийство Сына Неба, неофит с тлеющей курительной палочкой в руке становился на колени. Над его головой заносили два клинка и произносили церемониальные священные ритмические тексты, и он повторял их. Затем неофит проходил через три арки, падая перед каждой на колени, и оказывался перед воротами, ведущими в дальнюю часть «Города Ив», которая находилась под крышей. Эта часть, имевшая целиком ритуальное назначение, называлась Зал Верности и Справедливости (Чжунъитан). Здесь стояли один за другим три алтаря со священными реликвиями. Среди них фарфоровая «драгоценная курильница», чудодейственный меч из персикового и сливового деревьев, красная дубинка, волшебное зеркало, буддийская патра — монашеская деревянная чаша и желтый церемониальный зонтик. Курильница и меч служили символами содействия Неба и залогом будущей победы, зеркало имело свой-

ство отличать правду от лжи, дубинка означала наказание отступникам, патра — верность делу пяти монахов — основателей союза, а зонт — преданность династии Мин. Там же находились макет Девятиярусной пагоды, сосуд со «священным рисом», таблички с магическими надписями и другие реликвии, стояли боевые знамена «Триады».

После очередного коленопреклонения неофита под занесенными клинками процессия торжественно вступала в таинственный полумрак Зала Верности и Справедливости. Он был наполнен терпким запахом курительных палочек, тлеющих в бронзовых курильницах, и ароматических свечей. Здесь процессию встречали вожди союза в одеждах и головных уборах минского и древнего покроя, а также будущие нареченные братья неофита с обнаженными клинками и флагами в руках. Вперед выступал один из иерархов ложи. Стоя на коленях, неофит выслушивал и повторял за ним 36 клятв. Каждая из них содержала обязательство делать положенное либо не совершать запретного и провозглашала кару за нарушение обета — гибель от «пяти ударов грома», от «десяти тысяч мечей», прозябание всех последующих поколений, истечение кровью через рот, нос, глаза и уши, смерть в пути, в одиночестве, растерзание волками и тиграми, без похоронного обряда и упокоения души. Затем читались вслух и повторялись неофитом 72 установления. Каждое из них трактовало поступок — либо обязательный, либо запретный, а также наказание за нарушение «закона»: смертная казнь за измену и отступничество, отсечение ушей, обращение в рабство и прочее. Далее звучали 21 правило и 10 запретов. За этими цифрами стояла символика чисел — соответственно 36 «небесных духов», 72 «земных духа», 21 легендарный основатель «Триады».

Потом наступала первая фаза обряда побратимства — неофит братался со всей «Тριάдой» в лице двух членов союза. Его подводили к главе ложи или старшему иерарху местного отделения. Кровь зарезанного на алтаре жертвенного животного стекала в ритуальную чашу. Сделав себе надрезы мечами, два члена союза добавляли туда свою кровь, скрещая над головой неофита окровавленные клинки. При постоянно звучащих магических текстах они прокалывали мечами кожу на груди испытуемого и пускали его кровь в чашу. В этот момент

новичок, на чью склоненную шею ложилось лезвие тяжелого меча, приносил клятву верности на всю жизнь. Он клялся строго подчиняться дисциплине, блюсти тайну, соблюдать установления, правила, запреты и обряды, помогать нареченным братьям по союзу, вместе с ними быть готовым к вооруженной борьбе с завоевателями и по первому сигналу выступить против врага. Объявляя о своей смертельной ненависти к маньчжурам, о своем стремлении изгнать «северных варваров» и возродить империю Мин, он обещал укреплять в себе отвагу и готовиться ко «дню мщения». После принесения клятвы два члена союза, давших свою кровь, и неофит по очереди припадали к чаше со смешанной кровью, а последнему сверх того мазали ею губы. Так завершался обряд братания, и неофит становился нареченным братом (сюньди) остальных членов союза. Его подводили к «святая святых» — алтарям, чтобы поклониться памяти пяти погибших монахов-«первооснователей», совершить символическое жертвоприношение и возжечь благовония. Под сводами Зала Верности и Справедливости звучало заключительное торжественное песнопение, и войско «Триады» обретало нового бойца.

В зависимости от местных условий церемония могла быть сложнее или проще. Но все ложи и их отделения старались сохранить магический и символический элемент обряда и стихотворные тексты, якобы навеянные высшей, сверхъестественной силой. Торжественность церемонии подчеркивала высокие цели союза, а мистический покров действия соответствовал средневековому складу мышления и характеру тогдашних китайцев. Таинственные обряды, притчи, легенды, заклинания и талисманы еще более сплачивали членов «Триады», выделяя их из остальной массы населения и давая им ощущение своей избранности, сопричастности к великому делу, угодному Небу. Это создавало уверенность в поддержке высших небесных сил и в предстоящей победе.

«Триада» не признавала ни династии Цин, ни правительства в Пекине, ни местных властей. Цинского суда для членов союза не существовало — выступать на нем даже в качестве свидетеля считалось позором, они судили собственным судом. Иными словами, тайное общество являлось не только подпольной боевой организацией, но и как бы «государством

в государстве». Хотя «Триада» отвергала все маньчжурское и официальное, ее «братья» могли состоять на государственной службе, но при обязательном сокрытии своей принадлежности к союзу. Это было особенно опасным для цинского режима, поскольку создавало в его лагере сеть вражеских разведчиков-осведомителей, которые поставляли «Триаде» ценную оперативную информацию.

«Триада» не имела вертикальной многоярусной централизованной структуры. Напротив, она представляла собой сумму горизонтальных, однородных, по сути, автономных ячеек. Союз представлял собой не «дерево», растущее ввысь у всех на виду, которое можно свалить под корень одним ударом, а «траву», стелющуюся по бескрайним просторам. Власти могли уничтожить одну-две ячейки, проваленные или случайно обнаруженные, но всю сеть низовых организаций раскрыть было невозможно. Они выживали даже в случае обнаружения местной ложи. Благодаря этому «Триада» не только сохранялась как величина постоянная, но и росла вширь.

В провинциях бассейна Янцзы и Южного Китая действовала «семья» конспиративных организаций, объединенных общностью лозунгов и целей, единым легендарным происхождением, единой системой символов, ритуалов, паролей, условных знаков, устного языка аргументов и тайнописи. Сеть их не имела общего руководства и регулярных связей между звеньями. Однако единство идейного багажа, принципов внутренней структуры и наличие общего врага делали «Триаду» своеобразным подпольным политическим движением. Иногда в одной области создавалось несколько организаций или, наоборот, одна организация охватывала несколько областей. Расширяясь и создавая новые звенья либо укрываясь от преследования властей, организации дробились, объединялись и меняли названия.

Все члены «Триады» делились на ранги. Каждый из рангов имел свои собственные функции и образное наименование — своего рода должность и чин. В этой строгой иерархии военный советник («белый веер») стоял выше экзекутора («красная дубинка»), а тот — намного выше простого разведчика («соломенные сандалии»). В свою очередь, руководство подразделялось на пять рангов и имело большую власть над рядовыми членами. Вожаки «Триады» выдвигались чаще все-

го из среды мелких и средних торговцев и избирались всеми «братьями» на тайных собраниях. Местной ложей руководил «голова дракона», ниже стоял «владыка благовоний». Вожаки выступали в качестве высших авторитетов, старейшин, арбитров, судей и боевых командиров. В приморских районах в «Триаде» значительную роль играли представители торговых кругов, обиженные местными властями, или оппозиционно настроенные помещики, не получившие на экзаменах ученую степень интеллигенты, не добившиеся чиновной должности шэньши, а также командиры и бойцы отрядов сельской милиции.

В «Триаде» не существовало каких-либо социальных или имущественных ограничений для приема новых членов. В этом смысле «Братство Хун» взяло за образец «Великое братство Шуйху», воспетое в многочисленных народных сказаниях, стихах, песнях и пьесах XII—XIII веков. Позднее на их основе писатель Ши Найань (1296—1370) написал роман «Речные заводы», отважные герои которого создали братство, объединившее выходцев из всех сословий и имущественных слоев — бедных и богатых. Именно этот дух равенства и единства всемерно культивировался в «Триаде». Кем бы ни был «назначенный брат» — ученым, крестьянином, актером или торговцем, он должен строго выполнять обязанности члена союза. Общая цель — свержение власти ненавистных завоевателей — должна объединять в священной борьбе всех китайцев.

Особенно сильны позиции «Триады» были в городах, где в ее ряды вступали ремесленники, мелкие торговцы, матросы, контрабандисты, грузчики, лодочники, кули, нищие и другие представители низов. Ячейки союза возникали в сельской местности, в районах горных разработок, на транспортных артериях, вовлекая в свои ряды и люмпенов, и рабочий люд. Для маргиналов «Триада» зачастую служила последней опорой в жизни, якорем спасения, источником надежды. Союз притягивал к себе бедноту, поскольку выдвигал, правда в туманной форме, ряд привлекательных идей — социальной справедливости, равенства и взаимопомощи. Организации зачастую служили их членам и местному населению защитой, сдерживающей силой против крайнего произвола чиновников. Антиманьчжурские лозунги приводили в «Триаду»

и оппозиционно настроенных богатых людей. На их взносы и пожертвования членам союза оказывалась материальная помощь, закупалось оружие, покрывались расходы на текущие нужды организации.

Называя себя «Братством Хун» и «Семьей Хун», союз гарантировал для всех равные права, обязательства и дисциплину независимо от социального и материального положения его членов. Этому же способствовала религиозная терпимость и конфессиональная «всеядность» тайного общества. «Братья» поддерживали «своих» в конфликтах с «чужаками», в том числе в ссорах и драках, укрывали от преследования властей, оказывали материальную помощь, давали друг другу приют и оказывали содействие при передвижении по стране. В «Триаде» ходила поговорка: «Каждый нареченный брат, не имея ни гроша за душой, может пройти по всей Поднебесной». Члены союза заботились друг о друге, помогали в несчастье. Одна из заповедей «Триады» гласила: «Если брат в опасности или арестован властями, все братья должны принять меры к его спасению. Уклонившийся от этой ответственности под каким бы то ни было предлогом должен быть наказан ста восьмью ударами бамбуковых палок». Вражда и неприязнь между «братьями» запрещались. За проступки и преступления, совершенные по отношению друг к другу, наказывали крайне строго. В «Триаде» господствовал дух сплоченности, взаимовыручки и самопожертвования.

Внутри союза действовал жесткий распорядок. Богатые и состоятельные «братья» платили взносы. Все члены общества должны были являться на тайные собрания и по вызову вожаков, неукоснительно выполнять приказы и распоряжения, сохранять полную боевую готовность, соблюдать бдительность и конспирацию. О членстве «брата» в союзе не должны были знать даже его ближайшие родственники. Разглашение тайны, измена, дезертирство и отступничество карались смертью. «Триада» требовала от своих членов особой осторожности в городах — средоточии чиновников, мелких служащих ямэней, солдат и всякого рода недоброжелателей союза. Для предотвращения крупных провалов местные организации делились на «пятерки». Рядовой ее член даже под пыткой мог выдать только четверых. «Триада» уничтожала

потенциальных доносителей из местного населения и наиболее опасных своих врагов. Благодаря искусной конспирации члены союза, как правило, оставались неуловимыми. Для связи применялись условные обороты речи, едва заметные жесты, особая манера складывать пальцы, держать палочки для еды, ставить плошки с пищей на столе. Для непосвященных были непонятны тайные пароли, условные знаки, специфический жаргон и особые приемы тайнописи. Собрания ячеек или «пятерок» происходили в глубокой тайне, чаще всего по ночам.

Члены «Триады» воспитывали в себе дух героизма, самопожертвования и преданности общему делу. «Нам следует закалять в себе отвагу, готовясь ко дню мщения», — говорилось в установлениях союза. От «братьев» требовалась умеренность в еде, запрещались пьянство, азартные игры и посещения публичных домов, ибо эти пороки ослабляли стойкость и боевую готовность. Разрешалось лишь курить табак. Вдали от посторонних глаз члены союза овладевали «военными искусствами» (ушу) — занимались фехтованием и упражнениями с мечом и пикой, а также изучали мастерство рукопашного боя и нанесения ударов ногами. «Военные искусства» в сочетании с магическими ритуалами, талисманами, заклинаниями и амулетами создавали веру в «неуязвимость» перед врагом. «Братья» тайно изготавливали и покупали оружие, делились на боевые группы и отряды во главе с командирами, строго следившими за соблюдением дисциплины. В нужный момент конспиративная организация превращалась в боевую дружину или ряд вооруженных отрядов. «Триада» уничтожала наиболее ненавистных маньчжуров, их приспешников-китайцев и готовилась к решающему восстанию. Если во время боевых действий «брат» проявлял нерешительность и колебания, он должен был погибнуть от рук своих же. Боевым цветом союза служил красный. Иероглиф «хун», его обозначающий, входил в название — «Братство Хун». Во время восстания бойцы «Триады» надевали на головы красные повязки или алые турбаны, подпоясывались красными кушаками, к одежде прикалывали банты того же цвета или клочки кумача.

Наступил год Овцы (1787) — время первой пробы сил. Действовавшая под названием «Союз Неба и Земли» «Триада»

подняла восстание на Тайване. «Братьями» руководили глава сельской дружины самообороны Линь Шуанвэнь и деревенский богатей Чжуан Датянь. Первый был провозглашен правителем острова (девиз — Тяньюань — Небесное предопределение), а второй — главнокомандующим. Из руководителей союза были избраны чиновники, создан госаппарат, восстановлены порядки и обычаи династии Мин. Только через год, перебросив на Тайвань более ста тысяч солдат, маньчжуры с большим трудом смогли по частям разгромить силы повстанцев. Обоих лидеров в клетках доставили в Пекин, и там они сложили головы на плахе.

После этого строжайшее запрещение «Триады» появилось в уголовном кодексе Цинской империи, принадлежность к ней каралась смертной казнью или пожизненной ссылкой с отбыванием каторжных работ. Однако уже ничто не могло напугать или парализовать этот боевой союз. Во всех ложах и ячейках их главы произносили ритуальную речь: «Мы, единые и в радости и в горе, посвятили себя возрождению династии Мин, происходящей от Неба, Земли и всего сущего. Мы посвятили себя уничтожению бандитов-варваров и ожидаем истинного повеления Неба. Как только народ начнет проявлять неповиновение, это будет знак, данный нам Небом, что должна быть восстановлена династия Мин, а бандиты-варвары — уничтожены. Все те, кто хочет возродить династию Мин, отомстить за наши обиды, смыть наш позор и установить всеобщий мир, пусть получают титулы... и их потомство пусть процветает во всех поколениях!»

«Великая стена» вдоль морского
побережья. «Закрытие» Китая
для европейцев

Китайский чай, шелк и фарфор издавна привлекали к себе внимание Европы, которая видела в Срединном государстве богатейший, безграничный по своим возможностям рынок. Казалось, что с завершением маньчжурского завоевания Китая для деловых кругов Запада открылись радужные пер-

спективы. Купцы из Португалии, Голландии, Англии и Франции, ведущие торговлю на побережье Китая, создавали там свои фактории: англичане — в Гуанчжоу (Кантон), французы — в Нинбо, а португальцы — в Макао (Аомэнь). Активно действовали Ост-Индские компании Англии и Голландии, направлявшие в Пекин свои миссии. Приезжали португальские посольства и специальный представитель Людовика XIV.

Первое время после завоевания Китая маньчжуры относились к европейцам-миссионерам довольно благожелательно. В Пекине и других городах миссионеры, в основном иезуиты и францисканцы, занимались проповедью христианства и открывали свои церкви. Но позже, когда позиции завоевателей-маньчжуров внутри страны стали заметно слабеть, а в госаппарате увеличивалась роль китайцев, династия Цин предприняла особые меры предосторожности, дабы воспрепятствовать вторжению в Китай чужеродной силы, могущей еще более дестабилизировать внутреннюю обстановку и создать внешнюю угрозу. В итоге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, имела место эйфория от ощущения своего могущества, а с другой — росло стремление укрыться в собственной скорлупе в преддверии начинающегося кризиса империи. В Пекине не без оснований считали, что влияние «заморских варваров» разлагает традиционные устои конфуцианской системы, а поэтому «закрытие» Китая от внешнего мира — важное условие самосохранения режима.

Маньчжуры и преданные им китайские сановники помнили, что европейцы — «заморские варвары» из далеких и, по их мнению, слабых стран — вмешались в середине XVII века в борьбу между династиями Мин и Цин, помогая как тем, так и другим. Во избежание повторения подобного Пекин решил постепенно «закрыть» Срединную империю для «рыжеволосых» и «длинноносых» варваров. Цинские правители хорошо усвоили уроки китайской истории. Ослабление очередной династии всегда сопровождалось нарастанием угрозы извне, а внутренние «смуты» в конце правления обреченной династии использовались внешними силами для захвата власти в Китае, как это сделали сами маньчжуры. Исходя из печального опыта династии Мин, богдоханы Иньчжэнь и Хунли приняли превентивные меры против возможной внешней

угрозы. Тем более что «мирный» сорокалетний период господства династии Цин стал сменяться «периодом тревог». Конец ему положили восстания на Тайване в 1721 году и народности мяо в Гуйчжоу (1735—1739). Явный перелом наступил в середине XVIII века, когда волна вооруженных выступлений резко возросла и на горизонте замаячил очередной период «смут». В этих условиях политика «закрытия» Китая для внешнего мира виделась богдоханам как одно из средств самосохранения.

Одним из важных шагов к изоляции страны стало объявление вне закона в 1724 году миссионерской деятельности «заморских варваров». Затем последовал запрет китайцам покидать свою родину, который должен был предотвратить возникновение за рубежом сильной антиманьчжурской эмиграции со своими вооруженными отрядами и эскадрами. Китайским купцам запрещалось плавать на иностранных судах, общаться с «заморскими варварами» и изучать их языки.

Вообще все, связанное с морской торговлей и судоходством, вызывало у цинского правительства предельную подозрительность. Политика изоляции, или «морского запрета» (хайцзинь), складывалась постепенно, в течение нескольких десятилетий, указами богдоханов. Судостроение, прежде всего морское, находилось под особым контролем маньчжурской бюрократии. Под страхом смертной казни запрещалось строить большие суда, способные уходить далеко от берега в открытое море. Даже на каботажный рейс судовладелец должен был получить не только разрешение местных властей, но и поручительство десяти своих коллег — владельцев судов. Тем самым цинский режим лишил купечество Китая внешне-торговой активности и «запер» его в «стенах» Цинской империи. При этом жестко контролировалось прибытие в Китай иностранных купцов и дипломатов.

С 1649 года китайцам нельзя было торговать вне границ Цинской империи, то есть на чужой территории. В 1716 году была запрещена торговля с иностранцами медью и цинком, а с 1733 года — железом. С 1732 года прекращался вывоз железных котлов, а с 1759 года — шелковых тканей. Указ о запрете на экспорт шелка в дальнейшем многократно повторялся. «Заморским варварам» разрешалось скупать только коко-

ны, шелковую нить и пряжу. Иностранцам запретили ввозить в Китай медь, свинец, железо, олово и селитру, ибо династия Цин боялась тайной отливки китайцами медной монеты, а также подпольного изготовления оружия и боеприпасов. Европейцам также запрещалось торговать в Китае рисом и бобами, шелком-сырцом и шелковыми тканями. Цинские власти строго следили за тем, чтобы «заморские варвары» не увозили из Поднебесной серебро в слитках, а также медную монету. Был наложен запрет на ввоз европейских книг. Даже разрешенный экспорт всячески лимитировался — предельные объемы годового вывоза были введены для чайного листа и ревеня.

Вся внешняя торговля Китая проходила через руки специально назначенных правительством или за большие деньги получавших это право купцов-откупщиков — «казенных торговцев» (гуаньшан). Стремясь максимально сузить и всемерно контролировать торговлю с европейцами, император Сюань в 1720 году приказал «казенным торговцам» южной приморской провинции Гуандун объединиться в полуказенную, участвующую гильдию «Гунхан» («Кохонг»). Ее члены получали монопольное право торговли с «заморскими варварами», корпорация осуществляла контроль за ними и сбор таможенных пошлин. Сама «Гунхан» находилась под строгим надзором наместника провинций Гуандун и Гуанси, военного губернатора и таможенного начальника. Купцы, не входившие в эту гильдию, не могли напрямую торговать с европейцами. Им приходилось продавать свои товары членам «Гунхан», платя тяжелые внутренние пошлины, подвергаясь вымогательству и произволу со стороны «казенных торговцев» и чиновников. Только члены «Гунхан» имели право общаться с «заморскими варварами» и изучать их языки. В 1728 году аналогичная корпорация для торговли с Японией была создана в провинции Чжэцзян.

Цинское правительство жестко лимитировало экономические связи со всеми соседними странами. Оно всячески препятствовало расширению деловых контактов русских купцов с китайскими, неоднократно прерывая торговлю в Кяхте: в 1762 году — на шесть, а в 1785 году — на семь лет. Строго контролировались и весьма ограниченные торговые связи

с Кореей. Японо-китайская торговля находилась под двойным прессингом — и цинской стороны, и правительства сёгун-нов Токугава. Объявившая себя «закрытой страной», Япония к концу XVIII века сама почти прекратила торговлю с Китаем. Была ограничена внешняя торговля через Макао. С 1725 года в этот порт могло заходить только 25 «варварских» кораблей, а с 1732 года был установлен контроль за каждым таким судном. Наконец, в 1757 году император Хунли запретил иностранную торговлю во всех морских портах, кроме Гуанчжоу. Тем самым для европейцев закрывались порты и таможи Нинбо (провинция Чжэцзян), Чжаньчжоу (Фуцзянь), Юньтайшань (Цзянсу) и Динхай (острова Чжоушань). Открытыми остались лишь Гуанчжоу и отчасти Макао. Таким образом, корпорация «Гунхан» становилась монополистом в этой области.

В Гуанчжоу европейцам даже не разрешалось селиться в пределах городской черты. Им возбранялось изучать китайский язык. Тех китайцев, которые обучали языку «заморских чертей», казнили. Китайцам же запрещалось переселяться на прибрежные острова и распахивать там целину. Нарушителей возвращали на материк, а дома их сжигали. В 1787 году было запрещено заселение островов у побережья провинции Чжэцзян. По всему морскому побережью как бы поднялась незримая, но прочная «китайская стена» с единственной «дверью» — Гуанчжоу. Этим завершился процесс «закрытия» Цинской империи.

Англичане стучатся в закрытую дверь.
Миссия лорда Макартнэя

Предраассветный час 14 сентября 1793 года в летней резиденции китайского императора в Мулане (Жэхэ) обещал ясное, чуть прохладное утро. Свежий ветер с окрестных гор трепал свободно висящие полы огромного шелкового шатра богдохана, установленного в дворцовом Парке Несчетных Деревьев. Вокруг малых шатров и палаток, расположенных на подходе к шатру богдохана, толпились маньчжурские

князя, сановники, придворные. Они собрались здесь задолго до рассвета в ожидании появления императора. Беседовали, почтительно понизив голос, раскланивались, обменивались любезностями и новостями. Предстоял прием «даннических» послов, прибывших с поздравлениями по случаю дня рождения богдохана. Через три дня императору Хунли должно было исполниться 83 года, 57 лет из которых он провел на «драконовом троне».

Среди послов «даннических» стран своими костюмами и обликом резко выделялись англичане — посольство короля Великобритании Георга III. Впереди членов миссии стоял Его светлость Чрезвычайный и Полномочный посол достойный лорд граф Джордж Макартнэй. В парадном бархатном, вышитом золотом камзоле, с осыпанным алмазами орденом Бани и широкой красной орденской лентой, в накинутаой поверх камзола орденской мантии он — первый британский посол в Китае — выглядел торжественно. Поскольку китайский церемониал не позволял послам подходить к Сыну Неба с парадной шпагой на боку, сэр Джордж был без нее. Умное, красивое, породистое лицо посла выдавало еле скрываемое волнение. В свои 56 лет этот опытный политик и администратор успел многое повидать. В свое время он был послом в Санкт-Петербурге, губернатором Карибских островов, губернатором Мадраса и недавно отказался от поста генерал-губернатора Индии. Теперь судьба занесла его в далекий и таинственный Китай. Десять месяцев потребовалось британским военным кораблям «Лайен» и «Хиндустан», чтобы доставить посольство из Портсмута к устью реки Байхэ вблизи Тяньцзиня. Отсюда на джонках до Тунчжоу, а затем на повозках оно добралось до небольшого загородного дворца Хунъяюань, расположенного южнее летнего императорского дворца и парка Юаньминъюань. Далее Макартнэй с небольшой свитой, миновав проход в Великой Китайской стене, прибыл в Мулань. Оставшиеся в Хунъяюане англичане готовили для императора Хунли своего рода небольшую, но весьма эффектную торгово-промышленную выставку с демонстрацией лучших британских товаров, машин, механизмов и технологий. Для транспортировки багажа и экспонатов потребовалось 90 повозок, 200 лошадей и 3 тысячи китайских

носильщиков. В Лондоне надеялись, что выставка поразит воображение богдохана и подтолкнет его хотя бы на частичное «открытие» Китая для английских коммерсантов.

Макартнэй знал, что его и всех англичан в Пекине считали «варварами» и «данниками» Сына Неба, впрочем, как и всех остальных иностранцев. По китайским представлениям все прочие государи стояли намного ниже «драконового трона» и могли жаждать только одного — милостей и этических наставлений богдохана. Им было положено иметь лишь одну высшую обязанность — почитать императора, приезжать к нему с «данью», то есть с выражением своего преклонения, и безусловно повиноваться его воле. Цинский двор не посылал своих послов в Европу и в Азию, не имел там своих представителей, а потому был плохо информирован о положении дел на Западе, который представлялся в Пекине роем маленьких и слабых «варварских» стран. Все они рано или поздно должны явиться на поклон Сыну Неба, дабы приобщиться к его моральному совершенству, величию и могуществу. Иностранные, то есть «даннические», послы в Китае считались простыми чиновниками, а не представителями своего государства и вручать верительные грамоты должны были не богдохану, а одному из его сановников.

Встречая рассвет в дворцовом парке Муланя, сэр Джордж мог считать, что ему повезло, ибо добиться аудиенции у императора было очень трудно. Цинские сановники в отношении европейских послов нередко проявляли грубость, высокомерие, как могли демонстрировали свое «превосходство», угрожали, тянули с ответом и иными способами старались унижить «заморских чертей», а в случае их строптивости выпроваживали несолоно хлебавши. На джонках, везших посольство по реке Байхэ до Тунчжоу, и на повозках, доставивших миссию в Хунъяюань, были вывешены флаги с надписью «Посольство с данью от английского короля». Да и сейчас, в это утро, сэр Джордж оказался в числе «даннических» послов — из Пегу (Бирма) и ряда мусульманских княжеств.

Аудиенции предшествовали дипломатические переговоры с всемогущим временщиком Хэшэнем. Макартнэй прибыл сюда, чтобы добиться для Англии и ее коммерсантов уступок от правительства богдохана. Список их был впечатляющим —

установление дипломатических отношений европейского типа между Великобританией и Цинской империей с учреждением британского постоянного представительства в Пекине, открытие для английской торговли ряда портов вблизи чайно-водческих и шелководческих районов, предоставление англичанам одного или двух пунктов на побережье Китая для создания там товарных складов и постоянного проживания англичан, разрешение свободного поселения и передвижения британских подданных в Китае. Глава Императорской канцелярии, или, как его называли европейцы, «первый министр», Хэшэнь уходил от прямого ответа на эти вопросы, зато твердо настаивал на строгом выполнении Макартнэем и его сопровождавшими церемонии, принятой на аудиенции у императора.

В Лондоне знали, что путь к сердцам Хунли, Хэшэня и их сановников лежал через дипломатический церемониал коленопреклонения и челобитья (коутоу), унижительный для европейца вообще, а для чрезвычайного и полномочного посла тем более. Вся процедура именовалась «саньгуй цзюкоу» — «три раза встать на колени, девять раз совершить земной поклон». Войдя в залу, посол должен был опуститься на оба колена и в этой позе совершить три челобитья, опираясь на локти и ладони рук, касаясь лбом пола. Поднявшись на ноги и пройдя несколько шагов, посол повторял тот же «комплекс упражнений», вставал и, подойдя к тронному возвышению, делал его в третий раз. Все это должны были совершить и сопровождающие его лица. Данный церемониал с VII—VIII веков стал обычным для китайских сановников и иностранных послов на аудиенции у императора. Производился он и перед пустым тронном, перед табличкой с титулом Сына Неба или перед его ответным посланием, положенным на особое кресло, сходное с тронном. Привычная для маньчжуров, монголов, китайцев и азиатских послов, церемония «коутоу» служила камнем преткновения для европейских дипломатов. Отказ посла от «коутоу» и вручения верительных грамот не лично богдохану, а его сановнику служил предлогом к недопущению в столицу и на аудиенцию к Сыну Неба. Строптивых высылали из Китая, не давая возможность выполнить дипломатическое поручение, а привезенные ими подарки возвра-

Император Хунли.
Справа — девиз правления
Цяньлун

шали. Иногда упрямых послов отсылали к наместнику, губернатору или особому чиновнику в Гуандуне — одной из приморских провинций, а те уже посылали доклады в Пекин о переговорах с «варварами».

Зная все это, Макартнэй шел на выполнение данной церемонии ради успешного завершения своей миссии. Чтобы подарки Георга III не вернули, посольство не выдворили из Китая и пошли навстречу английским просьбам, надо было согласиться на «коутоу» или хотя бы совершить его «облегченный» вариант, то есть как бы

невзначай смазать и четко не фиксировать наиболее унижительные позы, пройдя через них как можно быстрее. Соглашаясь на «коутоу», Макартнэй сначала настаивал на выполнении той же процедуры равным с ним по рангу китайским сановником перед портретом Георга III во весь рост. Когда Хэшэнь отверг этот вариант, послу ничего не оставалось, как пойти на унижение. Цели миссии и ожидаемые от нее реальные выгоды были выше соображений престижа. Макартнэй надеялся исполнением «коутоу» открыть дорогу к соглашению и добиться осязаемых дипломатических и торговых выгод. Возможно, что, следуя практике и правилам пекинского двора, английский посол до аудиенции у Хунли вынужден был предварительно тайно прорепетировать «коутоу» перед табличкой с титулом богдохана или пустым троном под призором цинского церемониймейстера.

С первыми лучами солнца раздалась громкая музыка и показалась торжественная процессия. В окружении своей гвардии, придворных, евнухов, знаменосцев, зонтодержателей и музыкантов в открытом портшезе ехал сам Хунли. Его появление было символическим — как Сын Неба он нисходил к людям подобно небесному светилу с его первыми лучами. За

ним в портшезе несли Хэшэня. Процессия проследовала к огромному шатру, куда вошли Хунли и Хэшэнь. Музыка смолкла, и наступила полная тишина. Прервав томительное ожидание, церемониймейстер дал знак Макартнэю и трем его сопровождающим англичанам проследовать в шатер. Внутри его шелковое покрытие держалось на позолоченных и разукрашенных орнаментом колоннах, покрытых лаком, и толстых шелковых канатах. На возвышении стоял трон, на котором восседал богдохан. Это был старый маньчжур с непроницаемым лицом аскета — высокий лоб, впалые щеки, вислые темные усы и жесткий властный взгляд живых горящих глаз. Хунли был одет нарочито скромно — в длинном темном шелковом одеянии и в круглой бархатной маньчжурской шапке, ее конус украшала крупная жемчужина. Всем своим видом император как бы давал понять, что, будучи носителем высшей власти и небесной мудрости, он, великий завоеватель, выдающийся правитель и интеллектуал, может позволить себе такую простоту наряда. Рядом с тронном стояли Хэшэнь и еще два сановника. Слева и справа от тронного возвышения разместились по ранжиру брат, сыновья и внуки императора, маньчжурские князья и китайские сановники в длинных, до пола, парадных одеяниях и в круглых конических шапках. По знакам, подаваемым церемониймейстером, Макартнэй, его помощник Стонтон, переводчик и тринадцатилетний паж совершили обряд «саньгуй цзюкоу». Полнота и четкость исполнения его англичанами были далеки от требуемых китайским церемониалом. Тем не менее Хунли и его окружение сочли выполнение обряда состоявшимся, а огрехи отнесли на счет неопытности «английских варваров». Более того, в дальнейшем цинские сановники советовали строптивым европейским дипломатам «брать пример с лорда Макартнэя». Факт совершения «коутоу» сэр Джордж и его сопровождающие предпочли сохранить в тайне от остального персонала посольства, а по возвращении в Англию — и от общественности. Стонтон в своей книге, описывая сцену в шатре, сообщил, что Макартнэй всего-навсего выполнил обычное для английского двора преклонение одного колена. Совершив «коутоу», Макартнэй передал золоченый ларец с личным посланием Георга III, после чего англичан поставили слева от тронного возвышения — к стоявшим там са-

новникам. Вслед за этим в шатер стали вводить другие «даннические» посольства, выполнявшие «саньгуй цзюкоу» более профессионально и четко. Затем все присутствовавшие расселись по двое за внесенные сюда столики, и начался праздничный банкет.

Поначалу казалось, что церемониальная уступка Макартнэ приносит ожидаемые плоды. Во время банкета Хунли проявил внимание к англичанам, которым были переданы его ответные подарки. Британского посла сопровождал и вел с ним беседы всесильный Хэшэнь. По случаю дня рождения Хунли — 17 сентября 1793 года — сэр Джордж присутствовал на торжествах, театральных спектаклях, разного рода увеселениях, зрелищах и гуляньях в императорском парке. Ему удалось в антракте спектакля беседовать с императором, а также дважды видеть его — в парке и по пути следования в Хунъяюань, где богдохан осмотрел английскую выставку. Однако этим все и кончилось. Вежливые сановники и сам Хэшэнь показывали Макартнэ достопримечательности дворцового комплекса — Запретного города в Пекине, но делали вид, будто не понимают истинной цели его миссии. По их мнению, у Георга III и его посла могло быть только одно стремление — почтительно выразить свое преклонение перед добродетелями Сына Неба. С завершением юбилейных торжеств интерес к «данникам» из далекой и «варварской» Англии исчез. Вокруг посольства образовалась пустота. Попытки Макартнэ продолжить деловые переговоры упирались в тупик. Китайские сановники стали мягко выпроваживать сэра Джорджа, объясняя ему, что послы «даннических» стран могут жить в Пекине лишь временно, а после принесения «дани» и поздравлений должны возвращаться на родину.

Видя, что от него просто хотят избавиться, Макартнэ через Хэшэня передал Хунли письмо, в котором просил открыть для английских купцов порты Нинбо и Тяньцзинь, а также острова Чжоушань, создать для них складские пункты в Пекине, на островах Чжоушань и в Гуанчжоу с правом проживания и свободного передвижения, отменить или снизить транзитные пошлины между Гуанчжоу и Макао и освободить английских купцов от пошлин, произвольно вводимых местными властями.

После этого, 7 октября, Макартнэй был вызван в Пекин во дворец. В одной из парадных зал на императорском кресле посла ожидал завернутый в желтый шелк эдикт богдохана на имя Георга III. Направив свое послание королю Англии, Хунли пошел на отступление от правил и тем самым оказал ему «великую честь», ибо императоры Китая — «властелины всей земли» — никогда не отвечали на письма глав иностранных государств, предоставляя делать это своим сановникам. Возможно, Хунли хотел поощрить «английских варваров» таким образом за выполнение церемониала «саньгуй цзюкоу». Дабы получить этот «священный указ» в свои руки, Макартнэй должен был в присутствии Хэшэня и других цинских сановников встать на колени перед креслом со свертком и отвесить земные поклоны. Он полагал найти в указе богдохана положительный ответ на свои просьбы, однако посла ждало глубокое разочарование. Хунли ответил отказом.

В своем послании Хунли, в частности, писал: «Вы, о государь, живете далеко за пределами многих морей и тем не менее, движимый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, послали миссию, почтительно доставившую Нам ваше послание. Серьезные выражения, в которых оно составлено, обнаруживают почтительное смирение с Вашей стороны, что весьма похвально. Что касается Вашего ходатайства об аккредитовании одного из Ваших подданных при Моем Небесном Дворе для наблюдения за торговлей Вашей страны с Китаем, то таковая просьба противоречит всем обычаям Моей Династии и никоим образом не может быть принята. Если Я распорядился, чтобы дары дани, присланные Вами, о государь, были приняты, то это было сделано, исключительно принимая во внимание чувства, побудившие Вас прислать их издалека. Великие подвиги Нашей Династии проникли во все страны Поднебесной, и государи всех наций суши и морей посылают свои ценные дары. Как Ваш посол может сам убедиться, Мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях Вашей страны. Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности».

Вручение этого письма и «отпускных» подарков богдохана означало требование покинуть Китай. В этот же день анг-

лийское посольство выехало из Пекина и двинулось на джонках по Великому каналу на юг. На своих кораблях «Лайен» и «Хиндустан» миссия прибыла в Макао, а оттуда в марте 1794 года направилась в Портсмут. Попытка мирными средствами «открыть» двери для британской торговли в «закрытый» Китай не удалась. Сэр Джордж вернулся в Англию с пустыми руками. Тем не менее печальный опыт Макартнэ не пропал даром — в Лондоне поняли, что отныне выполнять «саньгуй цзюкоу» бесполезно. И когда в 1816 году в Китай прибыл английский посланник лорд Уильям Амхерст, он уже и не подумал идти на бессмысленное унижение, чем вызвал яростный гнев нового богдохана Юньяня, немедленно выславшего «непочтительное» и «дерзкое» посольство из Китая.

Под сенью Будды грядущего.

Подпольная секта готовится к восстанию

Восседавший на высоком постаменте-троне, толстый и веселый, Майтрейя, по-китайски Милэ, — Будда грядущего — внешним обликом резко отличался от остальных будд и бодисатв. Бритая голова, смеющееся лицо, светящиеся искренней радостью глаза, огромный живот с рельефно выделяющимся пупком. Его любили в народе, ласково именовали Смеющимся Буддой, а за голое толстое чрево — Толстобрюхим Милэ. В 80-х и начале 90-х годов XVIII века население Северного Китая молилось Будде грядущего особенно усердно — столь невыносимо тяжелым, жестоким и несправедливым было настоящее. Среди смиренно молящихся было немало членов тайной буддийской секты «Белый Лотос». Стоя на коленях перед статуей Милэ, они мысленно клялись помочь своими мечами его второму пришествию на землю.

Позади у «Белого Лотоса» уже была славная история. Появившись при династии Южная Сун (1127—1270) как чисто религиозная организация, секта активно боролась с монгольским владычеством в Китае. Ее адепты много сделали для вооруженного свержения чужеземной монгольской династии Юань (1271—1368) и создания империи Мин (1368—1644).

В период Мин мятежная секта подняла несколько восстаний. Не забывая о мечях и пиках, она опиралась на духовное оружие — свое учение и его «драгоценные свитки» (баоцзюань) — священные тексты. Ее руководители учили: в священном мироздании из начальной субстанции возникло высшее божество — Нерожденная Праматерь, или Извечная Матушка (Ушэн Лаому). Она сотворила небожителя Фуси и его супругу Нюйва, которые родили человеческих «первопотомков» (юаньцзы). Из райской «прародины» «первопотомки» опустились на землю и дали начало людям. Проповедники «Белого Лотоса» учили, что богоданное природное родство делает всех людей изначально равными между собой, а имущественное и социальное неравенство есть нарушение этого извечного начала. При этом каждый человек в силу своего «небесного перворождения» должен стремиться обратно на свою «прародину». И путь туда лежит через поклонение Нерожденной Праматери и вступление в секту, через строгое следование уставу, правилам и запретам «Белого Лотоса».

Согласно учению секты, сошедшие с небес на грешную землю «первопотомки» оказались затянутыми в пучину зол и порока. Разгневанная этим грехопадением, Нерожденная Праматерь ниспослала на землю учение «Белого Лотоса», дав людям возможность очиститься от скверны и вернуть былое духовное совершенство. Человечество должно пройти через три эпохи, и только в последнюю людям уготовано перерождение и «возвращение к исходному» через духовное самосовершенствование. Тем самым существование человечества заключено в троичный цикл смены эпох — прошлого, настоящего и будущего. Каждой из них соответствует особое солнце, свой будда, свой магический цвет и особое течение времени.

Прошлое освещалось Синим Солнцем, в Поднебесной тогда правил Будда прошлого — Кашба (Кашьяпа), восседавший на Синем Лотосе. Время в прошлом текло быстрее, нежели в настоящем. В «Эру Синего Солнца» год состоял всего из шести месяцев, сутки — из шести двухчасовых страж, а отход избранных от зла и пороков только начинался. Настоящее живет в лучах Красного Солнца, а всем сущим управляет Будда настоящего — Шакьямуни. Его тронем является Красный

Лотос. Течение времени затормозилось и вошло в нынешние берега. В «Эру Красного Солнца» в году уже двенадцать месяцев, а в сутках — двенадцать страж. В конце этой эры адепты «Белого Лотоса» будут близки к «возвращению на прародину». Будущее будет облакано сиянием Белого Солнца. Его эра начнется с возрождения и второго пришествия в мир Будды грядущего — веселого и доброго Майтрейи-Милэ. Престолом ему послужит Белый Лотос — символ блаженного, счастливого бытия. Со вторым пришествием Милэ наступит благословенная «Эра Белого Солнца». На землю будут перенесены небесные порядки, в Поднебесной наступит царство справедливости, равенства и благоденствия. Время замедлит свой ход — в году будет уже восемнадцать месяцев, в месяце — сорок пять дней, а в сутках — восемнадцать страж.

Обещание прекрасного будущего — суть религиозной доктрины «Белого Лотоса» — соответствовало чаяниям крестьян и бедного люда вообще, их стремлению к равенству, сытости и отсутствию унижений. Подавляющая масса людей должна была переродиться в «Эру Белого Солнца», когда для духовного очищения появятся все условия. Оставалось только дожидаться ее наступления. Однако реальная крайне острая ситуация в Китае заставила руководителей «Белого Лотоса» «подправить» свое учение, введя в него «военный» вариант. Согласно ему переход к «Эре Белого Солнца» не мог произойти сам собой, мирным путем. Адепты учения не должны сидеть сложа руки, а с оружием в руках помогать наступлению «царства Майтрейи». Сигналом же к последнему и спасительному восстанию станет «возрождение Милэ».

Согласно учению секты, главным препятствием для наступления «Эры Белого Солнца» были «северные варвары» — маньчжуры, а также творящие произвол жадные и жестокие чиновники. Ненависть к местной управе (ямэнь), ее служкам (яи) и солдатам сочеталась с враждебностью к богачам — шэньши, помещикам и ростовщикам. Они олицетворяли зло, пороки и бедствия «Эры Красного Солнца», их надо устранить силой оружия и слова. Верующие своей беззаветной отвагой должны содействовать приходу Милэ. Будда грядущего изменит земные порядки и поможет посадить на «драконовый трон» в Пекине истинного императора из возрожденной династии Мин.

Простолюдины в люхэмао — шапках, сшитых из шести суживающихся клиньев, с шишечкой или пуговкой наверху

Учение говорило, что на переломе эпох «миру не избежать Великого хаоса бедствий», из которого истинно верующие и праведные выйдут невредимыми и вкусят благодать, и сектанты считали необходимым нести в мир эти «бедствия», чтобы тем самым осуществить волю Неба, Нерожденной Праматери и Будды Милэ. Все это создавало в секте атмосферу религиозного фанатизма, духовного горения и жертвенного героизма.

За несколько веков подпольной деятельности «Белый Лотос» выработал устойчивую внутреннюю организацию. По сути, это были не связанные между собой секты, исповедующие одно учение. У него имелось несколько ответвлений — секты «Белое Солнце», «Восемь триграмм», «Три Солнца», «Цвета Дракона», «Красное Солнце», «Завершение [жизненного] пути», «Большая колесница Западного неба» и другие. Все они действовали вдали от городов — в сельской местности, а основную массу их адептов составляли крестьяне. Постоянные члены проходили обряд посвящения, принимали присягу, соблюдали ритуал, заповеди и запреты.

Вокруг этого фанатично преданного вероучению костяка группировалась масса сочувствующих, в целом принявших

доктрину и помогавших секте в трудную минуту. Во главе ответвлений стояли зажиточные крестьянские семьи, передававшие из поколения в поколение само учение, практику сочинения, издания и распространения «драгоценных свитков» — священных текстов. Из этой среды и выбирались начальники: выше всех стояли «патриархи», ступенькой ниже их — «старшие руководители учения», затем шли «наставники» и т. д. В секте царили строжайшая дисциплина, конспирация, соблюдение иерархии должностей, подчиненность местных отделений центральному звену. «Белый Лотос» не отрицал ни конфуцианства, ни даосизма, но претендовал на подлинное, неискаженное толкование их доктрин. Выступая в роли оппозиционного еретического течения, «Белый Лотос» являлся притягательным для всех обиженных, угнетенных, бедных и слабых. Последнее усиливало оппозиционность секты, соединяя в себе религиозный протест с социальным, и еще больше уводило ее от ортодоксального «мирного» буддизма. Секте были близки идеи всеобщего равенства, в том числе равенства мужчин и женщин, ибо секта не делала между ними различий, что, в свою очередь, служило открытым вызовом существовавшей в тогдашнем Китае практике униженного положения женщины. Секта отрицала личное богатство, проповедовала общность имущества. Низовые ячейки «Белого Лотоса» служили своеобразными общинами взаимопомощи. Сами члены секты именовали ее «братством». Вступая в секту, неофит передавал наставнику деньги или зерно в зависимости от своего достатка, а затем делал регулярные взносы. Из создаваемого таким образом общего фонда наставник помогал бедным, больным, старым, пострадавшим членам секты, например попавшим в тюрьму, оплачивал похороны и т. д. Сектанты жили как бы одной семьей — с общим имуществом и равным распределением благ. Адепты учения исповедовали аскетизм, пренебрежение к богатству и материальным ценностям.

«Белый Лотос», ставивший своей целью «изгнание чужеземных варваров», сделал одним из своих лозунгов призыв «Свергнем [династию] Цин, восстановим [династию] Мин!». Для этого был нужен «потомок» Минской династии, и такой человек был найден. Крестьянство верило в достижение все-

общего благоденствия после воцарения «своего», народного, китайского, а поэтому «милостивого» Сына Неба под патронажем Толстобрюхого Милэ. «Крестьянскому императору» предстояло стать исполнителем воли Майтрейи, его помощником в период «Великих бедствий» и в «Эру Белого Солнца».

«Белый Лотос» выступал опасным противником маньчжурского режима. По обнаруженным его организациям наносились беспощадные удары. «Драгоценные свитки» уничтожались, а adeпты учения после допросов и пыток шли на плаху, ссылались на каторгу, избивались палками. На репрессии секта отвечала предельной конспирацией, строжайшей дисциплиной и сплоченностью. Неофитов тщательно проверяли и принимали в «братство» только по рекомендации одного или двух ее членов. Собрания проводились в глубокой тайне, зачастую по ночам, вдали от деревень и жилья, в горах, в лесу, в заброшенных кумирнях, среди развалин. Для сохранения тайны члены секты выставляли часовых для оповещения и зачастую убивали даже случайных свидетелей. Отступников и изменников карали смертью.

В обстановке нараставшего в конце XVIII века социального кризиса «Белый Лотос» перешел от обличения несправедливости и аморальности власти к подготовке вооруженного восстания против «сил зла». Секта активно готовилась осуществить очистительную миссию и превратить Поднебесную в «царство Майтрейи». С новой силой зазвучали слова учения: «Бедствия Красного Солнца уже на исходе и вскоре должно взойти Белое Солнце!»

В боях за счастливое «царство Майтрейи».
Крестьянская война под знаменами
«Белого Лотоса»

Летом 1795 года областная управа (ямэнь) Сянъяна была до предела набита людьми. В этой части провинции Хубэй шел усиленный розыск по делу о заговоре «Белого Лотоса». Во внутренних покоях, служебных и подсобных помещениях, боковых отсеках и тупиках ямэня сновали чиновники, писцы,

служители и солдаты частей «Зеленого знамени». В первом дворе ямэня по трем его сторонам тянулись темницы — зловонные землянки. Они были забиты арестованными. Здесь, на гнилой соломе, кишашей насекомыми, сидели и стояли вплотную друг к другу те, кто ожидал допроса. В соседнем дворе под палящим солнцем находились уже допрошенные. Шея каждого была схвачена тяжелой четырехугольной деревянной колодкой, руки и ноги скованы цепями. Их лица облепляли слепни и мухи. Сами осужденные не могли отогнать их — мешала широкая колодка на шее. Другие арестованные «стояли в бочках» или в узких бамбуковых клетках — их головы торчали из отверстий в верхних крышках. Опираясь на них подбодрками, эти несчастные пытались устоять на подставленных внизу черепицах. На дно «бочек» и клеток была налита вода и насыпана негашеная известь. Спасительные черепицы одну за другой убирали, и ноги погружались в известь, которая сжигала их. Голод, жажда, слепни, мухи и удушье довершали пытку. Стоны и смрад наполняли страшные дворы ямэня.

Страх царил среди областного начальства, ибо сюда из своей резиденции в Учане срочно прибыл сам грозный Фу Нин — императорский наместник. Местным чиновникам было чего бояться: у себя под носом они проморгали заговор против Сына Неба. Вскрылось все случайно, когда после дерзкого нападения на конвой, охранявший арестованного — одного из руководителей секты «Белый Лотос», начали хватать всех подряд. Пытки сделали свое дело, раскрыв сначала сам заговор, а потом истинные его масштабы и цель. Путем восстания и захвата власти в Срединном государстве вожди «Белого Лотоса» рассчитывали возродить китайскую династию Мин. Был схвачен и юноша, которого они собирались возвести на императорский трон.

Дело было чрезвычайной важности, для Фу Нина это был повод отличиться. Ревностный служака, всецело преданный маньчжурам, он уже имел заслуги перед «драконовым троном». Участник многих карательных операций, Фу Нин прославился как кровавый палач, беспощадно истреблявший мусульманских повстанцев в Ганьсу. Прибыв в Сяньян, он рьяно взялся за любимое дело. Последовали новые аресты и бесконечные допросы. Под пытками, так никого и не выдав, погибли два руководителя секты — Лю Сун и Сун Чжицин.

Из пятисот арестованных по этому делу часть была брошена на плаху, а остальные сосланы на границу в качестве рабов. Их отправляли туда по этапу, небольшими партиями, и тогда третьему главе секты, Лю Чжисе, удалось бежать. Вzbешенный Фу Нин решил после этого любой ценой «искоренить ересь» и крамолу. Началась волна новых арестов — на этот раз с конфискацией имущества. Но при всей своей опытности ретивый служака не учел, что именно имущество подозреваемых и станет главной целью его подчиненных. Тем самым наместник развязал руки не только чиновникам, но и мелкой сошке — служителям ямэней и особенно солдатам «Зеленого знамени». Розыск и аресты стали наилучшим предложением для узаконенного грабежа и вымогательств. Хватали не столько сектантов, сколько состоятельных людей. Многие откупались, а не имевших такой возможности солдаты волокли в управу. Шли повальные обыски, забирали все, что приглянулось, разоряя тысячи семей. Только в трех областях Хубэя было брошено за решетку и подвергнуто пыткам до десяти тысяч крестьян. Многие погибли в застенках. В этой вакханалии произвола исчезла грань между сектантами и простыми обывателями, между заговорщиками и невиновными — все стали жертвами насилия. Так у «Белого Лотоса» появились десятки, а затем и сотни тысяч невольных союзников.

15 февраля 1796 года под лозунгом «Милэ возродился!» крестьяне взялись за оружие. Многие сектанты сжигали свои дома со всем имуществом. Тем самым они отказывались от личной жизни и целиком посвящали себя борьбе за «царство Майтрейи». Они свято верили, что за начавшимися «великими бедствиями» наступит блаженная «Эра Белого Солнца». Вооруженные мечами, пиками и мушкетами, они врываются в города и брали штурмом уездные ямэни. Так началась длившаяся восемь лет (1796—1804) Крестьянская война под знаменем «Белого Лотоса». Область Сяньян стала опорной базой повстанцев. Во главе сяньянской армии встали молодая вдова Ци Ван, выходец из богатых крестьян Яо Чжифу и учитель Ван Тинчжао. В октябре восстание охватило северо-восток Сычуани, где повстанцами руководили конный курьер Сюй Тяньдэ и деревенский знахарь, соляной контрабандист Ван Саньхуай.

Поначалу повстанцы стремились овладеть городами и закрепиться в них, но потерпели поражение у Цигуйчжая. Фу Нин взял в плен около двух тысяч человек и приказал закопать их живыми в землю. После этого военные лидеры секты перешли к тактике маневренной, «подвижной войны» в сельских районах. Здесь они получали от местного населения поддержку, продовольствие и пополнение своих рядов. К восставшим присоединялись целыми семьями крестьяне, наемные работники мастерских, шахтеры с рудников и приисков, бродяги, беглые солдаты, соляные контрабандисты, безработные, грузчики и чернорабочие (кули). В рядах сектантов было много женщин. Повстанцы громили и сжигали управы, убивали чиновников и их приспешников, а также шэньши и богачей. Главной целью повстанцев на первом этапе было уравнильное перераспределение имущества.

Началась полоса победоносных походов повстанцев со стремительными бросками и точными ударами по врагу. Фанатически верившие в скорое наступление рая в Поднебесной, беззаветно преданные своему учению, отважные и дисциплинированные сектанты внушали страх солдатам императора. Привыкшие лишь к карательным операциям, руководимые трусливыми и бездарными командирами, правительственные войска не выдерживали натиска воинов «Белого Лотоса», коих именовали «бандитами-сектантами» (цзяофэй).

Летом 1796 года повстанцы тремя колоннами вторглись в провинцию Хэнань и, обрастая присоединившимися к ним местными отрядами, устремились к Великому каналу. Выход армии «Белого Лотоса» к этой важнейшей водной артерии мог прервать поступление продовольствия из бассейна реки Янцзы — житницы Китая — в столичную провинцию. В Пекине, особенно в Запретном городе, началась паника. Хунли, сочтя, что дни цинского господства в Китае сочтены, спешно вывез свои богатства в Маньчжурию и спрятал их там на дне реки. Смятение в столице нарастало, но неожиданно для маньчжуров колонны «бандитов-сектантов» повернули обратно — их командиры решили, что у них не хватит сил пробиться к столице Цинской империи, а тем более взять ее штурмом. В Пекине вздохнули с облегчением — гроза снова отодвинулась на периферию.

В ходе войны религиозные и военные структуры «Белого Лотоса» практически слились воедино. Повстанческие армии, соединения и отряды строились по территориальному признаку, а внутри последних — по принадлежности к различным местным отделениям секты. Каждому соединению был присвоен свой особый цвет. Свои армии и колонны сектанты так и называли — «сянъянская желтая», «дачжоуская черная», а самих себя — «тунцзянские синие», «белые дунсянцы» и т. д. Каждое соединение сопровождал обоз, где находились члены семей бойцов — женщины, дети, старики и инвалиды; оставить их карателям — значило обречь на жестокую смерть. Обоз сильно снижал маневренность повстанческих сил.

Бойцы «Белого Лотоса» были вооружены не только мечами и пиками, но и мушкетами, аркебузами, кремневыми ружьями и пушками, захваченными у противника. Много было у них и самодельного огнестрельного оружия, в том числе деревянных пушек. В крестьянском войске были установлены воинские звания («командир авангарда», «командир тысячи» и т. д.), но рядовые бойцы по-прежнему называли своих офицеров — «руководитель учения», «старший проповедник» и т. д. Вооруженные силы «Белого Лотоса» были более чем внушительны. Лагерь только одной сянъянской армии занимал более десяти километров. В провинции Сычуань действовали армии в несколько десятков тысяч бойцов. Повстанцы не имели единого командования или штаба и действовали разобщенно, хотя и пытались координировать свои действия.

Армии, колонны и отряды «Белого Лотоса» демонстрировали высокое искусство ведения маневренной войны. Переходя из одной провинции в другую, занимая на время все новые и новые территории, покидая их и двигаясь в различных направлениях, их командиры избегали прямых сражений. Они предпочитали неожиданные удары, небольшие схватки и постоянное маневрирование на больших просторах. Навязывая ночные сражения, они пугали цинскую солдатню атаками с факелами в руках. Умело используя преимущества местности, повстанцы устраивали врагу засады и неожиданные ловушки, нападая в самых узких и опасных местах.

Вынуждая правительственные войска совершать тяжелые марши, повстанцы предельно изматывали его. «Подвижная

война» привела к краху правительственной тактики «истребления и блокирования бандитов-сектантов». При всесильном императорском фаворите Хэшэне цинская армия находилась в стадии глубокого разложения. Из-за казнокрадства солдатам месяцами не платили жалованья и по многу дней не выдавали паяк, и они грабили население и чинили произвол. Командующие и офицерский состав стремились лишь к личной безопасности, успешной карьере и быстрому обогащению. Среди цинских военных на первый план вышли протеже Хэшэня — трусливые, бездарные и безынициативные карьеристы. В своих реляциях приписывая себе несуществующие «победы» и «достижения» в борьбе с «бандитами-сектантами», ловкие очковтиратели «выбивали» у императора, а точнее, у Хэшэня награды и повышения по службе. Многие из них просто боялись встречи с «религиозными мятежниками», предпочитая следовать за ними на почтительном расстоянии или отсиживаться за стенами укрепленных городов. Эти «герои» служили объектом язвительных насмешек со стороны бойцов «Белого Лотоса». Чтобы хоть как-то оправдать себя в глазах начальства, цинские военные сотнями убивали ни в чем не повинных мирных жителей, выдавая их за «мятежников-еретиков». Только через два года после начала боевых действий правительственные войска одержали первую победу: в апреле 1798 года им удалось окружить и уничтожить сяньянскую колонну под командованием Ци Ван и Яо Чжи-фу — наиболее сильное соединение хубэйских повстанцев.

Со второй половины 1798 года вплоть до осени 1800 года главным театром военных действий стала Сычуань. Здесь повстанцы одержали ряд побед — у Аньлэпина, вблизи Кайсяня, под Цаньси. Они угрожали Чэнду — главному городу Сычуани. После свержения Хэшэня его разложившихся военачальников сменили способные, опытные и ретивые командующие. Был выработан общий план действий, что усилило роль верховного главнокомандующего (цзинлюэ). Им сначала стал наместник, опытный военачальник Лэ Бао, а затем искусный полководец и стратег монгол Элэдэнбао.

Правительство сделало ставку на всемерное усиление местных частей. К 1799—1800 годам особую роль стали играть руководимые помещиками, шэньши и чиновниками отряды

«сельского ополчения» «сяньюн». Будучи местными жителями, бойцы «сяньюн» прекрасно знали тайные тропы и места, удобные для засад, служили прекрасными разведчиками. С 1800 года власти стали широко применять тактику, как они называли, «упорной обороны и оставления врагу опустошенной территории». Сводилась эта тактика к тому, что с приближением повстанцев все население вместе с продовольствием, скотом и пожитками угонялось в горы или в укрепленные лагеря, которые охраняли «сяньюн». Это лишало бойцов «Белого Лотоса» провианта и подкреплений из числа крестьян.

Создание «сельского ополчения» и укрепленных лагерей поставило сектантов в тяжелое положение. Они начали отбирать продовольствие у населения, чем настраивали его против себя. Измученное пятью годами войны крестьянство стало постепенно отходить от восставших. Разочарование и неверие в победу проникли и в ряды крестьянских армий — время шло, крови было пролито много, а «Эра Белого Солнца», обещанные изобилие и благополучие на земле не наступали. К этому времени многие наиболее убежденные и преданные сектанты и лидеры «Белого Лотоса» погибли в боях и походах, а вновь примкнувшие не отличались стойкостью.

Поэтому с конца 1799 года в войне наступил явный перелом. Повстанцы, поверив обещаниям полного прощения, стали капитулировать поодиночке и целыми отрядами. Так, один из чиновников, пользовавшийся уважением в округе, явился в армию Ван Саньхуая и уговорил ее бойцов прийти с повинной в цинский лагерь. Когда же, поверив обещаниям, бойцы Ван Саньхуая сдались, цинские солдаты ринулись на уже безоружную толпу и убили несколько тысяч человек. Сам же Ван Саньхуай был в клетке отвезен в Пекин. На допросах он и еще ряд ранее захваченных в плен полководцев-сектантов вели себя мужественно. Наконец Ван Саньхуай и Ло Цицин предстали перед особой императора, а также членами Военного совета — высшего правительственного органа. Вожди «Белого Лотоса» держались с достоинством и спокойствием, о правительстве богдохана рассуждали с насмешками. От такой дерзости Юньянь пришел в дикую ярость. Ван Саньхуая разрубили на куски, а Ло Цицину, Гао Юньдэ и Жань Вэньчоу отрубили головы и выставили их на шестах.

Дабы ослабить «еретиков-разбойников», цинские войска всемерно мешали им проникать в не затронутые войной и еще не опустошенные районы. Власти стремились отрезать отряды «Белого Лотоса» от их баз снабжения. По приказу из Пекина местные чиновники уничтожали излишки зерна, которые могли стать добычей «религиозных бандитов». Голод стал надежным союзником цинских войск. В поисках пропитания бойцы «Белого Лотоса» вынуждены были совершать ненужные в военном отношении рейды, что еще больше изматывало их силы.

К осени 1802 года погибли все крупные полководцы «Белого Лотоса». Летом 1802 года была разбита последняя крупная группировка сектантов под командованием Гоу Вэньмина. В следующем году он попал в плен и умер на плахе. Сюй Тяньдэ и Фань Жэньцзэ утонули при переправе через реки, Лэн Тяньлу и Жань Тяньюань пали в боях, Ван Тинчжао был в клетке отвезен в Пекин на казнь, Гао Эр и Ма У попали в плен и сложили головы на плахе. Их армии, колонны и соединения были разбиты или рассеялись. Император Юньянь на радостях поспешил праздновать победу, однако оставшиеся отряды сектантов еще более двух лет продолжали героическую борьбу, хотя их возможности все более суживались. Повстанцы вступали на путь полупартизанской борьбы. Цинские силы все больше вытесняли их с хлебородных густонаселенных равнин в глухие малолюдные окраины.

Война переместилась в большой горный и лесистый район на стыке провинций Сычуань, Хубэй и Шэньси, протянувшийся на пятьсот километров с северо-запада на юго-восток и на триста километров с севера на юг. Здесь в 1803–1804 годах власти создали четыре укрепленные линии и стянули большое количество войск, в том числе армию Лэ Бао и отряды «Зеленого знамени» Ян Юйчуня. Операциями руководили главнокомандующий Элэдэнбао и Дэ Лэнтай. Каратели перешли к массированному прочесыванию района, беспощадно уничтожая поредевшие отряды «Белого Лотоса» и помогавшее им местное население. Последние отряды повстанцев были разгромлены летом 1805 года.

Так закончилась Крестьянская война «Белого Лотоса», охватившая пять северо-западных провинций. Подавление

«бандитов-сектантов» обошлось цинским властям в 200 миллионов ляннов серебра, что равнялось доходам казны за четыре года. Несмотря на военную победу, цинский режим вышел из кровавой эпопеи 1796—1805 годов значительно ослабленным. Удар, нанесенный ему армиями «Белого Лотоса», во многом обесценил достижения относительно спокойного правления императора Хунли и вскрыл таящуюся за величественным фасадом внутреннюю слабость Цинской империи.

Красавица в кавалерийском седле.
 Ци Ван — предводительница
 «конных ведъм»

Жаркий августовский день 1797 года был на исходе, ожесточенное сражение у Байдичэна в Хубэе приближалось к концу. Пехота «Белого Лотоса» и правительственные войска были уже измотаны — сначала перестрелками, затем рукопашным боем. Командующий цинскими войсками, хладнокровный, опытный и беспощадный к врагу Дэ Лэнтай, упорно не вводил в дело резервы. Он знал, что командующий «еретиками» Яо Чжифу держит в полной готовности грозный конный корпус, состоявший только из женщин-сектанток. Возглавляла «конных ведъм», как их называли, известная своей отвагой и бесстрашием двадцатилетняя красавица Ци Ван. Дэ Лэнтай ждал ее и не ошибся. Из-за рядов пехоты противника под белыми знаменами вылетела конница. Размахивая мечами, громко скандируя «Милэ возродился!», лавина на полном скаку врубилась в ряды цинской пехоты. Подавшись назад, та открыла стоявшие за ее спиной пушки. Их огонь сбил первоначальную силу кавалерийской атаки, и тогда Дэ Лэнтай бросил в сечу свои последние резервы. С большим трудом им удалось остановить натиск «конных ведъм» и продержаться до ночи.

Дэ Лэнтаю доложили о больших потерях: много убитых и раненых, более тысячи уведены в плен, потеряно много оружия. Вся надежда была на то, что ночь развеет сражавшихся и даст им передышку. Однако когда стемнело, бойцы

«Белого Лотоса» с факелами в руках ринулись в новую атаку. Опять задрожала земля под копытами конной лавины во главе с «ведьмой» Ци Ван, снова заговорили цинские пушки. Яростное сражение длилось всю ночь, вконец измученные правительственные войска еле держались, и только утром противник наконец отступил. Поле боя осталось за Дэ Лэнтаем. Страшная конница Ци Ван ушла в сторону горы Ушань — святыни секты «Белого Лотоса».

Ее девичья фамилия была Ван, а имя Цуньэр. После смерти мужа ее называли Ци Ванши — «вдова Ци Ван». Она родилась в зажиточной крестьянской семье, а ее брат Ван Тинчжао — командующий крупным соединением в армии повстанцев — до восстания 1796 года преподавал в уездном училище. Незадолго до начала военных действий Ци Ван стала женой Ци Линя — выходца из богатых крестьян. Ци Линь был одним из руководителей «Белого Лотоса» в области Сяньян. Поскольку секта проповедовала равноправие женщин, их брак был союзом равных, их связывали служение общему делу и общие идеи. После ареста и гибели мужа в застенке в первые же дни восстания Ци Ван заняла его место в руководстве секты и в армии. Молодая вдова с головой ушла в борьбу за приближение блаженной «Эры Белого Солнца». Эта отважная женщина не только сражалась за идеалы секты, но и мстила за своего мужа.

Ци Ван резко выделялась среди вождей «Белого Лотоса». Молодая, красивая, умная, она отличалась гордым нравом, независимостью суждений, железной волей и исключительной храбростью. Прекрасная наездница, умелый кавалерийский командир, она пользовалась колоссальной популярностью и среди повстанцев, и среди окрестного населения. Слава о ней дошла до самых захолустных деревень и глухих горных местностей. Еще при жизни Ци Ван стала легендарной личностью. Авторитет ее среди повстанцев был так высок, что в правительственном лагере «весьма красивую и обольстительную вдову» одно время считали чуть ли не главнокомандующим всеми армиями «Белого Лотоса».

Ее женский кавалерийский корпус, насчитывавший несколько тысяч отважных амазонок, наводил ужас на цинские войска. Бесстрашные наездницы служили примером для по-

встанцев-мужчин и являли собой дерзкий вызов традиционным нормам и конфуцианскому устройству общества, где женщине отводилась роль бессловесной и покорной рабы сначала отца, а затем мужа. Под большим белым треугольным командирским знаменем Ци Ван десятки раз водила свою прославленную конницу в яростные атаки. Два года она провела в долгих и трудных походах. Вместе с ней сражались ее многочисленные племянники и племянницы. С точки зрения цинской морали все это выглядело верхом «непристойности».

Власти устроили за головой Ци Ван настоящую охоту и в конце концов добились своего. 11 апреля 1798 года отряд под командованием Ци Ван и Яо Чжифу попал в окружение в западной части провинции Хубэй. Не желая попасть в руки карателей, Ци Ван и Яо Чжифу бросились с отвесной скалы.

Приложения

Династия Юань (1271—1368).

Императоры (Великие ханы) из дома Чингисидов

Личное имя	Годы жизни	Годы правления	Девиз правления ¹	Значение девиза	ПОСМЕРТНОЕ ХРАМОВОЕ ИМЯ
Хубилай	1215–1294	1271–1294	Чжунтун (1271—1294)	Объединение Срединного царства	Ши-цзу
Тэмур	1265–1307	1294–1307	Юаньчжэнь (1295—1307)	Изначальная Добродетель- ность	Чэн-цзун
Хайшан	1281–1311	1307–1311	Чжида (1308—1311)	Достижение Величия	У-цзун
Буянту	1285–1328	1311–1320	Хуанцин (1311—1320)	Царственная Торжествен- ность	Жэнь-цзун
Гэгэн-хаган	1303–1323	1320–1323	Чжичжи (1320—1323)	Достижение Порядка	Ин-цзун
Эсэн Тэмур	1276–1328	1323–1328	Тайдин (1323—1328)	Великое Спо- койствие	Тайдин-ди
Ариг-Буга	1230–1302	1328	Тяньшунь (1328)	Следование Велениям Небес	Тяньшунь- ди
Куш ар	1300–1329	1328–1329	Чжишунь (1329)	Достижение Послушания	Ю-чжу
Тог-Тэмур	1304–1332	1329–1332	Тяньли (1329—1332)	Испытание Небом	Вэнь-цзун
Иримжамбал	1326–1332	1332 ²			Нин-цзун
Тогон Тэмур	1320–1370	1333–1368	Юаньтун (1333—1368)	Совершенное Управление	Шунь-ди

¹Здесь не учитываются последующие изменения девизов. Время существования девиза могло не совпадать с начальными или завершающими датами правления.

²Девиз правления отсутствовал.

Династия Мин (1368—1644).

Императоры из рода Чжу

Личное имя	Годы жизни	Годы правления	Девиз правления ¹	Значение девиза	ПОСМЕРТНОЕ ХРАМОВОЕ имя
Юаньчжан	1328–1398	1368–1398	Хуньу	Великая Воинственность	Тай-цзу
Юньвэнь	1377–1402	1398–1402	Цзяньвэнь	Установление Гражданского Порядка	Хуэй-ди
Чжу Ди	1360–1424	1402–1424	Юнлэ	Вечная Радость	Чэн-цзу
Гаочи	1378–1425	1424–1425	Хунси	Великое Сияние	Жэнь-цзун
Чжаньцзи	1398–1435	1425–1435	Сюаньдэ	Распространение Добродетели	Сюань-цзун
Цичжэнь ²	1427–1464	1435–1449	Чжэнтун	Законное Наследие	Ин-цзун
Циюй	1428–1457	1449–1457	Цзинтай	Сверкающее Благодеяние	Дай-цзун
Цичжэнь	1427–1464	1457–1464	Тяньшунь	Небесная Благоклонность	Ин-цзун
Цзяньшэнь	1447–1487	1464–1487	Чэнхуа	Совершенное Процветание	Сянь-цзун
Ютан	1470–1505	1487–1505	Хунчжи	Великодушное Правление	Сяо-цзун
Хоучжао	1491–1521	1505–1521	Чжэндэ	Истинная Добродетель	У-цзун
Хоуцун	1507–1566	1521–1566	Цзяцзин	Чудесное Умиротворение	Ши-цзун
Цзайхоу	1537–1572	1566–1572	Лунцин	Возвышенное Счастье	Му-цзун
Ицзюнь	1563–1620	1572–1620	Ваньли	Бесчисленные Годы	Шэнь-цзун
Чанло	1585–1620	1620	Тайчан	Великое Процветание	Гуан-цзун
Юцзяо	1605–1627	1620–1627	Тяньци	Небесное Руководство	Си-цзун
Юцзянь	1611–1644	1627–1644	Чунчжэнь	Возвышенное Счастье	Сы-цзун

¹Начиная с эпохи Мин императоры известны главным образом по девизам правления.

²Цичжэнь правил дважды с перерывом в восемь лет, когда царствовал Циюй, и имел два девиза правления.

Династия Цин (1616—1643)¹.

Первые императоры из рода Айсинь Гиоро
в Маньчжурии

Личное имя	Годы жизни	Годы правления	Девиз правления	Значение девиза	ПОСМЕРТНОЕ ХРАМОВОЕ ИМЯ
Нурхаци ²	1559–1626	1616–1626	Тяньмин	Получивший Мандат Неба	Тай-цзу
Абахай	1592–1643	1626–1636	Тяньцун	Покорный Велению Неба	Тай-цзун
		1636–1643	Чундэ	Накопленная Благодать	

¹До 1636 года династия и государство (ханство) именовались Великим Золотым (Да Цзинь), или Поздним Золотым (Хоу Цзинь). Первым, или Ранним, считалось государство чжурчжэней Цзинь (1115—1234). С 1636 года династия и государство Цзинь получили новое название Дай Цин (Великая Чистота), или Цин (Чистая). К титулу «император» Абахай (второе имя Хуантайцзи) присоединил более высокий титул «великого (то есть всемонгольского) хана» (богдохан), ибо в состав его империи вошла Южная Монголия.

²Нурхаци и Абахай (до 1636 года) имели два титула — хан и император.

Правители периода смуты.

Крестьянские вожди (1664—1657)

Государство. Династия	Личное имя	Титул	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Да Шунь ¹	Ли Цзычэн	Император	1644–1645 Сиань, Пекин	Юнчан	Вечное Изобилие
Да Си го ²	Чжан Сяньчжун	Князь	1644–1646 Чэнду	Дашунь	Великое Послушание
Да Си го	Сунь Кэ-ван	Князь	1648–1657 Куньмин	Синчао	Династия Возрождения

¹Великое Послушание.

²Великое Западное государство.

Власти Южной Мин (1644—1661)¹

Личное имя и титул	Реальный статус	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Чжу Юсун (Фу-ван)	Император	1644–1645 Нанкин	Хунгуан	Обширное Сияние
Чжу Чанфан (Лу-ван)	Император	1645 Ханчжоу		
Чжу Ихай (Лу-ван)	Временный правитель	1645–1646 Шаосин	Датун	Великое Единство
Чжу Юйцзянь (Тан-ван)	Император	1645–1646 Фучжоу	Лунъю	Возвышенная Воинственность
Чжу Юйао (Тан-ван)	Император	1646–1647 Гуанчжоу	Шаоу	Наследственная Воинственность
Чжу Юлан (Гуй-ван) ²	Временный правитель	1646–1659 Гуйлинь	Юнли	Вечное Долголетие

¹По исторической традиции династия Мин, правившая к югу от Янцзы с 1644 по 1662 год, именуется Южная Мин.

²Казнен в 1662 году. Тем самым пресеклась династия Южная Мин.

Цинские «князья-данники» (1659—1681)

Территория. Государство	Личное имя	Статус	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Княжество в Юньнани и Гуйчжоу	У Саньгуй	«Князь-данник»	1659 ¹ –1677, Куньмин	Лион	Процветание и Польза
Империя Чжоу ²	У Саньгуй	Император	1678, Хэнчжоу, Куньмин	Чжаоу	Блестящая Воинственность
Империя Чжоу ³	У Шифань	Император	1678–1681, Куньмин	Хунхуа	Широкое Просвещение
Княжество в Фуцзяни	Гэн Цзимао	«Князь-данник»	1661–1671, Фучжоу		
Княжество в Фуцзяни	Гэн Цзинчжун	Князь	1671–1676, Фучжоу	Юйминь	Благоденствие Народа
Княжество в Гуандуне ⁴	Шан Кэси	«Князь-данник»	1661–1676, Гуанчжоу		
Княжество в Гуандуне	Шан Чжи-синь	Князь	1676–1677, Гуанчжоу		

¹Начальные даты правления «князей-данников» весьма условны.

²Включала в себя Юньнань, Гуйчжоу, Хунань и Сычуань.

³К 1681 году в ее составе осталась лишь Юньнань.

⁴Включало восточную половину провинции Гуанси.

Властители Тайваня (1661—1683)

Личное имя	Статус	Годы правления	Девиз правления ¹	Значение девиза
Чжэн Чэнгун	Главнокомандующий	1661–1662	Юнли	Вечное Долголетие
Чжэн Цзин	Главнокомандующий	1662–1681	Юнли	Вечное Долголетие
Чжэн Кэцзан	Временный правитель	1681	Юнли	Вечное Долголетие
Чжэн Кэшуан	Временный правитель	1681–1683	Юнли	Вечное Долголетие

¹Тайвань под властью «династии Чжэнов» считался частью империи Мин. Его правители признавали и использовали девиз правления Гуй-вана — последнего властителя Южной Мин.

Династия Цин (1644—1911). Императоры (богдоханы)
из рода Айсинь Гиоро в Китае

Личное имя	Годы жизни	Годы правления ¹	Девиз правления	Значение девиза	Посмертное храмовое имя
Фулин	1638–1661	1643–1661	Шуньчжи	Благоприятное Правление	Ши-цзу
Сюань	1654–1722	1661–1722	Канси	Процветающее и Лучезарное	Шэн-цзу
Иньчжэнь	1678–1735	1722–1735	Юнчжэн	Гармоничное и Справедливое	Ши-цзун
Хунли	1711–1799	1735–1795	Цяньлун	Непоколебимое и Славное	Гао-цзун
Юньянь	1760–1820	1795–1820	Цяцин	Прекрасное и Радостное	Жэнь-цзун
Мяньнин	1782–1850	1820–1850	Даогуан	Целенаправленное и Блестящее	Сюань-цзун
Ичжу	1831–1861	1850–1861	Сяньфэн	Всеобщее Изобилие	Вэнь-цзун
Цзайчунь ²	1856–1875	1861	Цисян	Счастливое и Благополучное	Му-цзун
		1861–1874	Тунчжи	Совместное Правление	Му-цзун
Цзайтянь	1871–1908	1875–1908	Гуансюй	Блестящее Наследие	Дэ-цзун
Пуи ³	1906–1967	1908–1912	Сюаньтун	Всеобщее Единение	

¹В ряде источников и в литературе первыми годами правления Сюань, Иньчжэня и Хунли считаются соответственно 1662, 1723 и 1736 годы.

²Цзайчунь имел два девиза правления.

³После отречения от престола в ходе Синьхайской революции Пуи сохранял почетный титул императора (1912—1924). После изгнания из дворца проживал в Тяньцзине (1925—1931). Японцы сделали его марионеточным главой Маньчжурии. Сначала его назначили «верховным правителем» (1932—1934) с девизом правления Датун (Великое Единение), а затем «императором» (1934—1945) с девизом Кандэ (Процветание и Благодать).

Фактические правители Цинской империи (1644—1912)¹

Период правления	Правитель	Титул	За кого правил
1643—1647	Доргонь и Цзирга-дан	Князь-регенты	Фулинь
1647—1650	Доргонь	Князь-регент	—”—
1650—1656	Фулинь	Император	
1657—1661	У Ляньфу	Временщик, глава клики	—”—
1661—1669	Обой	Князь-регент	Сюанье
1669—1679	Сонготу	«Первый министр»	—”—
1679—1722	Сюанье	Император	
1722—1735	Иньчжэнь	Император	
1736—1749	Оэртай, Чжан Тинь-юй	«Министры»-советники	Хунли
1749—1780	Хунли	Император	
1780—1790	Хэшэнь	Временщик, глава клики	совместно с Хунли
1790—1799	Хэшэнь		Хунли и Юнъянь
1799—1820	Юнъянь	Император	
1821—1850	Мяньнин, Мучжана	Богдохан и его фаворит	совместно
1851—1858	Цзайюань, Дуаньхуа	Князь-правители	Ичжу
1858—1861	Сушунь	Временщик	—”—
1861—1865	Исин и Цыси	Князь-регент и вдовствующая императрица	Цзайчунь
1865—1870	Цыси	Вдовствующая императрица	Цзайчунь
1871—1898	Цыси и Ли Хунчжан	Доверенный сановник Цыси	Цзайчунь и Цзайтянь
1899—1908	Цыси и Икуан	Князь, доверенное лицо Цыси	Цзайтянь
1908—1912	Икуан	Князь-правитель	Пуи

¹Данная таблица не является полной и отражает суть дела лишь в общих чертах. Некоторые даты условны и требуют оговорок.

Императорская семья
(династия Цин)

СТАТУС	ПРИМЕЧАНИЯ
Императрица — хуанхоу	Если богдохан имел одну жену, ее резиденцией служил Средний дворец (Чжунгун)
Старшая императрица — хуанхоу	Если богдохан имел две жены, старшая жила в Восточном дворце (Дунгун)
Младшая императрица — хуанхоу	Младшая жена жила в Западном дворце (Сигун)
Вдовствующая императрица — хуантай-хоу	Обычно жила в одном из загородных дворцов
Наследник престола — тайцзы, хуантайцзы	Обычно из следующего по отношению к богдохану поколения
Прочие сыновья, царевичи — хуанцзы	Главные — рожденные от императрицы, второстепенные — от наложниц
Дочери, царевны — гунчжу	Главные — рожденные от императрицы, второстепенные — от наложниц
Зятья императора — эфу	Девяти рангов — в зависимости от ранга царевны

Гарем богдохана Цинской империи

СТАТУС	ПРИМЕЧАНИЯ
Наложница первого ранга — хуангуйфэй	При рождении сына, в случае отсутствия его у жены богдохана, становилась императрицей
Наложница второго ранга — гуйфэй	При рождении сына могла быть возведена в первый ранг
Наложница третьего ранга — фэй	При рождении сына могла быть возведена во второй ранг
Наложница четвертого ранга — бинь	Ввиду особой милости могла получить третий ранг
Наложница пятого ранга — гуйжэнь	Ввиду особой милости могла получить четвертый ранг
Старшая фрейлина — даинь	Могла быть повышена до статуса наложницы
Младшая фрейлина — чанцзай	Могла быть повышена до статуса наложницы
Прислужницы — шинюй	

Маньчжурская аристократия —
ближняя императорская родня¹

КАТЕГОРИЯ	Степень родства ²	Титул
Князья императорской крови	Первая	Хошо циньван
	Вторая	Доло цзюньван
	Третья	Доло бэйлэ
	Четвертая	Гушань бэйцзы
	Пятая	Чжэньгогун — «Князь, оберегающий государство»
	Шестая	Футогун — «Князь, помогающий династии»
Полководцы императорской крови	Седьмая	Чжэньгогун — «Князь, оберегающий государство»
	Восьмая	Футогун — «Князь, помогающий династии»
	Девятая	Чжэньго цзянцзюнь — «Полководец, оберегающий государство»
	Десятая	Футо цзянцзюнь — «Полководец, помогающий династии»
	Одиннадцатая	Фэнго цзянцзюнь — «Полководец, служащий династии»
	Двенадцатая	Фэнзэнь цзянцзюнь — «Полководец по императорской милости»

¹Только маньчжуры и монголы.

²Первые шесть степеней имели восемь привилегий и особых отличий (бафэнь) — пурпурный шарик и трехточковое павлинье перо на головном уборе, нагрудный квадрат (буфан) с изображением дракона, пурпурные поводья и кисти у лошадей на груди, особые копыя у ворот, особые походные чайники и коврики для сидения. Седьмая и восьмая степени не давали таких отличий. Все титулы князей и полководцев наследовались их потомками в нисходящем порядке, то есть с понижением на одну и более степеней. Исключения составляли титулы «вечного наследования». Титулы с пятой по восьмую степень включительно даны в сокращении.

Маньчжурская аристократия —
дальняя императорская родня

Категория	Значение термина	Степень родства	Примечания
Цзунжэнь	Княжеская родня	Семьи князей и полководцев императорской крови	Сыновья, дочери и жены князей и полководцев
Хуан дайцзы (цзунши)	«Желтопоясные»	Ближние родственники императорского дома	Прямые потомки Сяньцзу — отца Нурхаи. Носили золотые или желтые пояса
Хун дайцзы (цзюэло)	«Краснопоясные»	Дальние родственники императорского дома	Побочные потомки Сяньцзу. Носили красные пояса
Темалцзы ван (бадацзя)	«Железношлемные князья» (Восемь великих домов)	Семьи наследственных князей первой и второй степеней	Потомки сыновей и внуков Нурхаи и Абахая

Цинская аристократия —
вне императорской родни

Класс ¹	Титул ²	Западный аналог или значение (условно)
Первый	Гун	Герцог
Второй	Хоу	Маркиз
Третий	Бо	Граф
Четвертый	Цзы	Виконт
Пятый	Нань	Барон
Шестой	Цинчэ дуюй	Командующий колесницами
Седьмой	Ци дуюй	Командующий конницей
Восьмой	Юнь циюй	Кавалерийский военачальник
Девятый	Энь циюй	Начальник конницы

¹ Каждый класс с первого по пятый включительно делился на три степени; классы с шестого по девятый не имели степеней.

² Титулы с первого по восьмой класс включительно — наследственные, либо навечно, либо для ряда поколений. Жаловались они сыновьям, внукам, братьям или племянникам сановников и военачальников. Зачастую внукам и правнукам наследственный титул занижался на один, два и более класса. Так, внуки «гунов» могли стать «бо», «цзы» и даже «дуюй». Титулы «гун» и «хоу» в основном давались маньчжурам, намного реже — китайцам.

«Восьмизнаменные» войска

Корпуса и гарнизоны	Деление		Дислокация
	корпусов	«знамен» ¹	
Маньчжурские «знамена» (маньчжоу бацзи)			
Столичные корпуса (цзинци)	Три старших (шансаньци)	Желтое, желтое с каймой, белое	Пекин, при императорском дворе
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	Пекин и его окрестности. При дворах князей императорского дома
Особые «знаменные» гарнизоны (чжуфан)	Отдельные части	Из состава различных «знамен»	25 городов столичной провинции. При императорских кладбищах
Монгольские «знамена» (мэнгу бацзи) ²			
Провинциальные «знаменные» гарнизоны (гэшэн чжуфан)	Три старших (шансаньци)	Желтое, желтое с каймой, белое	В 22 провинциальных центрах и стратегических пунктах одиннадцати провинций, включая Синьцзян
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	
Китайские «знамена» (ханьцзюнь бацзи)			
Провинциальные «знаменные» гарнизоны (гэшэн чжуфан)	Три старших (шансаньци)	Желтое, желтое с каймой, белое	В провинциальных центрах и стратегических пунктах
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	

¹ Кайма у желтого, белого и голубого «знамен» была красной, а у красного «знамени» — белой.

² Внутренняя структура и организация монгольских и китайских «знамен» были аналогичны маньчжурским.

Административная система Цинской империи
(Собственно Китай — «восемнадцать провинций»¹⁾)

Административные единицы	Начальники административных единиц	Особое административное устройство
Наместничество (ду)	Наместник (цзунду, чжитай)	Маньчжурия
Провинция (шэн) ²	Военный губернатор (сюньфу, футай) ³	Внутренняя Монголия
Область (фу)	Начальник области (чжифу)	Халха (Внешняя Монголия)
Округ (чжоу) ⁴	Начальник округа (чжичжоу, даотай)	Синьцзян (Джунгария, Кашгария)
Приставство (тин) ⁵	Начальник приставства (тинтунчжи)	Цинхай
Уезд (сянь)	Начальник уезда (чжисянь)	Тибет
Волость (сян) ⁶	Волостной староста (сянчжан)	Районы национальных меньшинств Юго-Запада ⁷

¹Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Шэньси, Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Сычуань, Хунань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу.

²Провинции Шаньдун, Хэнань и Шаньси не входили ни в одно из наместничеств и подчинялись непосредственно Пекину.

³Ему был подчинен гражданский губернатор (бучжэнши).

⁴Существовали самостоятельные округа (чжили чжоу), не входившие в состав области и подчинявшиеся непосредственно бучжэнши.

⁵Существовали самостоятельные приставства (чжили тин), не входившие в состав округа и подчинявшиеся непосредственно бучжэнши.

⁶В волости не существовало чиновного аппарата, а волостной староста считался простолюдином.

⁷Районы расселения мяо, ицзу, бай, тибетцев и других туземных народов.

Наместничества Цинской империи
(Собственно Китай)

Наместничество	Входили провинции	Ставка наместника	Совмещали обязанности ¹
Чжили	Чжили	Тяньцзинь	Военного губернатора (сюньфу)
Лянцзян	Цзянсу, Аньхой, Цзянси	Нанкин	
Миньцзэ	Фуцзянь, Чжэцзян	Фучжоу	Военного губернатора Фуцзяни
Хугуан (Лянху)	Хубэй, Хунань	Учан	Военного губернатора Хубэя

Шэньгань	Шэньси, Ганьсу	Ланьчжоу	Военного губернатора Ганьсу
Лянгуан	Гуандун, Гуанси	Гуанчжоу	Военного губернатора Гуандуна
Сычуань	Сычуань	Чэнду	Военного губернатора
Юньгуй	Юньнань, Гуйчжоу	Куньмин (Юньнаньфу)	Военного губернатора Юньнани

¹Все наместники, за исключением наместника Хугуана, совмещали свои посты с должностью помощника главноуправляющего соляным делом (цзунли яньчжэн).

Провинции Цинской империи¹

Названия	Перевод названий на русский язык
Чжили	«Непосредственно подчиненная [императорскому двору]»
Шаньдун	«К востоку от горы [Тайшань]»
Шаньси	«На запад от хребта [Тайханшань]»
Шэньси	«На запад от горного прохода [Тунгуань]»
Ганьсу	« [Область городов] Ганьчжоу и Сучжоу»
Хэнань	«На юг от реки [Хуанхэ]»
Цзянсу	«[Область городов] Цзяннина (Нанкина) и Сучжоу»
Аньхой	« [Область городов] Аньцин и Хуйчжоу»
Хубэй	«На север от озера [Дунтинху]»
Сычуань	«Четырехречье» (то есть Ялунцзян, Миньцзян, Цзялинцзян и Уцзян)
Чжэцзян	«Область реки Чжэ»
Фуцзянь	« [Область городов] Фучжоу и Цзяннин»
Цзянси	«На запад от [области] Цзяннань» (то есть от Цзянсу и Аньхой)
Хунань	«На юг от озера [Дунтинху]»
Гуйчжоу	«Дорого оплаченная [кровью] область»
Гуандун	«Восточная часть области Гуан»
Гуанси	«Западная часть области Гуан»
Юньнань	«На юг от туч» (иносказательно — от Сычуани)

¹При династии Мин существовало всего 15 провинций: Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянси, Хугуан, Сычуань, Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Бэй Чжили и Цзяннань (Нань Чжили). В ходе административной реформы 1667 года три «большие провинции» (Цзяннань, Шэньси и Хугуан) были разделены на обычные (чжишэн). В итоге на месте Цзяннани возникли Цзянсу и Аньхой. «Большая Шэньси» разделилась на «обычную Шэньси» и Ганьсу, а из Хугуана вышли Хубэй и Хунань. Таким образом, в Собственно Китае стало 18 провинций. Из двух Чжили (Северной и Южной) осталась только одна — столичная, с центром в Пекине.

Провинции, управлявшиеся
военными губернаторами (сюньфу)

Провинция ¹	Ставка	Подчинение ²
Цзянсу	Сучжоу	наместнику Лянцзяна
Аньхой	Аньцин	наместнику Лянцзяна
Цзянси	Наньчан	наместнику Лянцзяна
Чжэцзян	Ханчжоу	наместнику Миньчжэ
Хунань	Чанша	наместнику Хугуана
Хэнань	Кайфэн	непосредственно Пекину
Шаньдун	Цзинань	непосредственно Пекину
Шэньси	Сиань	наместнику Шэньганя
Шаньси	Тайюань	непосредственно Пекину
Гуанси	Гуйлинь	наместнику Лянгуана
Гуйчжоу	Гуйян	наместнику Юньгуя

¹Без провинций Чжили, Фуцзянь, Хубэй, Ганьсу, Гуандун, Юньнань и Сычуань, которые управлялись наместниками.

²Военные губернаторы провинций Шаньдун, Шаньси и Чжэцзян свои посты совмещали с должностью помощника главноуправляющего соляным делом и именовались «цзунли яньчжэн». В каждой провинции кроме военного губернатора еще имелся штатский (гражданский) губернатор (бучжэнши). При отсутствии сюньфу он временно замещал его. В Цзянсу имелось два бучжэнши (со ставками в Нанкине и Сучжоу).

Традиционный 60-летний цикл
летосчисления

Год	Животное цикла	Циклический знак	Первоэлементы	Цвет
1-й	Мышь	Цзя-цзы	Дерево	Синий
2-й	Корова	И-чоу	Дерево	Синий
3-й	Тигр	Бинь-инь	Огонь	Красный
4-й	Заяц	Дин-мао	Огонь	Красный
5-й	Дракон	У-чэнь	Земля	Желтый
6-й	Змея	Цзи-сы	Земля	Желтый
7-й	Лошадь	Гэн-у	Металл	Белый
8-й	Овца	Синь-вэй	Металл	Белый
9-й	Обезьяна	Жэнь-шэнь	Вода	Черный
10-й	Курица	Гуй-ю	Вода	Черный

11-й	Собака	Цзя-суй	Дерево	Синий
12-й	Свинья	И-хай	Дерево	Синий
13-й	Мышь	Бин-цзы	Огонь	Красный
14-й	Корова	Дин-чоу	Огонь	Красный
15-й	Тигр	У-инь	Земля	Желтый
16-й	Заяц	Цзи-мао	Земля	Желтый
17-й	Дракон	Гэн-чэнь	Металл	Белый
18-й	Змея	Синь-сы	Металл	Белый
19-й	Лошадь	Жэнь-у	Вода	Черный
20-й	Овца	Гуй-вэй	Вода	Черный
21-й	Обезьяна	Цзя-шэнь	Дерево	Синий
22-й	Курица	И-ю	Дерево	Синий
23-й	Собака	Бин-суй	Огонь	Красный
24-й	Свинья	Дин-хай	Огонь	Красный
25-й	Мышь	У-цзы	Земля	Желтый
26-й	Корова	Цзи-чоу	Земля	Желтый
27-й	Тигр	Гэн-инь	Металл	Белый
28-й	Заяц	Синь-мао	Металл	Белый
29-й	Дракон	Жэнь-чэнь	Вода	Черный
30-й	Змея	Гуй-сы	Вода	Черный
31-й	Лошадь	Цзя-у	Дерево	Синий
32-й	Овца	И-вэй	Дерево	Синий
33-й	Обезьяна	Бин-шэнь	Огонь	Красный
34-й	Курица	Дин-ю	Огонь	Красный
35-й	Собака	У-суй	Земля	Желтый
36-й	Свинья	Цзи-хай	Земля	Желтый
37-й	Мышь	Гэн-цзы	Металл	Белый
38-й	Корова	Синь-чоу	Металл	Белый
39-й	Тигр	Жэнь-инь	Вода	Черный
40-й	Заяц	Гуй-мао	Вода	Черный
41-й	Дракон	Цзя-чэнь	Дерево	Синий
42-й	Змея	И-сы	Дерево	Синий
43-й	Лошадь	Бин-у	Огонь	Красный
44-й	Овца	Дин-вэй	Огонь	Красный
45-й	Обезьяна	У-шэнь	Земля	Желтый
46-й	Курица	Цзи-ю	Земля	Желтый
47-й	Собака	Гэн-суй	Металл	Белый
48-й	Свинья	Синь-хай	Металл	Белый
49-й	Мышь	Жэнь-цзы	Вода	Черный
50-й	Корова	Гуй-чоу	Вода	Черный
51-й	Тигр	Цзя-инь	Дерево	Синий

52-й	Заяц	И-мао	Дерево	Синий
53-й	Дракон	Бин-чэнь	Огонь	Красный
54-й	Змея	Дин-сы	Огонь	Красный
55-й	Лошадь	У-у	Земля	Желтый
56-й	Овца	Цзи-вэй	Земля	Желтый
57-й	Обезьяна	Гэн-шэнь	Металл	Белый
58-й	Курица	Синь-ю	Металл	Белый
59-й	Собака	Жэнь-сюй	Вода	Черный
60-й	Свинья	Гуй-хай	Вода	Черный

Слово к читателю	7
----------------------------	---

Часть первая

Путешествие в страну Хань

Восток неведомый и загадочный	9
Сушей и морем в Страну Великого хана.	16
Как европейцы пришли в Срединное государство.	22

Часть вторая

Под властью последней китайской династии.

Эпоха Мин

От монашеской кельи к трону — путь Чжу Юаньчжана.	33
На престол силой оружия. Деяния императора Чжу Ди	43
Волшебный свет на мачтах. Заморские экспедиции Чжэн Хэ.	61
Пираты против Поднебесной. Политика «морского запрета».	68
Корсары атакуют с моря. Нашествие «кораблей Хатимана»	75
Сын Неба в плену у ойратов.	83
Подвиги героев знаменитого романа «Речные заводы»	92
Империя Мин — царство кастратов	99
Империя в лапах Тигра.	111

Подвиги разбойной вольницы. Атаманы Лю Шестой и Лю Седьмой	120
Как укрепить слабеющую империю? Чжан Цзюйчжэн и его реформы	129
Ланьлинский Насмешник о пьянстве, стяжательстве и блуде. «Цветы сливы в золотой вазе».	134
«Честные» против «вероломных». Как погибли реформаторы Минской империи	145
Судьба таланта. Почему сломалась карьера Ли Саньцая?	160

Часть третья

Смутное время. Крестьянская война и маньчжурское завоевание

Кровавый след Желтого Тигра. Триумф и гибель крестьянского царя Чжан Сяньчжуна	167
Звезда, Разящая Войска. Боевой путь Ли Цзычэна	184
Несмываемое клеймо измены У Саньгуя	193
Мудрый князь становится посмертным императором. Жизнь и дела регента Доргоня	202
Шиньон против косы. Прическа ценой жизни.	214
Меч, кисть и тушечница. Борьба и творчество Хуан Цзунси	222
Дорога на плаху. Как оборвалась карьера предателя	232
Реют знамена Коксинги. За что сражался «король Формозы»	241

Часть четвертая

Под гнетом чужеземцев. Эпоха Цин

Кому вести дела при малолетнем императоре Сюаньэ? Обой и Сонготу	257
Выдающийся правитель Цинской империи богдохан Сюаньэ	266
Христос или Конфуций? Католические миссионеры в Китае	282
Узницы Пурпурного города. Гарем китайского императора . .	287

Узурпатор на «драконовом троне». Император Иньчжэнь	296
Как жили китайские богдоханы. От выезда — к трапезе	309
«Почтенные господа» из дворца. Евнухи маньчжурских богдоханов	317
В погоне за ореолом идеального правителя. Император Хунли	323
Молниеносный удар с востока. Как погибло Ойратское государство.	332
Всемогуший временщик и его клика. Взлет и падение Хэшэня	341
Костры из книг и поэты на плахе. «Литературная инквизиция».	346
Бедный ученый, «вечный студент». Тернистая стезя Пу Сунлина	353
«Сон в красном тереме». Судьба великого писателя и его шедевра	360
Невидимый гигант набирает силу. Тайное общество «Триада»	367
«Великая стена» вдоль морского побережья. «Закрытие» Китая для европейцев	378
Англичане стучатся в закрытую дверь. Миссия лорда Макартнэя	382
Под сенью Будды грядущего. Подпольная секта готовится к восстанию	390
В боях за счастливое «царство Майтрейи». Крестьянская война под знаменами «Белого Лотоса»	395
Красавица в кавалерийском седле. Ци Ван — предводительница «конных ведьм»	403

Приложения

Династия Юань (1271—1368). Императоры (Великие ханы) из дома Чингисидов	406
Династия Мин (1368—1644). Императоры из рода Чжу.	407
Династия Цин (1616—1643). Первые императоры из рода Айсинь Гиоро в Маньчжурии	408

Правители периода смуты. Крестьянские вожди (1664—1657)	408
Власти Южной Мин (1644—1661)	409
Цинские «князья-данники» (1659—1681)	409
Властители Тайваня (1661—1683)	410
Династия Цин (1644—1911). Императоры (богдоханы) из рода Айсинь Гиоро в Китае	410
Фактические правители Цинской империи (1644—1912)	411
Императорская семья (династия Цин).	412
Гарем богдохана Цинской империи	412
Маньчжурская аристократия — ближняя императорская родня	413
Маньчжурская аристократия — дальняя императорская родня	414
Цинская аристократия — вне императорской родни	414
«Восьмизнаменные» войска	415
Административная система Цинской империи (Собственно Китай — «восемнадцать провинций»)	416
Наместничества Цинской империи (Собственно Китай) . . .	416
Провинции Цинской империи	417
Провинции, управлявшиеся военными губернаторами (сюньфу)	418
Традиционный 60-летний цикл летосчисления	418

Бокшанин А., Непомнин О.

- Б78 Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 432 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-120-5

Два ведущих российских китаиста, ученые мирового уровня Алексей Бокшанин и Олег Непомнин взялись написать нескучную историю средневекового Китая. Так, чтобы, с одной стороны, все в книге описывалось академически точно — события, герои, детали быта, — а с другой, чтобы было увлекательно читать и тем, кто давно интересуется Китаем, и тем, в ком этот интерес только просыпается. В результате получилось живое повествование, где нашлось место и сражениям, и борьбе за власть, и подробностям придворной жизни с ее церемониалом, роскошью, интригами, гаремами, кухней и костюмами. Перед читателем разворачивается красочная картина, на пространстве которой действуют императоры и узурпаторы трона, полководцы и министры-евнухи, мятежники всех мастей, пираты, иезуиты-миссионеры, европейские путешественники и другие исторические персонажи.

Алексей Бокшанин (1935–2014) — доктор исторических наук, профессор, в 1990–2011 годах — заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН. Олег Непомнин (1935) — доктор исторических наук, профессор.

УДК 94(510)06-07

ББК 63.3(5Кит)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Алексей Бокшанин

Олег Непомнин

Лики Срединного царства

Занимательные и познавательные сюжеты
средневековой истории Китая

Редактор С. Корф

Верстка А. Петровой

Подписано в печать 25.08.2014. Заказ 4480.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 27. Тираж 1500 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(496)726-54-10

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клутер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. Скифы
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ Индия: религии, касты, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
- 50 Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде
- 53 Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
- 54 Печенеги
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь
Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени
- 57 Александр Куланов. Обнаженная Япония
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича

- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ, СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы. ПАДЕНИЕ Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

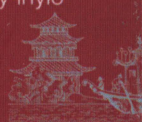
info@lomonosov-books.ru

Алексей
Бокщанин
Олег
Непомнин

Лики
Срединного
царства

Два ведущих российских китаиста, ученые мирового уровня Алексей Бокщанин и Олег Непомнин взялись написать нескучную историю средневекового Китая.

Так, чтобы, с одной стороны, все в книге описывалось академически точно — события, герои, детали быта, — а с другой, чтобы было увлекательно читать и тем, кто давно интересуется Китаем, и тем, в ком этот интерес только просыпается. В результате получилось живое повествование, где нашлось место и сражениям, и борьбе за власть, и подробностям придворной жизни с ее церемониалом, роскошью, интригами, гаремами, кухней и костюмами. Перед читателем разворачивается красочная картина, на пространстве которой действуют императоры и узурпаторы трона, полководцы и министры-евнухи, мятежники, пираты, европейские миссионеры и другие исторические персонажи.

Алексей Бокщанин (1935–2014) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН (1990–2011). Олег Непомнин (1935) — доктор исторических наук, профессор.

ISBN 978-5-91678-120-5

9 785916 781205